

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 4 (23) 2016

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 4 (23) 2016

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2016

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 4 (23) 2016

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2016

CONTENTS

No 4 (23) 2016

Maria Amelina. Stress in underived nouns with homogeneous vocalic structure in the Yamal dialect of Tundra Nenets. Part II. Phonetic words with high vowels	7
Sergey Maksimov. Mythological aspects of names of the ladybird in Udmurt.....	84
Vladimir Panov. Buryat final particles in the perspective of the areal typology	101

DISCUSSIONS

Nurila Shaymerdinova. Analysis of consonant system in the Kazakh written monuments of the late 19 th and early 20 th centuries	128
Anna Dybo, Yulia Normanskaya. The first Cyrillic books in Kazakh as a base for studying the history of dialects and creating a literary standard	138

REVIEWS

Polina Dambueva. Charles R. Bawden: Another Tract for the Buryats with I. J. Schmidt's recently identified Kalmuck originals. Edited with an introduction by Hartmut Walravens. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. 131 Seiten	153
Style sheet	157

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4 (23) 2016

- М. К. Амелина.** Ударение в производных именах с однородным вокалическим составом в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка.
Часть II. Фонетические слова с гласными верхнего подъема..... 7
- С. А. Максимов.** Мифологические аспекты названий божьей коровки в удмуртском языке..... 84
- В. А. Панов.** Бурятские заключительные частицы в ареально-типологической перспективе..... 101

ДИСКУССИИ

- Н. Г. Шаймердинова.** Анализ системы консонантизма в казахских памятниках конца XIX — начала XX вв..... 128
- А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская.** Первые кириллические книги на казахском языке как источники для изучения истории диалектов и создания литературной нормы..... 138

РЕЦЕНЗИИ

- П. П. Дамбуева.** *Charles R. Bawden. A Tract for the Buryats. (Wiesbaden, 2012. 131 с.)* 153
- Требования к оформлению статей..... 157

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), Д. М. Насилов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонги (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Широкова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmás Garipov (M. Akmuulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Dmitriy Nasilov (Lomonosov Moscow State University), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Ударение в непроизводных именах с однородным вокалическим составом в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка.

Часть II. Фонетические слова с гласными верхнего подъема¹

1. Введение

1.1. Тундровый ненецкий язык (тундровое наречие ненецкого языка) относится к самодийской ветви уральской языковой семьи и распадается на три основных диалектных группы: западную, центральную и восточную. Ямальский диалект, наряду с приуральским, а также крайневосточными: надымским, тазовским, гыданским и таймырским (енисейским), — относится к восточной диалектной группе [Терещенко 1965, 2008: 8—11]. В работе [Salminen 1998: 16] приводится соответствие обозначений диалектов тундрового ненецкого языка по изданиям [Терещенко 1965] и [Lehtisalo 1956]: так, с ямальским и приуральскими диалектами по [Терещенко 1965] соотносятся говоры О (обдорский говор, идиолект Максима Ядопцева, Maxim Jadoptsew), а также О₂ (обдорский говор, идиолект Константина Тохо, Konstantin Toho) и т. д., ОД (говор района Обской губы, идиолект Х. Худи, $\chi\bar{a}t^{\acute{e}}e\beta a i^{\acute{1}}i \chi\bar{u}d'e^{\prime\prime\prime\prime}$) и ОР (говор нижней Оби, идиолект Матвея Ядне, Matwei Jadnje) [Lehtisalo 1956: СII—СIII].

В первой части статьи [Амелина 2016] нами были рассмотрены акустические корреляты ударения в фонетически двусложных словах (непроизводных именах) с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего и среднего подъёмов (*a*, *e*, *o* и *ə*). В этой, второй, части статьи мы привлекаем к анализу фонетические бисиллабы с однородным вокалическим составом, представленным гласными верхнего подъема. В исследовании используются полевые данные автора, полученные в ходе работы с носителями ямальского диалекта Т ненец. в Тамбейской тундре и с. Сё-Яха Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа в апреле—сентябре 2010 г.² и дополненные в 2014—2016 гг. при работе с носителями данного идиома уже в Москве.

При определении места словесного акцента мы руководствуемся следующими типами «оценок выраженности ударения» (подробнее см. [Амелина 2012: 9; Амелина 2016: 14]):

1) «оценка по максимуму» (= «кульминативная тактика» определения ударения в терминологии С. В. Кодзасова) — во многих случаях ударный гласный (УГ) выделен максимальной длительностью (и наибольшей интенсивностью) на фоне остальных гласных в фонетическом слове (ФС), однако безударный гласный (БГ) также может иметь максимальную длительность или количественно совпадать с УГ [Кривнова 2004: 6]³; как акцент ощущается большее значение признака, т. е. более высокий тон, бо́льшая громкость (как следствие большего дыхательного усилия или более широкого раствора), бо́льшая напряженность (в том числе резкое начало слога), большее количество (долгота гласного, закрытость слога) [Кодзасов 1991: 108—109];

2) «оценка выраженности ударения по контрасту» [Кривнова 2004: 3] (= «тактика перелома» в терминологии С. В. Кодзасова) — как акцент ощущается изменение значения признака, т. е. ступенчатое изменение тона или фонации на слоговой границе, тональное скольжение или фонационный глайд внутри слога [Кодзасов 1991: 108—109];

3) «оценка выраженности ударения по временному эталону» — длительность любого безударного гласного меньше длительности «виртуального» ударного аллофона той же фонемы, поэтому наиболее последовательно различия по длительности УГ и БГ отражаются в том случае, когда эти гласные являются аллофонами одной и той же фонемы [Кривнова 2004: 3].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-12019в «Создание мультимедийных словарей самодийских языков» (рук. Ю. В. Норманская) и гранта Президента Российской Федерации МД-7005.2015.6 (рук. Ю. В. Норманская).

² Мы выражаем огромную благодарность информантам, которые деятельно помогали нам в течение полевой работы на полуострове Ямал, в первую очередь: Яунгад Мельне Григорьевне, Окоэтто Людмиле Лаулевне, Окоэтто Тамаре Очевне, Лаптандер Софье Яхочевне, Окоэтто Хадри Хаволэвичу (Артему Игоревичу). Также мы сердечно благодарим кочующих тундровиков-оленоводов Тамбейской тундры (полуостров Ямал), в чумах которых нам довелось провести в общей сложности восемь месяцев, — гостеприимную семью Окоэтто: Окоэтто Игоря (Хаво"лэ) Ханяковича (Хадри' нися), Окоэтто Артура Николаевича (Артур-нека), Окоэтто (урожд. Яунгад) Татьяну (Артур' небя), Окоэтто Хадри Хаволэвича (Артема Игоревича) — и семью Вануйто Нины (Никита' небя).

³ В работе [Кривнова 2004] к исследованию и анализу привлекается в основном материал русского языка.

Напомним также о необходимости разделения существенных и несущественных темпоральных различий и дифференциальной чувствительности слуха к ним: для длительностей ≥ 100 мсек. (0,1 сек.) относительные значения порога и ширины зоны нечувствительности близки и составляют примерно 10%, а для длительностей < 100 мсек. (0,1 сек.) указанные величины составляют около 15% [Кривнова 2004: 3]. По мнению Клатта [Klatt 1976], только изменения порядка 20% и более могут быть значимы для восприятия речи, т. е. в среднем (при длительности УГ в 60—200 мсек., 0,06—0,2 сек.) минимальные темпоральные различия, обнаруживаемые на слух, составляют 12—40 мсек. (0,012—0,04 сек.) [Кривнова 2004: 4].

Так как обычно принято выделять три фонетических компонента ударения (по преобладанию одного из них определяется фонетический тип ударения): 1) интенсивность, «достигаемую увеличением мускульного напряжения и усилением выдоха», 2) высоту голосового тона и 3) длительность [ЛЭС 1990: 530], — то ниже мы подробно останавливаемся именно на этих трех параметрах, анализируя их комбинаторику и значимость каждого из них.

В таблицах, представленных ниже, приведены следующие данные:

1) по длительности — в секундах с точностью до 0,001 сек., т. е. 1 мсек. (Д1 — длительность гласного первого слога, Д2 — длительность гласного второго слога);

2) по максимальной (пиковой) и средней (суммарной) интенсивности — в децибелах с точностью до 0,01 дБ (И1 — интенсивность гласного первого слога, И2 — интенсивность гласного второго слога);

3) по частоте основного тона — в герцах с точностью до 1 Гц (ЧОТ1 — частота основного тона гласного первого слога, ЧОТ2 — частота основного тона гласного второго слога).

Числовые показатели максимальной (пиковой) интенсивности гласных приводятся за пределами скобок, а средней (суммарной) — в круглых скобках. Если частота основного тона значительно изменяется на протяжении произнесения гласного звука, то через дефис приводятся несколько числовых показателей (1); если же ЧОТ остается практически неизменной, приводится только средняя ЧОТ (2); в случае одновременного указания на (1) и (2) данные по средней ЧОТ приводятся в круглых скобках, а данные по динамике ЧОТ — за пределами скобок. В последней колонке («инф.») указаны инициалы информантов, в произнесении которых были записаны фонетические слова, привлекаемые к анализу (данные об информантах приводятся в конце статьи). В формулах слоговых структур *S* обозначает любой согласный, а *V* — любой гласный звук; мягкость обозначается прямым апострофом с наклоном ('). Спектрограммы рассмотренных фонетических слов в форме номинатива единственного числа приводятся в конце статьи в *Приложении 1*, в форме аккумулятива единственного числа — в *Приложении 2*, а в форме датива-латива единственного числа — в *Приложении 3*.

1.2. Система вокализма и основные особенности ударения в тундровом ненецком языке

В работах [Амелина 2012: 8—9] и [Амелина 2016: 8] вопрос о системе вокализма и количестве гласных фонем тундрового ненецкого языка уже был рассмотрен нами подробно. Т. Салминен выделяет следующие фонемы в системе вокализма Т ненец.: пять «нейтральных» по длительности монофтонгов (*i*, *u*, *e*, *o*, *a*), один краткий монофтонг ($\emptyset = \text{ə}$), при чередовании с которым по правилам редукции реализуется также “schwa phoneme ° ”, один дифтонгоид æ и два долгих монофтонга ($\bar{i} = i$ в обозначении Т. Салминена, $\bar{u} = u$ в обозначении Т. Салминена) [Salminen 1997]. Таким образом, в системе гласных Т. Салминена *i* (*bi*) отсутствует как самостоятельная фонема, т. е. [i] и [ī] являются вариантами (аллофонами) одной фонемы (*i*). В системе Н. М. Терещенко *i* (*bi*), наоборот, является самостоятельной фонемой, а вопрос о статусе $\bar{i}$ и $\bar{u}$ остается открытым [Терещенко 1966: 377]. Полевые данные позволяют нам принять систему вокализма Т. Салминена. Отметим, однако, некоторые отличия в употреблении звуков [i] и [ī] в центральном и восточных диалектах, с одной стороны, и западных, с другой.

Во всех трех диалектных зонах: центральной, восточной и западной — [ī] является аллофоном фонемы *i* / *ī* в позиции после твердых согласных (*CV*), а [i] — аллофоном фонемы *i* / *ī* в позиции после мягких согласных (*C'V*). Различие состоит в том, что в центральной и восточной диалектных зонах в абсолютном начале слова не употребляется ни тот, ни другой аллофон, т. к. в этих диалектах никакой гласный в этой позиции невозможен (запрет на неприкрытый слог). В западных же диалектах в абсолютном начале слова возможен только [ī], но не [i], что связано с отсутствием (опущением) [ŋ] в абсолютном начале слова, в том числе перед [ī] (при невозможности опущения [j], которым прикрывается [ī]); см. об этом явлении также [Salminen 1998: 16]: “the loss of *ng* in initial position in Western (...) dialects”. Таким образом, мы не можем выделить основной вариант фонемы *i* / *ī* для центральных и восточных диалектов Т ненец., а в западных диалектах Т ненец. основным вариантом этой фонемы можно считать скорее [ī], а не [i]⁴.

⁴ Ср. *уыбкахальць* [Терещенко 1965: 406] = зап. *ыбкальць* [Терещенко 1965: 809] ‘ушипнуть ногтями’.

В работах [Амелина 2012: 8—9] и [Амелина 2016: 9—11] нами уже были подробно проанализированы основные характеристики ударения в тундровом ненецком языке, выделявшиеся ранее учеными. Так, ударение в Т ненец. неоднократно рассматривалось исследователями как экспираторно-квантитативное или экспираторное с элементами квантитативного [Попова 1966а: 47—48; Попова 1966б: 52]; отмечалось, что безударные гласные в Т ненец. обычно произносятся с меньшей интенсивностью и длительностью, чем ударные, т. е. подвергаются количественной и качественной редукции [Попова 1966а: 55; Попова 1966б: 53]. На качественную редукцию безударных гласных указывает также факт перехода безударных гласных среднего подъема (*e* и *o*) в конечных открытых слогах в гласные верхнего подъема (*i* и *u* соответственно), отмечаемый Т. Салминеном для восточных диалектов Т ненец.: “the alleged merger of unstressed *e* with *i* and *o* with *u* (...), e. g. *tato* > E(astern) ? *tatu* ‘spark’ <‘искра’>” [Salminen 1998: 16].

Что касается свободы / связанности ненецкого ударения, то Я. Н. Попова неоднократно отмечала, что ударение в ненецком языке является свободным — может падать на любой слог фонетического слова [Попова 1978: 67; Попова 1966а: 48; Попова 1966б: 52]; Н. М. Терещенко также разделяла эту точку зрения, считая, что ненецкое ударение непредсказуемо, т. е. приписано определенному слогу фонетического слова [Терещенко 1965, 2008: 864]. Таким образом, ударение в ненецком языке признается ими фонологическим (смыслоразличительным), т. е. несущим помимо кульминативной и делимитативной функций еще и сигнификативную. Однако, по мнению Т. Салминена, ненецкое ударение является связанным, ограниченным [Salminen 1997; Salminen 2007: 350]: место ненецкого ударения зависит от наличия в слове особой фонемы — “schwa phoneme °”, которая реализуется в звучащей речи при чередовании со *a* (в записи Т. Салминена — *ø*) по правилам редукции: “one of the salient features of the schwa is that it makes the preceding syllable stressed” [Salminen 2007: 359]. Кроме того, Т. Салминен выделяет два типа ударения в ненецком языке, каждое из которых является связанным: 1) “primary stress” (первичное, основное, главное ударение) — падает на начальный слог фонетического слова; 2) “secondary stress” (второстепенное, побочное ударение) — падает на неконечный нечетный слог (“non-final odd syllable”) или слог, предшествующий слогу со ° (“pre-schwa syllable”) [Salminen 2007: 350].

Ударение в Т ненец. неоднократно признавалось исследователями подвижным, разноместным и морфологически обусловленным. Отмечалось, что оно может перемещаться с одного слога на другой при словообразовании и словоизменении [Терещенко 1965, 2008: 864]. К наиболее частотным падежным и посессивным аффиксам, влияющим на место ударения в именах, т. е. при наличии которых словесный акцент смещается на слог вправо (ближе к концу фонетического слова), относятся следующие: *-n*²⁵ DAT-LAT.SG (*-n^h* [Salminen 1998: 30], *-n'* [Терещенко 1966]); *-w(a)na* PROS.SG (*-w^ona* [Salminen 1998: 30], *-w(a)na* [Терещенко 1966]); *-w* NOM/ACC.SG.POSS.1.SG (*-w^o* [Salminen 1998: 30], *-w* [Терещенко 1966]); *-r* NOM.SG.POSS.2.SG (*-r^o* [Salminen 1998: 30], *-r* [Терещенко 1966]) и др. (*-mt^o* ACC.SG.POSS.2.SG [Salminen 1998: 30], *-nt^o* GEN.SG.POSS.2.SG [Salminen 1998: 30]).

В [Амелина 2016: 10] мы уже отмечали, что в ямальском диалекте Т ненец. ударение в форме винительного падежа (аккузатива) единственного числа (ACC.SG)⁶ остается на том же слоге фонетического слова, что и в форме именительного падежа (номинатива) единственного числа (NOM.SG). Приведем ряд примеров (в круглых скобках дана запись этих форм в фонологической системе Т. Салминена [Salminen 1998]):

а) с ударением на первом слоге — *jál'a* [jál'ɔ] ⁷ NOM.SG ‘день; свет, освещение’ — [jál'ɔm(?)] ACC.SG (*yalya* NOM.SG — *yalya-m* ACC.SG); *lóxo* [lóxo] / [lóɔ] NOM.SG ‘угол’ — [lóxom(?)] / [lóɔom(?)] ACC.SG (*loxo* NOM.SG — *loxo-m* ACC.SG); *jír'i* [jír'i] NOM.SG ‘дед, дедушка (отец отца или матери); прадедушка; старший брат отца или матери; свекор; старший брат мужа; все мужчины из рода мужа, старше его; (перен.) медведь, волк’ — [jír'im(?)] ACC.SG (*yiryi* NOM.SG — *yiryi-m* ACC.SG);

б) с ударением на втором слоге — [ɲwád(?)]⁸ NOM.SG ‘подреберье; поясница; область таза; зад, задняя часть туловища (животного)’ — [ɲwád'm(?)] ACC.SG (*ngawad^o* NOM.SG — *ngawad^o-m* ACC.SG); [ɲorój] NOM.SG ‘один, одна, одно’ — [ɲorójm(?)] / [ɲorój'm(?)] ACC.SG (*ngopoy^o* NOM.SG — *ngopoy^o-m* ACC.SG); [jimbít?] NOM.SG ‘рубашка, рубаха, сорочка’ — [jimbít'm(?)] ACC.SG (*yimpit^oq* NOM.SG — *yimpit^oq-m* ACC.SG).

⁵ Символом ? здесь и далее обозначен «звонкий» гортанный смычный согласный (= ' в записи Н. М. Терещенко, *h* — в обозначении Т. Салминена).

⁶ Здесь речь идет именно о формах аккузатива единственного, а не множественного числа, потому что в формах винительного падежа множественного числа (ACC.PL) наблюдается целый ряд морфонологических чередований в именных основах.

⁷ Символом ɔ здесь и далее обозначен редуцированный вариант фонемы *a*.

⁸ Символом ? здесь и далее обозначен «глухой» гортанный смычный согласный (= " в записи Н. М. Терещенко, *q* — в обозначении Т. Салминена).

Продemonстрируем разницу в просодическом оформлении фонетического слова в форме ACC.SG (где ударение не перетягивается с первого слога на второй) и фонетического слова в форме DAT-LAT.SG (где ударение перетягивается с первого слога на второй) в ямальском диалекте Т ненец.: *χáda* [χáɖɔ] NOM.SG (ср. *xada* ‘бабушка; прабабушка; свекровь; невестка (жена старшего брата мужа); все женщины из рода отца и рода матери, старше их; бабушка (обращение к любой старой женщине)’ [Терещенко 1965, 2008: 714], *xada* (N $a \rightarrow \emptyset$) [Salminen 1998: 177]) — [χáɖɔm(?)] ACC.SG (ср. *xadam*’ в записи Н. М. Терещенко, *xada-m* в записи Т. Салминена) — [χáɖán(?)] (χáɖán^o) DAT-LAT.SG (ср. *xadan*’ в записи Н. М. Терещенко, *xada-n^oh* в записи Т. Салминена); см. Табл. 1.

Таблица 1

	слово	Д1 (сек.)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (сек.)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
NOM.SG	<i>χáda</i> [χáɖɔ]	0,116	81,75 (81,08)	198-166 (180)	0,090	78,22 (76,38)	171	ЯМГ (1)
	<i>χáda</i> [χáɖɔ]	0,123	73,98 (72,74)	193-154 (166)	0,055 (придых.)	70,59 (69,06)	171-190 (181)	ЯМГ (2)
ACC.SG	<i>χádam(?)</i> [χáɖɔm]	0,123	79,87 (77,95)	151	0,094	77,08 (74,58)	139-122 (129)	OXX (1)
	<i>χádam(?)</i> [χáɖɔm]	0,111	74,60 (73,14)	129-115 (121)	0,054	73,03 (71,82)	116	OXX (2)
DAT-LAT.SG	(χáɖán ^o) [χáɖán]	0,088	73,89 (72,75)	133-124 (127)	0,133	79,36 (78,38)	140	OXX (1)
	(χáɖán ^o) [χáɖán]	0,082	79,25 (77,63)	137-127 (131)	0,119	80,83 (79,49)	149-185	OXX (2)

Если в формах NOM.SG и ACC.SG длительность первого гласного превышает длительность второго на 0,026—0,057 сек. (26—57 мсек.) и даже более, средняя интенсивность первого гласного больше средней интенсивности второго на 1,3—4,7 дБ, а максимальная — на 1,6—3,5 дБ, то в формах DAT-LAT.SG, наоборот, длительность второго гласного превосходит длительность первого на 0,037—0,045 сек. (37—45 мсек.), средняя интенсивность второго гласного больше средней интенсивности первого примерно на 2 дБ и даже на 5,5 дБ, а максимальная — на 1,6 дБ и на 5,5 дБ соответственно. Отметим также повышение частоты основного тона на гласном второго слога в формах DAT-LAT.SG. См. об этом подробнее [Амелина 2016: 10—13].

2. Ударение в фонетически двусложных непрямых⁹ именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными верхнего подъема незадного ряда, в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка

Как уже было упомянуто во Введении, различия по длительности ударного гласного (УГ) и безударного гласного (БГ) отражаются наиболее последовательно, когда эти звуки являются аллофонами одной и той же фонемы [Кривнова 2004: 3]. При этом «принцип “ударный гласный — максимальная длительность” выполняется достаточно устойчиво и практически одинаково в синтагмах разной длины и в разных позициях (в 60—65% слов). Отчетливо видна зависимость выполнения этого принципа от фонемного качества ударного гласного: чем ниже подъем гласного и, следовательно, больше его собственная длительность, тем реже принцип максимума нарушается» [Кривнова 2004: 6].

Таким образом, анализ акустических характеристик ударения фонетических слов 1) с однородным вокалическим составом (с одинаковыми гласными в первом и втором слогах, т. е. с гласными, обладающими одинаковой ингерентной длительностью), 2) представленным гласными нижнего и среднего подъемов, оказывается наиболее показательным и наименее спорным, т. к. дает возможность опираться на оценку выраженности ударения по временному эталону (длительность любого безударного гласного меньше длительности «виртуального» ударного аллофона той же фонемы), а также на оценку по максимуму. Именно по этой причине в статье [Амелина 2016] мы начали описание просодических характери-

⁹ Под «непрямыми» здесь и далее мы понимаем слова, которые не являются производными по продуктивным моделям в современном тундровом ненецком языке, при этом на прасамодийском или протоненцком уровнях они могут быть производными и образованными по типичным словообразовательным моделям.

стик ударения в производных фонетически двусложных именах в ямальском диалекте Т ненец. именами с фонетических слов с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего и среднего подъема, как наименее спорных и сложных для анализа. В этой статье мы переходим к рассмотрению производных фонетически двусложных имен с однородным вокалическим составом, представленным гласными верхнего подъема.

2.1. Акцентные характеристики фонетических слов с гласными верхнего подъема [i] и [i̥] в первом и втором слогах в ямальском диалекте

Различая в транскрипции гласные звуки [i] и [i̥], мы все же считаем фонетическими словами с однородным вокалическим составом не только имена структуры [i]—[i] и [i̥]—[i̥], но и [i]—[i̥] и [i̥]—[i], т. к. эти гласные звуки в ямальском диалекте Т ненец. являются вариантами (аллофонами) одной фонемы (за основной вариант условно принимаем [i]).

2.1.1. В ямальском диалекте Т ненец. имеются слова слоговых структур [C'iC'i], где оба согласных мягкие (22Я)¹⁰, и [CiCi], где оба согласных твердые (23Я). В *Таблице 2* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных [i] и [i̥] в первом и втором слогах фонетических слов указанных структур. Как примеры слов этих структур нами были выбраны для анализа следующие имена (см. восемь спектрограмм в *Приложении 1*, (22Я) и (23Я)):

[C'iC'i]

(22Я) *ири* 'дед, дедушка (отец отца или матери); прадедушка; старший брат отца или матери; свекор; старший брат мужа; все мужчины из рода мужа, старше его; (перен.) медведь, волк' [Терещенко 1965, 2008: 147], *yiryi* (N *yī*≡), *YIRYI* [Salminen 1998: 274, 542], O, Sj., U, U-Ts. *jīrī*, OP *jīr'ṛī* 'Grossvater (z. B. Vater od. älterer Bruder der Mutter, des Vaters, U auch: Vater der Frau, des Mannes)' <'дедушка (например, отец или старший брат матери, отца, в говоре U также: отец жены, мужа)'> [Lehtisalo 1956: 129b]; ср. Л *ниди*, *ниди* 'дед, дедушка (отец матери или отца, любой старый мужчина); старший брат отца или матери' [Бармич, Вэлло 2002: 82, 190], *'iil'i* 'дед; старший брат отца или матери; старший брат мужа; свекор; все мужчины из рода мужа, старше его' [Попова 1978: 67], *hī'l'ṛ* 'дед' [Попова 1978: 22], Lj., P *n'īl'lī* 'Vater des Vaters, der Mutter, des Mannes; älterer Bruder des Vaters, der Mutter, des Mannes' <'отец отца, матери, мужа; старший брат отца, матери, мужа'> [Lehtisalo 1956: 129b], Lj., P *jī'l'ṛ* 'Grossvater (Kindersprache)' <'дедушка (в детской речи)'> [Lehtisalo 1956: 32b] < ПС **irz-* (? *irāj) ~ **jirz-* (? *jirāj) 'Grossvater, der Alte' <'дед, старик'> [Janhunen 1977: 27];

[CiCi]

(23Я) *ныхы* 'сила, мощь' [Терещенко 1965, 2008: 323], *nix°* (N *ø*≡), NIXØ [Salminen 1998: 151], O, T₇ *nīχī* 'Kraft' <'сила'> [Lehtisalo 1956: 286b]; ср. Л *нэхэ* 'сила' [Бармич, Вэлло 2002: 85, 261], *'ныхы* [ныххī] 'сила' [Попова 1978: 70], Nj. *nīχāz*, P *nīχāz* 'Kraft' <'сила'> [Lehtisalo 1956: 286b].

Следует оговорить, что для слова (23Я) Т. Салминен избирает фонологическую интерпретацию конечного гласного как *°*: *nix°* (N *ø*≡), NIXØ [Salminen 1998: 151]¹¹. Однако в ямальском диалекте мы имеем дело с фонетической последовательностью [nīχī]/[nīχī̥] с однородным вокалическим составом, что подтверждают также данные словарей: *ныхы* [Терещенко 1965, 2008: 323]; O, T₇ *nīχī* [Lehtisalo 1956: 286b]. Здесь проявляется прогрессивная дистантная ассимиляция гласных после χ, неоднократно отмечаемая для ненецкого языка, например, в работах Н. М. Терещенко (особенно в отношении падежных аффиксов локатива-инструменталиса и аблатива единственного и множественного числа, а также ряда других форм) [Терещенко 1966: 378; Терещенко 1965, 2008: 864—865].

Что касается слова структуры [CiCi], где первый согласный твердый, а второй мягкий: ямал. *хыри* 'маленький осетр' [Терещенко 1965, 2008: 794], *xiryi* (N *yī*≡), XIRYI [Salminen 1998: 274], O *χīrī*, OP *χīr'ṛī* 'kleiner Stör (карыш¹²; лобарь¹³)' <'маленький осетр...'> [Lehtisalo 1956: 186a] (ср. Л Nj. *kīr'ṛī*, P *kīl'lī* 'Sterlet' <'стерлядь'> [Lehtisalo 1956: 186a]), — то, по нашим полевым данным, это имя в ямальском диа-

¹⁰ В этой (второй) части статьи продолжена нумерация, начатая в первой части [Амелина 2016].

¹¹ Здесь мы не приводим для анализа слова, в которых вокалический состав слоговой структуры [CiCi] является исконно однородным, а не получившимся в результате прогрессивной дистантной ассимиляции, т. к. таких производных (на уровне ненецкого языка) двусложных имен нами не было обнаружено.

¹² Карыш — (сиб.) 'мелкая стерлядь'.

¹³ Лобарь — промысловое название на Тобольском севере молодого осетра, размерами от 60 до 80 сантиметров [ССЭ 2016].

лекте Т ненец. не является фонетическим словом с однородным вокалическим составом, т. к. в первом слоге в нем представлен не [i], а [ə] (*χər'i* [χəɾ'i]).

Таблица 2

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
[i] в 1С и 2С ([i]—[i]) /CiCi/ ([C'iC'i])								
22Я	<i>jir'i</i> [jiri]	0,058	83,43 (81,91)	199-182-188 (194)	0,127	83,10 (79,63)	179	ЯМГ (1)
	<i>jir'i</i> [jiri]	0,078	79,33 (78,49)	170	0,095	77,10 (74,33)	161	ЯМГ (2)
	<i>jir'i</i> [jiri]	0,099	84,06 (82,63)	163	0,140	81,09 (78,93)	154-116	ОХХ (1)
	<i>jir'i</i> [jiri]	0,094	83,20 (82,20)	154	0,139	80,14 (77,58)	141-109	ОХХ (2)
	<i>jir'i</i> [jiri]	0,080	81,20 (80,32)	163-145	0,120	76,74 (75,30)	137-119 (129)	ОХХ (3)
[i] в 1С и 2С ([i]—[i]) // i—°, по [Salminen 1998: 151] [CiCi] // CiC°, по [Salminen 1998: 151]								
23Я	[niyi]	0,066	82,20 (81,89)	160-148 (155)	0,141	80,24 (78,38)	124-105 (114)	ОХХ (1)
	[niyi]	0,072	82,90 (82,48)	154-123	0,171	80,84 (78,97)	114	ОХХ (2)
	[niyi]	0,097	83,89 (83,01)	148-130	0,139	80,67 (78,76)	115-121-102 (112)	ОХХ (3)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов рассмотренных выше фонетических слов, можно отметить следующее.

Во всех случаях длительность гласного конечного открытого слога оказывается больше длительности гласного первого слога: на 0,017—0,045 сек., т. е. на 17—45 мсек. (слово (22Я), диктор ЯМГ, произн. 2; слово (22Я), диктор ОХХ, произн. 1—3; слово (23Я), диктор ОХХ, произн. 3), и даже на 0,07—0,1 сек., т. е. на 70—100 мсек. (слово (22Я), диктор ЯМГ, произн. 1; слово (23Я), диктор ОХХ, произн. 1 и 2). Отметим, что такое соотношение длительностей уже было подмечено нами ранее для слов подобных структур в [Амелина 2016: 31, 37—38, 42—43]: (14Я) [s'eχe]/[s'eχe], *сехэ* 'большой ком снега; твердый снег' [Терещенко 1965, 2008: 550], *syexa* (N *a*→*yi*), SYEXA¹ [Salminen 1998: 227, 512]; (16Я) [noχo]/[noχo], *нохо* 'песец' [Терещенко 1965, 2008: 317], *noxa* (N *a*→*yi*), NOXA [Salminen 1998: 227]; (20Я) [pəχəʔ]/[pəχəʔ], *пахă* '(н) 'корень (дерева); основание' [Терещенко 1965, 2008: 454], *pəχ°h* (N *ng*→*j*+0), PØXØNG [Salminen 1998: 257], а также ряда других.

Следует, однако, отметить, что гласный первого слога звучит с большей интенсивностью, чем гласный второго слога. Так, максимальная интенсивность гласного первого слога превосходит пиковую интенсивность гласного второго слога на 2—4,5 дБ (и всего один раз на 0,3 дБ в произн. 1 слова *jir'i* диктором ЯМГ), а средняя интенсивность — на 3,5—5 дБ соответственно (и всего один раз на 2,3 дБ в произн. 1 слова *jir'i* диктором ЯМГ). Получается, что, несмотря на большую длительность гласного второго слога в абсолютном конце фонетического слова, экспираторно выделен гласный первого слога.

При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 0,3—1,5 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 1,5—3,5 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается быстрее и значительнее, чем на протяжении произнесения первого гласного. Следует обратить внимание на тот факт, что интенсивность на протяжении произнесения гласного второго слога в фонетических словах (22Я) и (23Я) убывает относительно быстро и резко. Ниже приводятся данные по интенсивности гласных второго слога всех произнесений фонетических слов (22Я) и (23Я) с разницей в 10 мсек. (через косую черту /) с указанием на максимальную (max), минимальную (min) и среднюю интенсивность (в децибелах, дБ):

(22Я) *jir'i* [jiri] [ЯМГ: 1]: 80,97/83,10 (max)/83,10 (max)/82,38/81,22/79,80/78,32/76,92/75,59/73,86/71,26/68,04 (min); средняя — 79,63 дБ;

(22Я) *jir'i* [jiri] [ЯМГ: 2]: 76,80/77,10 (max)/76,31/75,40/74,17/71,98/68,73/65,11 (min); средняя — 74,33 дБ;

(22Я) *jir'i* [jír'i] [ОХХ: 1]: 79,35/80,47/81,06/81,09 (max)/80,92/80,30/79,63/79,17/78,77/78,02/76,87/75,81/74,18/71,70 (min); средняя — 78,93 дБ;

(22Я) *jir'i* [jír'i] [ОХХ: 2]: 74,85/76,23/77,95/79,52/80,13/80,14 (max)/79,83/79,20/78,60/77,83/76,48/75,09/73,57/71,16 (min); средняя — 77,58 дБ;

(22Я) *jir'i* [jír'i] [ОХХ: 3]: 75,82/76,46/76,65/76,67/76,74 (max)/76,58/75,94/74,78/73,47/72,11/70,87/69,38 (min); средняя — 75,30 дБ;

(23Я) [níyì] [ОХХ: 1]: 79,13/79,99/80,23/80,24 (max)/80,11/79,89/79,47/78,75/78,09/77,94/77,68/76,59/74,59/72,38/70,78 (min); средняя — 78,38 дБ;

(23Я) [níyì] [ОХХ: 2]: 79,62/80,20/80,54/80,65/80,84 (max)/80,64/80,06/79,47/78,95/78,75/78,20/77,53/77,05/76,25/74,79/72,87 (min); средняя — 78,97 дБ;

(23Я) [níyì] [ОХХ: 3]: 80,10/80,53/80,66/80,67 (max)/80,32/79,94/79,37/78,68/78,14/77,80/77,54/76,69/75,24/73,30 (min); средняя — 78,76 дБ.

На протяжении произнесения рассмотренных выше фонетических слов тон равномерно понижается к концу: на 10—20 Гц в произнесениях диктора ЯМГ и 40—55 Гц в произнесениях информанта ОХХ. При произнесении слова (22Я) колебания по частоте основного тона незначительны, а при произнесении слова (23Я) наблюдается довольно резкое понижение тона на гласном первого слога (на 40—55 Гц) с последующим низким ровным тоном на втором слоге (условно движение тона можно изобразить как ___). Аналогичное тональное движение, как при произнесении слова (23Я), уже было отмечено нами в первой части статьи для слов подобных слоговых структур, где второй согласный — *χ*: (14Я) [s'ieχe]/[s'ieye] и (20Я) [pəχəʔ]/[pəyəʔ].

Определение места словесного акцента в словах данных слоговых структур затрудняется как открытостью конечного слога, длительность которого может значительно увеличиваться перед паузой, так и небольшой ингерентной длительностью узких гласных [i] и [i̇]. Для рассмотренных выше слов структур [C'iC'i] и [C'iC'i] характерно ударение на гласном первого слога. Акустическим коррелятом словесного акцента в этих фонетических словах с узкими гласными [i] и [i̇] в первую очередь является бóльшая интенсивность (как пиковая, так и средняя) ударного гласного по сравнению с безударным. Темпорального маркирования ударного гласного первого слога в фонетических словах с открытым конечным вторым слогом часто может не происходить по причине протяжного произнесения конечного слога перед паузой. Резкое падение частоты основного тона на первом гласном при низком ровном тоне на втором слоге может рассматриваться как второстепенный (факультативный) акустический коррелят ударения при произнесении имени (23Я), где второй согласный — *χ*.

О том, что ударение в словах (22Я) и (23Я) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также формы аккумулятива единственного числа (о том, что ударение не перетягивается на слог вправо в форме ACC.SG, подробно см. выше и в [Амелина 2016: 10—13]): (22Я') [jír'imʔ] (*yiryi-m*¹⁴) ACC.SG; (23Я') [níy'imʔ] (*nix^o-m*) ACC.SG [ОХХ, ЯМГ] (см. Табл. 3 и пять спектрограмм в Приложении 2, Рис. (22Я') и (23Я')). Как видно из Табл. 3, при произнесении слов (22Я) и (23Я) в форме аккумулятива единственного числа, когда второй слог оказывается закрытым, а не открытым (как в форме номинатива), длительность первого гласного обычно превосходит длительность второго: либо незначительно — на 0,005—0,012 сек. (на 5—12 мсек.), либо более заметно — на 0,038 сек. (38 мсек.). При произнесении фонетических слов [jír'imʔ] оба гласных оказываются численно сопоставимы по интенсивности, тогда как при произнесении [níy'imʔ] интенсивность первого гласного значительно превышает интенсивность второго: максимальная — на 4,3—6,3 дБ, средняя — на 3,8—5,8 дБ.

Таблица 3

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
22Я'	[jír'imʔ]	0,101	82,05 (80,85)	140-131 (134)	0,063	82,05 (80,91)	138-146 (142)	ОХХ (1)
	[jír'imʔ]	0,073	81,80 (81,33)	140-132 (137)	0,067	82,56 (81,78)	139	ОХХ (2)
23Я'	[níy'imʔ]	0,058	83,16 (82,46)	137-120	0,053	78,87 (78,63)	111	ОХХ (1)
	[níy'imʔ]	0,064	83,55 (82,74)	143-123	0,052	77,25 (76,99)	105	ОХХ (2)
	[níy'imʔ]	0,059	83,16 (82,22)	145-126	0,058	77,15 (76,76)	107	ОХХ (3)

¹⁴ В круглых скобках приводится запись слова в нотации Т. Салминена (по [Salminen 1998]).

Как уже говорилось выше, а также в первой части статьи [Амелина 2016: 10—13], в форме датива единственного числа ударение в фонетических бисиллабах смещается на слог вправо, о чем свидетельствует также фонологическая запись аффикса DAT-LAT.SG, предложенная Т. Салминеном: $-n^{\circ}h$ [Salminen 1998: 30] — со специальной фонемой $^{\circ}$. Просодическая структура фонетических слов в форме DAT-LAT.SG с ударением на втором слоге значительно отличается от просодической структуры ФС в форме ACC.SG с ударением на первом слоге; для того чтобы наглядно продемонстрировать эту разницу, в Табл. 4 мы приводим данные по основным просодическим параметрам слова (22Я) в форме DAT-LAT.SG (см. три спектрограммы в Приложении 3, Рис. (22Я)). Как видно из Табл. 4, длительность второго гласного в фонетических словах в форме DAT-LAT.SG превышает длительность первого гласного на 0,022—0,059 сек. (22—59 мсек.), при контекстуальном произношении возможно также повышение частоты основного тона на втором гласном (примерно на 25 Гц).

Таблица 4

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
22Я"	$(jir'in^{\circ})$ [jir'in ^o] ¹⁵	0,090	83,98 (83,34)	171-153 (164)	0,112	84,47 (83,34)	137-124 (129)	OXX (1)
	$(jir'in^{\circ})$ [jir'in ^o]	0,075	85,20 (84,19)	82	0,139	84,36 (83,23)	79- (без голоса)-144- 138-(без голоса)	OXX (2)
	$(jir'in^{\circ})$ [jir'in] (из контекста)	0,082	83,94 (83,29)	150	0,109	83,09 (82,68)	159-183-179	OXX (3)

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов данных слоговых структур обобщены нами в Таблице 5, где Д1, И1, ЧОТ1 — длительность, интенсивность и частота основного тона гласного первого слога соответственно, а Д2, И2, ЧОТ2 — длительность, интенсивность и частота основного тона гласного второго слога соответственно.

Таблица 5

[C'iC'i]		
[i] первого слога		[i] второго слога
Д1	=/<	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	=/>	ЧОТ2
[C'iCi], где второй согласный — χ		
[i] первого слога		[i] второго слога
Д1	<	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Выявленный нами факт, что в ямальском диалекте в рассмотренных выше словах данных структур ударные гласные [i] и [i] первого слога могут не превышать по длительности безударные [i] и [i] второго слога, открытого и конечного, подтверждается также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров ямальского диалекта (О и ОР): (22Я) О $jir\bar{i}$, ОР $jir'r\bar{i}$ [Lehtisalo 1956: 129b]; (23Я) О $nixi$ [Lehtisalo 1956: 286b]. Если в обдорском говоре гласные [i] первого и второго слогов слова (22Я) представлены как темпорально равнозначные (оба маркированы в записи как долгие), то в нижнеобском говоре (ОР) по длительности маркирован только гласный конечного открытого слога (ср. также слово подобной структуры в записи Т. Лехтисало: О $xir\bar{i}$, ОР $xir\bar{i}$ [Lehtisalo 1956: 186a]¹⁶).

Наш вывод о месте ударения на первом слоге в слове $jir'i$ (22Я) косвенно подтверждается также данными Т. Салминена: $yir\bar{y}i$ (N $yi\equiv$), $\dot{Y}IRYI$ [Salminen 1998: 274, 542]. Запись этого слова в словаре [Salminen 1998] дает возможность определить место словесного акцента на первом слоге: это “primary stress” (первичное, основное, главное ударение), которое падает на начальный слог фонетического слова

¹⁵ В данном произнесении (как и в следующем) согласные фонемы /r/ и /n/ представлены в своих глухих вариантах.

¹⁶ Напомним, что, по нашим полевым данным, это имя в ямальском диалекте Т ненец. не является фонетическим словом с однородным вокалическим составом, т. к. в первом слоге в нем представлен не [i], а [a]: $\chi ar'i$ [$\chi ar'i$] (ср., однако, ямал. $x\bar{y}ri$ ‘маленький осетр’ [Терещенко 1965, 2008: 794], $xir\bar{y}i$ (N $yi\equiv$), $XIRYI$ [Salminen 1998: 274]).

[Salminen 2007: 350]; мы не видим в записи Т. Салминена ° в этом слове, что свидетельствовало бы об ударении на слоге, предшествующем слогу с этой фонемой.

2.1.2. В ямальском диалекте Т ненец. имеются слова слоговой структуры [C'iCi] (в фонологической записи Т. Салминена — C'iCi° с зиянием и фонемой ° в абсолютном конце), где первый согласный мягкий (24Я—26Я), и [CiCi] (в фонологической записи Т. Салминена — CiCi° с зиянием и фонемой ° в абсолютном конце), где оба согласных твердые (27Я, 28Я). В *Таблице 6* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных [i] и [i̇] в первом и втором слогах фонетических слов указанных структур. Как примеры слов этих структур нами были выбраны для анализа следующие имена (см. 18 спектрограмм в *Приложении 1*, (24Я)—(28Я)):

[C'iCi] (C'iCi°)

(24Я) иры (вост.) ~ ирий (б.-з., зап.) 'луна, месяц (светило); месяц (часть года)' [Терещенко 1965: 147, 150], yiri° (N e~iø), YIRE~IØ [Salminen 1998: 59, 542] ~ yiryiy° (N yø≡), YIRYIY(Ø) [Salminen 1998: 167, 542], О jirī, OP jir'r'ī, Sj. jirī, U jirī, N jerī 'Mond; Monat' <'луна; месяц'> [Lehtisalo 1956: 129a]; ср. Л дйди 'луна, месяц (небесное светило); месяц (часть года)' [Бармич, Вэлло 2002: 30], ħi'li 'луна, месяц', 'месяц (время года)' [Попова 1978: 22], S, Kis. jilāi, Nj. jir'r'ī 'Mond; Monat' <'луна; месяц'> [Lehtisalo 1956: 129a] < ПСС der. *jirz- 'Mond; Monat' <'луна; месяц'> [Janhunen 1977: 28];

(25Я) иды 'полá (одежды); край' [Терещенко 1965, 2008: 138], yidi° (N e~iø), YITE~IØ [Salminen 1998: 58], OP, Sjo. jidī 'Saum (am Rock der Frauen)' <'подол (женской одежды)'> [Lehtisalo 1956: 134a]; ср. Л виты 'полá (одежды); подол; край (чего-либо)' [Бармич, Вэлло 2002: 18], Nj. β'itti, P β'itti 'Saum (z. B. am Kleid, an der Zeltdecke)' <'подол (например, одежды, нюка, покрышки на чум)'> [Lehtisalo 1956: 134a];

(26Я) тикы 'тот, та, то; этот, эта, это' [Терещенко 1965, 2008: 659], tyiki° (N e~iø), TYIQXE~IØ [Salminen 1998: 58], О t'ikkī, OP t'ikkī, T₁, T₄, Sj., K, U, Oks., U-Ts., Sjo., N t'ikkī 'der dort, der' [Lehtisalo 1956: 511b]; ср. Л чики 'тот, та, то; этот, эта, это' [Бармич, Вэлло 2002: 146], t'ikky [t'ikky] 'тот' [Попова 1978: 131], S, Nj. t'š'ikkī, Kis. t'š'ikkī, P t'š'ikkī 'der dort, der' [Lehtisalo 1956: 511b] < der. ПС *ti(-) pron. dem. 'der, einer, dieser' <'тот, этот'> [Janhunen 1977: 160];

[CiCi] (CiCi°)

(27Я) нылы 'нижний, находящийся внизу, находящийся под кем-либо, чем-либо; являющийся моложе кого-либо, следующий за кем-либо по возрасту; (перен.) упряжной олень' [Терещенко 1965, 2008: 409], ngili° (N e~iø), NGILO~E~IØ [Salminen 1998: 58], О, T₁, Sj. njlī 'unter, darunter befindlich' <'находящийся под чем-либо'> [Lehtisalo 1956: 31b]; ср. Л њылы 'нижний' [Попова 1978: 85], Nj. njrrī 'unter, darunter befindlich' <'находящийся под чем-либо'> [Lehtisalo 1956: 31b] < der. ПС *jilā- 'Boden, das Untere' <'нижний'> [Janhunen 1977: 24];

(28Я) сыды 'бедро' [Терещенко 1965, 2008: 572], sidi° (N e~iø), SITA~E~IØ [Salminen 1998: 58], О šidī 'Fleisch am Ansatz der Oberschenkel auf der Vorderseite' <'мясо у основания бедра'> [Lehtisalo 1956: 414a]; ср. Л хы'ты [x'i'tty] 'бедро' [Попова 1978: 143], S χittī 'Oberschenkel' <'бедро'>, Nj. χittī, χittī 'Ober-schenkel; Oberfläche des Oberschenkels' <'бедро; бедренная кость'> [Lehtisalo 1956: 414a].

Здесь следует указать, что Т. Салминен предлагает фонологическую интерпретацию этих слов как yiri°, yidi°, tyiki°, ngili°, sidi° [Salminen 1998: 58—59], т. е. с последовательностью гласных фонем i° (зиянием) в абсолютном конце. Напомним, что в фонетической транскрипции мы разграничиваем в записи [i] и [i̇], в отличие от фонологической записи Т. Салминена, где представлен только символ i.

Таблица 6

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
[i̇] в 1С и [i] во 2С ([i̇]—[i]) // (i̇—i°), по [Salminen 1998: 58, 59] [C'iCi] // C'iCi°, по [Salminen 1998: 58, 59]								
24Я	[jirī] (jiri°)	0,078	82,85 (81,71)	150-139 (147)	0,171	78,22 (76,23)	115-95 (107)	OXX (1)
	[jirī] (jiri°)	0,092	81,98 (81,35)	145-130 (141)	0,178	77,24 (75,75)	106	OXX (2)
	[jirī] (jiri°)	0,089	82,65 (81,64)	141-148-137 (143)	0,165	77,62 (75,39)	100	OXX (3)
	[jirī] (jiri°)	0,108	84,37 (83,06)	127-137-132 (132)	0,213	82,36 (79,92)	113	OXX (4)
	[jirī] (jiri°)	0,098	84,24 (83,54)	123-137-133 (131)	0,199	83,10 (80,71)	114	OXX (5)

25Я	[jidí] (jidi°)	0,104	85,14 (82,97)	140-160-144 (152)	0,221	83,57 (81,45)	135-102 (118)	OXX (1)
	[jidí] (jidi°)	0,098	83,63 (82,27)	140-156-145 (150)	0,203	83,09 (80,70)	132-107 (117)	OXX (2)
	[jidí] (jidi°)	0,106	84,04 (82,09)	134-146-134 (140)	0,190	81,78 (78,43)	126-106 (114)	OXX (3)
26Я	[tʰikí] (tʰiki°)	0,057	83,65 (81,60)	175-156-140 (162)	0,155	80,45 (77,66)	136-103 (116)	OXX (1)
	[tʰikí] (tʰiki°) (из контекста)	0,040	80,01 (78,53)	217-194 (205)	0,067	84,18 (82,37)	240-234-225 (235)	ОЛЛ (1)
	[tʰikí] (tʰiki°) (из контекста)	0,034	75,98 (74,94)	202-193 (196)	0,097	85,24 (83,56)	230-261-251-238 (249)	ОЛЛ (2)
[í] в 1С и 2С ([í]—[í]) // (i—i°), по [Salminen 1998: 58] [CiCi] // CiCi°, по [Salminen 1998: 58]								
27Я	[ɲilí] (ɲili°)	0,092	79,04 (78,68)	136	0,155	77,32 (76,00)	118	OXX (1)
	[ɲilí] (ɲili°)	0,064	83,55 (83,15)	149	0,192	80,53 (79,19)	132-115 (122)	OXX (2)
	[ɲilí] (ɲili°)	0,092	80,70 (79,84)	134	0,131	77,35 (75,19)	118	OXX (3)
	[ɲilí] (ɲili°)	0,073	78,57 (78,25)	121	0,149	77,37 (75,59)	113	OXX (4)
28Я	[sidí] (sidi°)	0,082	83,52 (81,90)	185-159	0,179	80,02 (76,71)	140-107 (127)	OXX (1)
	[sidí] (sidi°)	0,058	85,64 (83,86)	180-162 (171)	0,194	84,36 (82,66)	148-116 (129)	OXX (2)
	[sidí] (sidi°)	0,064	84,21 (82,88)	160-142 (150)	0,210	82,69 (79,94)	128-111 (118)	OXX (3)

Как видно из *Таблицы 6*, длительность гласного звука [í] второго слога в рассмотренных выше фонетических словах всегда превышает длительность гласного первого слога:

- 1) девять раз (из 18-ти произнесений) примерно на 0,03—0,09 сек. (30—90 мсек.) — (24Я) произн. 1—3 и (25Я) произн. 3 (диктор OXX); (26Я) произн. 1 и 2 (диктор ОЛЛ); (27Я) произн. 1, 3 и 4 (диктор OXX);
- 2) и девять раз (из 18-ти произнесений) даже на 0,1—0,145 сек. (100—145 мсек.) — (24Я) произн. 4 и 5, (25Я) произн. 1 и 2, (26Я) произн. 1, (27Я) произн. 2, (28Я) произн. 1—3 (диктор OXX).

Во всех изолированных произнесениях интенсивность гласного первого слога превосходит интенсивность гласного звука [í] второго слога, что связано с общей речевой тенденцией произносить начало фонетического слова с большей громкостью и четкостью, чем его конец. Так, максимальная интенсивность гласного 1С больше пиковой интенсивности гласного 2С на 0,5—2,2 дБ (в девяти случаях из 18) и даже на 3—5 дБ (в семи случаях из 18), а средняя — на 1,2—3,7 дБ и даже на 4—6,2 дБ соответственно. И только в двух произнесениях слова (26Я) информантом ОЛЛ, «вырезанных» из контекста, интенсивность гласного [í] второго слога превышает интенсивность первого гласного: максимальная — на 4,2 и 9,2 дБ, средняя — на 3,9 и 8,6 дБ соответственно. Это объясняется тем фактом, что при быстром произнесении в аллегровой речи гласный [í] первого слога может звучать очень кратко (менее 30—40 мсек.) и нечетко, а в некоторых случаях даже произноситься без тона (голоса) и без повышения интенсивности между двумя глухими взрывными согласными (после [tʰ] и перед [k]).

При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 0,3—2,2 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 1,3—3,3 дБ. Следует обратить внимание на тот факт, что интенсивность на протяжении произнесения гласного второго слога в словах (24Я)—(28Я) убывает медленнее и не так резко, как в рассмотренных выше фонетических словах (22Я) и (23Я), и таким образом дольше остается относительно высокой. Ниже приводятся данные по интенсивности гласных второго слога всех фонетических слов (24Я)—(28Я) с разницей в 10 мсек. (через косую черту /) с указанием на максимальную (max), минимальную (min) и среднюю интенсивность (в децибелах, дБ):

(24Я) [jiri] (*jiri*^o) [ОХХ: 1]: 78,10 / 78,22 (max) / 78,12 / 78,08 / 77,68 / 77,35 / 77,53 / 77,46 / 76,90 / 76,04 / 75,33 / 74,51 / 72,85 / 69,89 / 66,79 / 64,73 (min); средняя — 76,23 дБ;

(24Я) [jiri] (*jiri*^o) [ОХХ: 2]: 76,90 / 77,16 / 76,66 / 76,29 / 76,80 / 77,24 (max) / 77,21 / 77,14 / 77,07 / 76,98 / 76,61 / 75,94 / 74,97 / 74,21 / 73,29 / 71,26 / 69,08 / 66,29 (min); средняя — 75,75 дБ;

(24Я) [jiri] (*jiri*^o) [ОХХ: 3]: 75,85 / 76,84 / 77,30 / 77,62 (max) / 77,43 / 76,78 / 76,42 / 76,19 / 75,31 / 74,50 / 74,53 / 74,06 / 72,14 / 69,92 / 68,56 / 66,17 (min); средняя — 75,39 дБ;

(24Я) [jiri] (*jiri*^o) [ОХХ: 4]: 80,91 / 82,22 / 82,36 (max) / 82,16 / 82,13 / 81,98 / 81,40 / 81,06 / 81,01 / 80,91 / 80,71 / 80,13 / 79,56 / 79,33 / 78,86 / 78,18 / 77,14 / 75,62 / 73,92 / 72,13 / 69,98 (min); средняя — 79,92 дБ;

(24Я) [jiri] (*jiri*^o) [ОХХ: 5]: 82,17 / 83,02 / 83,10 (max) / 82,94 / 82,43 / 82,12 / 82,09 / 81,80 / 81,30 / 81,06 / 80,98 / 80,76 / 80,43 / 79,74 / 78,54 / 77,44 / 76,40 / 74,60 / 72,54 (min); средняя — 80,71 дБ;

(25Я) [jidi] (*jidi*^o) [ОХХ: 1]: 81,68 / 83,43 / 83,55 / 83,57 (max) / 83,11 / 82,81 / 82,65 / 82,62 / 82,56 / 82,39 / 82,14 / 81,97 / 81,69 / 81,21 / 80,74 / 80,22 / 79,71 / 79,30 / 78,69 / 77,15 / 74,31 (min); средняя — 81,45 дБ;

(25Я) [jidi] (*jidi*^o) [ОХХ: 2]: 80,42 / 81,98 / 82,88 / 83,09 (max) / 82,81 / 82,40 / 82,03 / 81,63 / 81,22 / 80,91 / 80,55 / 80,27 / 80,05 / 79,49 / 78,60 / 77,58 / 76,41 / 74,84 / 72,28 (min); средняя — 80,70 дБ;

(25Я) [jidi] (*jidi*^o) [ОХХ: 3]: 79,48 / 81,41 / 81,78 (max) / 81,38 / 80,76 / 80,15 / 79,62 / 79,17 / 78,79 / 78,28 / 77,47 / 76,51 / 75,43 / 73,62 / 70,54 / 66,75 / 62,92 / 59,52 (min); средняя — 78,43 дБ;

(26Я) [tiki] (*tiki*^o) [ОХХ: 1]: 78,02 / 79,50 / 80,17 / 80,45 (max) / 80,08 / 79,35 / 78,36 / 77,30 / 76,77 / 75,99 / 74,89 / 73,15 / 70,34 / 67,06 (min); средняя — 77,66 дБ;

(26Я) [tiki] (*tiki*^o) [ОЛЛ: 1]: 76,11 (min) / 80,63 / 83,04 / 84,09 / 84,18 (max) / 83,97 / 82,48 / 80,44; средняя — 82,37 дБ;

(26Я) [tiki] (*tiki*^o) [ОЛЛ: 2]: 77,03 (min) / 81,83 / 84,47 / 85,24 (max) / 84,67 / 83,86 / 83,68 / 83,76 / 82,93 / 81,43; средняя — 83,56 дБ;

(27Я) [nili] (*nili*^o) [ОХХ: 1]: 77,18 / 77,29 / 77,32 (max) / 77,29 / 77,24 / 77,18 / 77,13 / 77,01 / 76,74 / 76,09 / 74,96 / 73,70 / 72,37 / 70,29 / 67,26 (min); средняя — 76,00 дБ;

(27Я) [nili] (*nili*^o) [ОХХ: 2]: 80,53 / 80,30 / 80,34 / 80,26 / 80,24 / 80,28 / 80,46 / 80,46 / 80,53 (max) / 80,12 / 79,82 / 79,54 / 79,18 / 78,72 / 78,24 / 77,62 / 76,65 / 74,95 / 72,23 (min); средняя — 79,19 дБ;

(27Я) [nili] (*nili*^o) [ОХХ: 3]: 77,35 (max) / 77,01 / 76,43 / 75,93 / 75,92 / 75,99 / 75,57 / 74,97 / 74,45 / 73,80 / 73,15 / 72,09 / 69,77 (min); средняя — 75,19 дБ;

(27Я) [nili] (*nili*^o) [ОХХ: 4]: 77,37 (max) / 77,24 / 77,01 / 76,89 / 76,75 / 76,50 / 76,32 / 75,92 / 75,31 / 74,62 / 73,30 / 71,41 / 69,58 / 66,77 (min); средняя — 75,59 дБ;

(28Я) [sidi] (*sidi*^o) [ОХХ: 1]: 74,51 / 77,12 / 79,34 / 80,01 / 80,02 (max) / 78,92 / 77,60 / 77,11 / 77,13 / 77,10 / 76,68 / 76,27 / 75,82 / 75,28 / 74,64 / 73,73 / 71,91 / 69,25 (min); средняя — 76,71 дБ;

(28Я) [sidi] (*sidi*^o) [ОХХ: 2]: 83,08 / 84,27 / 84,36 (max) / 84,10 / 83,55 / 83,23 / 83,28 / 83,36 / 83,15 / 82,85 / 82,68 / 82,69 / 82,75 / 82,62 / 82,30 / 81,78 / 81,34 / 80,82 / 79,03 (min); средняя — 82,66 дБ;

(28Я) [sidi] (*sidi*^o) [ОХХ: 3]: 78,63 / 80,43 / 81,42 / 82,20 / 82,65 / 82,69 (max) / 82,61 / 82,29 / 81,92 / 81,56 / 80,98 / 80,24 / 79,63 / 79,00 / 78,32 / 77,72 / 76,78 / 75,34 / 73,44 / 71,27 / 68,08 (min); средняя — 79,94 дБ.

В большинстве рассмотренных выше произнесений тон остается ровным, равномерно понижаясь к концу фонетических слов — чаще всего на 10—60 Гц. При этом в некоторых случаях возможно небольшое (на 7—20 Гц) локальное повышение тона на первом гласном: слово [jiri] (*jiri*^o) в произн. 3—5 и [jidi] (*jidi*^o) в произн. 1—3 (диктор ОХХ). Отметим также, что в контекстном произнесении возможно заметное повышение частоты основного тона не на первом, а на втором гласном: например, на 45—65 Гц в произнесениях фонетических слов [tiki] и [tiki] (*tiki*^o) информантом ОЛЛ.

Для рассмотренных выше слов (24Я)—(28Я) характерно ударение на втором слоге. Акустическим коррелятом словесного акцента в этом случае является в первую очередь большая длительность ударного гласного второго слога по сравнению с безударным гласным первого, а также медленное «затухание» интенсивности (ее поддержание на относительно высоком уровне) на втором гласном. Изменение частоты основного тона в данном случае не является акустическим коррелятом ударения в изолированных произнесениях, однако в контекстных произнесениях повышение тона на ударном гласном второго слога может становиться релевантным и значимым параметром.

О том, что ударение в словах (24Я)—(28Я) падает на второй слог, а не на первый, свидетельствуют также формы аккузатива единственного числа: (24Я') [jirim(?)] (*yiri*^o-m) ACC.SG; (25Я') [jidim(?)] (*yidi*^o-m) ACC.SG; (26Я') [tikim(?)] (*tyiki*^o-m) ACC.SG; (27Я') [nilim(?)] (*ngili*^o-m) ACC.SG; (28Я') [sidim(?)] (*sidi*^o-m) ACC.SG [ОЛЛ, ОХХ] (см. Табл. 7 и девять спектрограмм в Приложении 2, Рис. (24Я')—(28Я')). Как видно из Табл. 7, при произнесении слов (24Я)—(28Я) в форме аккузатива единственного числа, когда второй слог оказывается закрытым, а не открытым (как в форме номинатива), длительность второго гласного также всегда превосходит длительность первого: либо незначительно — примерно на 0,01 сек. (10 мсек.),

либо, что чаще, более заметно — на 0,04—0,07 сек. (40—70 мсек.). В большинстве случаев интенсивность гласного второго слога также превышает интенсивность первого гласного: максимальная — на 0,1—2 дБ и даже примерно на 4,5 дБ (26Я'), средняя — на 0,15—2,2 дБ и даже примерно на 4,4 дБ (26Я'). Однако ниже отмечены также два произнесения слова [jirím(?)], где интенсивность первого гласного оказывается больше интенсивности второго: максимальная — на 1,8—3,7 дБ, средняя — на 1,5—3 дБ. Во многих случаях возможно также повышение частоты основного тона на втором гласном (на 15—40 Гц), однако оно не является обязательным, и тон может равномерно понижаться к концу фонетического слова (на 20—55 Гц).

Таблица 7

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
24Я'	[jirím [?]] (jiri ^o m [?])	0,127	84,67 (82,98)	125-149-145 (143)	0,177	84,17 (83,21)	138-116 (125)	OXX (1)
	[jirím]	0,106	83,41 (82,61)	125-134 (130)	0,176	81,65 (80,94)	129-111 (116)	OXX (2)
	[jirím [?]] (jiri ^o m [?])	0,107	83,89 (82,44)	130	0,171	80,20 (79,49)	111	OXX (3)
25Я'	[jidím] (jidi ^o m [?])	0,090	82,09 (80,26)	129	0,150	84,02 (82,51)	145-122 (133)	OXX (1)
26Я'	[tikím] (t'iki ^o m [?])	0,032	79,58 (78,59)	159-151 (156)	0,072	84,04 (82,96)	193-184 (189)	OXX (1)
27Я'	[ñilím] (ñili ^o m [?])	0,083	80,28 (79,49)	139	0,095	80,37 (79,65)	141-166	OXX (1)
	[ñilím] (ñili ^o m [?])	0,083	77,04 (76,41)	126	0,093	79,00 (78,26)	129-143 (136)	OXX (2)
28Я'	[sidím] (sidi ^o m [?])	0,066	80,97 (79,71)	158-132	0,075	83,09 (81,91)	154-175	OXX (1)
	[sidím] (sidi ^o m [?])	0,049	78,65 (77,47)	167-143	0,092	78,79 (77,82)	135-154	OXX (2)

Для сравнения ниже (в Табл. 8) приводятся числовые данные по длительности, интенсивности и частоте основного тона гласных первого и второго слогов слова (24Я) в форме DAT-LAT.SG (см. спектрограммы в Приложении 3, (24Я'')): длительность гласного второго слога превосходит длительность первого гласного на 0,08—0,11 сек. (80—110 мсек.)

Таблица 8

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
24Я''	[jirím [?]] (jiri ^o n ^o)	0,101	86,09 (84,02)	142-162	0,211	83,26 (82,40)	146-109	OXX (1)
	[jirím [?]] (jiri ^o n ^o)	0,118	84,19 (82,48)	122-144	0,197	82,55 (81,46)	137-111 (121)	OXX (2)

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов структур [C'iCi] (C'iCi^o) и [CiCi] (CiCi^o) обобщены нами в Таблице 9.

Таблица 9

[C'iCi], [CiCi] (C'iCi ^o , CiCi ^o)		
[i], [i] первого слога		[i] второго слога
Д1	<	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	=/>	ЧОТ2

Наши выводы о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренных выше словах структур [C'iCi] (C'iCi°) и [CiCi] (CiCi°) в ямальском диалекте подтверждаются также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров ямальского диалекта (О и ОР): (24Я) О *jir̄*, ОР *ji'r̄r̄* [Lehtisalo 1956: 129a]; (25Я) ОР *jiδ̄* [Lehtisalo 1956: 134a]; (26Я) О *t̄⁶ikk̄*, ОР *t̄⁶ikk̄* [Lehtisalo 1956: 511b]; (27Я) О *ñil̄* [Lehtisalo 1956: 31b]; (28Я) О *ñiδ̄* [Lehtisalo 1956: 414a], — где с помощью диакритики обозначена длительность (долгота) второго гласного (*̄* в говоре О, *̄* в говоре ОР).

О том, что в этих словах ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует и фонологическая интерпретация этих имен, сделанная Т. Салминеном: (24Я) *yiri°*, (25Я) *yidi°*, (26Я) *tyiki°*, (27Я) *ngili°*, (28Я) *sidi°* [Salminen 1998: 58—59].

2.1.3. В ямальском диалекте Т ненец. имеются слова слоговых структур [C'iCCiC^(°)C] = [C'iCCiC^(°)?] (в фонологической записи Т. Салминена — C'iCCiC°C, (29Я)) и [CiCCiCC^(°)C] = [CiCCiCC^(°)?] (в фонологической записи Т. Салминена — CiCCiCC°C, (30Я)). В Таблице 10 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных первого и второго слогов фонетических слов данных структур. Как примеры слов этих структур нами были выбраны для анализа следующие имена (см. девять спектрограмм в Приложении 1, (29Я) и (30Я)):

[C'iCCiC^(°)C] = [C'iCCiC^(°)?] (C'iCCiC°C)

(29Я) *имбыт*''(д) 'рубашка, рубаха, сорочка; платье (женское)'¹⁷ [Терещенко 1965, 2008: 143], *yimpit°q* (N t+o), YIMPITØT [Salminen 1998: 321], О *jimB^lit°*, ОР *jimb^lit°*, Sj. *jimB^lit°*, U *jimB^lit°* 'Hemd' 'рубашка, рубаха, сорочка' [Lehtisalo 1956: 110b] < ПС **jempâ-jât³t^lât^l* 'Hemd' 'рубашка, рубаха, сорочка' [Janhunen 1977: 42]¹⁸ < ПС *jempâ 'Kleidung' 'одежда, платье' [Janhunen 1977: 42];

[CiCCiCC^(°)C] = [CiCCiCC^(°)?] (CiCCiCC°C)

(30Я) ямал. *пыркыбт*''(д) (~ б.-з. *пыркабт*''(д)) 'изголовье, подушка' [Терещенко 1965, 2008: 498], *pirkibt°q* (N t+o), PIRXA→iPTA→øT [Salminen 1998: 321] (~ *pirkabt°q* ~ *pirkibt°q*), О₁ *purkkāpt°*, О₂, Sj. *pirkkāpt°*, ОР *pirkkāB^lt°*, Т₁ *purkkāpt°*, U *purkkōpt°*, U-Ts. *purkko·i°* 'Kissen, Kopfkissen' 'подушка' [Lehtisalo 1956: 366a]; ср. Л *пудтам* 'подушка' [Бармич, Вэлло 2002: 113], *пудтам* 'подушка; изголовье' [Бармич, Вэлло 2002: 116], *pul^otaj* [p^ou^otāi] 'подушка' [Попова 1978: 108], S *pir̄Btat*, Kıs. *pur̄tat^N*, Nj. *pur̄Btat*, P *rij̄l^oprt* 'Kissen, Kopfkissen' 'подушка' [Lehtisalo 1956: 366a].

Следует, однако, оговорить, что, по мнению Т. Салминена, слова (29Я) и (30Я) являются фонологически трехсложными, а не двусложными и имеют слоговые структуры C'iCCiC°C и CiCCiCC°C с фонемой ° в третьем, последнем, слоге перед гортанным смычным согласным: *yimpit°q*, *pirkibt°q* [Salminen 1998: 321]. Что касается наших полевых материалов по ямальскому диалекту Т ненец., то в некоторых произнесениях на спектрограммах обнаруживается гласный призвук после [t], однако непоследовательно.

Отметим, что слово *нылык* 'оборванец' [Терещенко 1965, 2008: 322], приводимое в словаре Н. М. Терещенко с пометой «ямал.» (ср. *nilik°* (N ø≡), NILIQXØ [Salminen 1998: 61]) и имеющее сходную структуру [CiCiC] (CiCiC°), по нашим полевым данным, не употребляется (по крайней мере широко) в рассматриваемом нами идиоме.

Таблица 10

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
[i] в 1С и [i] во 2С ([i]—[i]) // (i—i—°), по [Salminen 1998: 321] [C'iCCiC ^(°) C] // CiCCiCC°C (C'iCCiC°C), по [Salminen 1998: 321]								
29Я	[jimbít ° ?] (<i>jimpit°?</i>)	0,049	82,59 (81,98)	165-158 (162)	0,090	83,52 (82,52)	138	OXX (1)
	[jimbít] ¹⁹	0,060	78,28 (77,60)	142	0,113	78,87 (76,97)	120-106 (113)	OXX (2)
	[jimbít]	0,032	77,98 (77,52)	136-130 (134)	0,068	77,46 (75,81)	124-108 (115)	OXX (3)
	[jimbít]	0,082	84,38 (84,15)	189	0,103	87,62 (84,75)	186	ОЛЛ (1)

¹⁷ В ямальском диалекте слово *имбыт*''(д) употребляется только в значении 'рубашка, рубаха' (ср., наоборот, в другом восточном диалекте, в гыданском, — только в значении 'платье (женское)').

¹⁸ В [Janhunen 1977: 14] указано, что *t^l* обозначает либо *c*, либо *t*, а *t³* — *c*, *k*, *s* или *t*.

¹⁹ В данном произнесении, а также в двух последующих гортанный смычный согласный в конце слова не представлен.

[i] в 1С и 2С ([i]—[i]) // (i—i—°), по [Salminen 1998: 321] [CiCCiCC ^(°) C] // CiCCiCC ° C, по [Salminen 1998: 321]								
30Я	[p̄irkíptʰʔ] (p̄irkíbtʰʔ)	0,054	78,80 (77,33)	142-128 (133)	0,085	79,37 (76,18)	151	OXX (1)
	[p̄irkíbtʰʔ]	0,070	80,35 (79,20)	133-105 (122)	0,070	79,42 (76,66)	147	OXX (2)
	[p̄irkíptʰʔ]	0,059	77,61 (76,37)	141-117 (128)	0,057	78,02 (76,03)	151-129 (141)	OXX (3)
	[p̄irkíptʰʔ]	0,077	84,16 (82,40)	159-138 (144)	0,104	79,36 (78,11)	148-117 (129)	OXX (4)
	[p̄irkíptʰʔ]	0,075	82,97 (81,33)	155-133 (141)	0,106	78,22 (76,29)	137-110 (123)	OXX (5)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов, можно отметить следующее.

В большинстве приведенных выше фонетических слов длительность гласного [i] второго слога превосходит длительность гласного первого слога — примерно на 0,03—0,05 сек. (30—50 мсек.). Только в двух произнесениях слова (30Я) диктором OXX длительности обоих гласных оказываются численно сопоставимы (произн. 2 и 3). Таким образом, отношение длительности гласного первого слога к длительности гласного [i] второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в рассмотренных выше произнесениях оказывается следующим: (29Я) 1:1,8 [OXX: 1]; 1:1,9 [OXX: 2]; 1:2,1 [OXX: 3]; 1:1,3 [ОЛЛ: 1]; (30Я) 1:1,6 [OXX: 1]; 1:1 [OXX: 2]; 1:1 [OXX: 3]; 1:1,4 [OXX: 4]; 1:1,4 [OXX: 5], — т. е. длительность гласного второго слога обычно превосходит длительность гласного первого слога в 1,3—1,9 раза и единично даже в 2,1 раза.

Часто интенсивность первого гласного превосходит интенсивность второго, что может быть связано также с общеречевой тенденцией: максимальная — на 0,5—1 дБ и даже примерно на 4,8 дБ в произн. 4 и 5 слова (30Я) диктором OXX; средняя — на 0,3—2,5 дБ и даже примерно на 4,3—5 дБ соответственно. В некоторых случаях интенсивность гласного [i] второго слога даже превышает интенсивность первого гласного: максимальная — на 0,4—0,6 дБ в четырех произнесениях диктора OXX и даже на 3,2 дБ в произнесении слова (29Я) информантом ОЛЛ; средняя — примерно на 0,5 дБ (слово (29Я) произн. 1 диктора OXX, (29Я) произн. диктора ОЛЛ). При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 0,2—1,7 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 1—2,9 дБ.

Обычно на протяжении произнесения данных фонетических слов дикторами OXX и ОЛЛ тон остается ровным, равномерно понижаясь к концу (примерно на 20—45 Гц), колебания по частоте основного тона при этом незначительны. В трех произнесениях слова (30Я) диктором OXX (произн. 1—3) тон на втором гласном оказывается несколько (на 30—40 Гц) выше, чем на первом.

Для рассмотренных выше слов структур [C'iCCiC^(°)(C)] (C'iCCiC°C) и [CiCCiCC^(°)C] (CiCCiCC°C) характерно ударение на гласном [i] второго слога. Акустическими коррелятами словесного акцента при выделении гласного не первого слога в данном случае оказываются большая длительность (темпоральная выделенность) и часто, но не всегда большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом параметр темпоральной выделенности можно считать основным акустическим коррелятом ударения, а экспираторное (и, возможно, тональное) маркирование — дополнительным.

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных проанализированных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 11*.

Таблица 11

[C'iCCiC ^(°) (C)], [CiCCiCC ^(°) C] (CiCCiC ° C)		
[i], [i] первого слога		[i] второго слога
Д1	<	Д2
И1	< (= / >)	И2
ЧОТ1	= / > (<)	ЧОТ2

Наши выводы о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренном выше слове (29Я) структуры [C'iCCiC^(°)(C)] (C'iCCiC°C) в ямальском диалекте подтверждаются также дан-

ными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров ямальского диалекта (О и ОР): О *jimb^lūt^{sd}*, ОР *jimbūt^{sd}* [Lehtisalo 1956: 110b], — где с помощью диакритики обозначена длительность (долгота) второго гласного *ī*. Что касается слова (30Я) в записи Т. Лехтисало для говоров ямальского диалекта, то там также с помощью диакритики долготы отмечена длительность второго гласного, однако это слово зафиксировано там с *ā* во втором слоге, т. е. как слово с неоднородным вокалическим составом: О₁ *purkkāpt^{sd}*, О₂ *pīrkāpt^{sd}*, ОР *pīrkāB^l_{sd}* [Lehtisalo 1956: 366a] (для говора О₁ отмечается также *u*, а не *j* в первом слоге).

О том, что в этих словах ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует и фонологическая интерпретация этих имен, сделанная Т. Салмином: (29Я) *yimpit^oq* (N *t+o*), YIMPITØT [Salminen 1998: 321]; (30Я) *pīrkibt^oq* (N *t+o*), PIRXA→iPTA→øT [Salminen 1998: 321] (~ *pīrkibt^oq* ~ *pīrkibt^oq*). По мнению Т. Салмина, слог, предшествующий слогу с фонемой /^o/ (“pre-schwa syllable”), является ударным [Salminen 2007: 350, 359]. Таким образом, в системе Т. Салмина гласный второго слога в рассмотренных нами словах должен считаться ударным, т. к. находится перед слогом с фонемой /^o/, что согласуется с нашими полевыми данными.

2.2. Акцентные характеристики фонетических слов с противопоставленными по долготе гласными верхнего подъема [ī] / [ī̄] и [i] / [ī] в ямальском диалекте

Как уже было отмечено выше, в тундровом ненецком языке, в том числе и в ямальском диалекте, гласные верхнего подъема противопоставлены по долготе: существуют нейтральные по длительности [i] и [ī] и долгие [ī̄] и [ī̄̄]. В этом разделе мы рассмотрим просодические характеристики слов с [ī̄] и [ī̄̄] в первом слоге и [i] и [ī] во втором слоге, отделяя их от проанализированных выше слов с нейтральными по длительности гласными верхнего подъема в обоих слогах.

2.2.1. В ямальском диалекте Т ненец. имеются слова слоговых структур [C^lCC^li(?)^l] (31Я, 32Я) с возможным «звонким» гортанным смычным в абсолютном конце (C^liCC^li(C)^l)²⁰. В Таблице 12 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных первого и второго слогов фонетических слов указанных структур. Как примеры слов этих структур нами были выбраны для анализа следующие имена (см. 21 спектрограмму в Приложении 1, (31Я) и (32Я)):

(31Я) пибти'(н) (~ *пібтя'(н)*) ‘нижняя губа’ [Терещенко 1965, 2008: 461], *pyĩbyih* (N *ng+o*, ~ *+ye*), PYIPTYING [Salminen 1998: 269] (~ *pyĩbyyah* (N *ng+o*), PYIPTYANG [Salminen 1998: 267]), О₁ *pīB^lt^{sd}*, Т₁ *pīB^lt^{sd}*, Т₂ *pīpt^{sd}*, S_j. *pīpt^{sd}*, U-Ts. *pīβ^lt^{sd}*, N *pīβ^lt^{sd}* ‘Unterlippe’ ‘нижняя губа’ [Lehtisalo 1956: 386b]; ср. Л *пиптйу*, *пипчи* ‘нижняя губа’ [Бармич, Вэлло 2002: 111], *pīp't'ij* ‘нижняя губа’ [Попова 1978: 103], S *pīp^lt^{sd}*, Kis. *pīp^lt^{sd}*, Nj. *pīB^lt^{sd}*, P₁ *pīp^lt^{sd}*, P₂ *pīB^lt^{sd}* ‘Unterlippe’ ‘нижняя губа’ [Lehtisalo 1956: 386b] < ПС **peptän* / **peptāṅ* ~ **piptän* / **piptāṅ* (энец., ненец. < ? **piāptän* / **piāptāṅ*) ‘Lippe (Unterlippe)’ ‘губа (нижняя губа)’ [Janhunen 1977: 122];

(32Я) пирци (~ *пирцй*) ‘желудок птицы’ [Терещенко 1965, 2008: 469], *pyĩrcyi* (N *yi*≡), PYIRSYI [Salminen 1998: 273] ~ *pyĩrcyih* (N *ng+o*, ~ *+ye*), PYIRSYING [Salminen 1998: 268] (~ *pyĩrcya* (N *ya*→*yi*), PYIRSYA [Salminen 1998: 231]), О *pīr^lt^{sd}*, S_j. *pīr^lt^{sd}* ‘Kropf des Vogels’ ‘зоб птицы’, К *pīr^lt^{sd}* ‘Kropf des Vogels; Blättermagen’ ‘зоб птицы; желудок’, ОР *pīr^lt^{sd}* ‘Blättermagen’ ‘желудок’ [Lehtisalo 1956: 385b]; ср. Л *pīlśā* ‘желудок птицы’²¹ [Попова 1978: 102], S *pīlś^lt^{sd}*, P *pīlś^lt^{sd}* ‘Blättermagen’ ‘желудок’ [Lehtisalo 1956: 385b] < ПС **pīrkā* (~ **perkā*) ‘Bauch’ ‘живот, желудок’ [Janhunen 1977: 122].

Отметим, что в работе [Salminen 1998] предложена фонологическая интерпретация этих слов с долгим гласным [ī̄] в первом слоге (в записи Т. Салмина символом *i* обозначается долгая фонема верхнего подъема переднего ряда), однако указано также на то, что для слов (31Я) и (32Я) такая интерпретация не является бесспорной и что вероятность наличия в первом слоге нейтральной по длительности гласной фонемы *i* все же остается²²: (31Я) *pyĩbyih* [Salminen 1998: 269]; (32Я) *pyĩrcyi* [Salminen 1998: 273] ~ *pyĩrcyih* [Salminen 1998: 268]. В словаре Н. М. Терещенко эти имена записаны как слова с нейтральным по длительности (а не долгим) гласным в первом слоге, хотя в некоторых других случаях долгая фонема

²⁰ Символ *ī* с подчеркиванием в записи Т. Салмина обозначает, что мы, вероятно, имеем дело с долгой фонемой *ī*, но возможно, хотя и менее вероятно, — с нейтральной по длительности фонемой *i*.

²¹ Ср. *pīlśā* ‘высокий’ [Попова 1978: 102].

²² Этимология слова (31Я) также небесспорна: ПС **peptän* / **peptāṅ* ~ **piptän* / **piptāṅ* (энец., ненец. < ? **piāptän* / **piāptāṅ*) [Janhunen 1977: 122]; возможная реконструкция с дифтонгом **piāptän* / **piāptāṅ* позволяет предполагать здесь этимологически долгий *ī̄*. Этимология для слова (32Я) указывает на этимологически нейтральный по длительности гласный: ПС **pīrkā* (~ **perkā*) [Janhunen 1977: 122].

i получает свое обозначение в этой работе (как *ī*). По нашим полевым данным, рассмотренным выше, длительность [i] первого слога составляет 0,03—0,13 сек. (30—130 мсек.), но чаще 0,06—0,1 сек. (60—100 мсек.); среднюю длительность [i] первого слога можно определить как 0,08 сек. (80 мсек.). Что касается слов (31Я) и (32Я), то в их произнесениях в разных формах длительность гласного первого слога составляет 0,07—0,16 сек. (70—160 мсек.), но чаще 0,085—0,1 сек. (85—100 мсек.); среднюю длительность гласного первого слога в этих словах для всех трех информантов можно определить как 0,1 сек. (100 мсек.): при этом для дикторов ОХХ и ЯМГ она составляет 0,09 сек. (90 мсек.), а для диктора ОЛЛ значительно больше — 0,14 сек. (140 мсек.). Как нам кажется, гласный первого слога в именах (31Я) и (32Я) можно все же признать не нейтральным по длительности, а долгим.

Следует указать на тот факт, что слова структур [C'ĪC'i?] с «глухим» гортанным смычным в абсолютном конце (C'ĪC'iC) и [CīCī] с открытым последним слогом (CīCī) в современном ямальском диалекте трудно привлечь к исследованию. Слово, относящееся к первой структуре, — *ниты*'(д) 'зарубка на тупом конце стрелы (которой она упирается в тетиву)' [Терещенко 1965, 2008: 316], *nyŋyiq* (N t+ŋ), NYŋQTYIT [Salminen 1998: 329], О *n'ŋ'ŋ'ŋ'*, Sj. *n'ŋ'ŋ'ŋ'* 'unteres, zweizinkiges Ende des Pfeiles' 'раздвоенная часть на конце стрелы' [Lehtisalo 1956: 328a] (ср. Л *n'ŋ'ŋ'* 'прорезь на луке, куда вкладывается стрела' [Попова 1978: 68], S *n'ŋ'ŋ'ŋ'*, P *n'ŋ'ŋ'ŋ'* 'unteres, zweizinkiges Ende des Pfeiles' 'раздвоенная часть на конце стрелы' [Lehtisalo 1956: 328a]) — является устаревшим и почти не употребляется в живой речи. А слово второй структуры, хотя и отмечаемое в словаре Н. М. Терещенко с пометой «ямал.», — *уысы* (~ б.-з. *уэсы*) 'стоянка, стойбище, па́рма (стоянка из нескольких чумов); оседлое поселение, поселок, деревня, село' [Терещенко 1965, 2008: 410, 423], (Eastern) *ngisi* (N i≡), NGESO(→i)→I [Salminen 1998: 272] (~ Western, Central *ngesi*), О *ŋŋŋŋ*, U-Ts. *ēōŋŋ* 'Zeltdorf, mehrere an dem gleichen Ort stehende Zelte' 'стойбище, стоянка из нескольких чумов' [Lehtisalo 1956: 26b] (ср. Л *уысы* 'стоянка чумов, стойбище; поселок; стадо' [Бармич, Вэлло 2002: 101], *ŋjšŋ* [ŋjšŋ] 'стойбище' [Попова 1978: 86], Lj. *ŋŋŋŋ*, Nj. *ŋŋŋŋ*, P *ŋŋŋŋ* 'Zeltdorf, mehrere an dem gleichen Ort stehende Zelte' 'стойбище, стоянка из нескольких чумов' [Lehtisalo 1956: 26b]) — чаще фиксируется не как [ŋŋsi], а как [ŋesi].

Таблица 12

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
<i>i</i> в 1С и <i>i</i> во 2С (<i>i</i> — <i>i</i>) // (<i>i</i> — <i>i</i>), по [Salminen 1998: 268, 269] [C'ĪCC'i(?)] // C'ĪCC'i(C), по [Salminen 1998: 268, 269]								
31Я	[p'ŋbt'i?] <i>p'ŋbt'i?</i>	0,118	82,15 (79,69)	167-126	0,113	80,17 (78,17)	134-115-без го- лоса (121)	ОХХ (1)
	[p'ŋbt'i?] <i>p'ŋbt'i?</i>	0,098	82,70 (80,14)	160-114	0,106	77,55 (76,07)	113	ОХХ (2)
	[p'ŋbt'i?] <i>p'ŋbt'i?</i>	0,085	77,72 (76,29)	146-134 (139)	0,111	68,76 (67,45)	125-109-без го- лоса (115)	ОХХ (3)
	[p'ŋbt'i?] <i>p'ŋbt'i?</i>	0,088	81,12 (79,40)	165-150-140 (158)	0,123	78,84 (76,42)	130-104 (119)	ОХХ (4)
	[p'ŋbt'i?] <i>p'ŋbt'i?</i>	0,130	78,20 (76,04)	148-116	0,140	71,56 (70,38)	118-112-без го- лоса[-316] (112)	ОХХ (5)
	[p'ŋbt'i?] <i>p'ŋbt'i?</i>	0,145	86,88 (83,82)	212-216-204- 187 (210)	0,229	88,07 (82,83)	194-128-111- 134 (151)	ОЛЛ (1)
	[p'ŋbt'i?] <i>p'ŋbt'i?</i>	0,106	87,80 (84,57)	205-220-216 (215)	0,210	86,50 (82,17)	186-134-145	ОЛЛ (2)
	[p'ŋbt'i?] <i>p'ŋbt'i?</i>	0,089	80,64 (78,33)	207-181-188 (198)	0,097	76,32 (73,13)	200-239-210 (216)	ЯМГ (1)
	[p'ŋbt'i?] <i>p'ŋbt'i?</i>	0,071	82,61 (80,53)	238-211 (218)	0,085	82,64 (80,00)	23-207-без голоса (215)	ЯМГ (2)
	[p'ŋbt'i?] <i>p'ŋbt'i?</i>	0,090	81,75 (79,97)	206-185 (193)	0,069	80,97 (78,86)	181-167-без голоса (174)	ЯМГ (3)
	[p'ŋbt'i?] <i>p'ŋbt'i?</i>	0,099	84,02 (81,73)	228-205-210 (216)	0,119	80,73 (77,12)	218-239-266-244 (231)	ЯМГ (4)

32Я	[p'ir̩tɕi] p'ir̩tɕi	0,070	77,39 (75,91)	142	0,093	72,01 (70,86)	124-103-93 (109)	ОХХ (1)
	[p'ir̩tɕi] p'ir̩tɕi	0,099	78,91 (77,89)	159-137-129 (146)	0,140	71,56 (69,81)	124-103 (110)	ОХХ (2)
	[p'ir̩tɕi] p'ir̩tɕi	0,072	76,50 (75,30)	164-135 (148)	0,092	74,94 (73,24)	112	ОХХ (3)
	[p'ir̩tɕi?] p'ir̩tɕi?	0,149	90,51 (85,48)	254-267-248-213 (258)	0,262	86,55 (82,54)	178-141-97	ОЛЛ (1)
	[p'ir̩tɕi?] p'ir̩tɕi?	0,136	87,77 (84,17)	239-257-242 (248)	0,217	89,57 (83,87)	191-145- [202-387-327]	ОЛЛ (2)
	[p'ir̩tɕi] p'ir̩tɕi(?)	0,166	87,54 (83,30)	211-207-219-193 (211)	0,122	89,04 (84,41)	193-142-110	ОЛЛ (3)
	[p'ir̩tɕi] p'ir̩tɕi(?)	0,124	88,43 (84,82)	205	0,132	87,73 (83,05)	177-130-136	ОЛЛ (4)
	[p'ir̩tɕi] p'ir̩tɕi	0,084	81,63 (79,40)	217-186-189 (200)	0,093	77,93 (76,04)	206-187-176- 181-172 (181)	ЯМГ (1)
	[p'ir̩tɕi] p'ir̩tɕi	0,104	83,34 (82,21)	212	0,116	80,45 (78,28)	184	ЯМГ (2)
	[p'ir̩tɕi] p'ir̩tɕi	0,098	83,27 (81,02)	214-197-185 (189)	0,085	76,01 (74,07)	без голоса-80- 85-без голоса- 184-173	ЯМГ (3)

В некоторых произнесениях длительность гласного первого слога оказывается численно сопоставимой с длительностью второго гласного: так, в семи произнесениях разных дикторов разница между гласными не превышает 0,005—0,01 сек. (5—10 мсек.); см. слово (31Я) в произнесениях диктора ОХХ (произн. 1, 2 и 5) и ЯМГ (произн. 1), а также слово (32Я) в произн. 4 диктора ОЛЛ и в произн. 1 и 2 диктора ЯМГ. Однако в большинстве случаев (в 11 из 21 произнесения) длительность гласного второго слога, открытого или закрытого звонким гортанным смычным, превышает длительность первого гласного на 0,015—0,04 сек. (15—40 мсек.) в произнесениях информантов ОХХ (слово (31Я) произн. 3 и 4; (32Я) произн. 1—3) и ЯМГ (слово (31Я) произн. 2 и 4) и даже на 0,08—0,11 сек. (80—110 мсек.) в речи диктора ОЛЛ (слово (31Я) произн. 1 и 2; (32Я) произн. 1 и 2), несмотря на то, что длительность первого гласного в произнесениях ОЛЛ превосходит таковую в идиолектах ОХХ и ЯМГ. Также отметим, что в трех случаях длительность первого гласного оказывается больше длительности второго — на 0,013—0,045 сек. (13—45 мсек.): см. слово (31Я) в произн. 3 диктора ЯМГ и слово (32Я) в произн. 3 ОЛЛ и в произн. 3 ЯМГ.

В абсолютном большинстве рассмотренных выше произнесений интенсивность гласного первого слога превосходит интенсивность второго гласного: максимальная — на 0,7—3,3 дБ и на 4—6,5 дБ в речи всех трех носителей, а также даже на 7—9 дБ в произнесениях дикторов ОХХ и ЯМГ; средняя — на 1—5,7 дБ в речи всех трех носителей, а также на 7—9 дБ в произнесениях дикторов ОХХ и ЯМГ соответственно. Такое экспираторное выделение первого гласного является очень заметным и значительным. Только в одном произнесении (произн. 2) слова (31Я) информантом ЯМГ оба гласных оказываются численно сопоставимы по интенсивности, и только в трех произнесениях диктора ОЛЛ максимальная интенсивность второго гласного больше пиковой интенсивности первого на 1,2—1,8 дБ (слово (31Я) произн. 1; (32Я) произн. 2 и 3), что не является заметной величиной, при том что средняя интенсивность первого гласного в двух случаях из этих трех все же превосходит среднюю интенсивность гласного второго слога на 0,3—1 дБ. Таким образом, можно указать на большее экспираторное маркирование первого гласного в речи ОХХ и ЯМГ, чем в идиолекте информанта ОЛЛ.

При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 1—2,5 дБ в произнесениях информантов ОХХ и ЯМГ и 3—5 дБ в произнесениях ОЛЛ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 1,2—3,5 дБ в идиолектах ОХХ и ЯМГ и 4—5,7 дБ в речи ОЛЛ соответственно, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного часто (хотя и не всегда) уменьшается быстрее, чем на протяжении произнесения первого гласного. Следует обратить внимание на тот факт, что интенсивность на протяжении произнесения гласного второго слога в фонетических словах (31Я) и (32Я) убывает относительно быстро и резко. Ниже приводятся данные по интенсивности гласных второго слога всех фонетических слов

(31Я) и (32Я) с разницей в 10 мсек. (через косую черту /) с указанием на максимальную (max), минимальную (min) и среднюю интенсивность (в децибелах, дБ):

(31Я) [pʲɪbtʲiʲ] pʲɪbtʲiʲ [ОХХ: 1]: 77,04/79,51/80,15/80,17 (max)/79,86/79,35/78,76/78,21/77,39/76,04/73,74 (min); средняя — 78,17 дБ;

(31Я) [pʲɪbtʲiʲ] pʲɪbtʲiʲ [ОХХ: 2]: 74,36/76,85/77,55 (max)/77,52/77,33/77,11/76,93/76,37/75,58/74,22/71,22 (min); средняя — 76,07 дБ;

(31Я) [pʲɪbtʲiʲ] pʲɪbtʲiʲ [ОХХ: 3]: 65,38 (min)/67,09/67,29/67,07/67,56/68,46/68,73/68,76 (max)/67,97/67,52/66,96/66,09; средняя — 67,45 дБ;

(31Я) [pʲɪbtʲiʲ] pʲɪbtʲiʲ [ОХХ: 4]: 74,90/77,33/78,65/78,83/78,84 (max)/78,44/77,75/77,01/76,02/74,35/72,23/69,65/65,91 (min); средняя — 76,42 дБ;

(31Я) [pʲɪbtʲiʲ] pʲɪbtʲiʲ [ОХХ: 5]: 69,90/70,85/71,39/71,22/70,51/70,22/70,18/70,53/71,15/71,56 (max)/71,05/68,78/64,95 (min); средняя — 70,38 дБ;

(31Я) [pʲɪbtʲiʲ] pʲɪbtʲiʲ [ОЛЛ: 1]: 83,50/86,52/87,84/88,05/88,07 (max)/87,42/86,23/84,96/83,99/82,89/81,15/79,39/78,40/76,94/75,37/74,61/73,53/71,76/69,64/67,50/65,20/62,94 (min); средняя — 82,83 дБ;

(31Я) [pʲɪbtʲiʲ] pʲɪbtʲiʲ [ОЛЛ: 2]: 84,21/86,28/86,46/86,50 (max)/85,76/84,64/83,38/82,49/82,30/82,40/82,00/81,27/80,85/80,31/78,49/75,98/75,32/74,92/73,03/70,52/68,39 (min); средняя — 82,17 дБ;

(31Я) [pʲɪbtʲiʲ] pʲɪbtʲiʲ [ЯМГ: 1]: 74,33/76,18/76,32 (max)/75,86/74,85/73,67/71,62/67,94/64,13/62,20 (min); средняя — 73,13 дБ;

(31Я) [pʲɪbtʲiʲ] pʲɪbtʲiʲ [ЯМГ: 2]: 80,83/82,33/82,59/82,64 (max)/81,64/79,28/76,60/73,31/68,80 (min); средняя — 80,00 дБ;

(31Я) [pʲɪbtʲiʲ] pʲɪbtʲiʲ [ЯМГ: 3]: 79,66/80,94/80,97 (max)/80,28/79,08/77,73/75,12 (min); средняя — 78,86 дБ;

(31Я) [pʲɪbtʲiʲ] pʲɪbtʲiʲ [ЯМГ: 4]: 78,45/80,33/80,73 (max)/80,41/79,23/76,86/73,66/70,32/67,45/65,31/61,77 (min); средняя — 77,12 дБ;

(32Я) [pʲɪrʲtʲeɪ] pʲɪrʲtʲeɪ [ОХХ: 1]: 68,88 (min)/70,71/71,17/71,57/72,01 (max)/71,68/71,03/70,18/69,10; средняя — 70,86 дБ;

(32Я) [pʲɪrʲtʲeɪ] pʲɪrʲtʲeɪ [ОХХ: 2]: 68,46/70,00/70,51/70,95/71,50/71,56 (max)/71,48/70,96/70,62/70,72/69,92/67,53/64,52/62,70 (min); средняя — 69,81 дБ;

(32Я) [pʲɪrʲtʲeɪ] pʲɪrʲtʲeɪ [ОХХ: 3]: 73,64/74,85/74,91/74,94 (max)/74,58/73,73/72,42/71,26/69,91 (min); средняя — 73,24 дБ;

(32Я) [pʲɪrʲtʲeɪ] pʲɪrʲtʲeɪ [ОЛЛ: 1]: 81,04/84,97/86,41/86,55 (max)/86,29/85,92/85,28/84,19/82,94/81,94/81,13/80,32/79,93/80,16/81,08/82,22/82,79/82,82/82,66/81,94/80,14/78,61/78,69/77,47/74,42/71,73 (min); средняя — 82,54 дБ;

(32Я) [pʲɪrʲtʲeɪ] pʲɪrʲtʲeɪ [ОЛЛ: 2]: 87,83/89,41/89,57 (max)/89,29/88,19/86,42/83,92/81,86/81,67/81,97/81,84/81,55/80,63/79,13/77,66/77,09/76,27/74,61/73,57/72,40/69,78 (min); средняя — 83,87 дБ;

(32Я) [pʲɪrʲtʲeɪ] pʲɪrʲtʲeɪ(?) [ОЛЛ: 3]: 86,64/89,04 (max)/88,83/88,62/86,81/84,09/82,25/81,38/79,65/77,02/73,85/70,77 (min); средняя — 84,41 дБ;

(32Я) [pʲɪrʲtʲeɪ] pʲɪrʲtʲeɪ(?) [ОЛЛ: 4]: 87,01/87,72 (max)/86,67/84,89/82,42/80,02/78,46/77,33/76,74/75,84/73,99/71,32 (min); средняя — 83,05 дБ;

(32Я) [pʲɪrʲtʲeɪ] pʲɪrʲtʲeɪ [ЯМГ: 1]: 72,27/76,41/77,87/77,93 (max)/77,72/77,26/75,60/72,16/67,12 (min); средняя — 76,04 дБ;

(32Я) [pʲɪrʲtʲeɪ] pʲɪrʲtʲeɪ [ЯМГ: 2]: 77,71/79,70/80,30/80,45 (max)/80,39/79,89/78,71/76,85/74,13/70,32/65,66 (min); средняя — 78,28 дБ;

(32Я) [pʲɪrʲtʲeɪ] pʲɪrʲtʲeɪ [ЯМГ: 3]: 73,73/75,48/75,97/76,01 (max)/75,89/75,14/73,41/70,03/65,12 (min); средняя — 74,07 дБ.

В произнесениях диктора ОХХ частота основного тона равномерно, без значительных колебаний, понижается на протяжении фонетических слов — в общей сложности от начала до конца на 35—60 Гц. В произнесениях информанта ОЛЛ при общем понижении тона к концу фонетических слов, более заметно, чем в речи ОХХ (иногда даже более чем на 100 Гц на втором слоге), возможно также локальное повышение ЧОТ на гласном первого слога (небольшое — на 10—20 Гц). Для идиолекта носителя ЯМГ характерно общее понижение тона к концу произнесения ФС (на 30—40 Гц), однако возможно также повышение ЧОТ на втором слоге перед гортанным смычным.

Для рассмотренных выше слов структуры [CʲtʲCCʲiʲ(?)] (CʲiʲCCʲiʲ(C)) характерно ударение на гласном [i] первого слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента в этих фонетических словах в первую очередь является значительно бóльшая интенсивность ударного гласного первого слога по сравнению с безударным, а второстепенным — темпоральная выделенность ударного гласного, изначально присущая долготу гласному, но которая, однако, часто «затеняется» тем фактом, что длительность глас-

ного второго слога, открытого или закрытого гортанным смычным, часто может превышать длительность первого гласного. Возможно, что в речи диктора ОЛЛ небольшое тональное выделение ударного гласного (и заметное понижение тона на безударном гласном) также оказывается дополнительным (вспомогательным) акустическим коррелятом словесного акцента.

О том, что ударение в словах (31Я) и (32Я) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также следующие формы: (31Я') [p'ĩpt̪im(?)]/[p'ĩbt̪im(?)] ACC.SG; (32Я') [p'ĩr̪teim(?)]/[p'ĩr̪teim(?)] ACC.SG [ОХХ, ОЛЛ, ЯМГ] (см. Табл. 13 и четыре спектрограммы в Приложении 2, Рис. (31Я') и (32Я')). Как видно из Табл. 13, при произнесении слов (31Я) и (32Я) в форме аккузатива единственного числа длительность первого гласного обычно превосходит длительность второго примерно на 0,02—0,035 сек. (20—35 мсек.). При произнесении двух фонетических слов (32Я') диктором ОХХ интенсивность первого гласного также превышает интенсивность второго: как примерно на 1 дБ (произн. 1), так и на 9,5 дБ (произн. 2) при ненапряженной артикуляции.

Таблица 13

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
31Я'	[p'ĩpt̪im] (p'ĩbt̪im(?)) (из контекста)	0,083	80,92 (78,63)	151-121 (137)	0,066	82,27 (80,49)	155	ОХХ (1)
	[p'ĩpt̪im] (p'ĩbt̪im(?)) (из контекста)	0,086	78,17 (76,59)	139-111 (124)	0,061	81,22 (79,49)	151	ОХХ (2)
32Я'	[p'ĩr̪teim] (p'ĩr̪teim(?))	0,085	74,97 (74,16)	147-122 (133)	0,059	73,81 (72,68)	146-127 (134)	ОХХ (1)
	[p'ĩr̪teim] ²³ (p'ĩr̪teim(?))	0,100	75,89 (74,30)	154-121 (132)	0,065	66,33 (64,71)	(без голоса)- 109	ОХХ (2)

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов слоговой структуры [C'CCi(?)] (C'CCi(C)) обобщены нами в Таблице 14.

Таблица 14

[C'CCi(?)] (C'CCi(C) — в записи Т. Салминена)		
[i] первого слога		[i] второго слога
Д1	>/(=/<)	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	=/>	ЧОТ2

Интересно, что слова данной структуры были зафиксированы в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров ямальского диалекта не вполне однозначно: (31Я) О₁ pĩB'ĩt̪⁶⁷ [Lehtisalo 1956: 386b]; (32Я) О pĩr̪t̪⁶⁷, ОР pĩr̪t̪⁶⁷ [Lehtisalo 1956: 385b]. Так, для слова (31Я) в обдорском говоре (О₁) Т. Лехтисало была отмечена темпоральная маркированность обоих узких гласных (ĩ), а для слова (32Я) в говоре О — только второго; для нижнеобского говора (ОР) зафиксирована запись слова (32Я) без указания на темпоральную выделенность какого-либо из гласных, но с диакритикой грависа над вторым гласным (i). Отметим, что в большеземельском диалекте для слова (32Я) постулируется длительность обоих узких гласных: S_j. pĩr̪t̪⁶⁷, К pĩr̪t̪⁶⁷ [Lehtisalo 1956: 385b]²⁴. Интересно, что в записи Т. Лехтисало имя (32Я) во всех ненецких диалектах зафиксировано при этом без гортанного смычного в конце.

Тот факт, что ударение в словах (31Я) и (32Я) падает на первый слог, косвенно подтверждается также данными Н. М. Терещенко и Т. Салминена: (31Я) пибти '(н) ~ пибтя '(н) [Терещенко 1965, 2008: 461], pyĩbtyih [Salminen 1998: 269] ~ pyĩbtyah [Salminen 1998: 267]; (32Я) пирци ~ пирця [Терещенко 1965, 2008: 469], pyĩrcyi [Salminen 1998: 273] ~ pyĩrcyih [Salminen 1998: 268] ~ pyĩrcya [Salminen 1998: 231]. Вариативность этих слов с разными гласными во втором слоге (i или a) свидетельствует в пользу ударе-

²³ В этом произнесении мы наблюдаем, что голос (тон) присутствует не на всем протяжении звуков [i] и [m].

²⁴ Ср. также запись Т. Лехтисало для слов О n'ĩt̪⁶⁷ [Lehtisalo 1956: 328a] и О ŋĩt̪⁶⁷ [Lehtisalo 1956: 26b], где диакритика долготы также стоит над символами для обоих гласных (о том, почему мы не рассматриваем здесь данные имена, см. выше).

ния на первом слоге, т. к. гласный первого слога остается неизменным, а следовательно, выделенным, гласный же второго слога может претерпевать изменения и редукцию.

2.2.2. В ямальском диалекте Т ненец. имеются слова слоговой структуры [C₁C₂] (C₁C₂^o)²⁵. В *Таблице 15* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных первого и второго слогов фонетических слов указанной структуры. Как примеры слов этой структуры нами были выбраны для анализа следующие имена (см. семь спектрограмм в *Приложении 1*, (33Я) и (34Я)):

(33Я) ямал. *лыды* ‘позвоночник; скелет; рост’ [Терещенко 1965, 2008: 197] (~ б.-з., зап. *лэды* [Терещенко 1965, 2008: 201]), *lidi*^o (N *e~iø*), LÍTE~IØ [Salminen 1998: 58] (~ *ledi*^o (N *e~iø*), LETE~IØ [Salminen 1998: 58]), О, Т₇ *l̄ȳd̄ȳ* ‘Rückgrat, Wirbelsäule’ ‘хребет, позвоночник’ [Lehtisalo 1956: 227b] (~ ОП *l̄ȳd̄ȳ*, Sj. *l̄ȳd̄ȳ*, К *l̄ȳd̄ȳ* [Lehtisalo 1956: 227b]); ср. Л *ly'ty* [ʰiːhʰty] ‘позвоночник’ [Попова 1978: 50], Nj. *r̄j̄j̄*, Р *l̄j̄j̄* ‘Rückgrat, Wirbelsäule’ ‘хребет, позвоночник’ [Lehtisalo 1956: 227b] < ПС **l̄e-t̄aj̄â* (der.) < ПС **l̄e* ‘Knochen’ ‘кость’ [Janhunen 1977: 82];

(34Я) *ныхы* ‘далекий, отдаленный, дальний; давний’ [Терещенко 1965, 2008: 411], *ngixi*^o (N (*e~i*) *e~iø*), NGA³→iXE~IØ [Salminen 1998: 60], О *nȳx̄ȳ*, ОП *nȳx̄ȳ* ‘fern; ehemalig, früher’ ‘дальний, далекий; бывший ранее, давний’ [Lehtisalo 1956: 19a]; ср. Л *ny'xy* ‘далекий; давний’ [Попова 1978: 87].

Здесь следует указать, что Т. Салминен предлагает фонологическую интерпретацию этих слов как *lidi*^o и *ngixi*^o [Salminen 1998: 58, 60], т. е. с последовательностью гласных фонем *i*^o (зиянием) в абсолютном конце и долгим гласным в первом слоге. В словаре Н. М. Терещенко фонологическая долгота гласного первого слога не отмечена. По нашим полевым данным, рассмотренным выше, длительность [i] первого слога составляет обычно 0,05—0,1 сек. (50—100 мсек.), но чаще 0,06—0,08 сек. (60—80 мсек.); среднюю длительность [i] первого слога можно определить как 0,07 сек. (70 мсек.). Что касается слов (33Я) и (34Я), то в их произнесениях в разных формах длительность гласного первого слога составляет 0,075—0,13 сек. (75—130 мсек.), но чаще 0,09 сек. (90 мсек.); среднюю длительность гласного первого слога в этих словах можно определить примерно как 0,095 сек. (95 мсек.). К тому же гласный первого слога в словах (33Я) и (34Я) однозначно воспринимается носителями как долгий, а не просто нейтральный по длительности. Как нам кажется, гласный первого слога в этих именах следует признать долгим — [ī].

Таблица 15

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
[ī] в 1С и [i] во 2С ([ī]—[i]) // (i—i ^o), по [Salminen 1998: 58, 60] [C ₁ C ₂] // C ₁ C ₂ ^o , по [Salminen 1998: 58, 60]								
33Я	[l̄id̄ī] (l̄id̄ī ^o)	0,092	84,02 (83,22)	156-148 (154)	0,161	81,68 (78,93)	119	OXX (1)
	[l̄id̄ī] (l̄id̄ī ^o)	0,108	83,16 (82,38)	143	0,137	81,66 (79,84)	117	OXX (2)
	[l̄id̄ī] (l̄id̄ī ^o)	0,098	80,41 (79,47)	138	0,140	79,07 (76,43)	113	OXX (3)
34Я	[nȳx̄ȳī] (nȳx̄ȳī ^o)	0,074	84,19 (83,36)	211-218-213 (214)	0,269	82,19 (80,05)	155-107 (135)	OXX (1)
	[nȳx̄ȳī] (nȳx̄ȳī ^o)	0,089	83,59 (83,16)	165-175-172 (171)	0,202	81,64 (80,32)	143-117 (133)	OXX (2)
	[nȳx̄ȳī] (nȳx̄ȳī ^o)	0,085	83,48 (82,84)	151-164 (158)	0,244	84,03 (81,85)	135-108 (123)	OXX (3)
	[nȳx̄ȳī] (nȳx̄ȳī ^o)	0,091	84,94 (84,15)	138-159	0,211	84,03 (82,50)	128-92 (112)	OXX (4)

Как видно из *Таблицы 15*, длительность гласного звука [i] второго слога в рассмотренных выше фонетических словах всегда превышает длительность гласного первого слога, несмотря на то что первый гласный является фонологически долгим: 1) в произнесениях слова (33Я) диктором OXX примерно на 0,03—0,07 сек. (30—70 мсек.); 2) в произнесениях слова (34Я) диктором OXX даже на 0,11—0,195 сек. (110—195 мсек.). Напомним, что для гласных, следующих после χ [χ] (как в слове (34Я)), часто бывает характерна большая длительность.

²⁵ Напомним, что в записи Т. Салминена символом *i* с диакритикой акута обозначается долгий гласный.

В абсолютном большинстве изолированных произнесений слов (33Я) и (34Я) интенсивность гласного первого слога превосходит интенсивность гласного второго слога, что связано с общей речевой тенденцией произносить начало фонетического слова с большей громкостью и четкостью, чем его конец. Так, средняя интенсивность гласного 1С больше средней интенсивности гласного 2С обычно на 1—4,3 дБ, а максимальная — на 1,3—2,3 дБ (за исключением произн. 3 слова (34Я), где максимальная интенсивность второго гласного превышает соответствующий показатель первого, правда, всего на 0,5 дБ, что не является значительной величиной). Интенсивность на протяжении произнесения гласного второго слога в словах (33Я) и (34Я) убывает постепенно, а не резко, довольно долго оставаясь относительно высокой. Ниже приводятся данные по интенсивности гласных второго слога всех произнесений слов (33Я) и (34Я) с разницей в 10 мсек. (через косую черту /) с указанием на максимальную (max), минимальную (min) и среднюю интенсивность (в децибелах, дБ):

(33Я) [līdī] (līdī°) [ОХХ: 1]: 78,04 / 80,48 / 81,51 / 81,68 (max) / 81,16 / 80,36 / 79,90 / 79,52 / 78,92 / 78,32 / 77,42 / 76,19 / 74,99 / 73,06 / 69,98 (min); средняя — 78,93 дБ;

(33Я) [līdī] (līdī°) [ОХХ: 2]: 80,96 / 81,60 / 81,66 (max) / 81,53 / 81,05 / 80,29 / 79,50 / 79,24 / 80,11 / 81,26 / 80,00 / 76,36 / 73,10 / 70,77 (min); средняя — 79,84 дБ;

(33Я) [līdī] (līdī°) [ОХХ: 3]: 75,60 / 78,01 / 79,02 / 79,07 (max) / 78,72 / 78,26 / 77,98 / 77,17 / 76,08 / 75,30 / 74,68 / 73,47 / 71,78 / 70,34 / 68,94 (min); средняя — 76,43 дБ;

(34Я) [ŋīŷī] (ŋīŷī°) [ОХХ: 1]: 79,99 / 80,40 / 80,75 / 81,15 / 81,47 / 81,58 / 81,68 / 81,89 / 82,12 / 82,19 (max) / 82,09 / 81,90 / 81,70 / 81,23 / 80,22 / 79,25 / 78,95 / 78,64 / 78,25 / 77,73 / 76,30 / 73,56 / 70,51 / 68,47 / 66,52 (min); средняя — 80,05 дБ;

(34Я) [ŋīŷī] (ŋīŷī°) [ОХХ: 2]: 81,07 / 81,15 / 81,11 / 81,28 / 81,38 / 81,32 / 81,52 / 81,64 (max) / 81,29 / 80,91 / 80,84 / 80,71 / 80,21 / 79,52 / 78,95 / 78,15 / 77,48 / 76,48 / 74,66 (min); средняя — 80,32 дБ;

(34Я) [ŋīŷī] (ŋīŷī°) [ОХХ: 3]: 80,55 / 81,42 / 82,14 / 82,41 / 82,26 / 82,03 / 82,33 / 82,93 / 83,37 / 83,81 / 84,03 (max) / 83,55 / 82,95 / 82,75 / 82,70 / 82,31 / 81,63 / 80,67 / 79,56 / 79,03 / 78,25 / 76,41 / 74,15 (min); средняя — 81,85 дБ;

(34Я) [ŋīŷī] (ŋīŷī°) [ОХХ: 4]: 81,91 / 82,95 / 83,88 / 84,03 (max) / 83,52 / 83,27 / 83,14 / 83,24 / 83,30 / 83,32 / 83,30 / 83,12 / 82,91 / 82,81 / 82,54 / 81,90 / 80,96 / 79,74 / 78,01 / 75,39 (min); средняя — 82,50 дБ.

В рассмотренных выше произнесениях слова (33Я) тон остается ровным, равномерно и незначительно понижаясь к концу фонетических слов — на 25—35 Гц. В произнесениях слова (34Я) возможно небольшое (на 7—20 Гц) локальное повышение тона на первом гласном, при этом понижение частоты основного тона к концу фонетического слова оказывается более значительным, чем в произнесениях слова (33Я), — на 55—70 Гц и даже примерно на 100 Гц (слово (34Я), произн. 1); отметим также озвончение χ в интервокальной позиции (> [y]).

Для рассмотренных выше слов (33Я) и (34Я) характерно ударение на втором слоге. Акустическим коррелятом словесного акцента в этом случае является в первую очередь большая длительность ударного гласного второго слога по сравнению с безударным гласным первого (несмотря на фонологическую долготу первого гласного), а также медленное «затухание» интенсивности (ее поддержание на относительно высоком уровне) на втором гласном.

О том, что ударение в словах (33Я) и (34Я) падает на второй слог, а не на первый, свидетельствуют также формы аккузатива единственного числа: (33Я) [līdīm(?) (līdī°-m) ACC.SG; (34Я) [ŋīŷīm(?) (ŋīŷī°-m) [ОХХ] (см. Табл. 16 и шесть спектрограмм в Приложении 2, Рис. (33Я) и (34Я)). Как видно из Табл. 16, при произнесении данных слов в форме аккузатива единственного числа, когда второй слог оказывается закрытым, а не открытым (как в форме номинатива), длительность второго гласного также в абсолютном большинстве случаев (кроме вырезанного из контекста произн. 2 слова (33Я)) превосходит длительность первого: либо незначительно — примерно на 0,016 сек. (16 мсек.), либо, что чаще, более заметно — примерно на 0,03—0,07 сек. (30—70 мсек.). В произнесениях данных слов в форме ACC.SG, взятых из контекста (а не изолированно), интенсивность гласного второго слога также превышает интенсивность первого гласного: максимальная — на 1,2—1,5 дБ, средняя — на 0,6—1,6 дБ. В контекстных произнесениях возможно также небольшое повышение частоты основного тона на втором гласном (примерно на 15—25 Гц).

Таблица 16

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
33Я'	[līdīm] (līdī°m(?))	0,082	79,36 (78,77)	118	0,109	77,84 (76,87)	109	ОХХ (1)
	[līdīm] (līdī°m(?)) (из контекста)	0,111	82,40 (81,41)	132	0,077	83,63 (83,00)	145	ОХХ (2)

34Я'	[ŋĩyímʔ] (ŋĩχi°mʔ)	0,133	84,58 (83,62)	149-163-147	0,187	82,45 (81,81)	121	OXX (1)
	[ŋĩyímʔ] (ŋĩχi°mʔ)	0,093	83,57 (83,19)	135-154	0,127	82,90 (82,20)	131	OXX (2)
	[ŋĩyímʔ] (ŋĩχi°mʔ)	0,075	84,01 (83,63)	142	0,145	82,14 (80,68)	124-107 (116)	OXX (3)
	[ŋĩyím] (ŋĩχi°mʔ) (из контекста)	0,093	83,57 (82,84)	152-177 (166)	0,109	85,10 (83,44)	189-215-212 (210)	OXX (4)

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов структуры [CĩCĩ] (в записи Т. Салминена — CĩCĩ°) обобщены нами в *Таблице 17*.

Таблица 17

[CĩCĩ] (CĩCĩ° — в записи Т. Салминена)		
[ĩ] первого слога		[i] второго слога
Д1	<	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	=/>	ЧОТ2

Наши выводы о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренных выше словах структуры [CĩCĩ] (в записи Т. Салминена — CĩCĩ°) в ямальском диалекте подтверждаются также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров ямальского диалекта (О и ОР): (33Я) О ĩđĩ [Lehtisalo 1956: 227b]; (34Я) О ŋĩχĩ, ОР ŋĩχĩ [Lehtisalo 1956: 19a], — где с помощью диакритики обозначена длительность (долгота) второго гласного (ĩ в говорах О и ОР). Обратим внимание на тот факт, что долгота первого гласного перед đ, наряду с долготой второго, отмечена в слове (33Я), но не в слове (34Я) — перед χ, что в очередной раз указывает на бóльшую долготу второго гласного после χ по сравнению с первым гласным. Возможно, что грависом в записи слова (34Я) для говора О обозначается понижение частоты основного тона.

О том, что в этих словах ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует и фонологическая интерпретация этих имен, сделанная Т. Салминеном: (33Я) *lídi*°, (34Я) *ngíxi*° [Salminen 1998: 58, 60].

2.2.3. В ямальском диалекте Т ненец. также представлено слово слоговой структуры [CĩCĩC] (CĩCĩC°)²⁶:

(35Я) Eastern *tyínyik*° (N ø≡), TYÍNYIQXØ [Salminen 1998: 61] (~ *tyenyik*° (N ø≡), TYENYIQXØ [Salminen 1998: 61]), О *t'ĩññĩk*, ОР *t'ĩññĩkʔ* 'eine Gänseart, russ. гуменник' <'вид гуся, гусь-гуменник'> [Lehtisalo 1956: 513b] (~ Sj. *t'ẽññĩk* 'eine Gänseart, russ. гуменник' <'вид гуся, гусь-гуменник'> [Lehtisalo 1956: 513b]), ср. *теник*: *теник ябто* 'гусь-гуменник' [Терещенко 1965, 2008: 649].

В словаре Н. М. Терещенко данное имя представлено только в варианте с неоднородным вокалическим составом — в форме *теник* [Терещенко 1965, 2008: 649]. В словаре Т. Салминена это слово получает фонологическую интерпретацию как трехсложное *tyínyik*° (~ *tyenyik*°) — с особой фонемой ° в абсолютном конце. Отметим, однако, что фонологическая интерпретация первого гласного как долгого не является безусловно бесспорной: сами носители далеко не всегда воспринимают его как долгий (а как «обычный», нейтральный по длительности гласный); при этом его длительность, например в произнесениях диктора OXX, чаще составляет примерно 0,06—0,07 сек. (60—70 мсек.), реже — 0,09—0,11 сек. (90—110 мсек.), тогда как в произнесениях слова (29Я) [jimbítʔ?]/[jimbít] тем же информантом длительность гласного первого слога в аналогичной позиции составляет примерно 0,03—0,06 сек. (30—60 мсек.).

В *Таблице 18* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных первого и второго слогов в произнесениях слова указанной структуры (также см. шесть спектрограмм в *Приложении 1*, (35Я)).

²⁶ Напомним, что в записи Т. Салминена символом *i* с диакритикой акута обозначается долгий гласный.

Таблица 18

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
[i] в 1С и [i] во 2С ([i]—[i]) // (i—i—°), по [Salminen 1998: 61] [CʹiCʹiC] // CiCiC° (CʹiCʹiC°), по [Salminen 1998: 61]								
35Я	[tʲinʲikʲ] (tʲinʲikʲ°)	0,060	83,43 (82,74)	171	0,104	83,13 (81,43)	157-141 (150)	OXX (1)
	[tʲinʲikʲ]	0,071	83,42 (82,82)	159	0,118	83,39 (82,26)	145-121 (133)	OXX (2)
	[tʲinʲikʲ]	0,109	81,81 (81,02)	149	0,130	79,48 (78,16)	129-114 (121)	OXX (3)
	[tʲinʲikʲ]	0,073	82,16 (81,17)	170-149 (158)	0,113	79,01 (77,69)	123-109 (116)	OXX (4)
	[tʲinʲikʲ]	0,094	82,46 (79,80)	169	0,114	83,32 (81,96)	166-155-132 (158)	OXX (5)
	[tʲinʲikʲ]	0,069	77,80 (76,46)	171-159 (166)	0,078	78,49 (77,32)	144-128 (135)	OXX (6)

В большинстве приведенных выше произнесений длительность гласного [i] второго слога превосходит длительность гласного первого слога (несмотря на его возможную фонологическую долготу) — примерно на 0,02—0,05 сек. (20—50 мсек.). Только в одном, заключительном, произнесении слова (35Я) диктором OXX длительности обоих гласных оказываются практически численно сопоставимы (произн. 6), при том что второй гласный все же превосходит первый, хотя и незначительно — на 0,009 сек. (9 мсек.). Таким образом, отношение длительности гласного первого слога к длительности гласного [i] второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в рассмотренных выше произнесениях оказывается следующим: 1:1,7 [OXX: 1]; 1:1,7 [OXX: 2]; 1:1,2 [OXX: 3]; 1:1,5 [OXX: 4]; 1:1,2 [OXX: 5]; 1:1,1 [OXX: 6], — т. е. длительность гласного второго слога обычно превосходит длительность гласного первого слога хотя бы в 1,1—1,2 раза и даже в 1,5—1,7 раза.

В двух произнесениях из шести (произн. 3 и 4) интенсивность первого гласного превосходит интенсивность второго, что может быть связано также с общеречевой тенденцией: максимальная — на 2,3—3 дБ, средняя — примерно на 3—3,5 дБ. В двух произнесениях из шести (произн. 1 и 2) интенсивность гласного [i] второго слога оказывается практически численно сопоставимой с интенсивностью первого гласного. В двух произнесениях из шести (произн. 5 и 6) интенсивность гласного [i] второго слога даже превышает интенсивность гласного первого слога: максимальная — на 0,7—0,9 дБ, средняя — примерно на 0,8—2 дБ. При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 0,5—2,5 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 1—1,7 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность гласного второго слога затухает нерезко и небыстро (особенно это касается произн. 5 и 6, где разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного оказывается даже больше, чем разница между максимальной и средней интенсивностью второго гласного).

Обычно на протяжении произнесения данных фонетических слов диктором OXX тон остается ровным, равномерно понижаясь к концу (примерно на 30—60 Гц), колебания по частоте основного тона при этом незначительны.

Для рассмотренных выше фонетических слов структуры [CʹiCʹiC] (CiCiC°) характерно ударение на гласном [i] второго слога. Акустическими коррелятами словесного акцента при выделении гласного не первого слога в данном случае оказываются большая длительность (темпоральная выделенность) и часто, но не всегда большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом параметр темпоральной выделенности можно считать основным акустическим коррелятом ударения, а экспираторное маркирование — дополнительным.

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных проанализированных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 19*.

Наш вывод о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренном выше слове (35Я) структуры [CʹiCʹiC] в ямальском диалекте подтверждается также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для обдорского говора (О) ямальского диалекта: О tʲinʲikʲ [Lehtisalo 1956: 513b], — где с помощью диакритики обозначена длительность (долгота) второго гласного ī. При этом для нижнеобского говора (ОР) в словаре Т. Лехтисало зафиксирована запись ОР tʲinʲikʲ [Lehtisalo 1956: 513b], где символы для обоих гласных не маркированы диакритиками долготы.

[CʰCʰiC]		
(CiCiC° — в записи Т. Салминена)		
[i] первого слога		[i] второго слога
Д1	<	Д2
И1	<(=/>)	И2
ЧОТ1	=/>	ЧОТ2

О том, что в этом слове ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует и фонологическая интерпретация этого имени, сделанная Т. Салминеном: *tyinyik*° (~ *tyenyik*°) [Salminen 1998: 61]. По мнению Т. Салминена, слог, предшествующий слогу с фонемой ° (“pre-schwa syllable”), является ударным [Salminen 2007: 350, 359]. Таким образом, в системе Т. Салминена гласный второго слога в рассмотренном нами слове должен считаться ударным, т. к. находится перед слогом с фонемой °, что согласуется с нашими полевыми данными.

3. Ударение в фонетически двусложных непроемных именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными верхнего подъема заднего ряда, в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка

3.1. Акцентные характеристики фонетических слов с гласными верхнего подъема заднего ряда [u] в первом и втором слогах в ямальском диалекте

3.1.1. В ямальском диалекте Т ненец. представлены слова слоговых структур [CuCu] (CuC°) и [CʰuCu] (CʰuCu), где оба слога открытые. В Таблице 20 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных первого и второго слогов фонетических слов указанных структур. Как примеры слов этих структур нами были выбраны для анализа следующие имена (см. 14 спектрограмм в Приложении 1, (36Я)—(38Я)):

(36Я) ямал. *лухъ* ‘отверстие для головы в глухой одежде (например, в совике, малице); вырез для шеи в одежде, ворот’ [Терещенко 1965, 2008: 195], *lux*° (N ø→o), LUXØ [Salminen 1998: 151, 482], OP, T₂ *luxū* ‘Kopfloch des Sowiks od. der Malitza’ (< ostj.?) ‘отверстие для головы в совике, малице’ (< хант.?) [Lehtisalo 1956: 229b];

(37Я) *туху* ‘муха; личинка (мухи)’ [Терещенко 1965, 2008: 677], *tux*° (N ø≡), TUXØ [Salminen 1998: 151], O, Sj. *tūxū*, K *tūxū* ‘heller Wurm, Made (in verdorbenem Fleisch, Fisch)’ ‘светлый червь, опарыш (в гниющем мясе, рыбе)’ [Lehtisalo 1956: 496b]; ср. Л *туху*тавсу ‘большая муха’ [Бармич, Вэлло 2002: 130, 219], *tuʰxu* [toxu] ‘личинка мухи’ [Попова 1978: 134] (ср. *tuxun'tāpsu* ‘муха’ [Попова 1978: 134]), S *tūxū*, P *tūxū* ‘heller Wurm, Made (in verdorbenem Fleisch, Fisch)’ ‘светлый червь, опарыш (в гниющем мясе, рыбе)’ [Lehtisalo 1956: 496b] < ПС *cuk (~ *cukā) ‘Wurm’ ‘червь’ [Janhunen 1977: 34];

(38Я) *юху* ‘(анат.) сетка, сетчатый желудок (оленя)’ [Терещенко 1965, 2008: 819], *uuxu* (N u≡), YUXU [Salminen 1998: 368, 544], O, Sj., K, U-Ts. *jūxū* (ср. der. U-Ts. *jūxū* [tʰʂəʰ]), OP *juxū* ‘Netzmagen’ ‘сетчатый желудок’ [Lehtisalo 1956: 141a]; ср. Л *huʰxu* [hoxu] ‘сетчатый желудок оленя’ [Попова 1978: 27] (ср. der. S *jūxū* [jōkku], Nj. *jūxū* [jōkku], P *d'ūjōkū* ‘Netzmagen’ ‘сетчатый желудок’ [Lehtisalo 1956: 141a]).

В первую очередь следует оговорить, что для имен (36Я) и (37Я) Т. Салминен избирает фонологическую интерпретацию конечного гласного как °: (36Я) *lux*° (N ø→o), LUXØ [Salminen 1998: 151, 482]; (37Я) *tux*° (N ø≡), TUXØ [Salminen 1998: 151], ср. также возможную прасамодийскую реконструкцию имени (37Я) без гласного или с гласным *ə* во втором слоге — ПС *cuk (~ *cukā) [Janhunen 1977: 34]. Однако в ямальском диалекте мы имеем дело с фонетическими последовательностями с однородным вокалическим составом, что подтверждают данные словарей: (36Я) ямал. *лухъ* [Терещенко 1965, 2008: 195], OP *luxū* [Lehtisalo 1956: 229b] (интересным при этом оказывается различие в восприятии длительности конечного гласного: Н. М. Терещенко обозначила его как краткий, а Т. Лехтисало — как долгий); (37Я) *туху* [Терещенко 1965, 2008: 677], O *tūxū* [Lehtisalo 1956: 496b]. Таким образом, здесь мы имеем дело с проявлением прогрессивной дистантной ассимиляции гласных после *χ*.

См. подробный анализ просодических характеристик фонетических слов сходных структур выше, в п. 2.1.1 (слово (23Я)), а также в первой части данной статьи: п. 2.2.1, слово (14Я) [Амелина 2016: 30—33]; п. 2.3.1, слово (16Я) [Амелина 2016: 36—40]; п. 2.4.1, слово (20Я) [Амелина 2016: 42—44]. Ниже приводятся данные по интенсивности гласных второго слога всех фонетических слов (36Я)—(38Я) с разницей примерно в 10 мсек. (через косую черту /) с указанием на максимальную (max), минимальную (min) и среднюю интенсивность (в децибелах, дБ).

Таблица 20

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
[u] в 1С и 2С ([u]—[u]) // (u— ^o), по [Salminen 1998: 151, 482] [CuCu] // CuC ^o , по [Salminen 1998: 151, 482]								
36Я	[lúyu] (lux ^o)	0,065	80,58 (79,84)	160	0,183	79,43 (76,78)	144-104 (129)	ОХХ (1)
	[lúyu] (lux ^o)	0,090	80,95 (79,98)	139	0,142	78,99 (76,06)	113	ОХХ (2)
	[lúyu] (lux ^o)	0,084	79,08 (77,50)	127-133-121 (129)	0,129	74,64 (72,04)	111	ОХХ (3)
	[lúyu] (lux ^o)	0,072	77,27 (76,55)	133	0,127	74,41 (73,06)	110	ОХХ (4)
	[lúxu] (lux ^o)	0,076	84,30 (82,67)	238-222-189	0,151	85,69 (83,00)	167-142 (158)	ОЛЛ (1)
	[lúxu] (lux ^o)	0,084	86,88 (84,78)	230-250-230- 216	0,180	85,72 (82,41)	179-140-111- [132] (155)	ОЛЛ (2)
	[lúyu] (lux ^o)	0,061	87,74 (85,85)	[93]-190-180	0,152	82,37 (79,65)	154-133 (141)	ОЛЛ (3)
	[lúxu] (lux ^o)	0,084	77,80 (77,06)	170	0,118	74,38 (71,16)	184-137-[147- 142]	ЯМГ (1)
37Я	[túyǔ] ²⁷ (tux ^o)	0,077	82,08 (81,12)	169-115	0,072	77,43 (76,11)	(голос отсут- ствует)	ОХХ (1)
	[túxǔ] (tux ^o)	0,064	80,47 (79,40)	141-119 (131)	0,084	71,53 (70,20)	[без голоса]- 107-100-82	ОХХ (2)
	[túyǔ] (tux ^o)	0,051	81,35 (80,29)	134-114 (124)	0,049	78,27 (76,93)	102-88 (95)	ОХХ (3)
	[túxǔ] (tux ^o)	0,063	81,38 (79,29)	159-111	0,052	73,95 (72,61)	104	ОХХ (4)
[u] в 1С и 2С ([u]—[u]) // (u— <u>u</u>), по [Salminen 1998: 368, 544] [C'uCu] // C'uCu _u , по [Salminen 1998: 368, 544]								
38Я	[júyu] (juxu)	0,088	76,57 (75,34)	135	0,089	73,03 (71,71)	132-110 (119)	ОХХ (1)
	[júyu] (juxu)	0,077	80,41 (79,83)	124	0,122	79,12 (76,67)	120-99-108 (109)	ОХХ (2)

(36Я) [lúyu] (lux^o) [ОХХ: 1]: 79,38 / 79,40 / 79,43 (max) / 79,08 / 78,51 / 77,80 / 77,09 / 76,55 / 76,08 / 75,78 / 75,79 / 75,88 / 75,77 / 75,70 / 75,43 / 74,16 / 71,97 / 68,97 (min); средняя — 76,78 дБ;

(36Я) [lúyu] (lux^o) [ОХХ: 2]: 76,98 / 78,00 / 78,78 / 78,99 (max) / 78,44 / 77,45 / 76,45 / 75,57 / 74,76 / 73,59 / 72,02 / 69,88 / 67,09 / 64,65 (min); средняя — 76,06 дБ;

(36Я) [lúyu] (lux^o) [ОХХ: 3]: 73,67 / 74,42 / 74,64 (max) / 74,19 / 73,19 / 71,90 / 70,91 / 70,56 / 69,89 / 68,55 / 65,78 / 62,95 (min); средняя — 72,04 дБ;

(36Я) [lúyu] (lux^o) [ОХХ: 4]: 73,93 / 74,08 / 73,89 / 74,11 / 74,41 (max) / 74,15 / 73,29 / 72,39 / 71,89 / 71,14 / 69,85 / 67,50 (min); средняя — 73,06 дБ;

(36Я) [lúxu] (lux^o) [ОЛЛ: 1]: 83,06 / 83,51 / 84,78 / 85,61 / 85,69 (max) / 85,52 / 84,68 / 83,60 / 82,66 / 82,08 / 81,44 / 80,83 / 80,56 / 79,72 / 77,66 (min); средняя — 83,00 дБ;

(36Я) [lúxu] (lux^o) [ОЛЛ: 2]: 85,72 (max) / 85,27 / 84,86 / 84,55 / 83,82 / 83,38 / 83,14 / 82,94 / 82,47 / 81,71 / 81,00 / 80,60 / 80,56 / 79,66 / 77,68 / 76,43 / 75,80 (min); средняя — 82,41 дБ;

(36Я) [lúyu] (lux^o) [ОЛЛ: 3]: 77,90 / 79,68 / 80,94 / 81,90 / 82,37 (max) / 82,29 / 82,15 / 81,79 / 80,53 / 77,69 / 73,90 / 71,94 / 70,60 / 68,39 (min); средняя — 79,65 дБ;

(36Я) [lúxu] (lux^o) [ЯМГ: 1]: 69,97 / 72,90 / 74,20 / 74,31 / 74,38 (max) / 73,50 / 72,05 / 70,19 / 68,22 / 65,87 / 63,11 / 59,78 (min); средняя — 71,16 дБ;

(37Я) [túyǔ] (tux^o) [ОХХ: 1]: 76,96 / 77,43 (max) / 76,99 / 76,03 / 74,81 / 74,15 (min); средняя — 76,11 дБ;

²⁷ В данном произнесении второй гласный звучит практически без голоса.

(37Я) [túχ̥] (*tuχ°*) [ОХХ: 2]: 70,77 / 71,53 (max) / 71,16 / 69,61 / 69,55 / 69,89 / 69,65 / 68,52 (min); средняя — 70,20 дБ;

(37Я) [túχ̥] (*tuχ°*) [ОХХ: 3]: 77,66 / 78,27 (max) / 77,17 / 75,84 / 73,38 (min); средняя — 76,93 дБ;

(37Я) [túχ̥] (*tuχ°*) [ОХХ: 4]: 73,43 / 73,92 / 73,95 (max) / 72,83 / 70,97 / 69,49 (min); средняя — 72,61 дБ;

(38Я) [júχ̥u] (*juχ̥u*) [ОХХ: 1]: 70,32 / 71,80 / 72,46 / 72,86 / 73,00 / 73,03 (max) / 72,50 / 71,08 / 69,39 / 69,19 (min); средняя — 71,71 дБ;

(38Я) [júχ̥u] (*juχ̥u*) [ОХХ: 2]: 78,14 / 78,90 / 79,12 (max) / 78,72 / 77,94 / 76,98 / 76,01 / 75,20 / 73,88 / 72,39 / 70,48 / 66,70 (min); средняя — 76,67 дБ.

Как и в случае со словами (14Я), (16Я), (20Я) и (23Я), разобранными ранее и выше, носители ямальского диалекта однозначно воспринимают первый слог в именах (36Я), (37Я) и (38Я) как более выделенный. Диктор ОХХ также специально указал на краткость второго гласного в слове (37Я) и на возможность произнесения его не только как [túχ̥] / [túχ̥] или [túχ̥] / [túχ̥] (с «глухим гласным» в абсолютном конце), но и вовсе без второго гласного — [tuχ].

Для рассмотренных выше слов структур [CuCu] (*CuC°*) и [C'uCu] (*C'uCu*) характерно ударение на гласном первого слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного первого слога в данном случае в первую очередь оказывается бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. На то, что словесный акцент маркирует гласный первого, а не второго слога, указывает также и прогрессивная дистантная ассимиляция гласных после χ, в результате которой гласный второго слога «подстраивается» под гласный первого.

О том, что ударение в словах (36Я)—(38Я) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также формы аккумулятива единственного числа: (36Я') [lúχum(?) / [lúχum(?) (*luχ°-m*) ACC.SG; (37Я') [túχum(?) / [túχum(?) (*tuχ°-m*) ACC.SG; (38Я') [júχum(?) / [júχum(?) (*juχ̥u-m*) ACC.SG [ОХХ, ОЛЛ] (см. Табл. 21 и четыре спектрограммы в Приложении 2, Рис. (36Я')—(38Я')).

Таблица 21

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
36Я'	[lúχum(?) (<i>luχ°m(?)</i>)	0,074	81,62 (80,34)	131-120 (128)	0,060	81,42 (80,63)	144-164	ОХХ (1)
37Я'	[túχum(?) (<i>tuχ°m(?)</i>)	0,079	79,15 (77,98)	169-141	0,057	74,05 (73,98)	124	ОХХ (1)
	[túχum(?) (<i>tuχ°m(?)</i>)	0,062	80,26 (78,33)	148-126	0,052	73,26 (72,27)	117	ОХХ (2)
38Я'	[júχum] (<i>juχ̥um(?)</i>)	0,054	77,13 (76,91)	111	0,038	76,81 (76,29)	110-118-114 (115)	ОХХ (1)

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в Таблице 22.

Таблица 22

[CúCu], [C'uCu] (<i>CuC°</i> , <i>C'uCu</i>)		
[ú] первого слога		[u] второго слога
Д1	< (/ =)	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	= / >	ЧОТ2

Наш вывод о том, что в ямальском диалекте ударный гласный первого слога в рассмотренных выше словах структур [CúCu] (*CuC°*) и [C'uCu] (*C'uCu*) может быть не выражен темпорально по сравнению с гласным открытого второго слога, подтверждается также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров О и ОР ямальского диалекта: (36Я) ОР *luχ̥* [Lehtisalo 1956: 229b], (37Я) О *túχ̥* [Lehtisalo 1956: 496b], (38Я) О *júχ̥*, ОР *juχ̥* [Lehtisalo 1956: 141a], — где для слов (36Я) и (38Я) отмечена долгота (длительность) гласного конечного открытого слога (*ū*, *ū̄*)²⁸, а для слова (37Я) не отме-

²⁸ Ср. запись производного от имени (38Я) существительного U-Ts. *júχ̥* / *ʔ'šəʔ* [Lehtisalo 1956: 141a] с диакритической долготы не только над вторым, но и над первым гласным в малоземельском диалекте в словаре Т. Лехтисало.

чена долгота ни одного гласного²⁹ (краткое произнесение второго гласного в слове (37Я) характерно и для диктора ОХХ, см. подробнее выше).

3.1.2. В ямальском диалекте Т ненец. также представлены слова слоговой структуры [C'uCu] (C'uCu°), где первый согласный мягкий, а второй твердый. В *Таблице 23* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных в произнесениях слова указанной структуры. Как пример слова этой структуры нами было выбрано для анализа следующее (см. две спектрограммы в *Приложении 1*, (39Я)):

(39Я) *тыку* 'этот, эта, это' [Терещенко 1965, 2008: 696], *tyuku*° (N o~uø), TYUQXO~UØ [Salminen 1998: 149, 523] (~ *tyuki*°), O₁, T₂ t'ukku, O₂, T₁, T₄, S_j, U, U-Ts., N t'ukku, OP t'ukku (~ O₁ t'ukku) 'dieser hier' <'этот, эта, это'> [Lehtisalo 1956: 520a]; ср. Л *чуки* 'этот, эта, это' [Бармич, Вэлло 2002: 147], *t'ukoj* 'этот' [Попова 1978: 133], Lj. t'šokū, Ni. t'šokkū (~ Lj. t'šokkū, S t'šukūkkū, Kis. t'šukūkkū, P t'šukūkkū) 'dieser hier' <'этот, эта, это'> [Lehtisalo 1956: 520a] <ПС *tū(-) 'dieser' <'этот, эта, это'> [Janhunen 1977: 167]³⁰.

Здесь следует указать, что Т. Салминен предлагает фонологическую интерпретацию этого слова как *tyuku*° [Salminen 1998: 149, 523], т. е. с последовательностью гласных фонем u° (зиянием) в абсолютном конце слова; ср. аналогичную интерпретацию для слов (24Я)—(28Я) в п. 2.1.2, а также для слов (33Я) и (34Я) в п. 2.2.2.

Таблица 23

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
[u] в 1С и 2С ([u]—[u]) // (u—u°), по [Salminen 1998: 149, 523] [C'uCu] // CuCu° (C'uCu°), по [Salminen 1998: 149, 523]								
39Я	[t'ukú] (t'uku°)	0,048	82,32 (79,76)	173	0,096	86,91 (83,42)	231-237-197-219 (224)	ОЛЛ (1)
	[t'ukú] (t'uku°)	0,052	85,05 (83,58)	211-190 (204)	0,084	87,39 (85,04)	237-250-212 (236)	ОЛЛ (2)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов, можно отметить следующее.

В обоих рассмотренных произнесениях слова (39Я) диктором ОЛЛ длительность второго гласного [u] превышает длительность первого [u] на 0,03—0,05 сек. (30—50 мсек.). Интенсивность гласного [u] второго слога также превосходит интенсивность первого гласного: максимальная — на 2,5—4,5 дБ, средняя — на 1,5—4 дБ. При этом наблюдается закономерность: чем больше темпорально выделен гласный второго слога, тем больше он выделен и экспираторно (произн. 1).

Кроме того, в обоих произнесениях слова (39Я) диктором ОЛЛ наблюдается некоторое повышение тона на втором слоге (примерно на 50 Гц).

Для рассмотренного выше слова (39Я) характерно ударение на гласном [u] второго слога. Акустическими коррелятами словесного акцента при выделении гласного не первого слога в данном случае оказываются большая длительность и большая интенсивность ударного гласного по сравнению с безударным (или медленное «затухание» интенсивности, т. е. поддержание ее на относительно высоком уровне на втором гласном). В идиолекте диктора ОЛЛ ударный гласный второго слога выделяется также повышением частоты основного тона, что может быть дополнительным акустическим коррелятом ударения.

См. подробный анализ просодических характеристик фонетических слов сходных структур выше: в п. 2.1.2 (слова (24Я)—(28Я)), а также в п. 2.2.2 (слова (33Я) и (34Я)).

О том, что ударение в слове (39Я) падает на второй слог, а не на первый, свидетельствует также форма винительного падежа единственного числа: [t'ukú(m)] (*tyuku*°-m) ACC.SG [ОЛЛ, ОХХ, ЯМГ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных обобщены нами в *Таблице 24*.

²⁹ Ср., однако, запись слова (37Я) с диакритикой долготы над вторым гласным в словаре Т. Лехтисало для большеземельского диалекта: К *тухү* [Lehtisalo 1956: 496b].

³⁰ Мы не рассматриваем здесь следующее слово, т. к. оно не употребляется в современном ямальском диалекте (в отличие от, например, гыданского): *юту* 'юкола (тонкая сушеная на ветру и солнце рыба с поперечными надрезами без костей и головы)' [ПИМАЯ 2010], *yutu*° (N ø≡), YUTU(Ø) [Salminen 1998: 149, 544], O *jūtūtū*, OP *jūtūtū*, T₁₂ *jūtūtū*, S_j. *jūtūtūβ* 'zu Klippfisch getrockneter kleiner Fisch' <'маленькая сушеная, вяленая рыба'> [Lehtisalo 1956: 146b] (ср. Л Lj. *q'u'atq'am*, P *q'u'atq'am* 'Fischmehl (wurde früher in einem Trog aus über einer Grube geräuchertem und gebackenem Klippfisch zerkleinert; wurde statt Brot verwendet)' <'рыбная мука'> [Lehtisalo 1956: 146b]).

[C'uCú] (C'uCu°)		
[u] первого слога		[ú] второго слога
Д1	<	Д2
И1	<	И2
ЧОТ1	=/> (<)	ЧОТ2

Наш вывод о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренном выше слове структуры [C'uCú] (C'uCu°) в ямальском диалекте подтверждается также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров ямальского диалекта: O₁ t⁶u⁶kkū, O₂ t⁶u⁶kkū, OP t⁶u⁶kkū [Lehtisalo 1956: 520a], — где с помощью диакритики обозначена длительность (долгота) второго гласного (ū).

О том, что в этом слове ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует и фонологическая интерпретация этого имени, сделанная Т. Салминеном: *tyuku*° [Salminen 1998: 149, 523]. По мнению Т. Салминена, слог, предшествующий слогу с фонемой ° (“pre-schwa syllable”), является ударным [Salminen 2007: 350, 359]. Таким образом, в системе Т. Салминена гласный второго слога в рассмотренном нами слове должен считаться ударным, т. к. находится перед слогом с фонемой °, что согласуется с нашими полевыми данными.

3.1.3. В ямальском диалекте Т ненец. представлены также слова слоговых структур [CuCuC] (CuCøC°) и [C'uCuC'] (C'uCuC°):

(40Я) *nyxud* ‘верхняя губа’ [Терещенко 1965, 2008: 405], *nguxod*° (N ø≡), NGUXØTØ [Salminen 1998: 53, 499], O, Sj. *nyxūd*, OP *nyxūd*, T₂ *nyxūd*°, K *nyxūd*°, N *ūd*, U-Ts. *ūd*^í ‘Oberlippe’ ‘верхняя губа’ [Lehtisalo 1956: 42b]; ср. Л *nyxuty* ‘верхняя губа’ [Бармич, Вэлло 2002: 99], *nyxu'tyj* ‘верхняя губа’ [Попова 1978: 85], Nj. *nyxuntj*, P *nyxūtāēi* ‘Oberlippe’ ‘верхняя губа’ [Lehtisalo 1956: 42b] < ПС *ukā (der.?) [Janhunen 1977: 30];

(41Я) *nyxuy* ‘неряшливый, нечистоплотный, неопрятный; неряха’ [Терещенко 1965, 2008: 334], *nyxuy*° (N yø≡), NYUXUY(Ø) [Salminen 1998: 171], O, Sj. *n'ixūi*, OP *n'ixuj* ‘unfähig zu arbeiten und für sich zu sorgen, Taugenichts’ [Lehtisalo 1956: 331a]; ср. Л Lj., Kis. *n'ixūj*, Nj. *n'ixuj* ‘unfähig zu arbeiten und für sich zu sorgen, Taugenichts’ [Lehtisalo 1956: 331a].

В Таблице 25 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных фонетических слов указанных структур (см. также спектрограммы в Приложении 1, (40Я) и (41Я)).

Следует оговорить, что, по мнению Т. Салминена, слова (40Я) и (41Я) являются фонологически трехсложными: (40Я) *nguxod*° (N ø≡), NGUXØTØ [Salminen 1998: 53, 499]; (41Я) *nyxuy*° (N yø≡), NYUXUY(Ø) [Salminen 1998: 171]. Подобная интерпретация для слова (40Я) опирается в том числе и на произношение этого слова с гласным призвуком в абсолютном конце в тазовском, большеземельском и малоземельском диалектах Т ненец. в записи Т. Лехтисало (T₂ *nyxūd*°, K *nyxūd*°, U-Ts. *ūd*^í [Lehtisalo 1956: 42b]), ср. также трехсложный когнат этого слова в лесном ненецком: Л *nyxuty* [Бармич, Вэлло 2002: 99], *nyxu'tyj* [Попова 1978: 85], Nj. *nyxuntj*, P *nyxūtāēi* [Lehtisalo 1956: 42b].

Т. Салминен предлагает фонологическую интерпретацию гласного второго слога в слове (40Я) как ø (ə), что согласуется также с прасамодийской реконструкцией этого имени: der. (?) ПС *ukā [Janhunen 1977: 30]. Однако в ямальском диалекте мы имеем дело с фонетическими последовательностями [nyxud]/[nyxut]/[nyūt]/[nyūd] с однородным вокалическим составом, что подтверждают, в частности, данные словарей: *nyxud* [Терещенко 1965, 2008: 405]; O *nyxūd*, OP *nyxūd* (а также Sj. *nyxūd*, T₂ *nyxūd*°, K *nyxūd*°) [Lehtisalo 1956: 42b]. На фонетическую последовательность с однородным вокалическим составом в ямальском диалекте указывают также средние данные по числовым значениям первой (F1) и второй (F2) формант гласных: так, числовые показатели F1 и F2 гласных первого и второго слогов сопоставимы друг с другом в произнесении диктора ЯМГ. Таким образом, здесь мы имеем дело с проявлением своего рода прогрессивной дистантной ассимиляции гласных после χ (см. подробнее выше).

Так как слова (40Я) и (41Я) фонетически заканчиваются на согласный звук, определение длительности гласного второго слога оказывается проще, чем в случае с описанными выше именами с открытыми слогами в абсолютном конце. В большинстве произнесений слова (40Я) дикторами ЯМГ и ОХХ длительность гласного второго слога превосходит длительность первого [u] на 0,008—0,017 сек. (8—17 мсек.) и более заметно — на 0,07—0,08 сек. (70—80 мсек.); только в первом произнесении этого слова информантом ЯМГ мы обнаруживаем темпоральную равнозначность этих гласных. Для всех произнесений слова (41Я) диктором ОХХ характерна большая длительность гласного второго слога по сравнению

Таблица 25

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
[u] в 1С и 2С ([u]—[u]) // (u—ø—°), по [Salminen 1998: 53, 499] [CuCuC] // CuCøC°, по [Salminen 1998: 53, 499]								
40Я	[ηyúút] (ηyúúδ°)	0,088	84,81 (83,32)	233-203 (224)	0,077	84,73 (83,43)	221	ЯМГ (1)
	[ηyúút] (ηyúúδ°)	0,060	84,47 (82,87)	224-210 (219)	0,141	83,58 (82,45)	191	ЯМГ (2)
	[ηyúút] (ηyúúδ°)	0,051	84,88 (83,88)	213-207 (210)	0,124	83,66 (82,50)	174	ЯМГ (3)
	[ηyúúδ°] (ηyúúδ°)	0,085	83,81 (83,54)	171-181 (178)	0,093	83,07 (82,60)	178-159	ОХХ (1)
	[ηyúút] (ηyúúδ°)	0,081	82,09 (81,33)	151	0,098	79,40 (77,89)	137-115-106	ОХХ (2)
[u] в 1С и 2С ([u]—[u]) // (u—u—°), по [Salminen 1998: 171] [C'uCuC'] // CuCuC° (C'uCuC°), по [Salminen 1998: 171]								
41Я	[n'úyúj] (n'úyúj°)	0,071	83,76 (83,26)	151	0,108	84,00 (83,28)	158-135 (147)	ОХХ (1)
	[n'úyúj] (n'úyúj°)	0,047	80,83 (80,71)	128	0,106	83,75 (82,74)	144-148-131	ОХХ (2)
	[n'úyúj] (n'úyúj°)	0,065	82,99 (82,73)	128	0,097	84,75 (83,69)	136-141-128	ОХХ (3)

с первым гласным: так, длительность второго гласного превышает длительность первого на 0,03—0,06 сек. (30—60 мсек.). Таким образом, соотношение длительности гласного первого слога к длительности гласного второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в рассмотренных произнесениях слов (40Я) и (41Я) составляет: (40Я) 1:0,9 [ЯМГ: 1]; 1:2,4 [ЯМГ: 2]; 1:2,4 [ЯМГ: 3]; 1:1,1 [ОХХ: 1]; 1:1,2 [ОХХ: 2]; (41Я) 1:1,5 [ОХХ: 1]; 1:2,3 [ОХХ: 2]; 1:1,5 [ОХХ: 3], — т. е. в большинстве произнесений длительность гласного второго слога превосходит длительность гласного [u] первого слога в 1,1—1,5 раза и даже в 2,3—2,4 раза.

Гласный второго слога часто экспираторно не уступает гласному [u] первого слога, несмотря на общую речевую тенденцию произносить начало фонетического слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец: так, 1) во втором и третьем произнесениях слова (41Я) диктором ОХХ максимальная интенсивность второго гласного оказывается больше пиковой интенсивности первого на 1,8—3 дБ, а средняя — на 1—2 дБ; 2) в первом произнесении слова (40Я) диктором ЯМГ и в первом произнесении слова (41Я) диктором ОХХ как максимальная, так и средняя интенсивность обоих гласных оказываются численно сопоставимы; 3) во втором произнесении слова (40Я) диктором ЯМГ пиковая интенсивность первого гласного превышает пиковую интенсивность второго примерно на 0,9 дБ, тогда как средняя — всего на 0,4 дБ, что не является значительной величиной. Только в третьем произнесении слова (40Я) информантом ЯМГ максимальная интенсивность первого гласного превышает соответствующий показатель второго на 1,2 дБ, а средняя интенсивность — соответственно на 1,4 дБ (что также укладывается в рамки общеречевой тенденции произнесения начала фонетического слова), а также в двух произнесениях слова (40Я) диктором ОХХ максимальная интенсивность первого гласного превосходит пиковую интенсивность второго на 0,7 дБ (произн. 1) и 2,7 дБ (произн. 2), а средняя — на 1 дБ и 3,4 дБ соответственно.

При этом в произнесениях диктора ОХХ разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 0,1—0,8 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 0,5—1,5 дБ, а в произнесениях информанта ЯМГ разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного оказывается даже больше (примерно 1—1,6 дБ), чем разница между соответствующими числовыми показателями второго гласного (1,1—1,3 дБ), что свидетельствует о том, что интенсивность гласного второго слога затухает плавно, нерезко и небыстро, а в произнесениях ЯМГ часто даже медленнее, чем интенсивность первого гласного.

На протяжении произнесения слова (40Я) дикторами ЯМГ и ОХХ тон остается ровным, колебания по частоте основного тона при этом незначительны, а общее понижение ЧОТ от начала фонетического слова к его концу составляет примерно 10—45 Гц. Что касается произнесения слова (41Я) диктором ОХХ, то обнаруживается также небольшое локальное повышение частоты основного тона на гласном второго слога (на 7—20 Гц) на фоне общего плавного понижения тона к концу фонетического слова (примерно на 15—20 Гц).

Для рассмотренных выше слов структур [CuCuC] (*CuCøC°*) и [C'uCuC'] (*C'uCuC'°*) характерно ударение на гласном второго слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного не первого слога в данном случае оказывается большая длительность (темпоральная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. Экспираторное и тональное выделение ударного гласного можно считать дополнительными акустическими коррелятами ударения.

См. подробный анализ просодических характеристик фонетических слов сходных структур выше, в п. 2.1.3 (слова (29Я) и (30Я)) и п. 2.2.3 (слово (35Я)), а также в первой части данной статьи: п. 2.1.3, слово (13Я) [Амелина 2016: 27—30]; п. 2.2.2, слово (15Я) [Амелина 2016: 34—36]; п. 2.3.2, слово (19Я) [Амелина 2016: 40—42]; п. 2.4.2, слово (21Я) [Амелина 2016: 44—46].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных проанализированных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 26*.

Таблица 26

[CuCúC], [C'uCúC'] (<i>CuCøC°</i> , <i>C'uCuC'°</i>)		
[u] первого слога		[ú] второго слога
Д1	<	Д2
И1	= (>)	И2
ЧОТ1	=/> (<)	ЧОТ2

Наш вывод о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренном выше слове (40Я) структуры [CuCúC] (*CuCøC°*) в ямальском диалекте подтверждается также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров ямальского диалекта (О и ОР): О *ñìxùð*, ОР *ñìxùð* [Lehtisalo 1956: 42b], где с помощью диакритики обозначена длительность (долгота) второго гласного (*ù*). Однако для слова (41Я) структуры [C'uCúC'] (*C'uCuC'°*) долгота второго гласного в говорах ямальского диалекта в словаре Т. Лехтисало не отмечена (равно как и долгота первого гласного): О *n'ùxùì*, ОР *ñ'uxùj* [Lehtisalo 1956: 331a].

О том, что в этих словах ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует и фонологическая интерпретация этих имен, сделанная Т. Салмином: (40Я) *nguxød°* (N ø≡), NGUXØTØ [Salminen 1998: 53, 499]; (41Я) *nyuxu°* (N yø≡), NYUXUÿ(Ø) [Salminen 1998: 171].

3.2. Акцентные характеристики фонетических слов с противопоставленными по долготе гласными верхнего подъема заднего ряда [ū] и [u] в ямальском диалекте

В ямальском диалекте Т ненец. представлено также слово слоговой структуры [CūC'u] (*CúC'u*)³¹, где первый гласный долгий, а второй нейтральный по длительности:

(42Я) *сую* ‘олений теленок, олененок’ [Терещенко 1965, 2008: 571], *súyu* (N yu≡), SÚYU [Salminen 1998: 368, 510], О, ОР, Т₁, S_j., К, N *šūjjù*, U, U-Ts. *šūjjù* ‘Kalb des zahmen oder wilden Renntiers’ <‘детеныш домашнего или дикого оленя, олененок’> [Lehtisalo 1956: 417a] (~ ОР *šūjjì* ‘Renntierkälbchen; Fell des Renntierkälbchens’ <‘олененок; шкура олененка’>, О, S_j. *šūjjì* ‘Fell des Renntierkälbchens’ <‘шкура олененка’> [Lehtisalo 1956: 417b]); ср. Л *ходю* ‘олененок, (местн.) теленок (олений)’ [Бармич, Вэлло 2002: 138], 'xū'tu ‘теленек’ [Попова 1978: 141], N_j. *xōjjū*, P *xōd'd'ū* ‘Kalb des zahmen oder wilden Renntiers’ <‘детеныш домашнего или дикого оленя, олененок’> [Lehtisalo 1956: 417a] (~ N_j. *xūjjū* ‘Fell des Renntierkälbchens’ <‘шкура олененка’> [Lehtisalo 1956: 417b]).

В *Таблице 27* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных в произнесениях данного слова указанной структуры (см. также две спектрограммы в *Приложении 1*, (42Я)).

Отметим, что в словаре Н. М. Терещенко не отмечена фонологическая долгота гласного первого слога.

См. подробный анализ просодических характеристик фонетических слов сходных структур выше, в п. 2.2.1: слова (31Я) и (32Я). Ниже приводятся данные по интенсивности гласных второго слога фонетических слов (42Я) с разницей примерно в 10 мсек. (через косую черту /) с указанием на максимальную (max), минимальную (min) и среднюю интенсивность (в децибелах, дБ):

(42Я) [sūju] (*sūju*) [OXX: 1]: 77,42 / 77,81 / 78,26 / 78,42 (max) / 78,23 / 77,73 / 76,73 / 75,06 / 73,05 / 71,44 (min); средняя — 76,78 дБ;

(42Я) [sūju] (*sūju*) [OXX: 2]: 75,88 / 75,91 (max) / 75,84 / 75,64 / 75,54 / 75,28 / 74,44 / 73,21 / 71,97 / 70,75 / 68,88 (min); средняя — 74,33 дБ.

³¹ В записи Т. Салмина символом *ú* обозначен долгий гласный верхнего подъема заднего ряда [ū].

Таблица 27

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
[ū] в 1С и [u] во 2С ([ū]—[u]) // (ú—u), по [Salminen 1998: 368, 510] [CūC'u] // CúCu (CúC'u), по [Salminen 1998: 368, 510]								
42Я	[súju] (sūju)	0,100	79,51 (78,46)	207-165	0,106	78,42 (76,78)	171-179-159 (173)	OXX (1)
	[súju] (sūju)	0,102	80,78 (79,47)	144-134 (138)	0,108	75,91 (74,33)	122-102 (110)	OXX (2)

Для рассмотренного выше слова структуры [CūC'u] (CúC'u) характерно ударение на гласном первого слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного первого слога в данном случае в первую очередь оказывается большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным, а второстепенным — возможная темпоральная выделенность ударного гласного, изначально присущая долгому гласному, но которая, однако, часто «затеняется» тем фактом, что длительность гласного открытого второго слога часто может превышать длительность первого гласного.

О том, что ударение в слове (42Я) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствует также форма аккузатива единственного числа: [sújum(?)] (súju-m) ACC.SG [OXX, ОЛЛ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных обобщены нами в *Таблице 28*.

Таблица 28

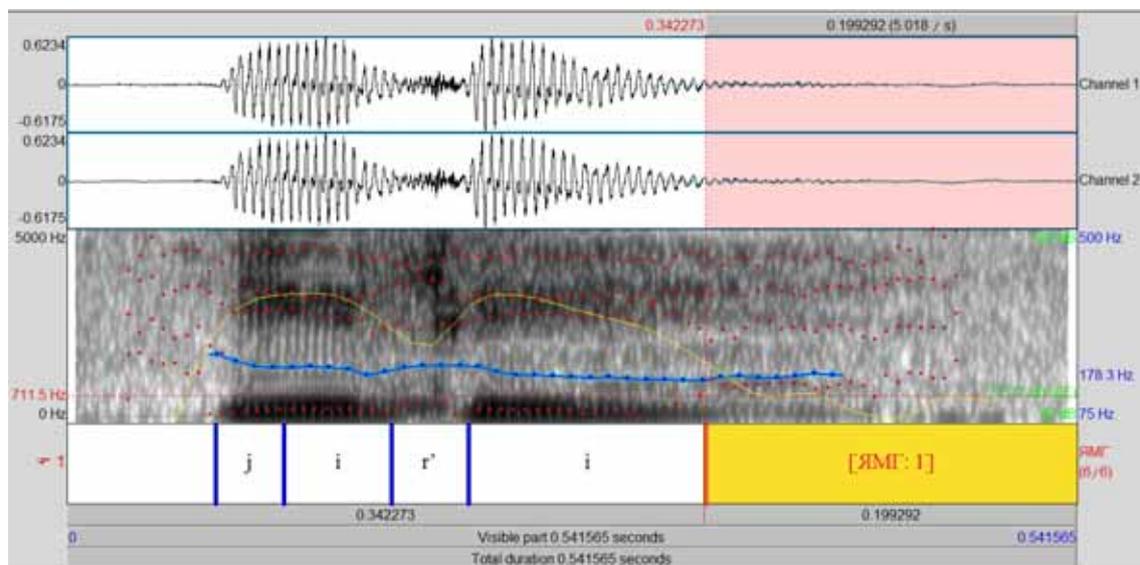
[CūC'u] (CúC'u — в записи Т. Салминена)		
[ú] первого слога		[u] второго слога
Д1	(> /) = (/ <)	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	= / >	ЧОТ2

Наш вывод о темпоральной выделенности ударного гласного первого слога в рассмотренном выше слове (42Я) структуры [CūC'u] (CúC'u) в ямальском диалекте подтверждается также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров ямальского диалекта (О и ОР): О, ОР *šūjjū* [Lehtisalo 1956: 417a], — где с помощью диакритики обозначена длительность (долгота) первого гласного (*ū*).

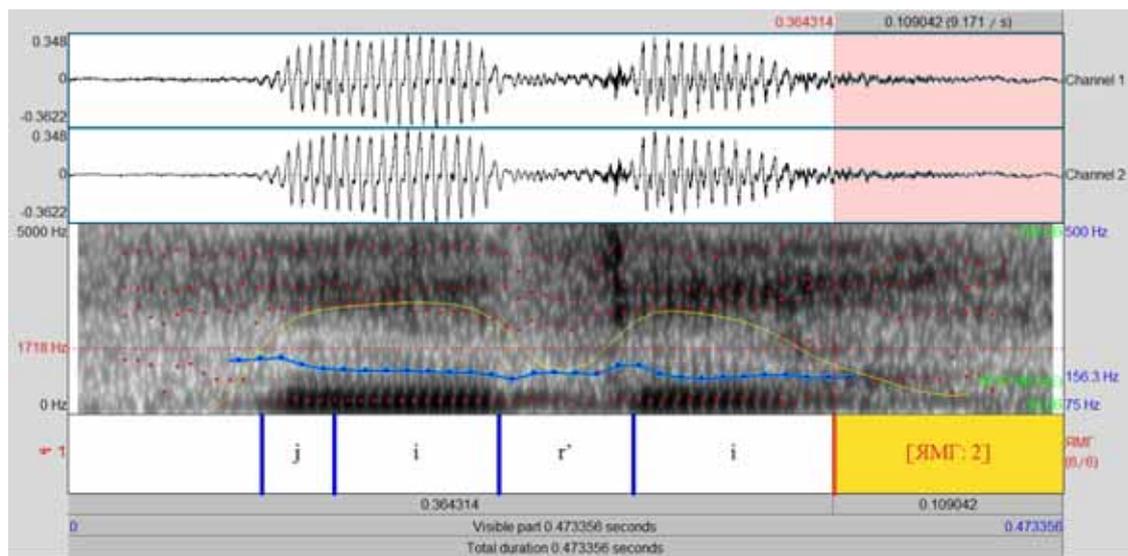
Приложение 1

1. Фонетические слова с гласными верхнего подъема [i] и [ī] в первом и втором слогах

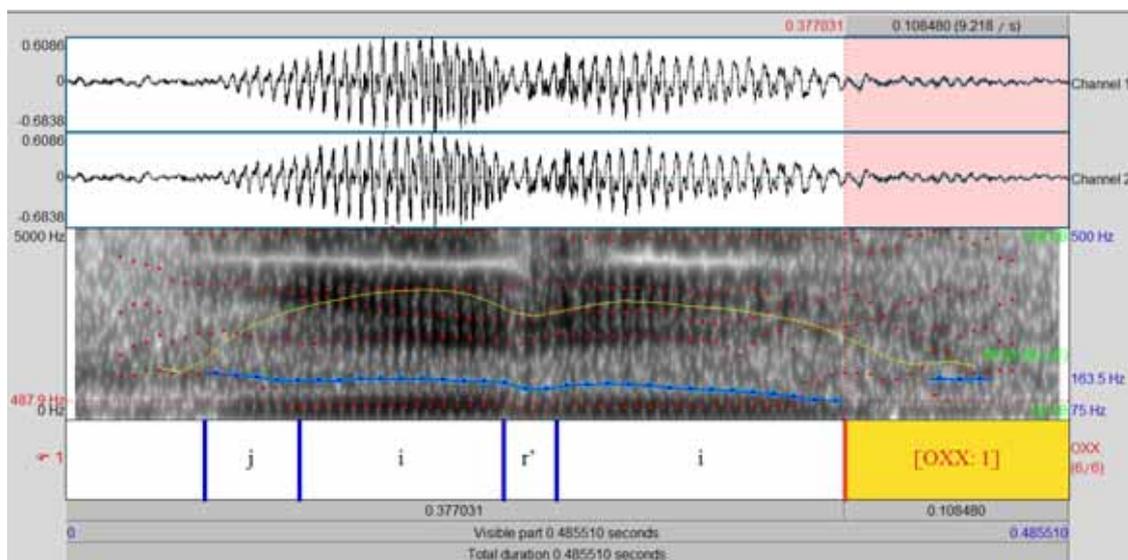
(22Я) Т ямал. [jirī] jir'i [ЯМГ: 1]

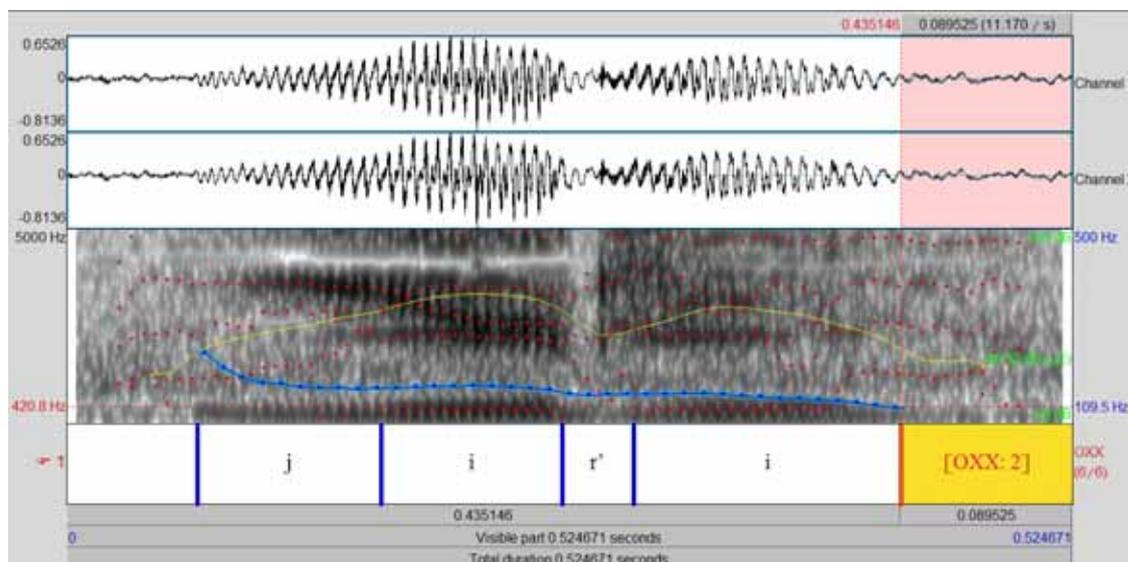
(22Я) Т ямал. [jir'i] jir'i [ЯМГ: 2]

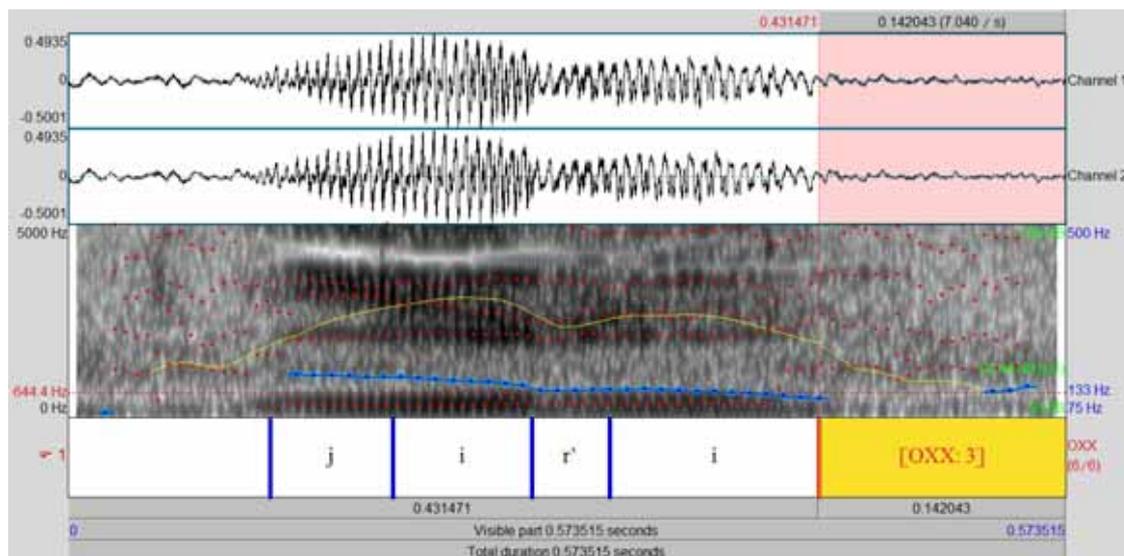

(22Я) Т ямал. [jir'i] jir'i [ОХХ: 1]

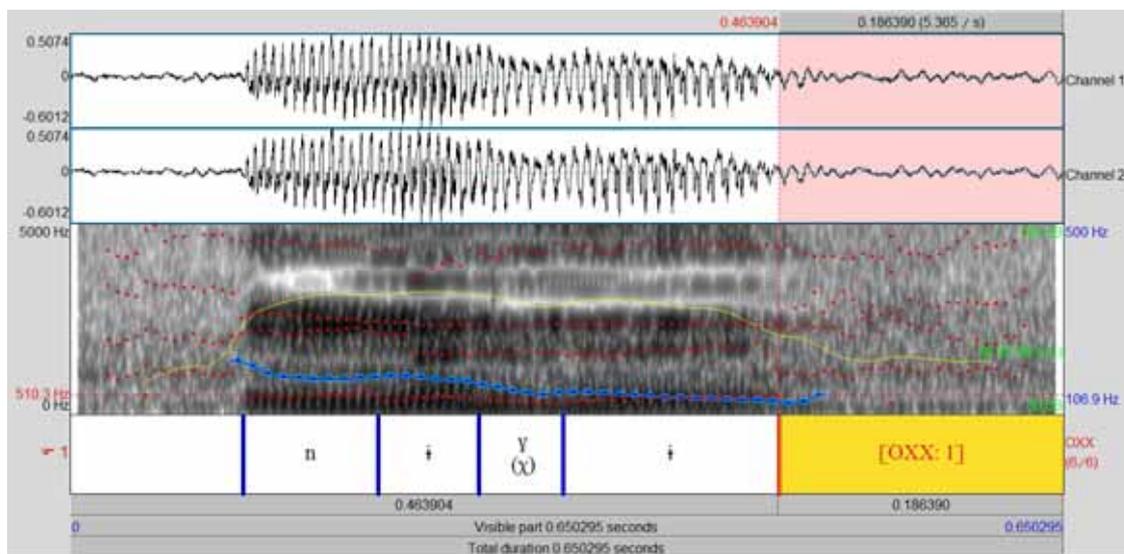

(22Я) Т ямал. [jir'i] jir'i [ОХХ: 2]

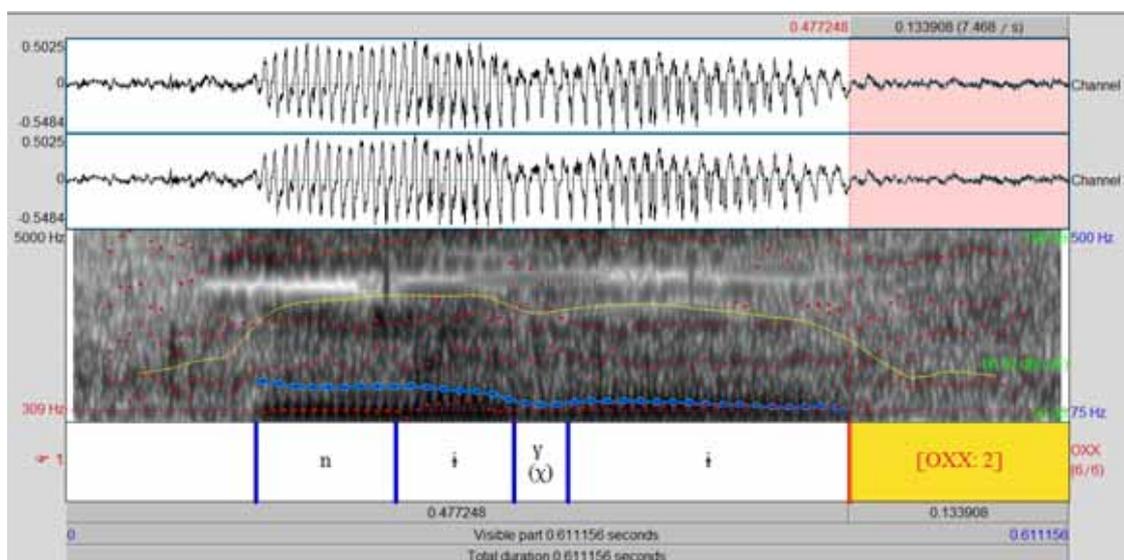

(22Я) Т ямал. [jiri] *jir'i* [OXX: 3]

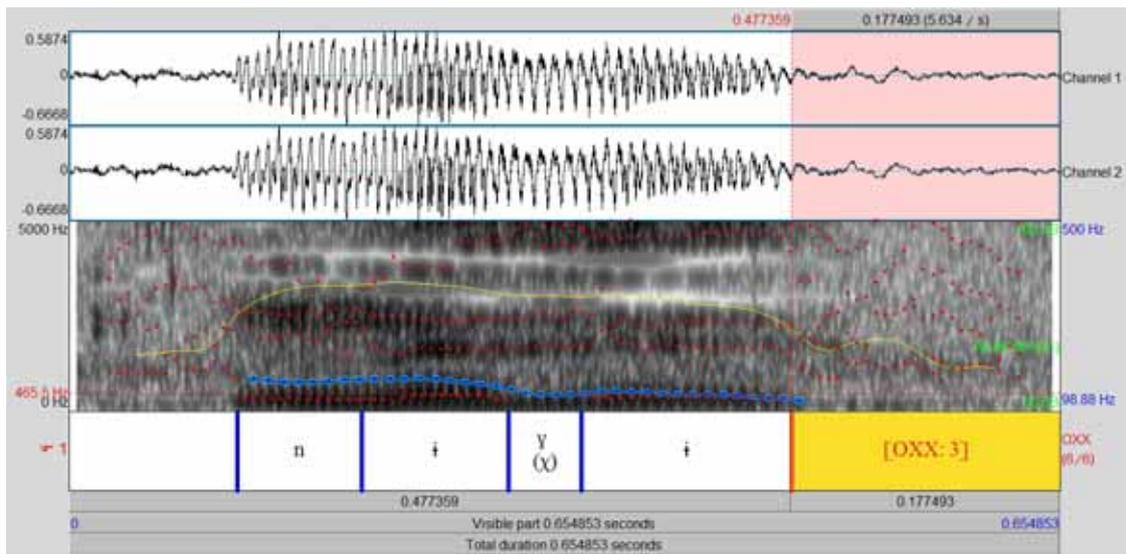
(23Я) Т ямал. [niyi] [OXX: 1]

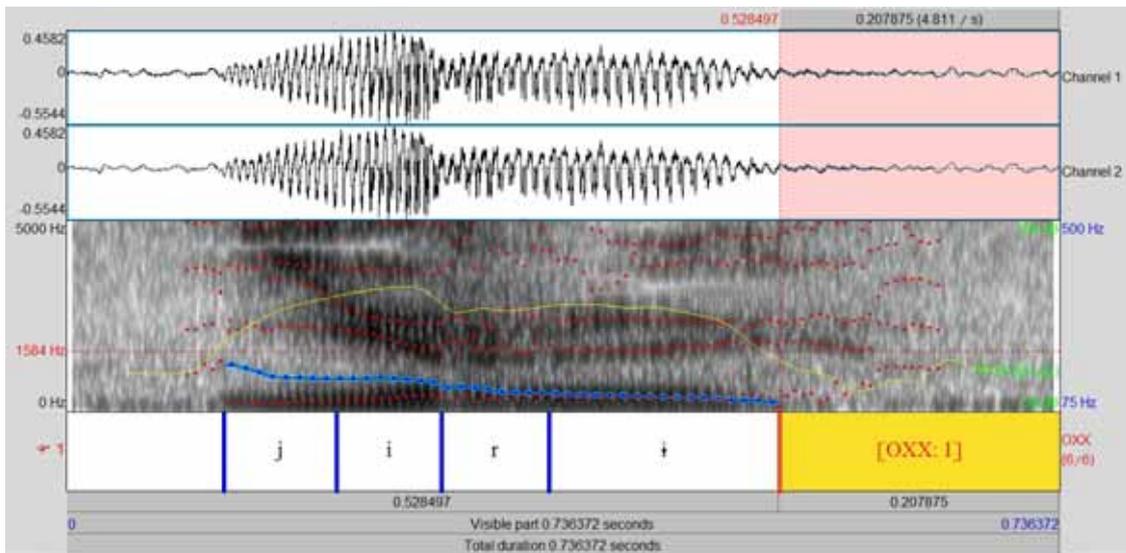
(23Я) Т ямал. [niyi] [OXX: 2]

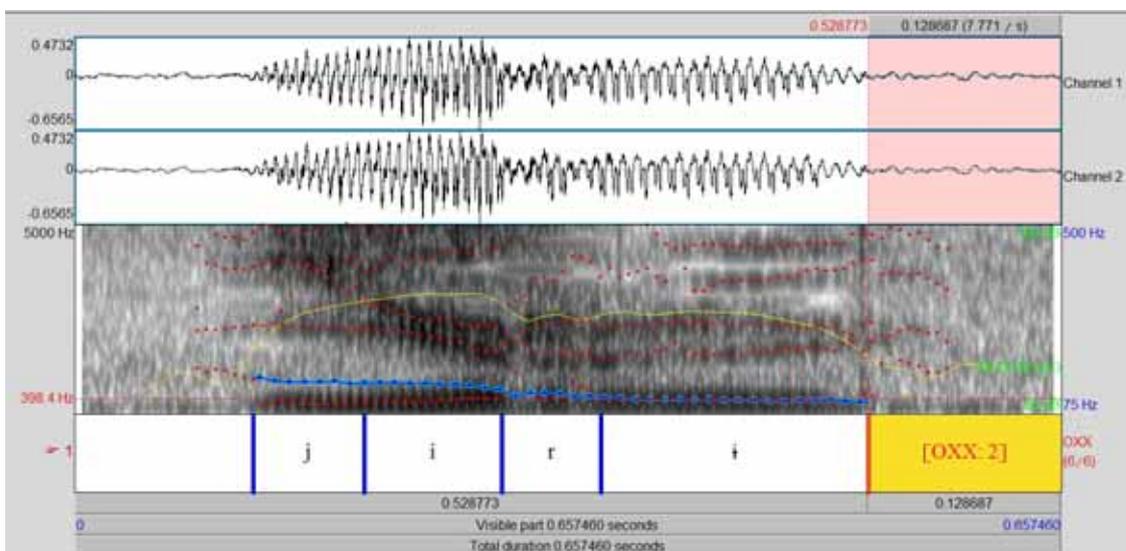
(23Я) Т ямал. [nʲiʲi] [OXX: 3]

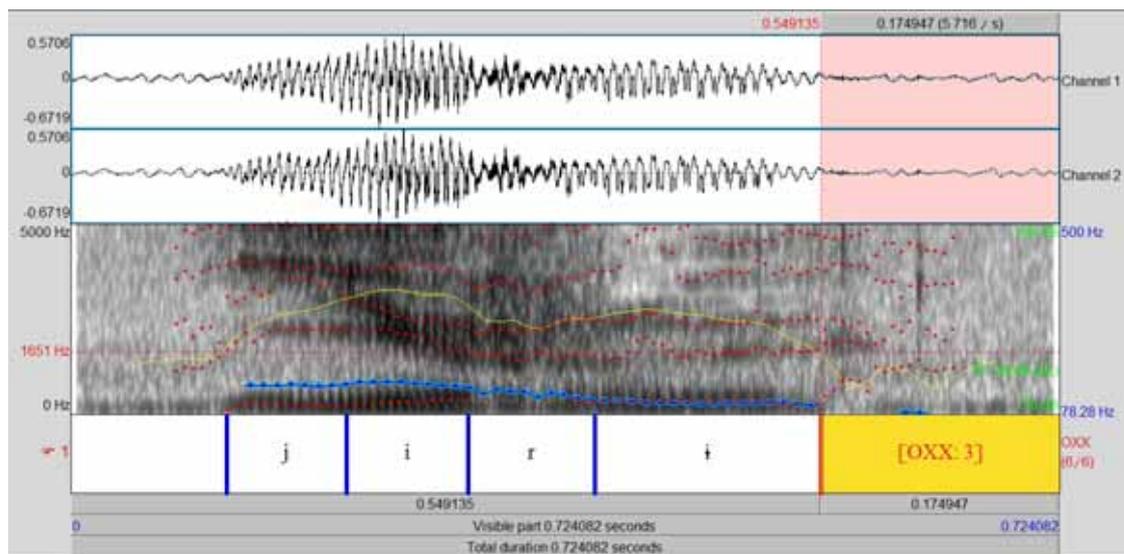
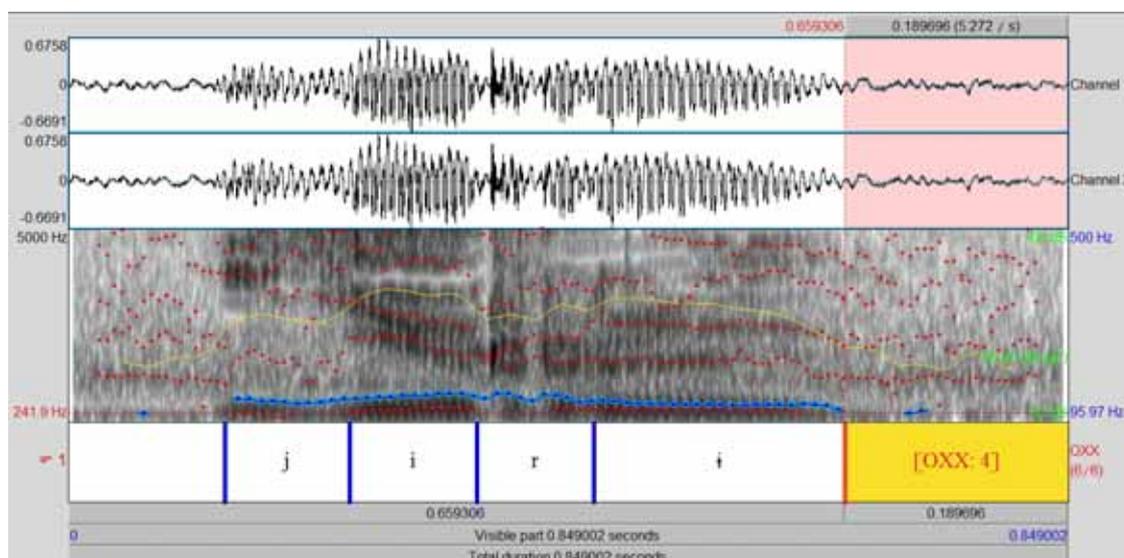
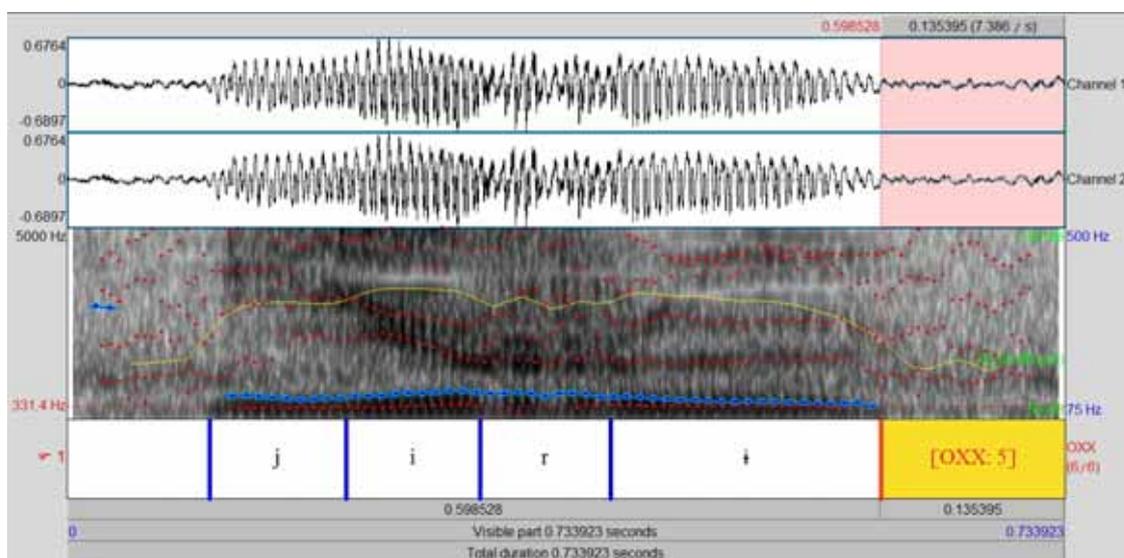

(24Я) Т ямал. [jiri] (jiri°) [OXX: 1]

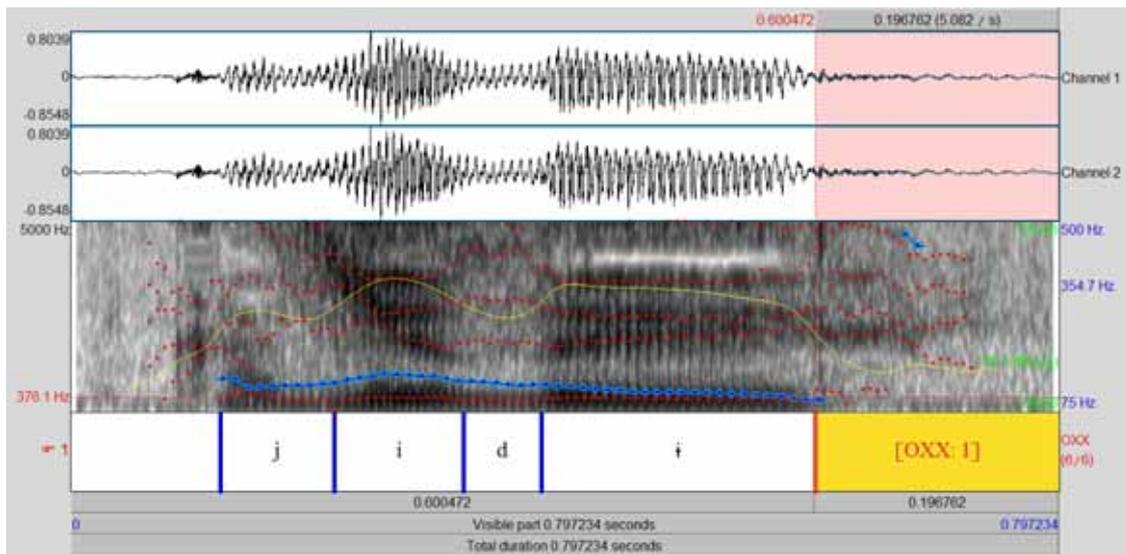

(24Я) Т ямал. [jiri] (jiri°) [OXX: 2]

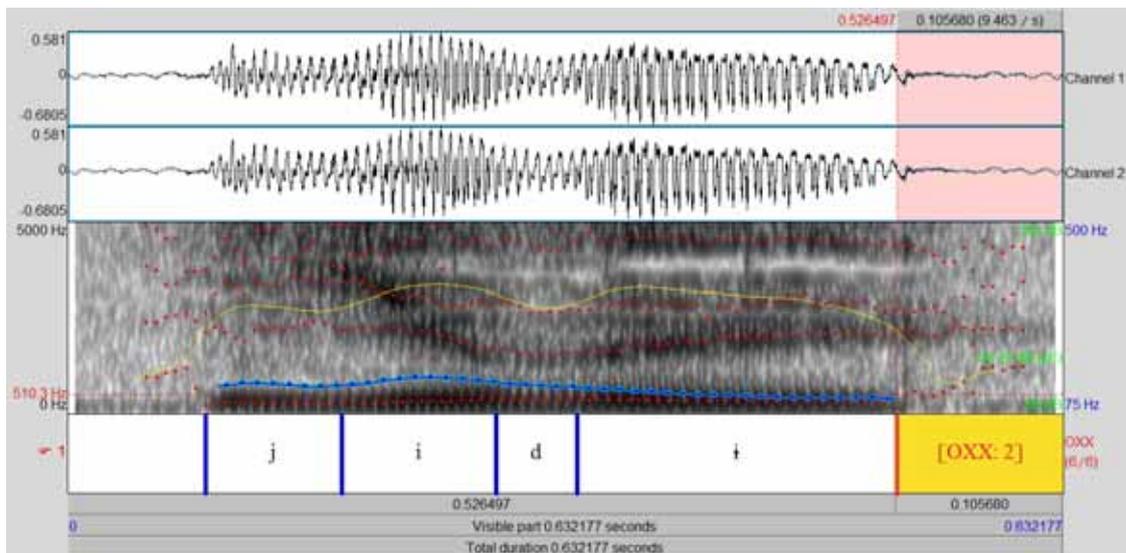

(24Я) Т ямал. [jiri] (*jiri*^o) [OXX: 3](24Я) Т ямал. [jiri] (*jiri*^o) [OXX: 4](24Я) Т ямал. [jiri] (*jiri*^o) [OXX: 5]

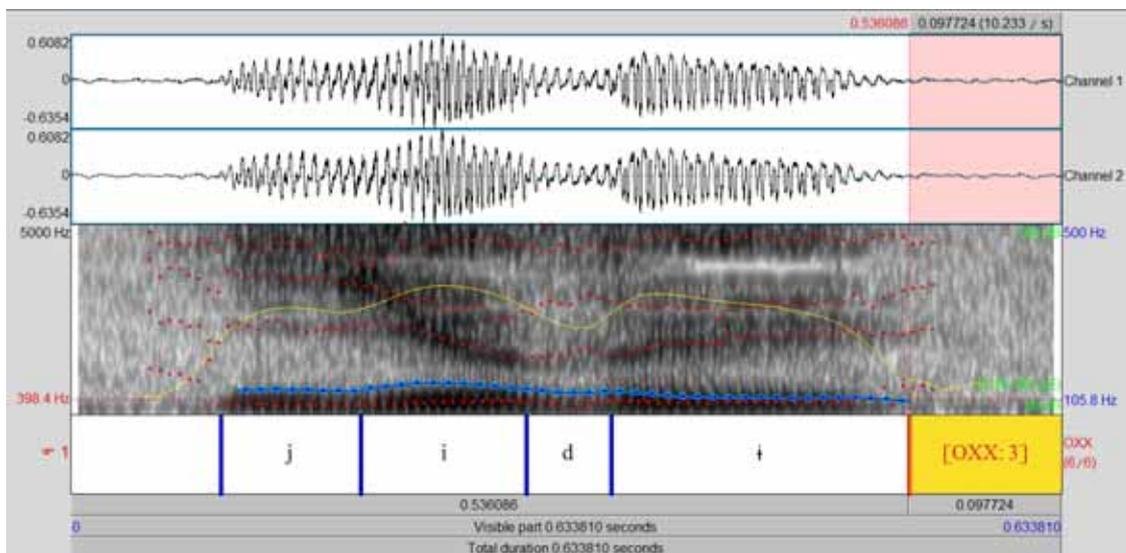
(25Я) Т ямал. [jidí] (*jidí*^o) [OXX: 1]

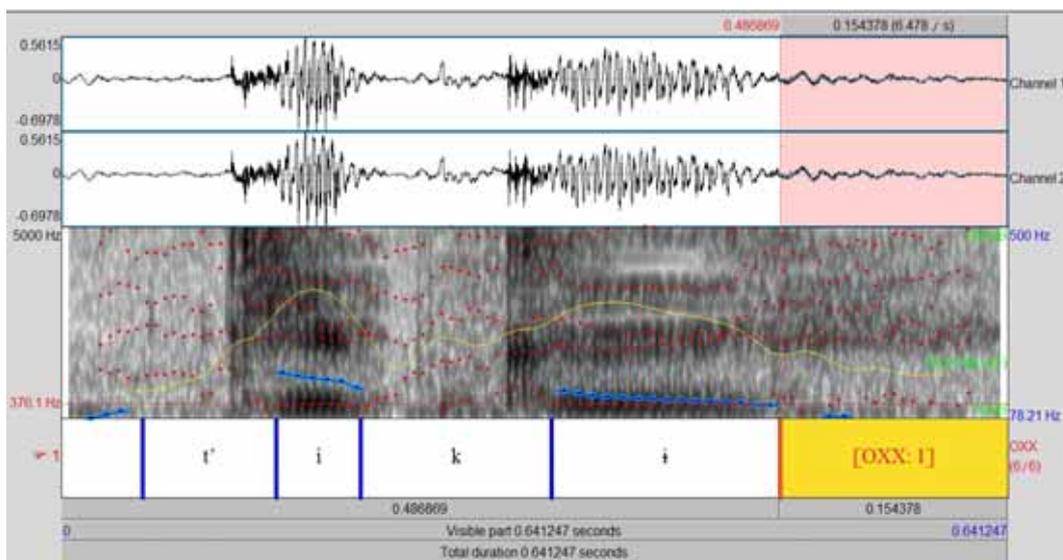
(25Я) Т ямал. [jidí] (*jidí*^o) [OXX: 2]

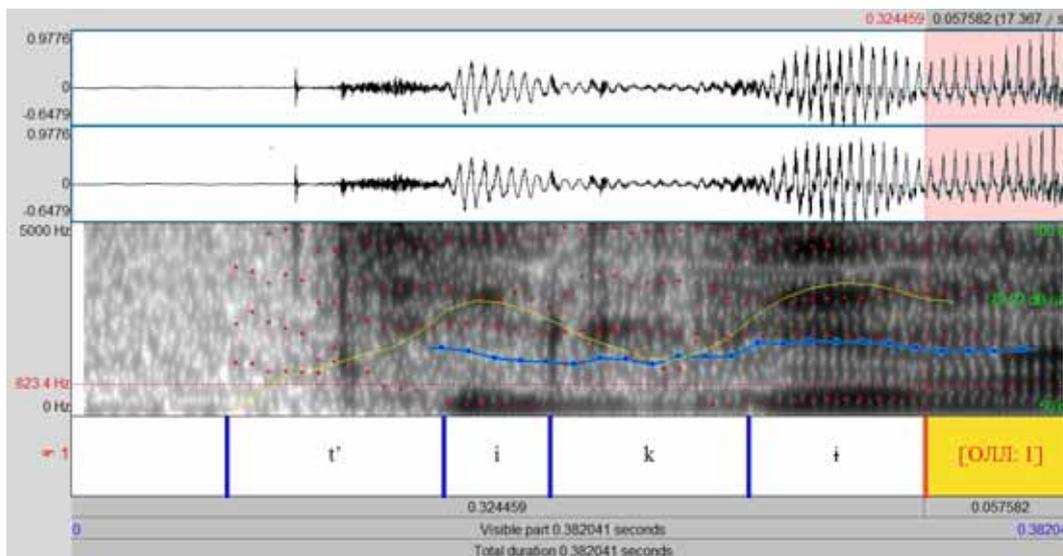
(25Я) Т ямал. [jidí] (*jidí*^o) [OXX: 3]

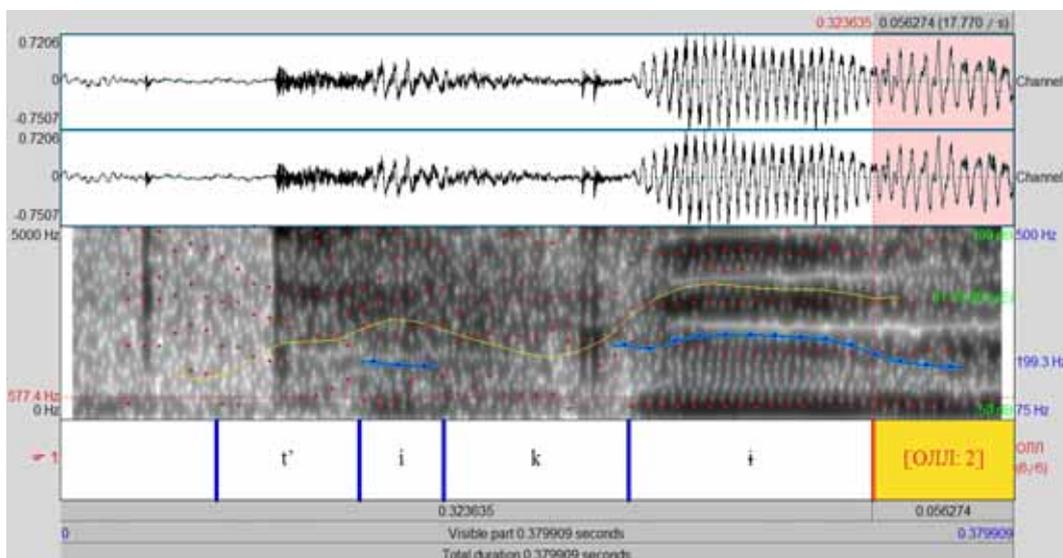
(26Я) Т ямал. [tʰikʲi] (tʰiki°) [ОХХ: 1]

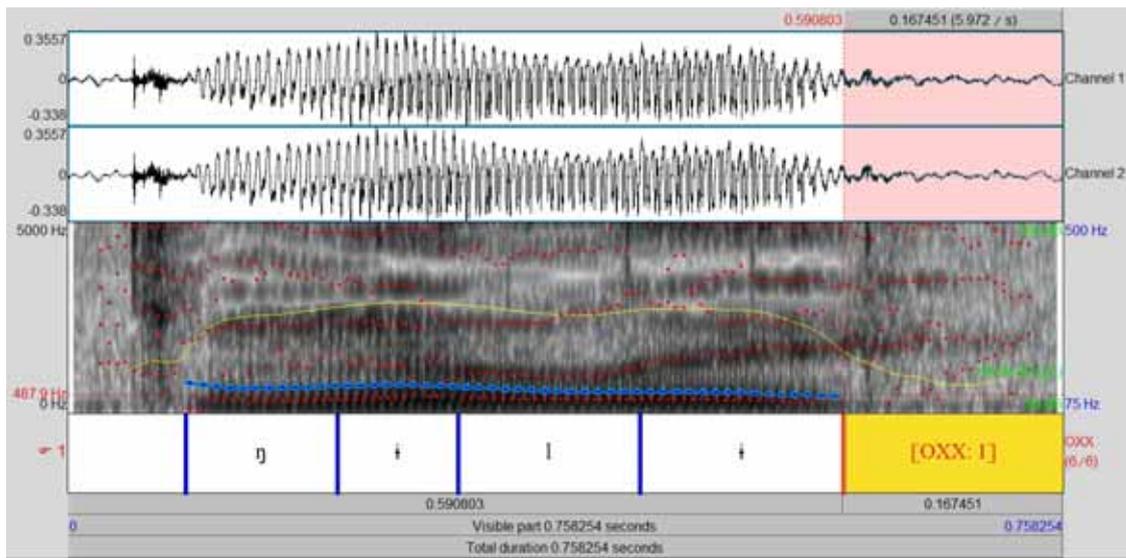
(26Я) Т ямал. [tʰikʲi] (tʰiki°) [ОЛЛ: 1]

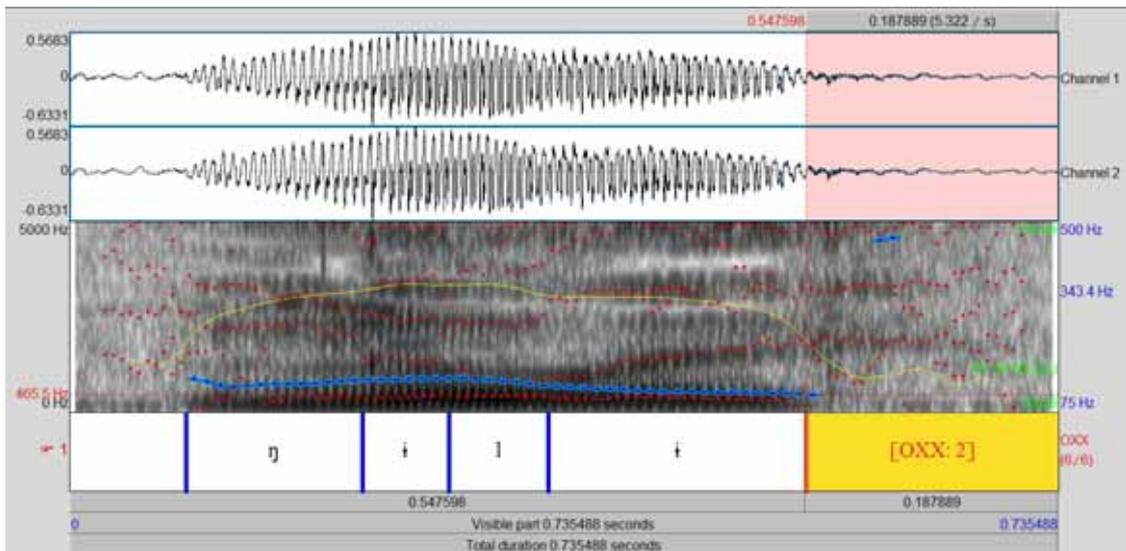
(26Я) Т ямал. [tʰikʲi] (tʰiki°) [ОЛЛ: 2]

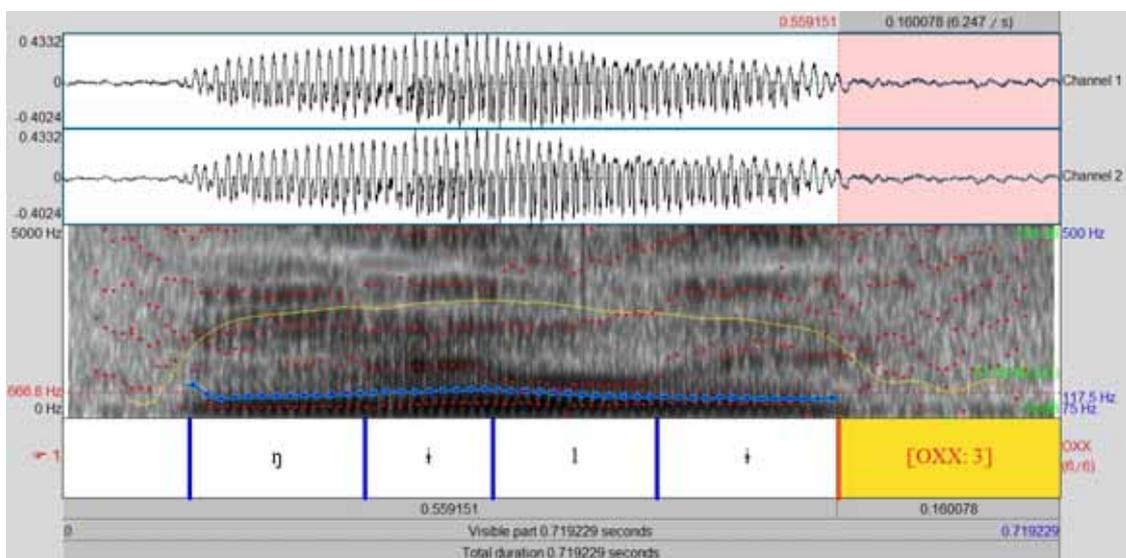
(27Я) Т ямал. [ɲilí] (*ɲili*^o) [OXX: 1]

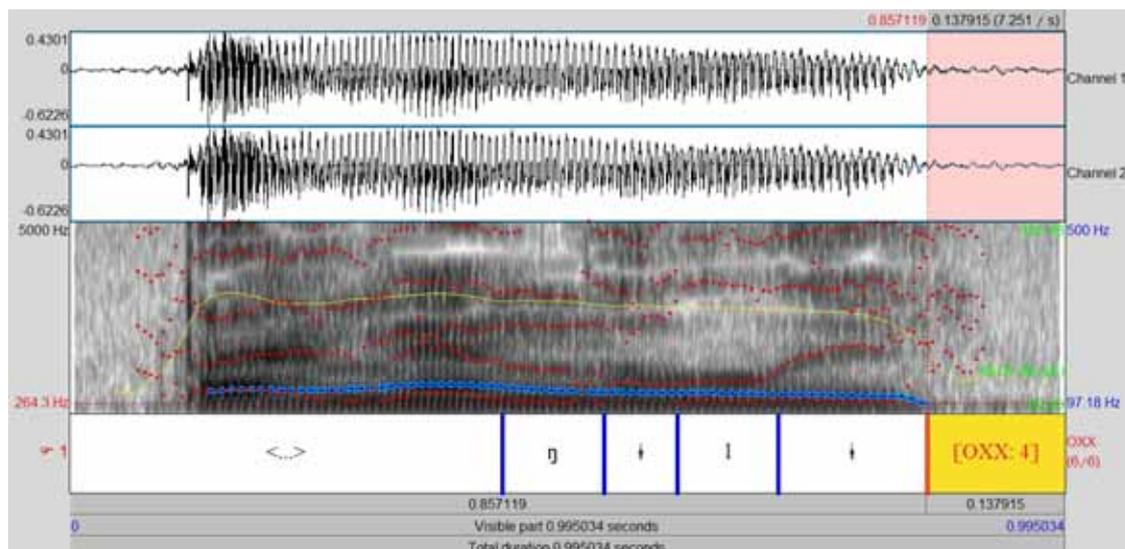
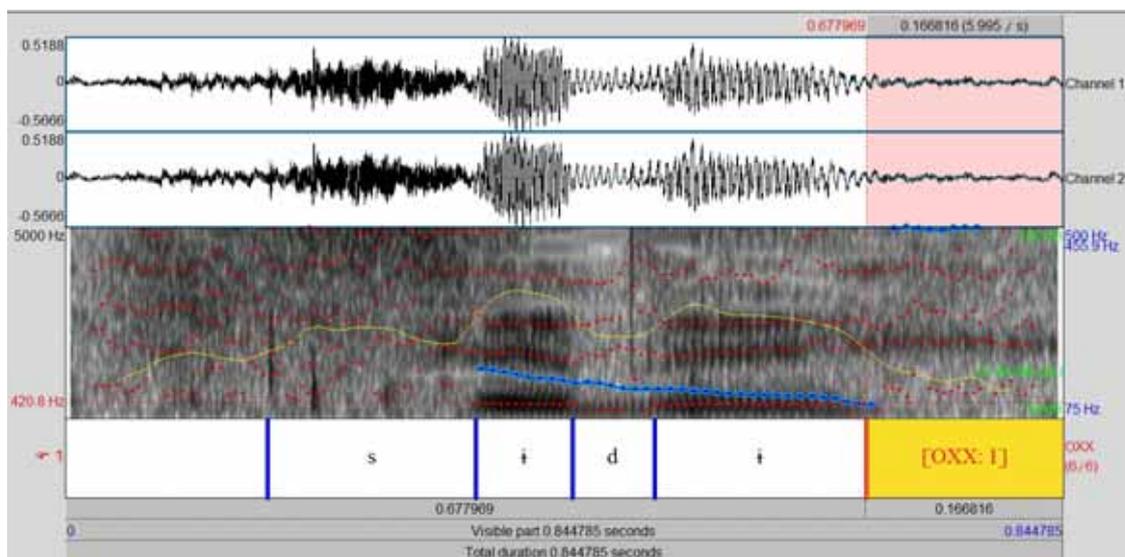
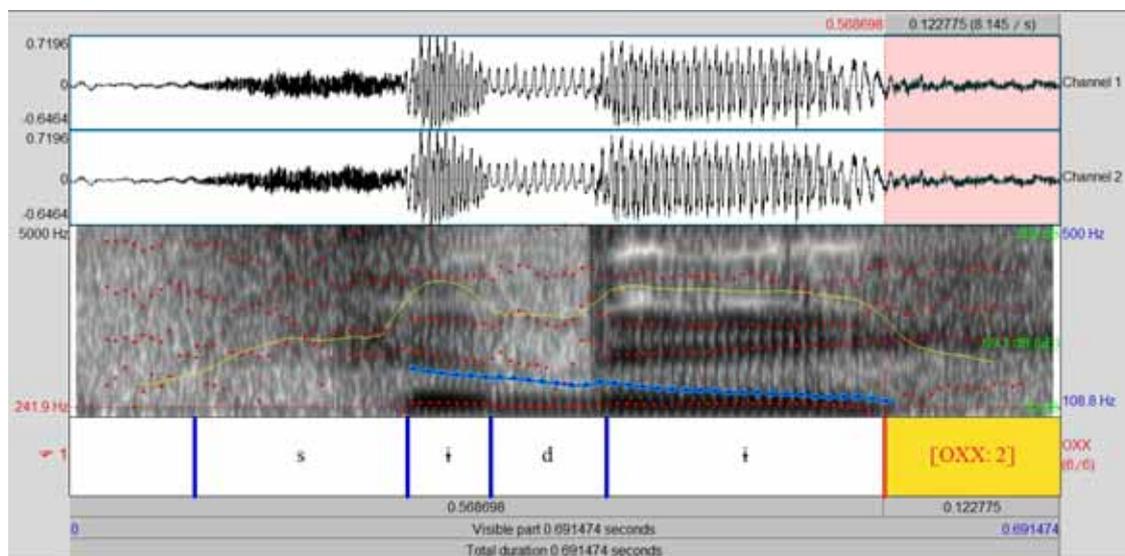

(27Я) Т ямал. [ɲilí] (*ɲili*^o) [OXX: 2]

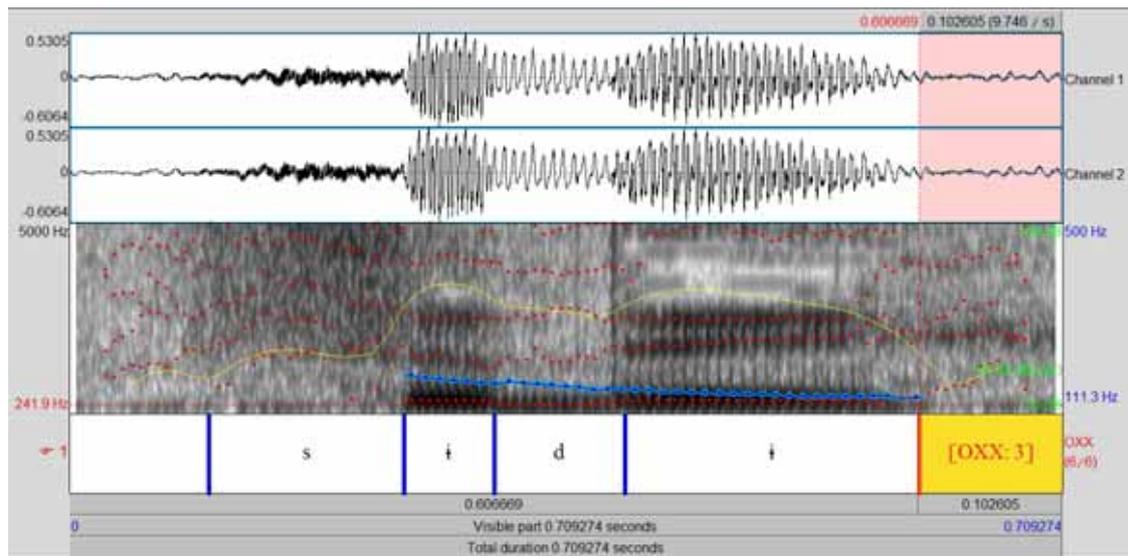

(27Я) Т ямал. [ɲilí] (*ɲili*^o) [OXX: 3]

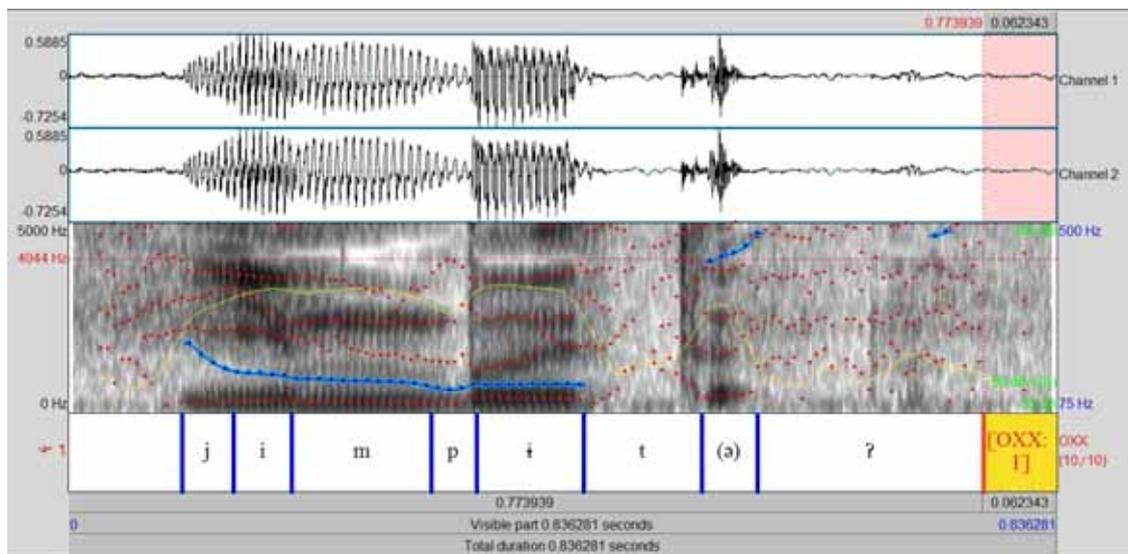

(27Я) Т ямал. [ɲilí] (*ɲili*^o) [OXX: 4](28Я) Т ямал. [sidí] (*sidi*^o) [OXX: 1](28Я) Т ямал. [sidí] (*sidi*^o) [OXX: 2]

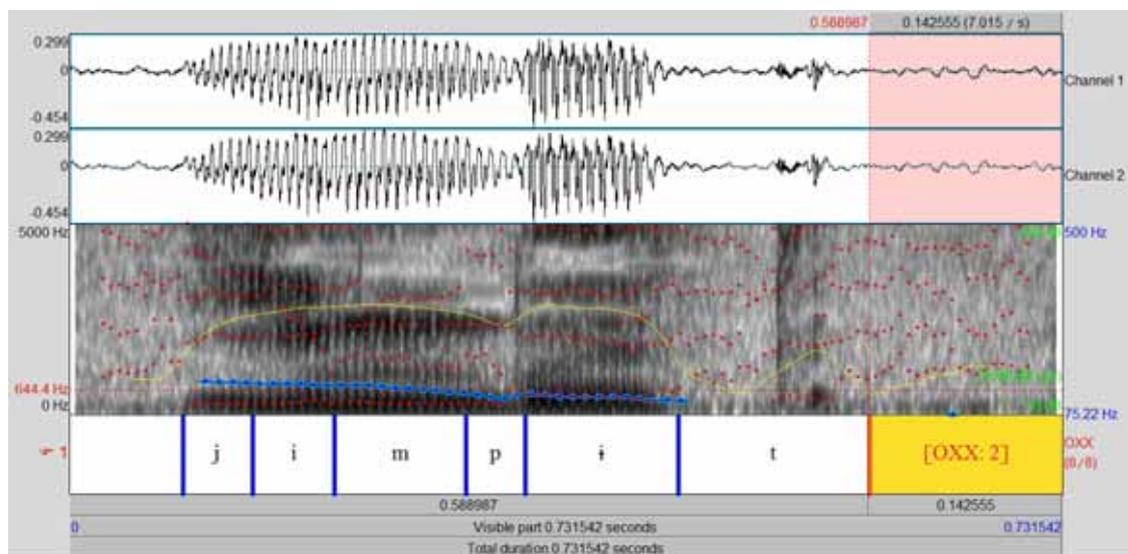
(28Я) Т ямал. [sidí] (*sidi*^o) [OXX: 3]

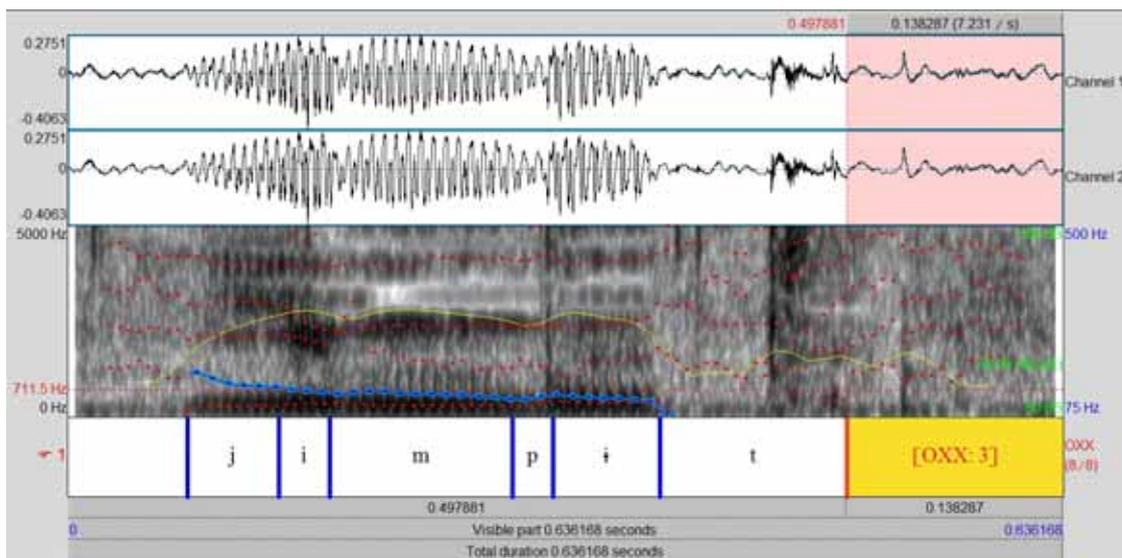
(29Я) Т ямал. [jimbitʔ] (*jimbit*^o) [OXX: 1]

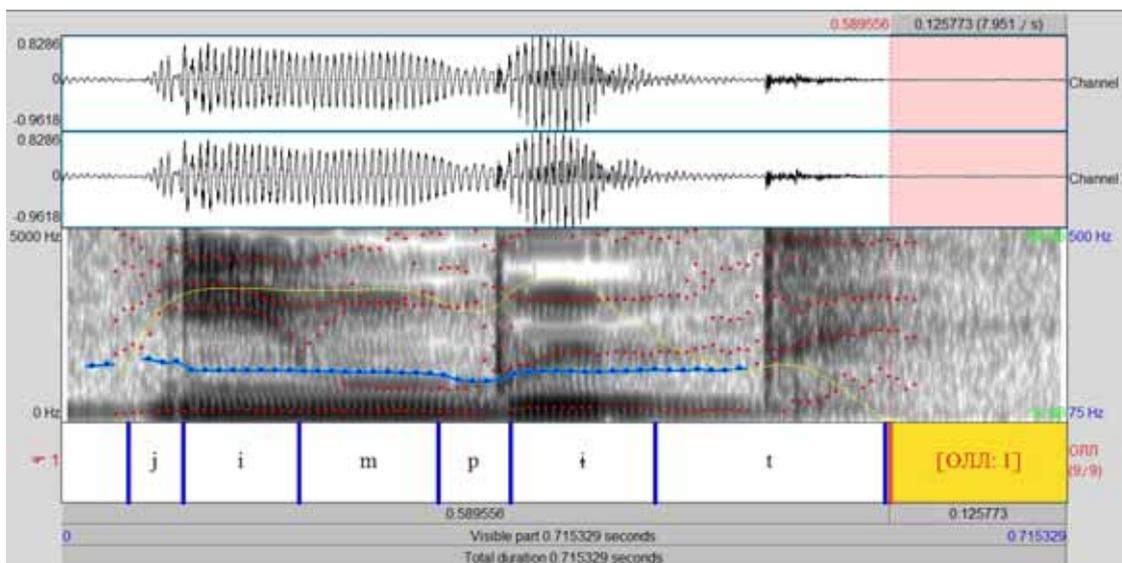
(29Я) Т ямал. [jimbit] (*jimbit*^o) [OXX: 2]

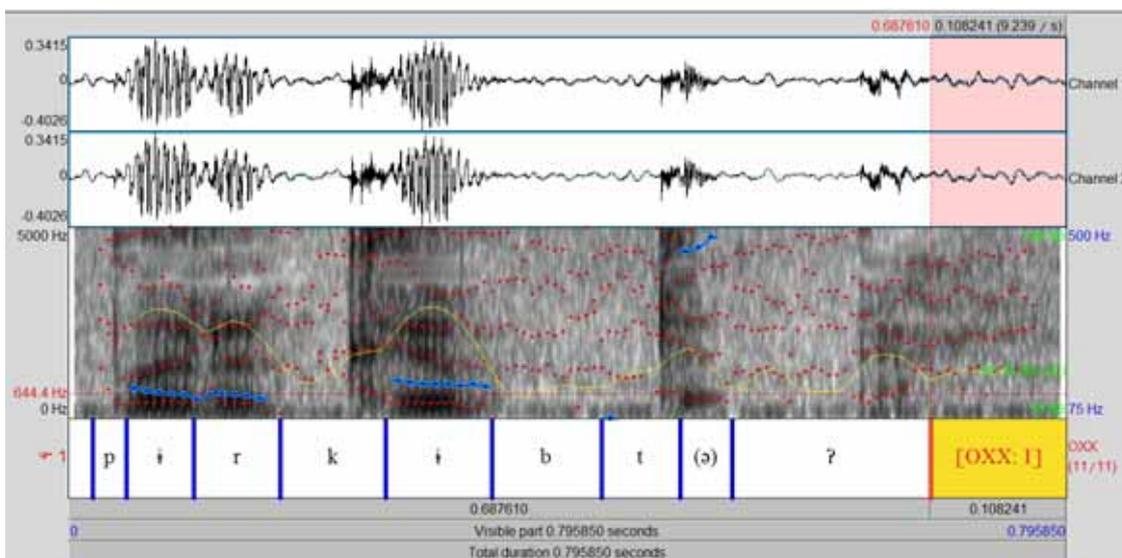
(29Я) Т ямал. [jimbít] (*jimpit*^o?) [ОХХ: 3]

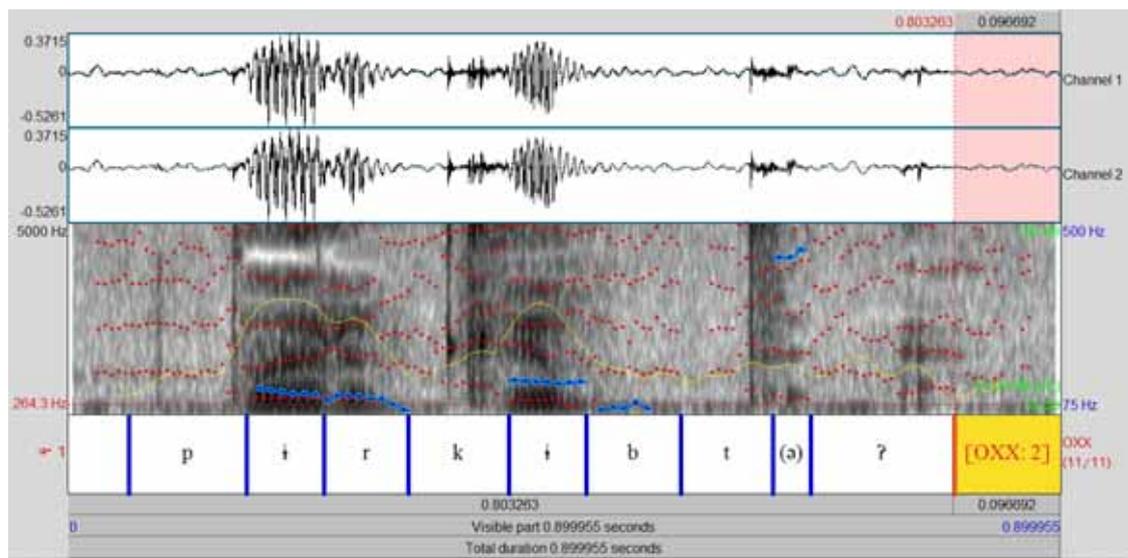
(29Я) Т ямал. [jimbít] (*jimpit*^o?) [ОЛЛ: 1]

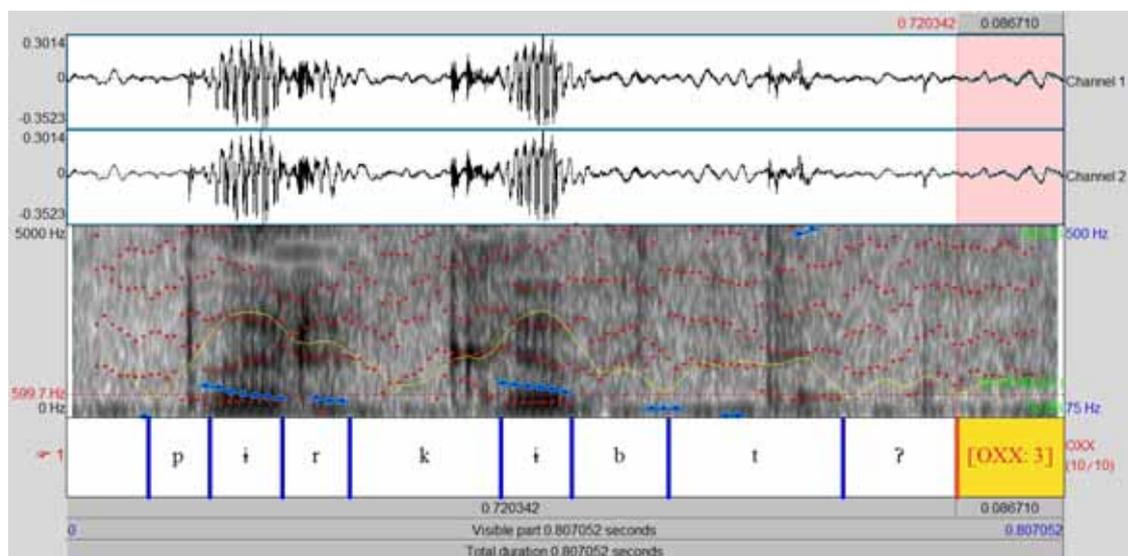
(30Я) Т ямал. [píkírtʔ] (*pirkibt*^o?) [ОХХ: 1]

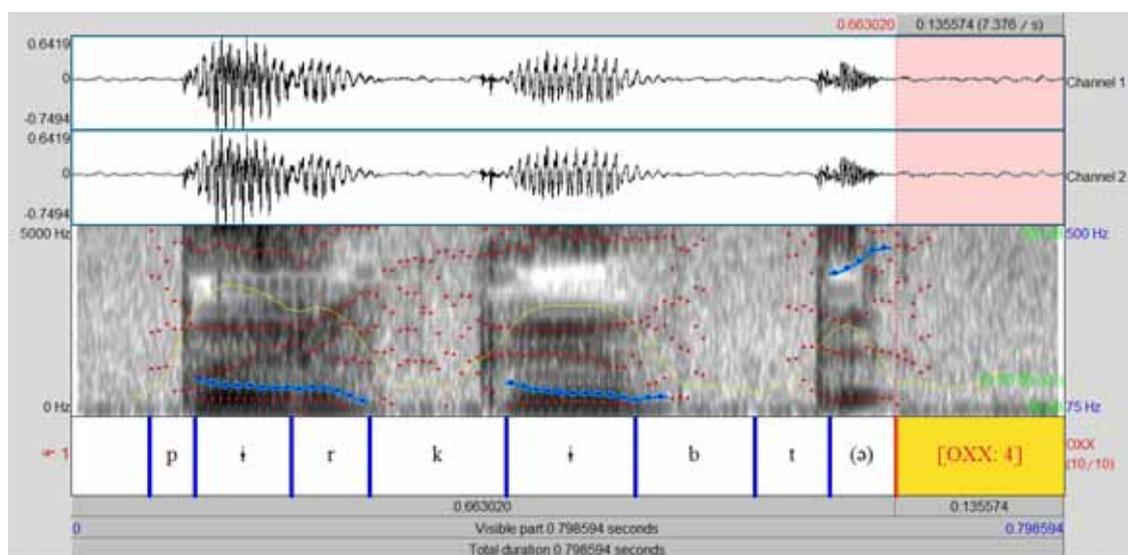
(30Я) Т ямал. [pɪrkɪbtʰ?] (*pɪrkɪbtʰ?*) [OXX: 2]

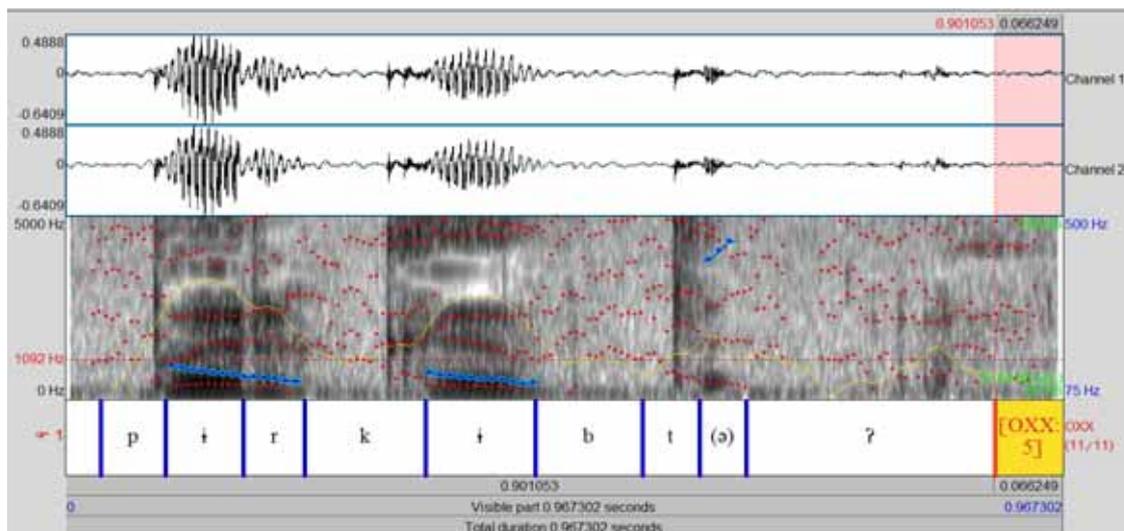
(30Я) Т ямал. [pɪrkɪptʰ?] (*pɪrkɪbtʰ?*) [OXX: 3]

(30Я) Т ямал. [pɪrkɪptʰ] (*pɪrkɪbtʰ?*) [OXX: 4]

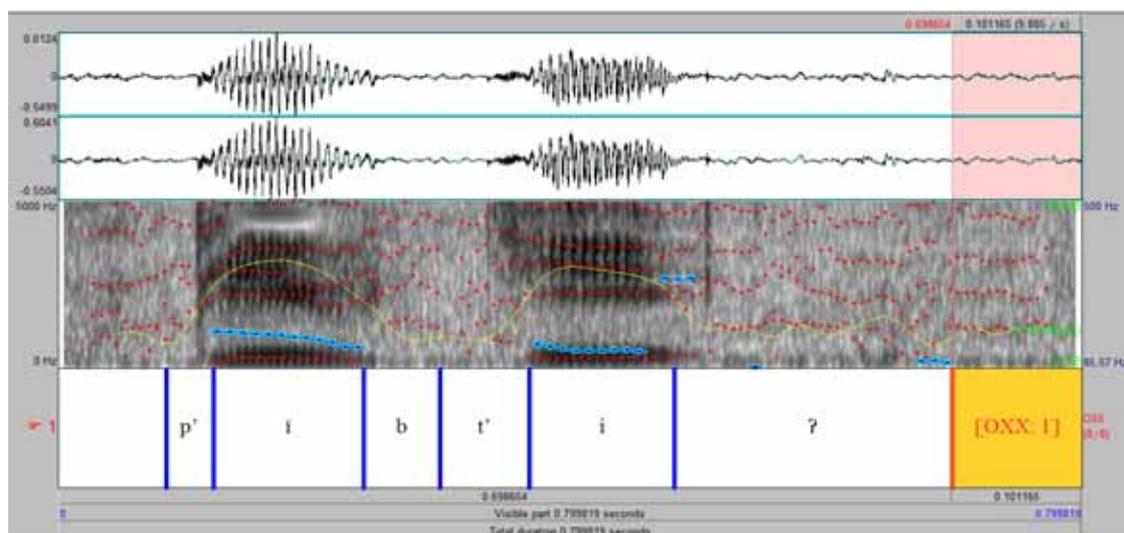

(30Я) Т ямал. [p̄irk̄ipt̄ʔ] (*p̄irk̄ibt̄ʔ*) [OXX: 5]

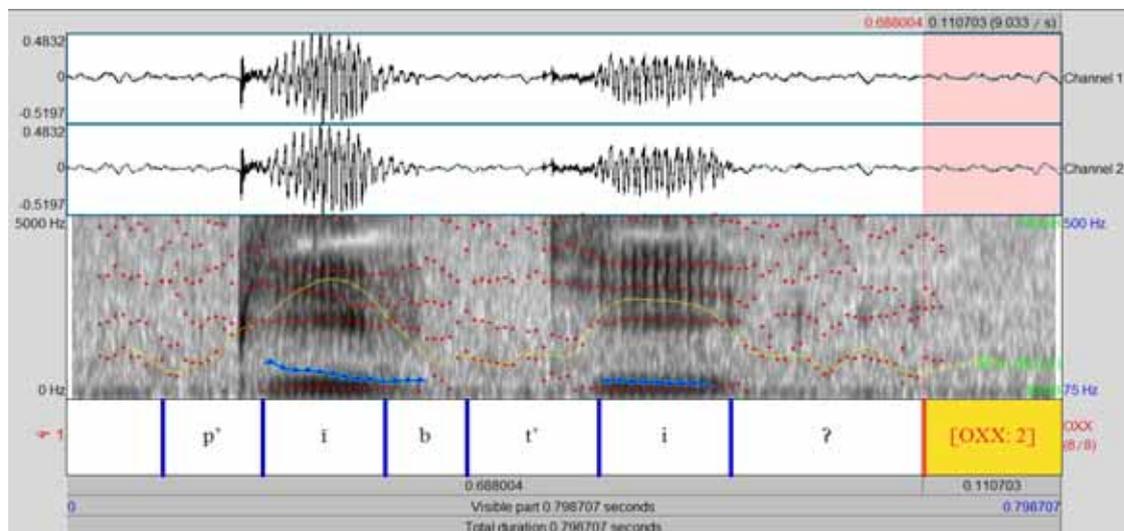

2. Фонетические слова с противопоставленными по долготе гласными верхнего подъема [ī] / [ī] и [i] / [i]

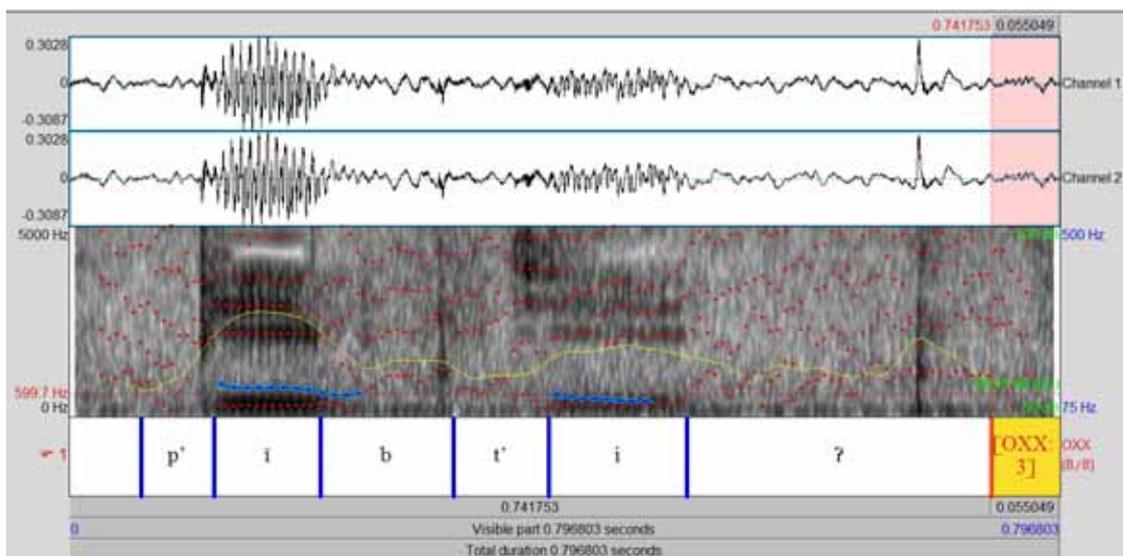
(31Я) Т ямал. [p̄r̄t̄īʔ] *p̄r̄bt̄īʔ* (*pȳbt̄yih*) [OXX: 1]

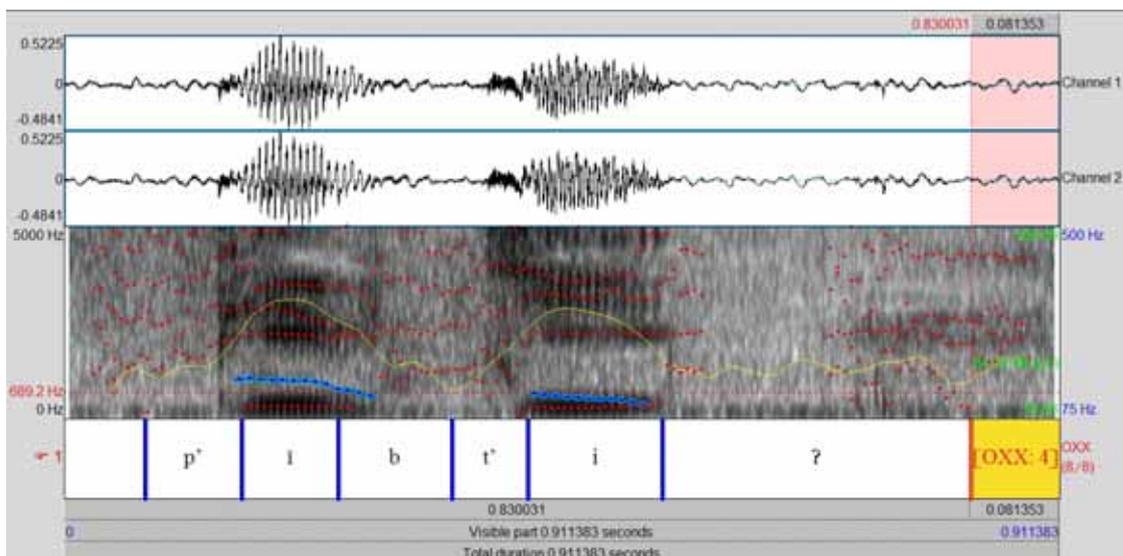
(31Я) Т ямал. [p̄r̄bt̄īʔ] *p̄r̄bt̄īʔ* (*pȳbt̄yih*) [OXX: 2]

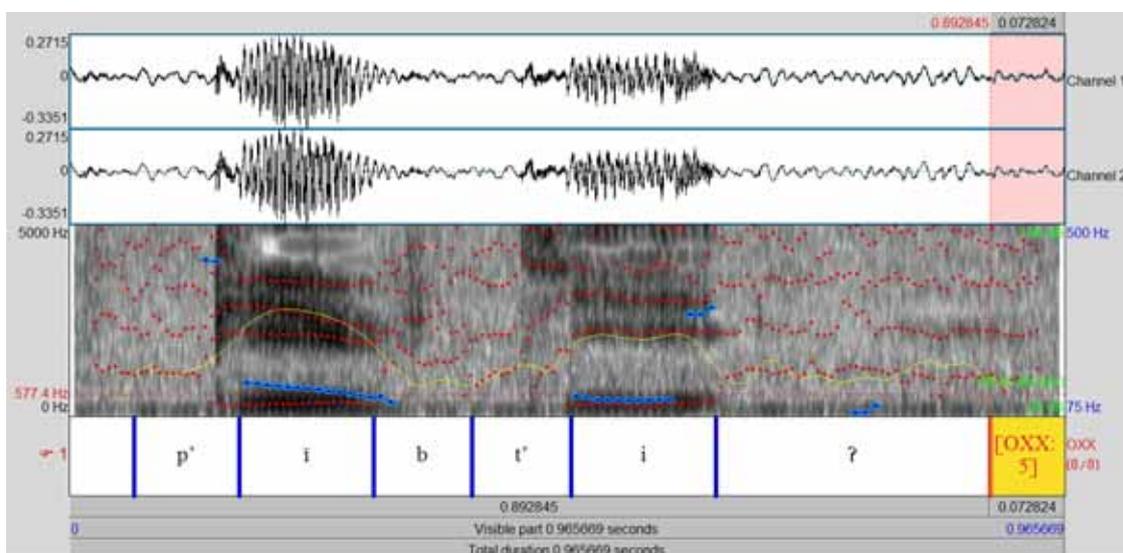
(31Я) Т ямал. [pʰbtʰiʲ] pʰbtʰiʲ (pyibtyih) [OXX: 3]

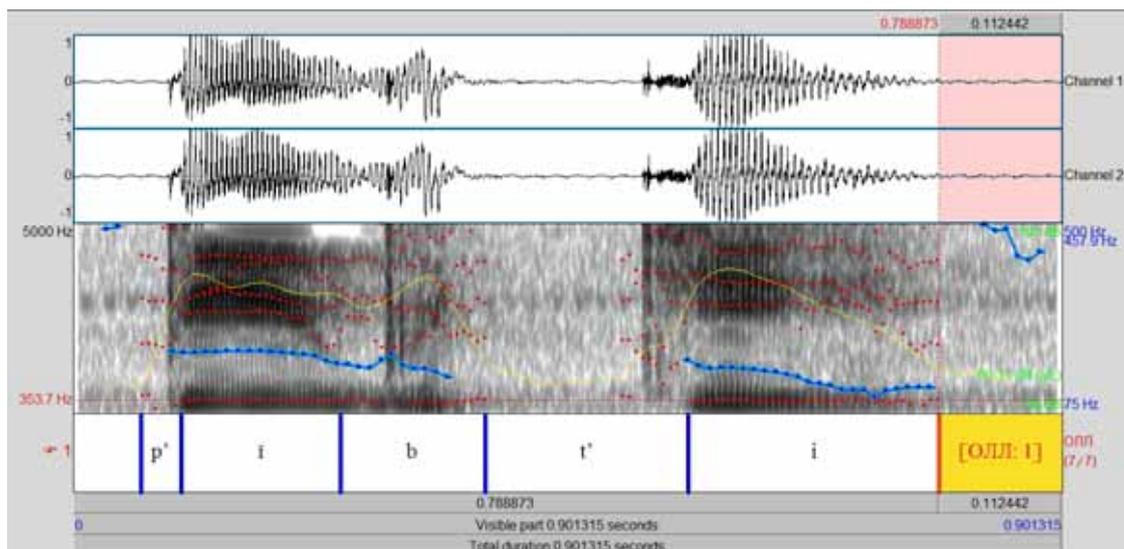
(31Я) Т ямал. [pʰbtʰiʲ] pʰbtʰiʲ (pyibtyih) [OXX: 4]

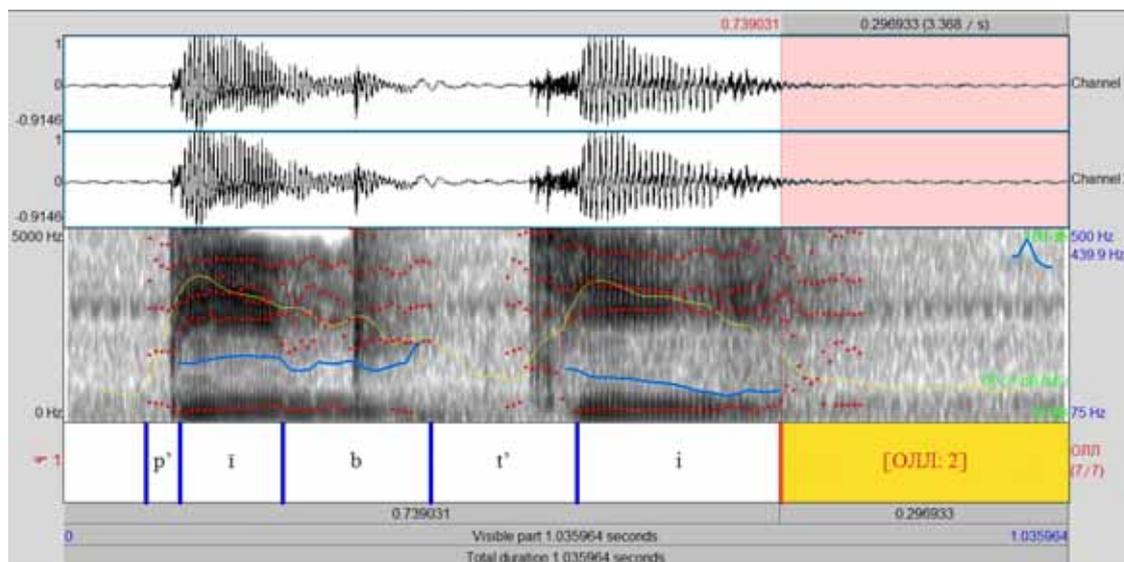
(31Я) Т ямал. [pʰrtʰiʲ] pʰbtʰiʲ (pyibtyih) [OXX: 5]

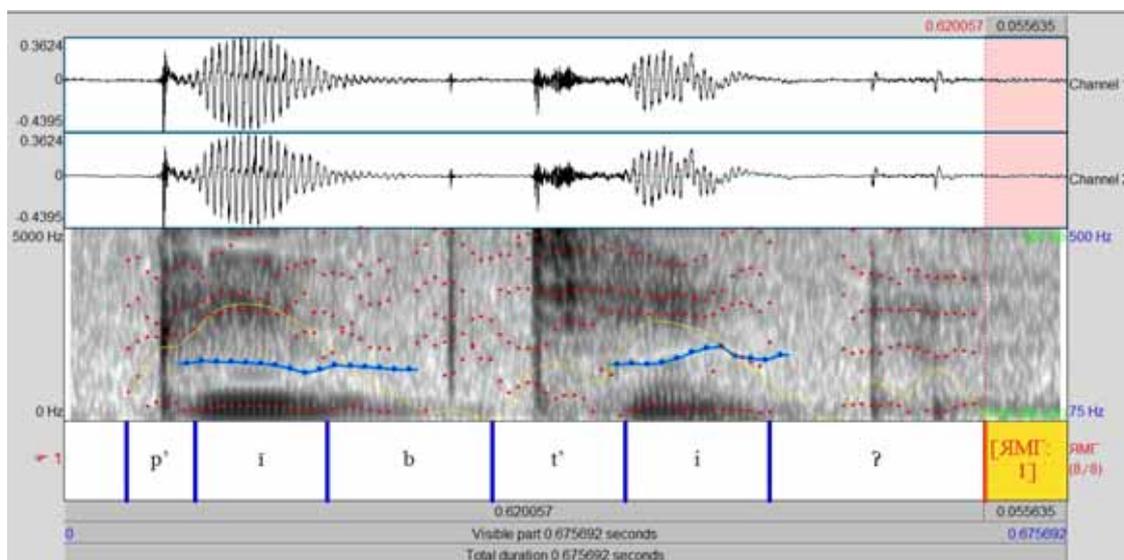
(31Я) Т ямал. [pʰbtʲi] pʰbtʲiʲ (pyʲbtyih) [ОЛЛ: 1]

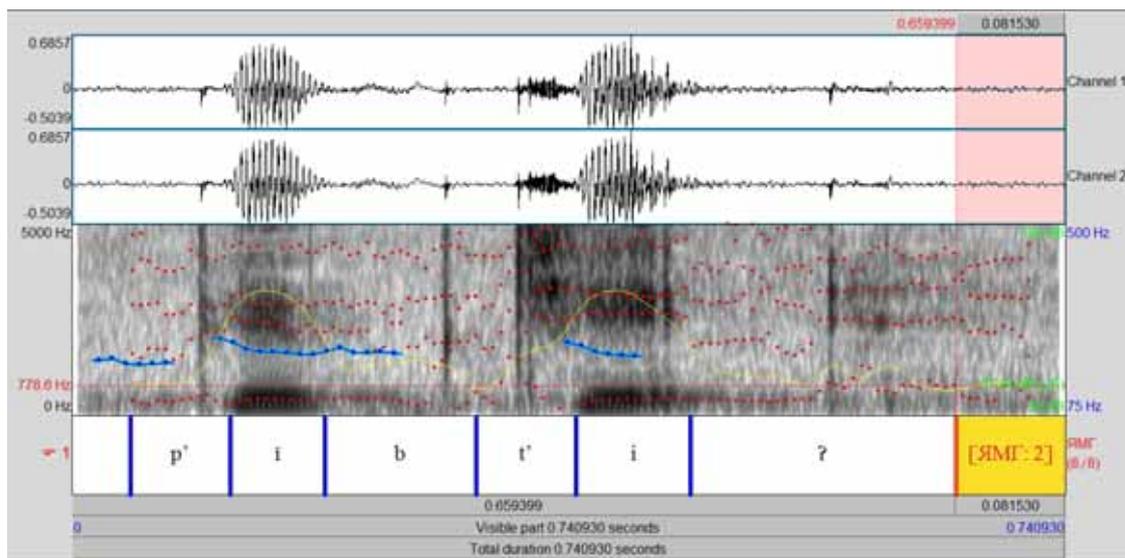
(31Я) Т ямал. [pʰbtʲi] pʰbtʲiʲ (pyʲbtyih) [ОЛЛ: 2]

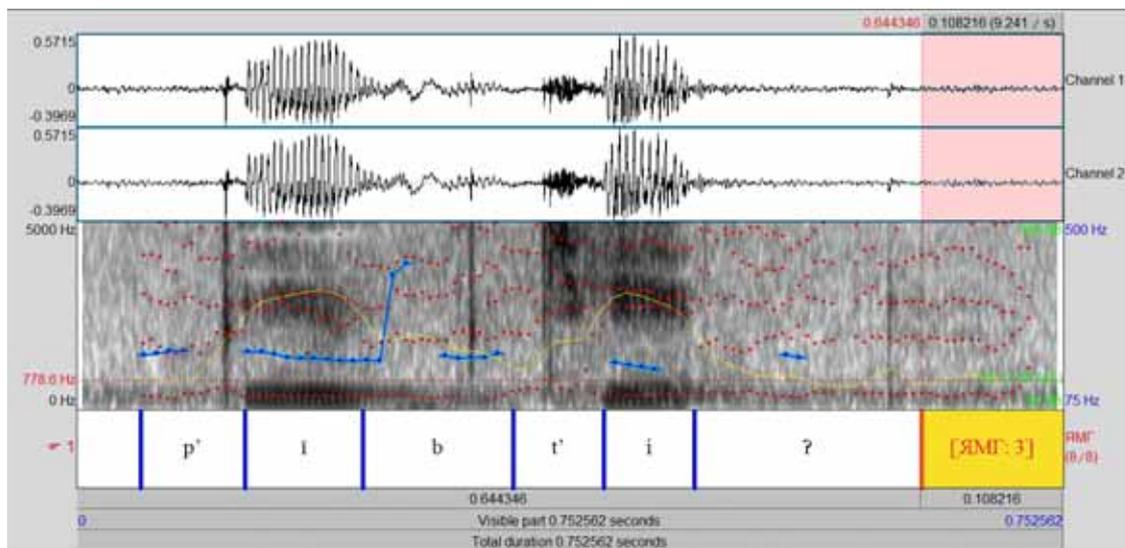
(31Я) Т ямал. [pʰbtʲiʲ] pʰbtʲiʲ (pyʲbtyih) [ЯМГ: 1]

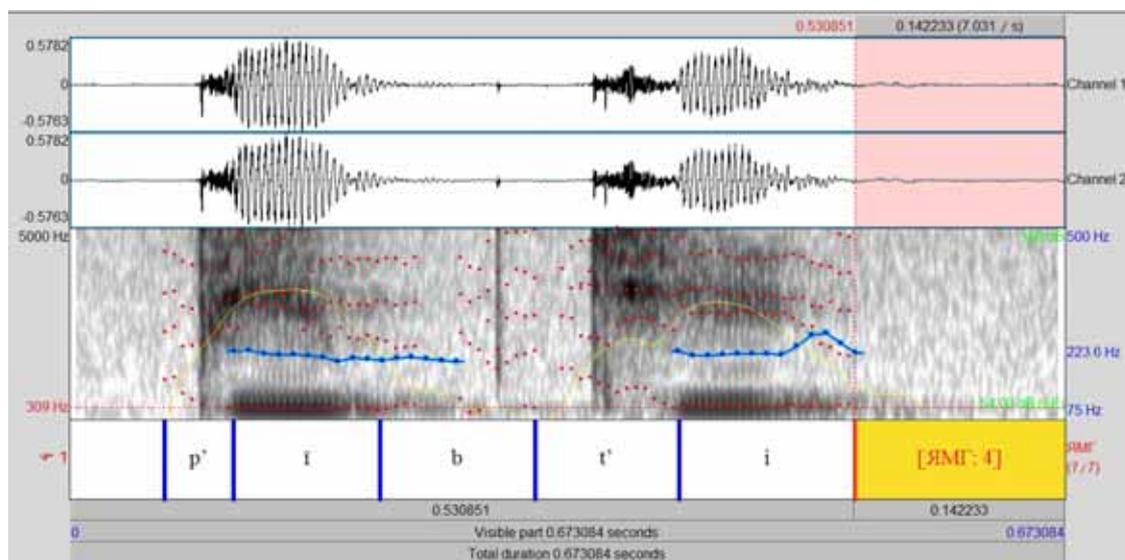
(31Я) Т ямал. [pʰbtʰiʲ] pʰbtʰiʲ (pyibtyih) [ЯМГ: 2]

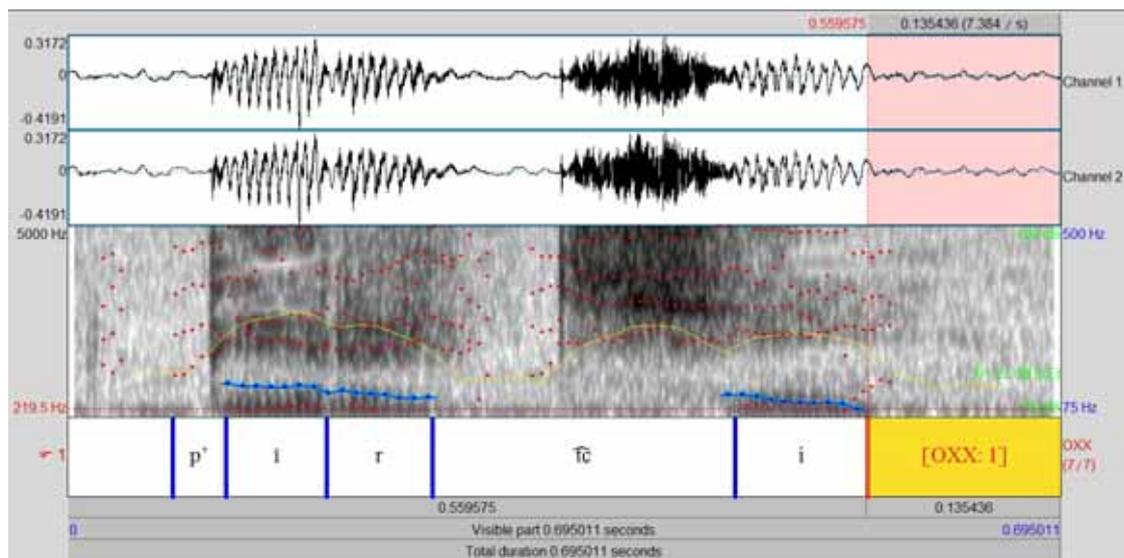
(31Я) Т ямал. [pʰbtʰiʲ] pʰbtʰiʲ (pyibtyih) [ЯМГ: 3]

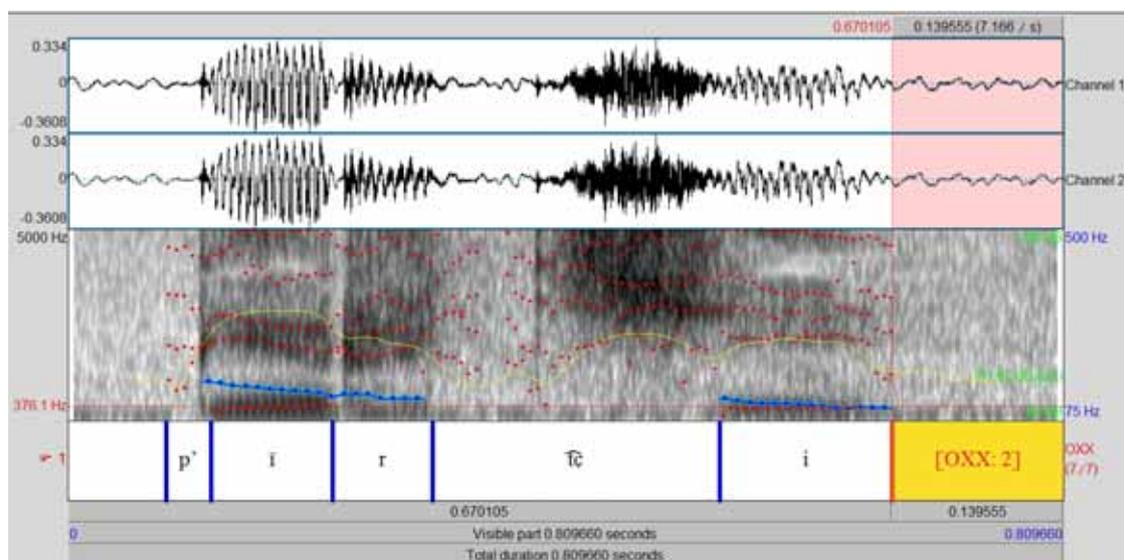
(31Я) Т ямал. [pʰbtʰiʲ] pʰbtʰiʲ (pyibtyih) [ЯМГ: 4]

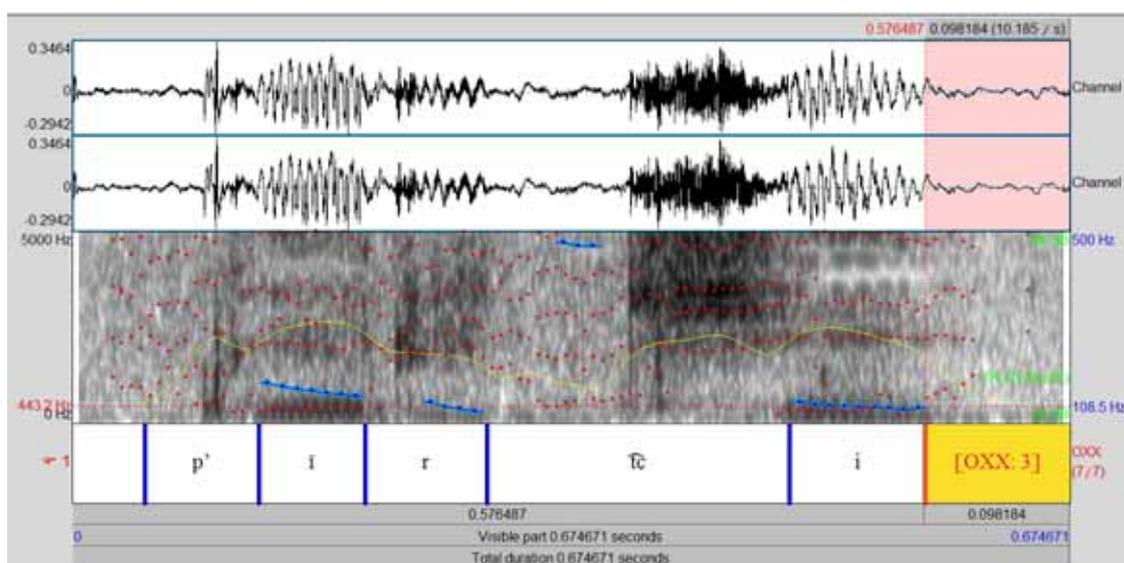
(32Я) Т ямал. [pʰɪr̩tɕi] pʰɪr̩tɕi (pyɪrcyɪ) [OXX: 1]

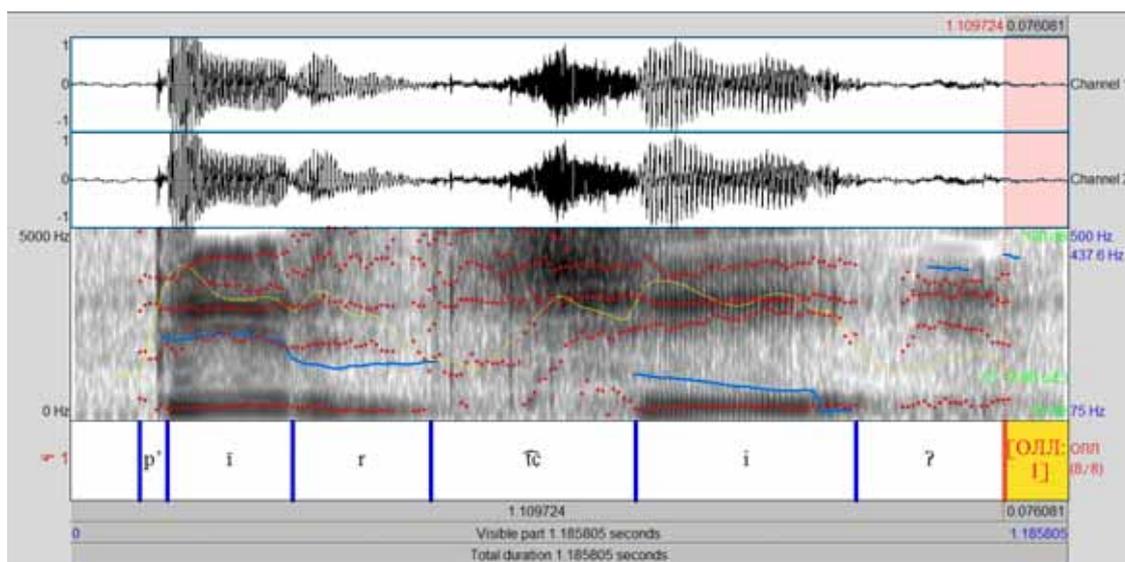
(32Я) Т ямал. [pʰɪr̩tɕi] pʰɪr̩tɕi (pyɪrcyɪ) [OXX: 2]

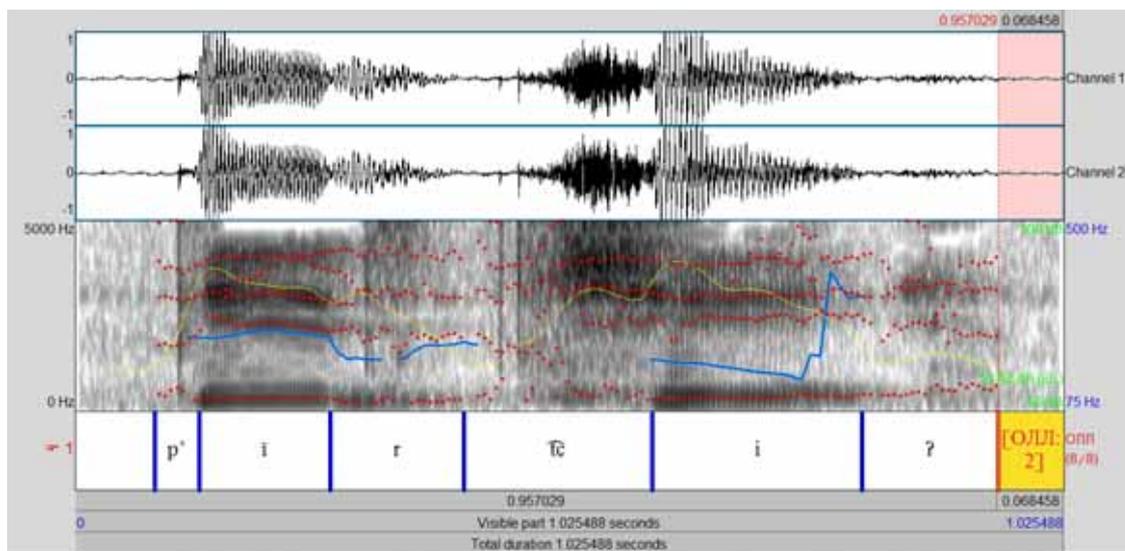
(32Я) Т ямал. [pʰɪr̩tɕi] pʰɪr̩tɕi (pyɪrcyɪ) [OXX: 3]

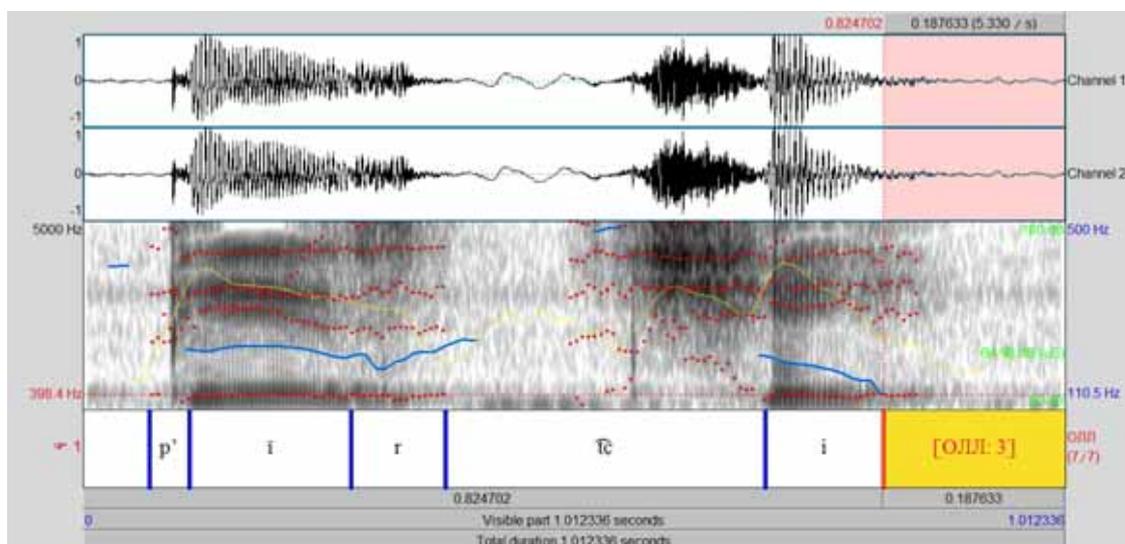
(32Я) Т ямал. [pʰiɾɿɿiʔ] pʰiɾɿɿiʔ (pyırsyih) [ОЛЛ: 1]

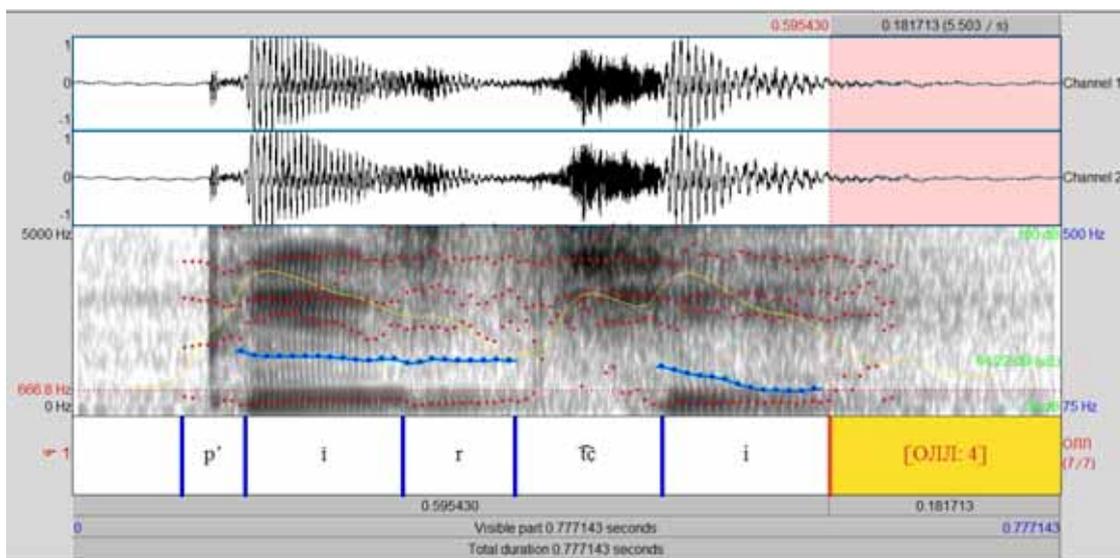
(32Я) Т ямал. [pʰiɾɿɿiʔ] pʰiɾɿɿiʔ (pyırsyih) [ОЛЛ: 2]

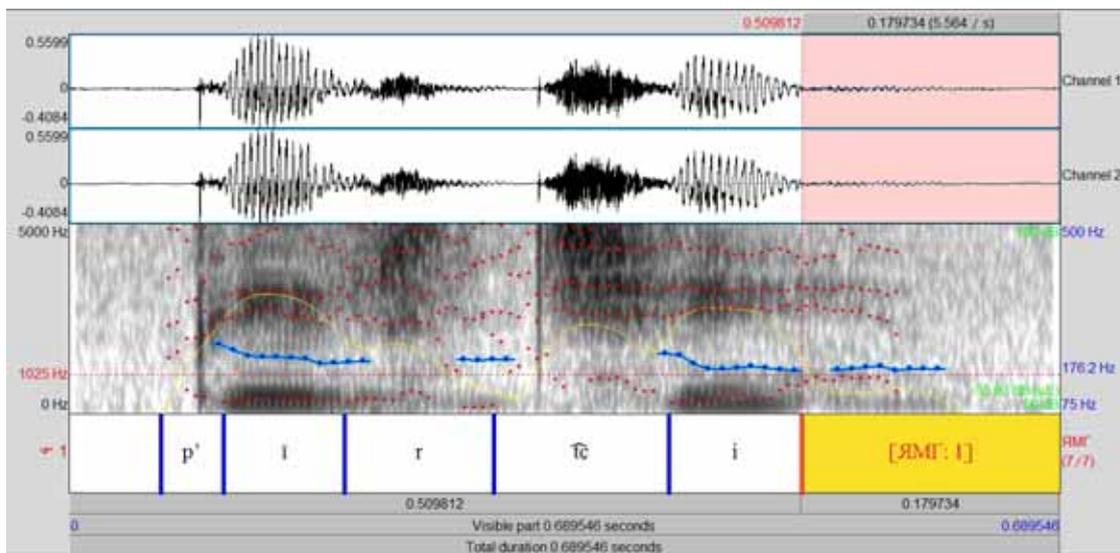
(32Я) Т ямал. [pʰiɾɿɿiʔ] pʰiɾɿɿiʔ (pyırsyih) [ОЛЛ: 3]

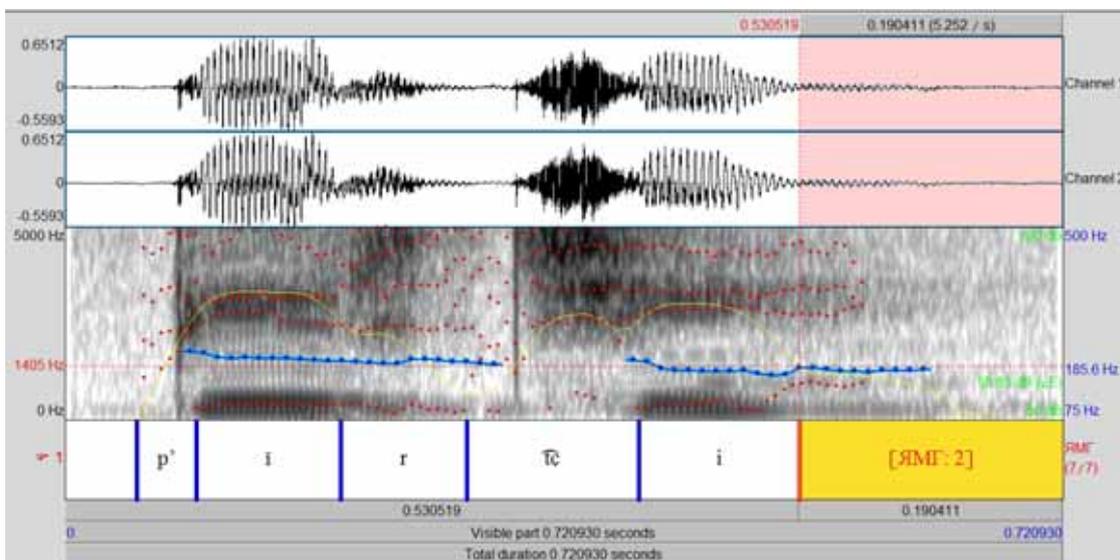
(32Я) Т ямал. [pʰɪtʰɛi] pʰɪrtʰɛi(?) (pyɪrcy(h)) [ОЛЛ: 4]

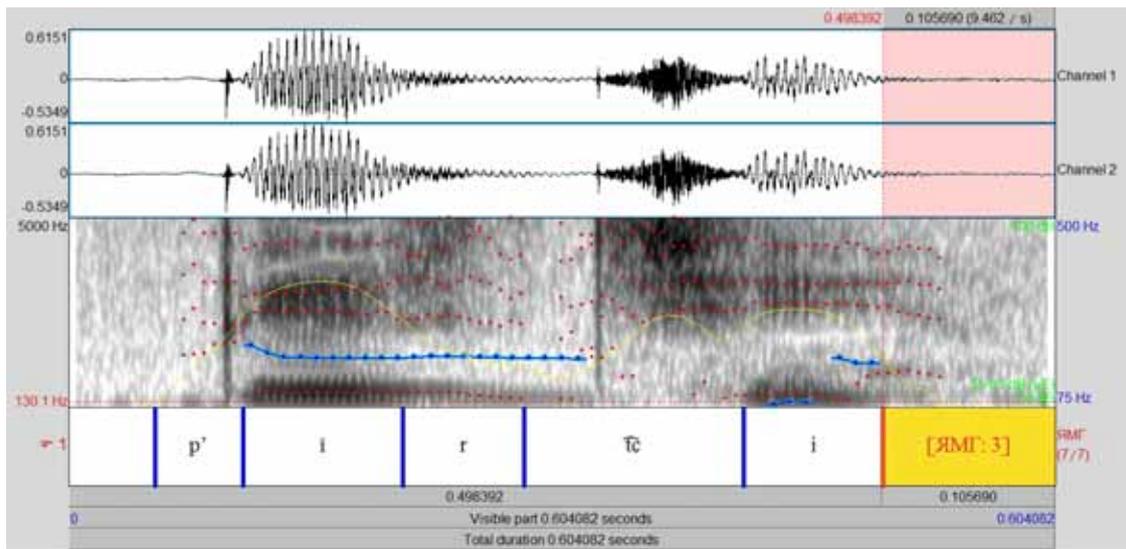
(32Я) Т ямал. [pʰɪtʰɛi] pʰɪrtʰɛi (pyɪrcy) [ЯМГ: 1]

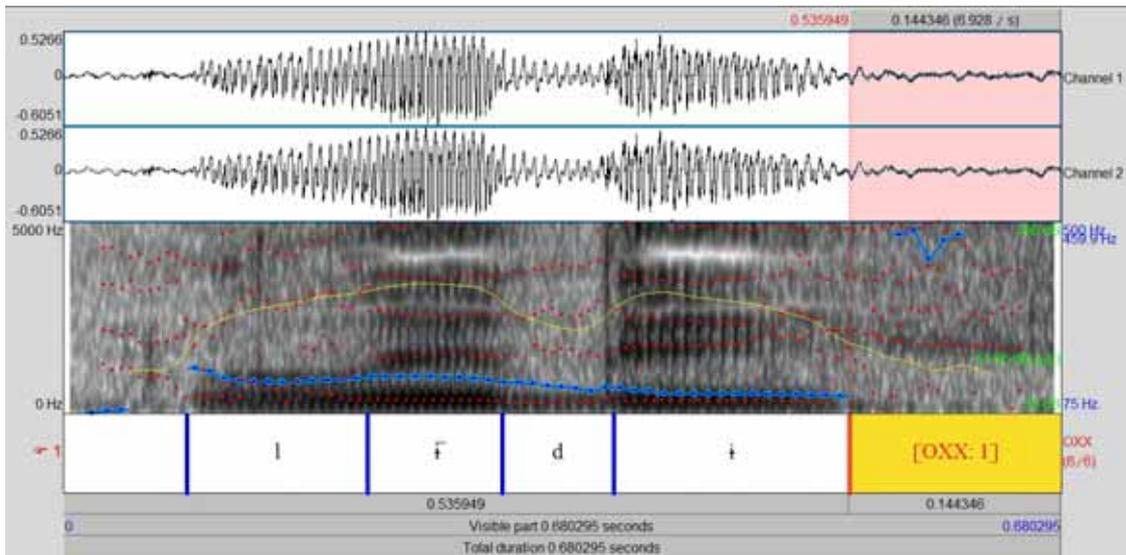
(32Я) Т ямал. [pʰɪtʰɛi] pʰɪrtʰɛi (pyɪrcy) [ЯМГ: 2]

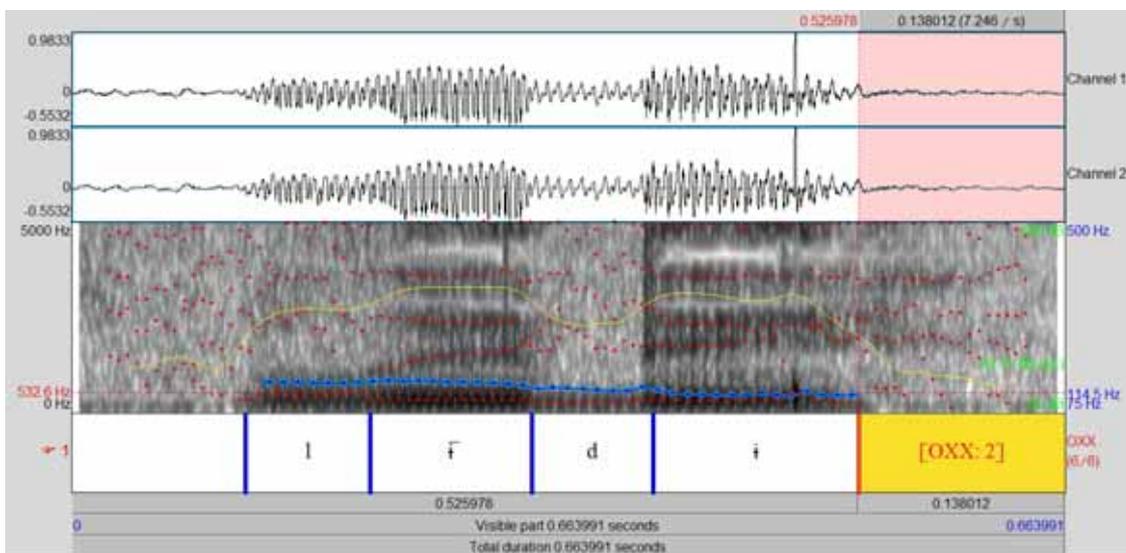
(32Я) Т ямал. [pʰɪr̥tɕi] pʰɪr̥tɕi (pyĩrcyi) [ЯМГ: 3]

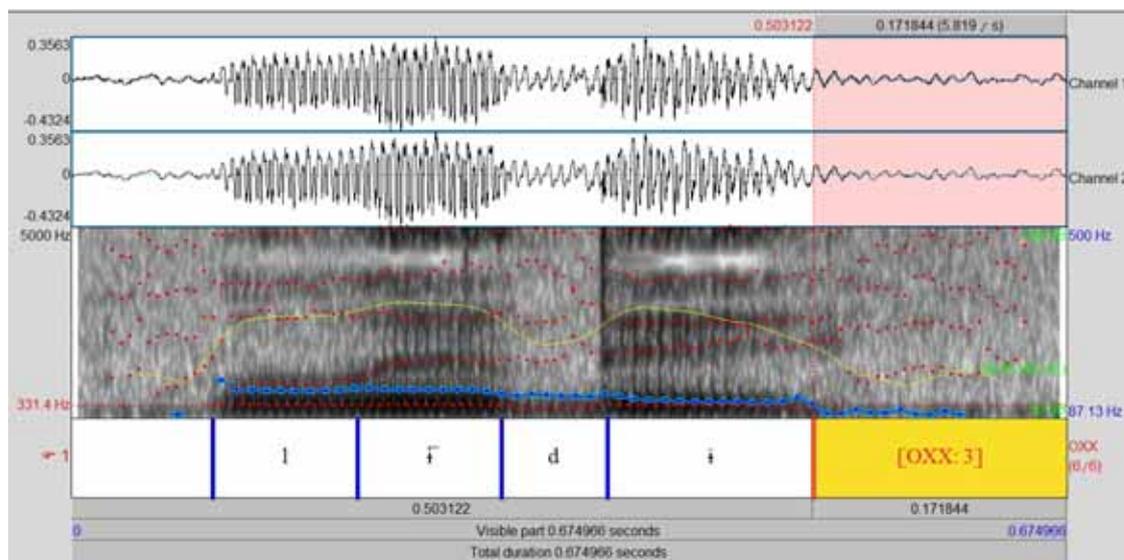
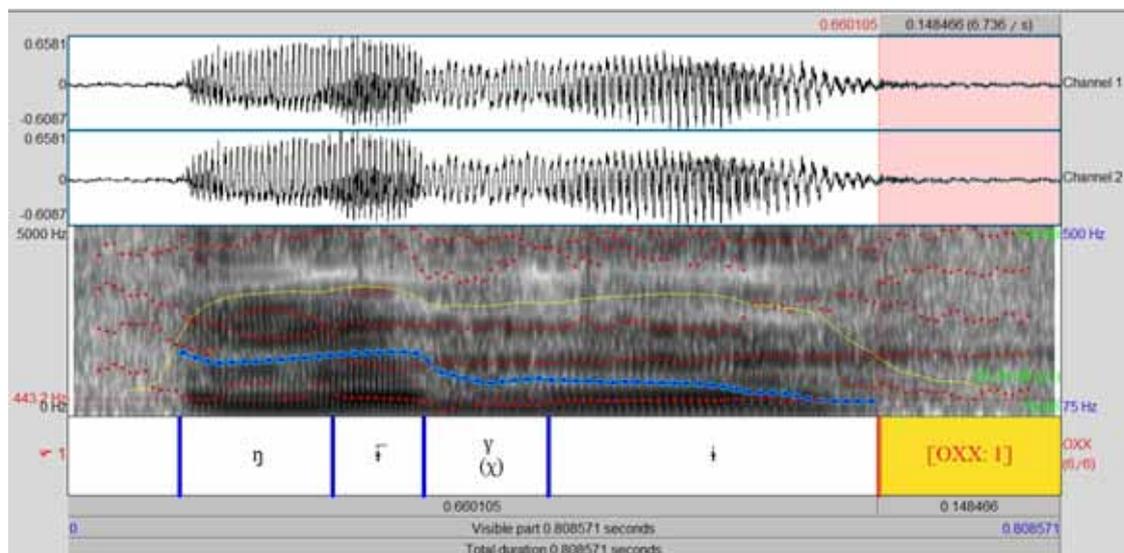
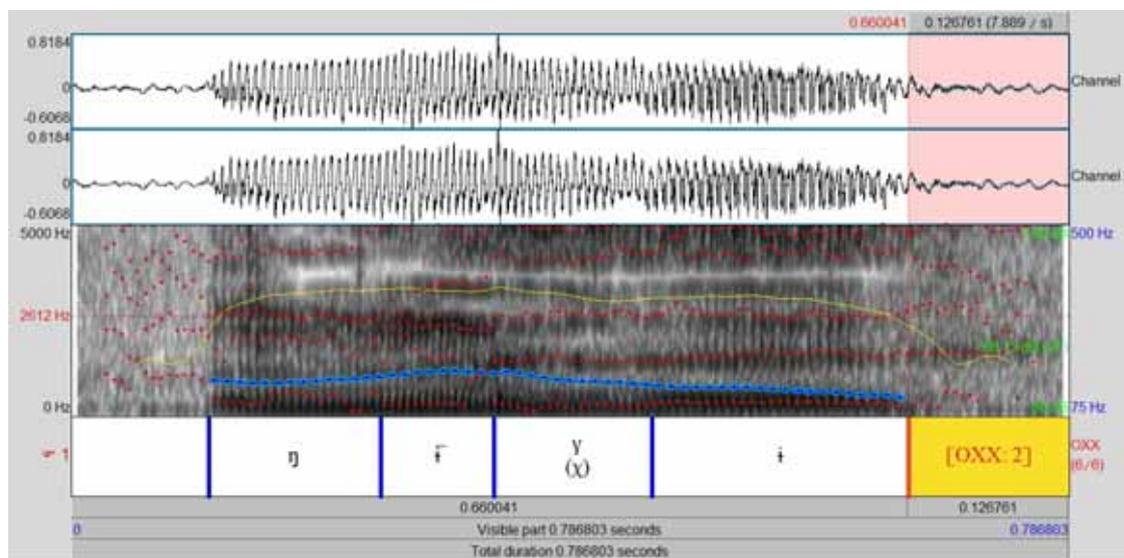

(33Я) Т ямал. [l̥id̥i] (l̥id̥i°) [ОХХ: 1]

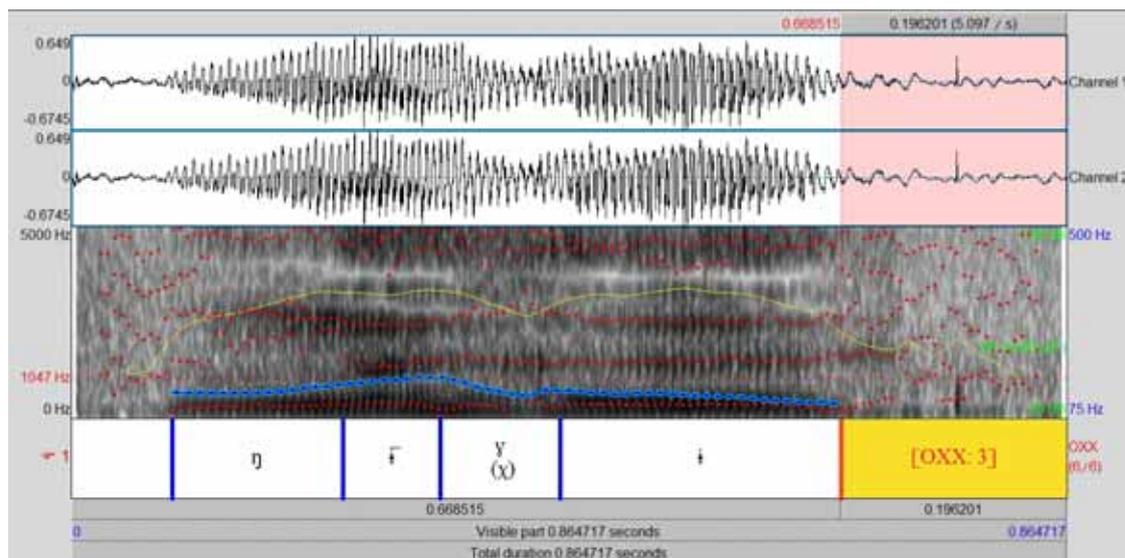

(33Я) Т ямал. [l̥id̥i] (l̥id̥i°) [ОХХ: 2]

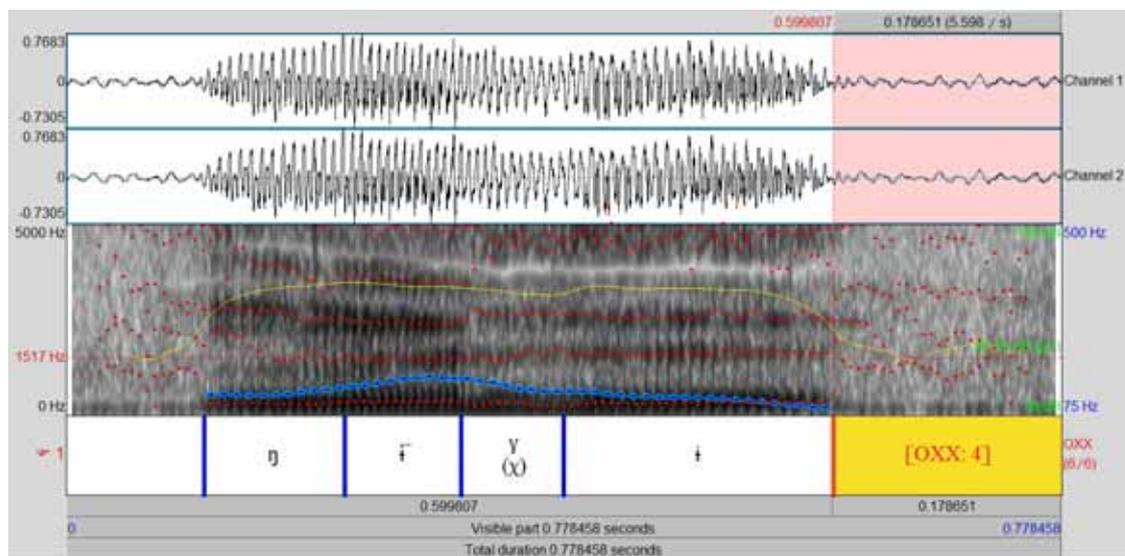

(33Я) Т ямал. [l̄idi] (*l̄idi*^o) [OXX: 3](34Я) Т ямал. [ŋīȳi] (*ŋīχi*^o) [OXX: 1](34Я) Т ямал. [ŋīȳi] (*ŋīχi*^o) [OXX: 2]

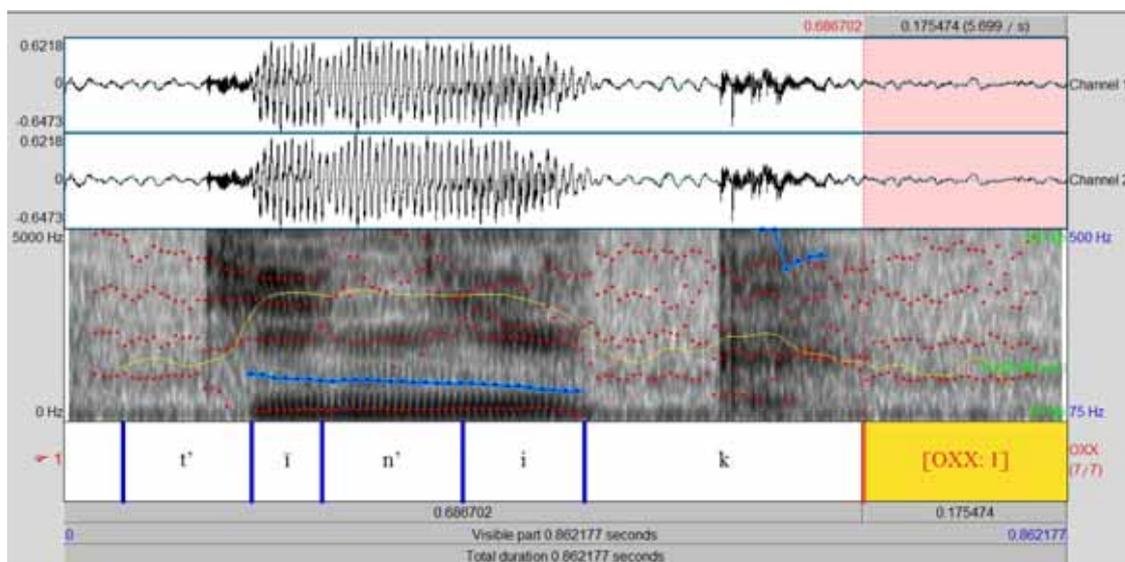
(34Я) Т ямал. [ŋĩyí] (ŋĩχi°) [OXX: 3]

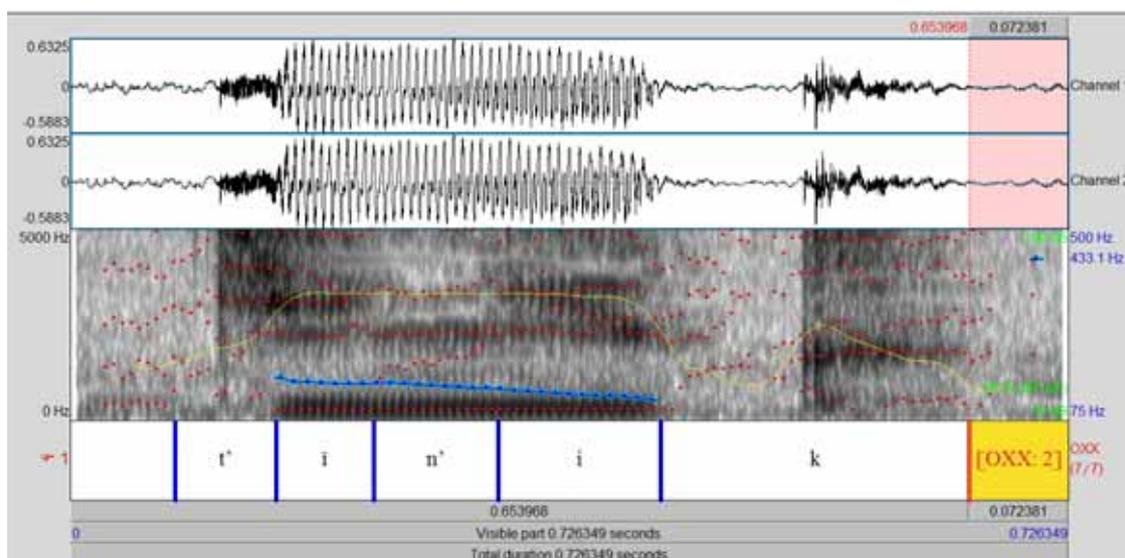
(34Я) Т ямал. [ŋĩyí] (ŋĩχi°) [OXX: 4]

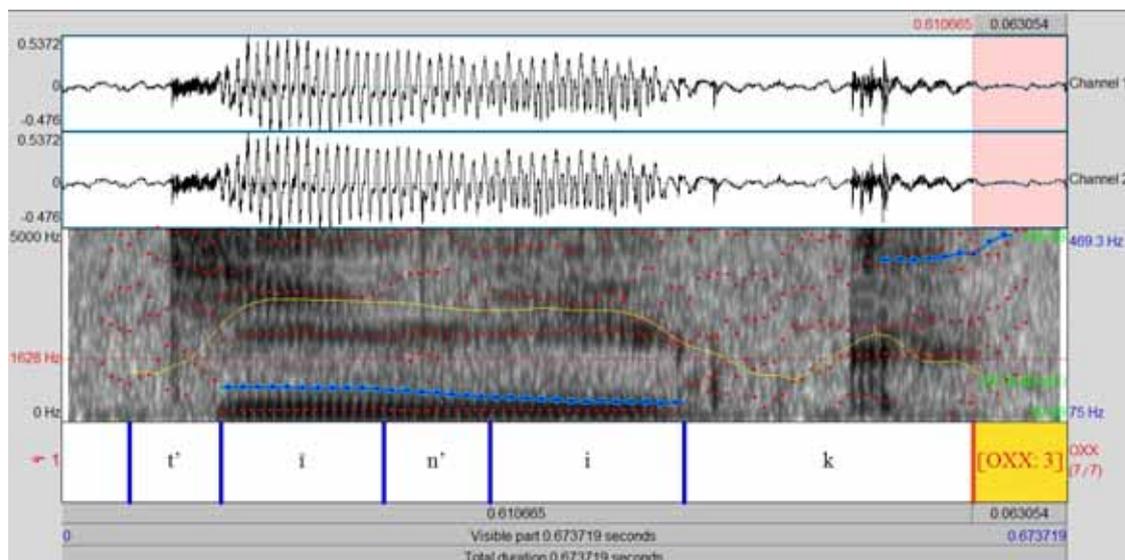
(35Я) Т ямал. [tʰnʲikʲ] (tʰnʲik°) [OXX: 1]

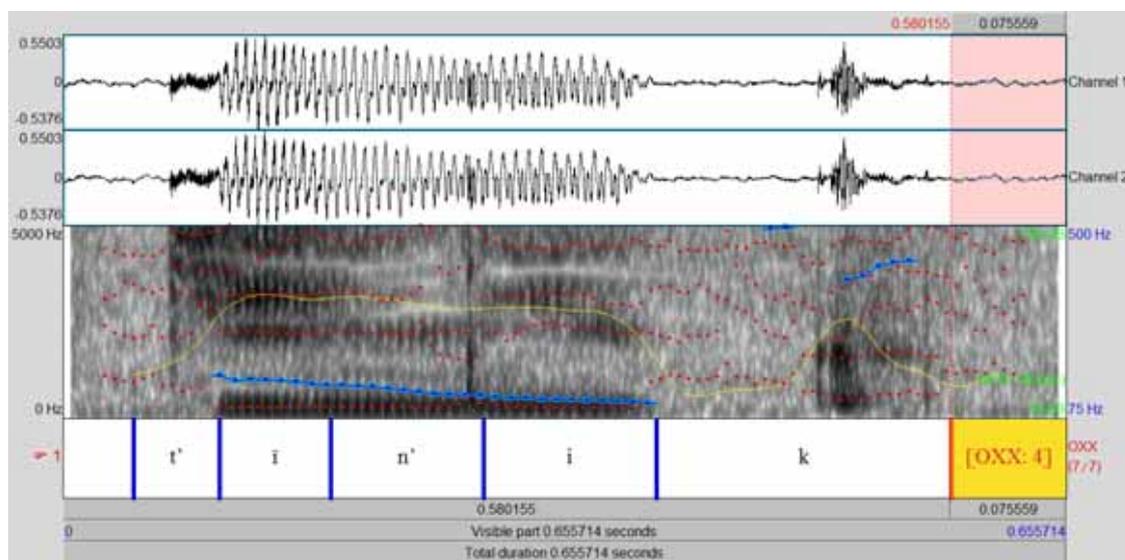
(35Я) Т ямал. [tʰɪnʲikʲ] (tʰɪnʲikʰ) [OXX: 2]

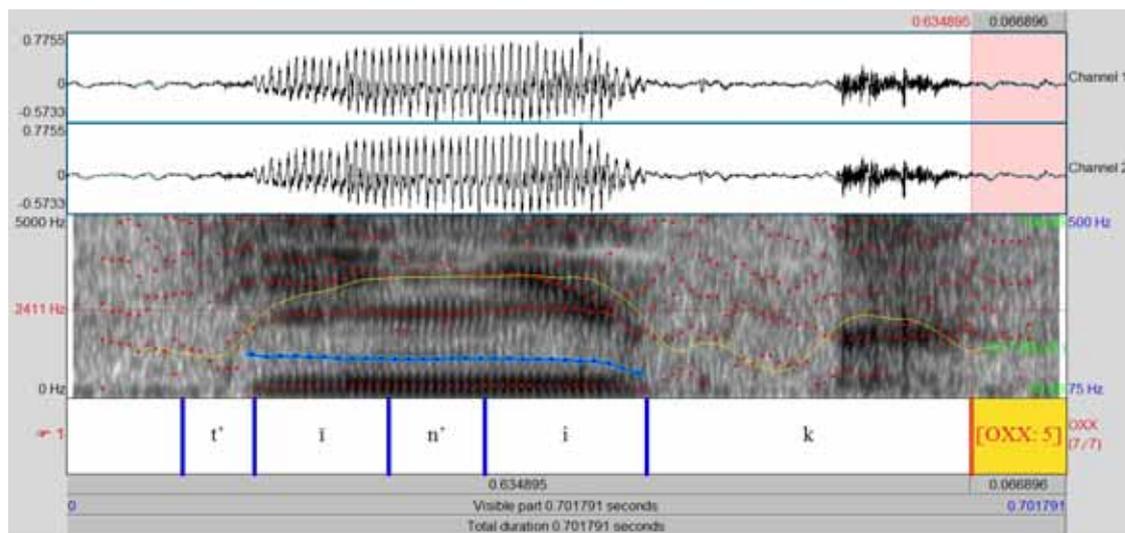
(35Я) Т ямал. [tʰɪnʲikʲ] (tʰɪnʲikʰ) [OXX: 3]

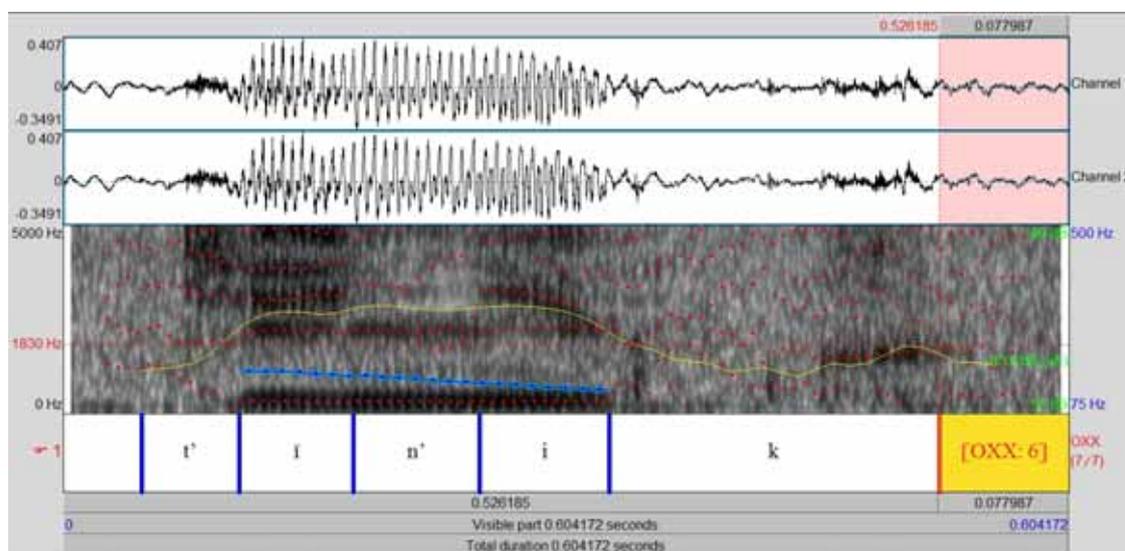
(35Я) Т ямал. [tʰɪnʲikʲ] (tʰɪnʲikʰ) [OXX: 4]

(35Я) Т ямал. [tʰɪnʲikʲ] (tʰɪnʲikʲ) [OXX: 5]

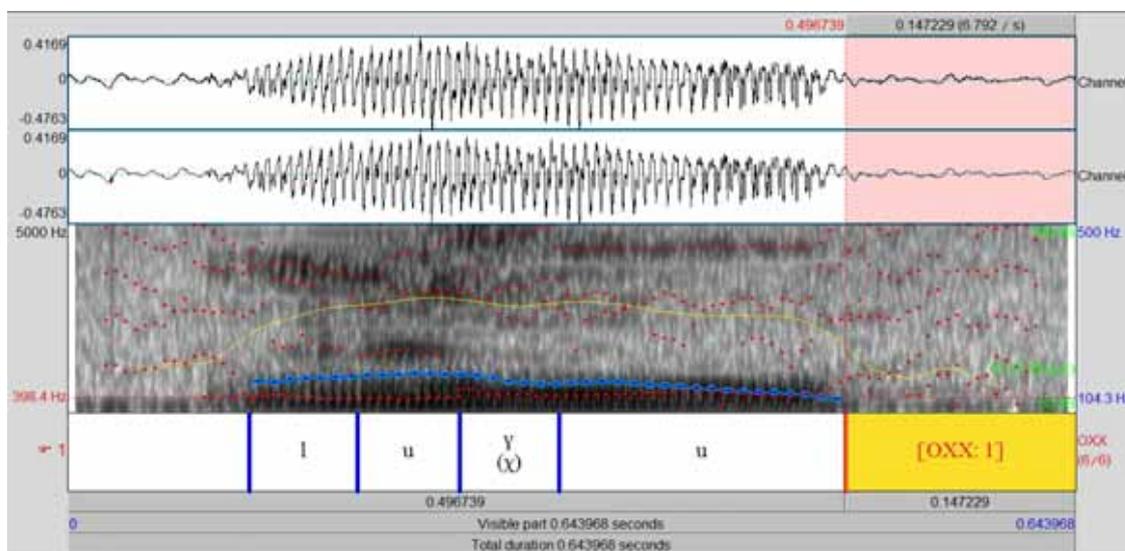

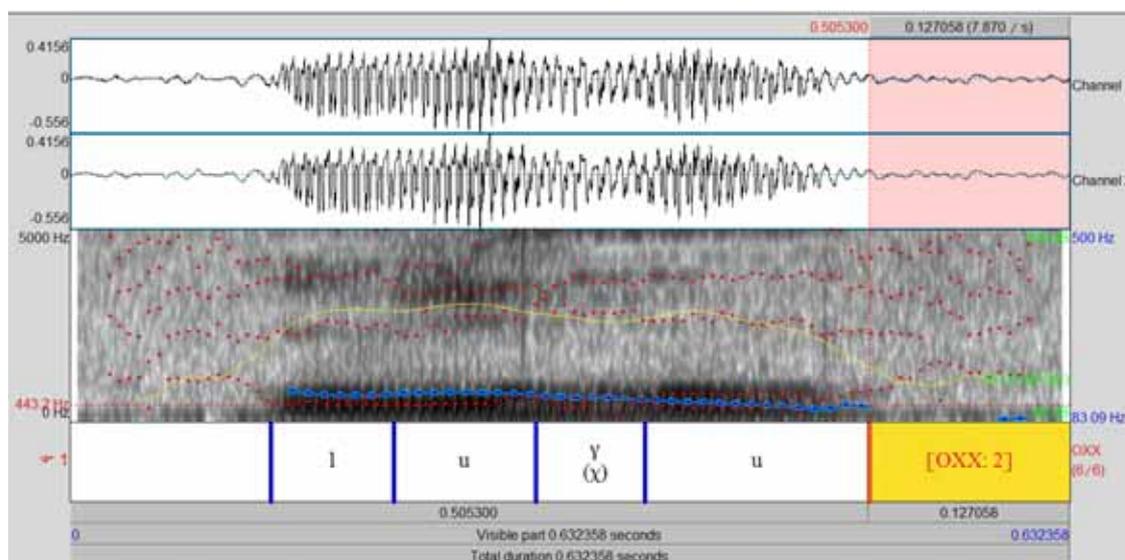
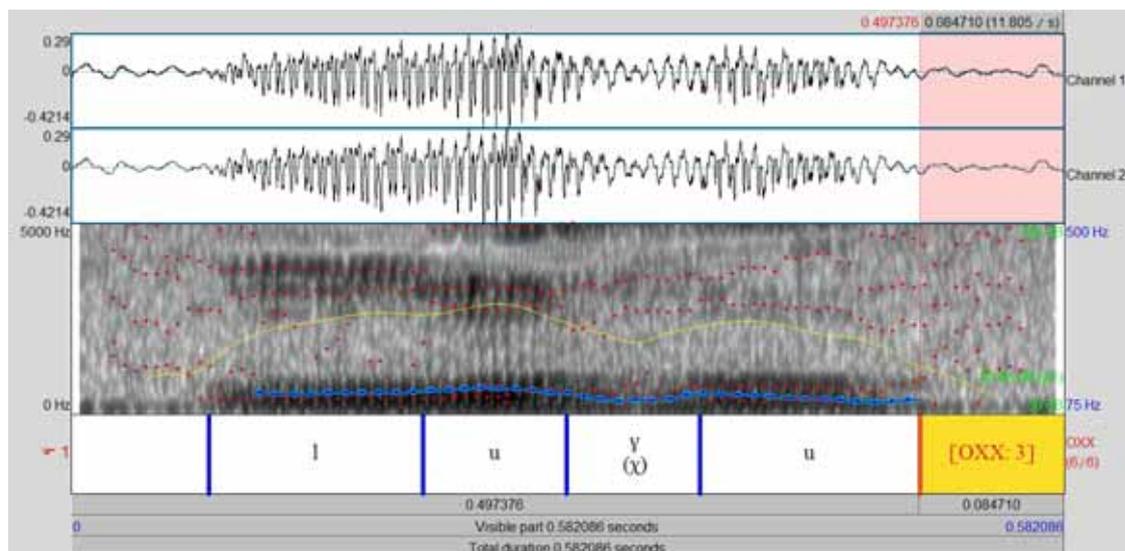
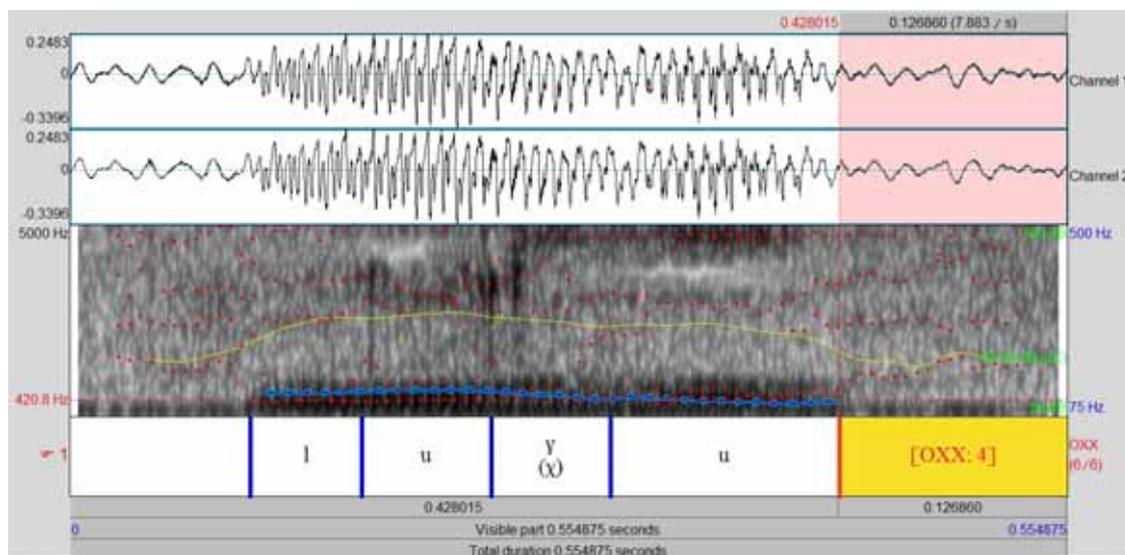
(35Я) Т ямал. [tʰɪnʲikʲ] (tʰɪnʲikʲ) [OXX: 6]

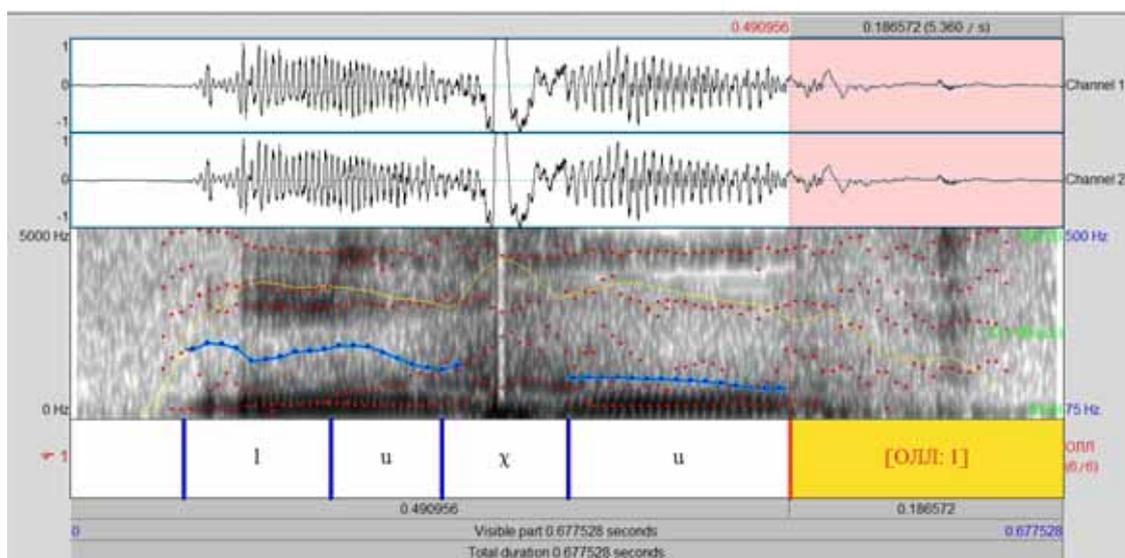
3. Фонетические слова с гласными верхнего подъема заднего ряда [u] в первом и втором слогах

(36Я) Т ямал. [lúyu] (luχʲ) [OXX: 1]

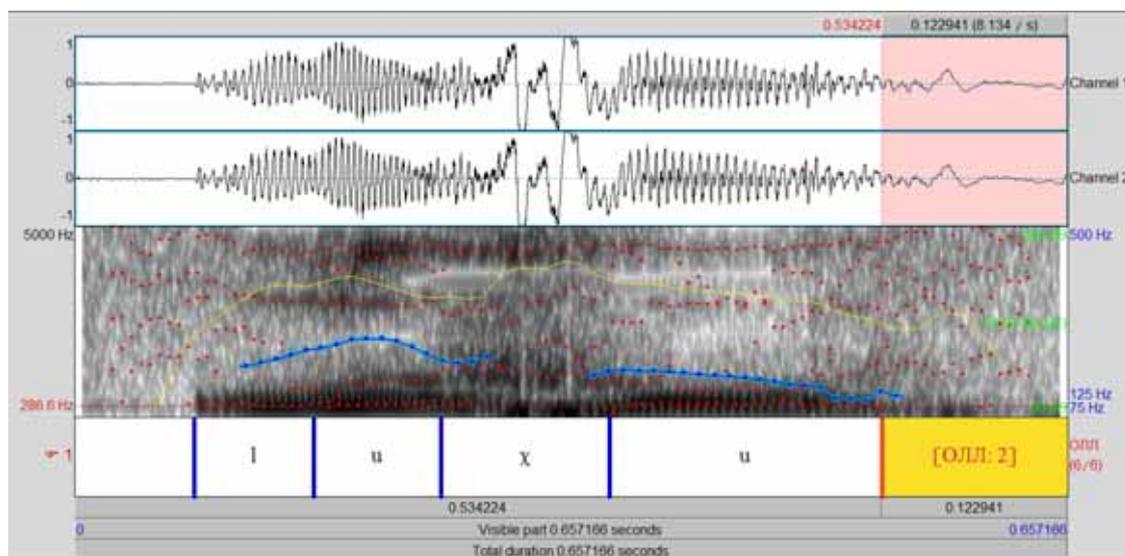

(36Я) Т ямал. [lúyu] (*luχ°*) [OXX: 2](36Я) Т ямал. [lúyu] (*luχ°*) [OXX: 3](36Я) Т ямал. [lúyu] (*luχ°*) [OXX: 4]

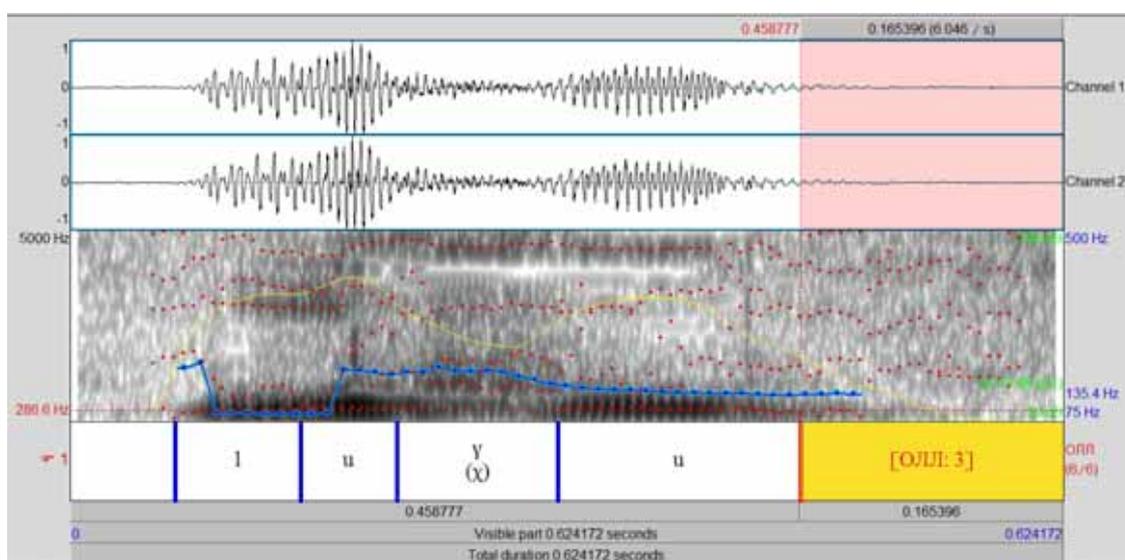
(36Я) Т ямал. [lʲɯχɯ] (*luχ°*) [ОЛЛ: 1]

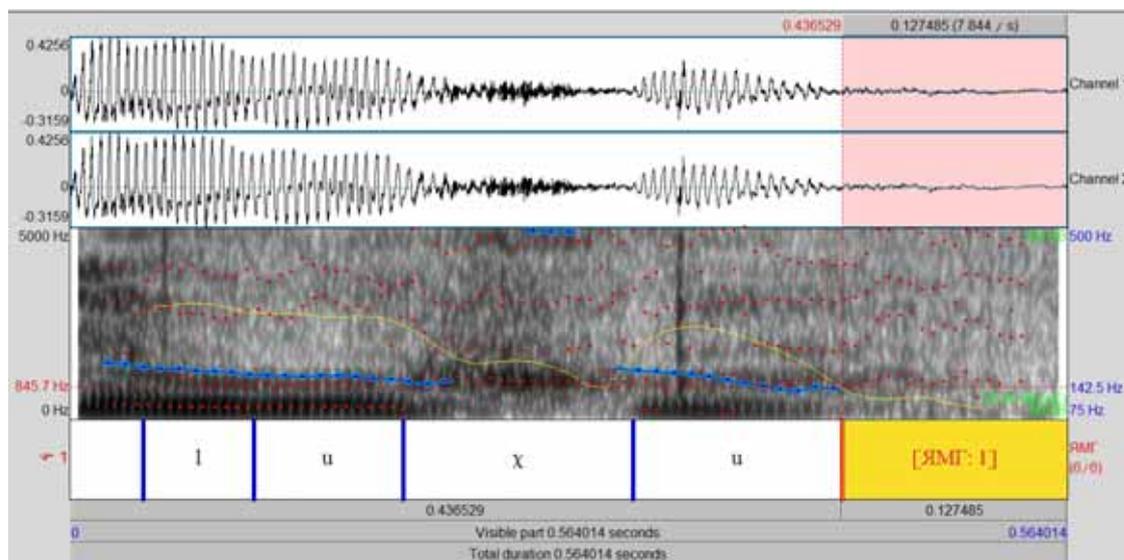
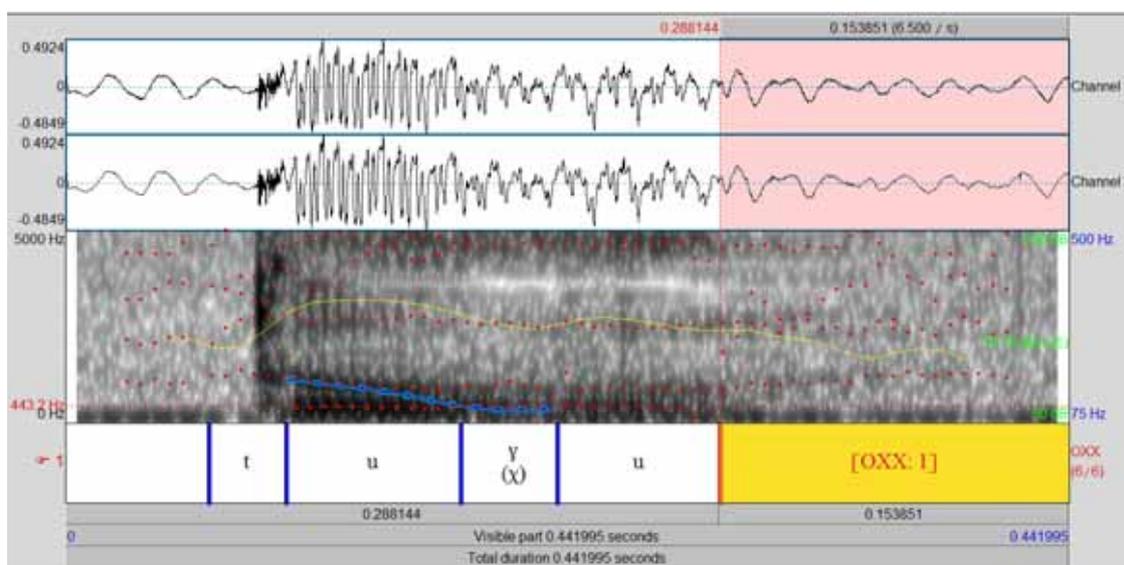
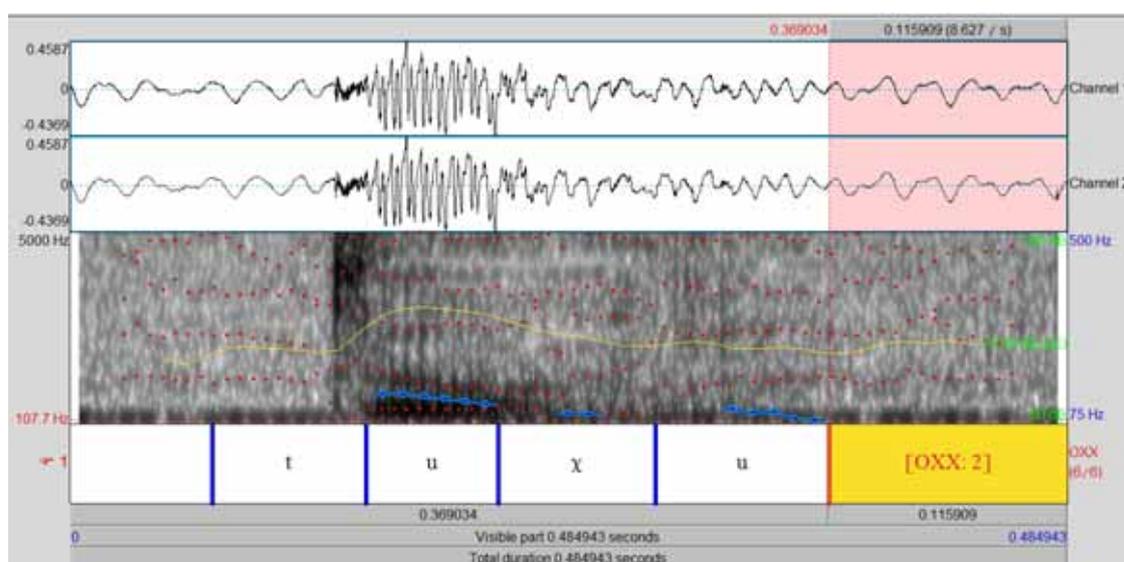

(36Я) Т ямал. [lʲɯχɯ] (*luχ°*) [ОЛЛ: 2]

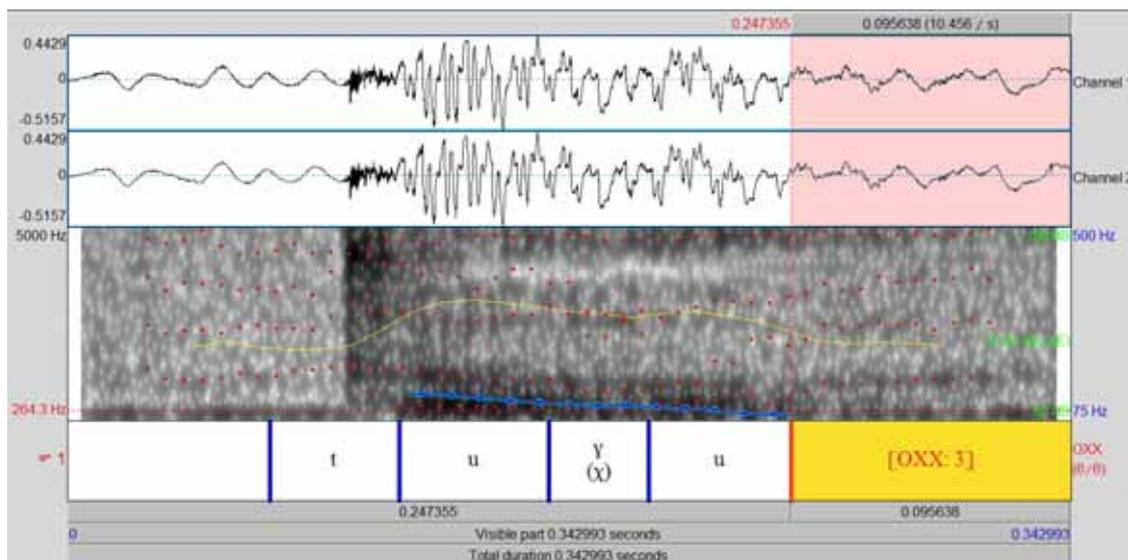

(36Я) Т ямал. [lʲɯχɯ] (*luχ°*) [ОЛЛ: 3]

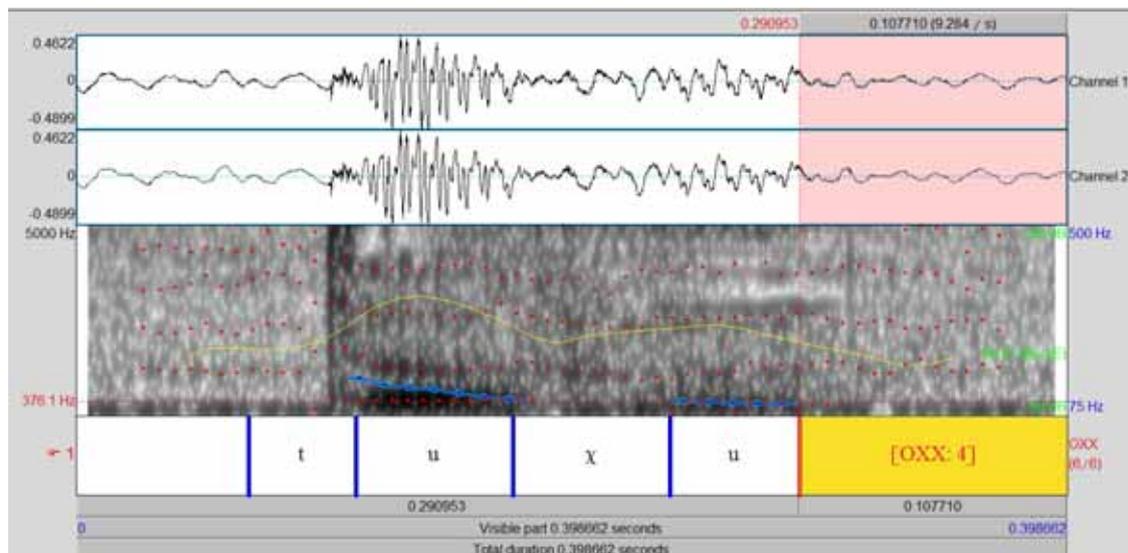

(36Я) Т ямал. [lúχu] (*lux*^o) [ЯМГ: 1](37Я) Т ямал. [túχǔ] (*tuχ*^o) [ОХХ: 1](37Я) Т ямал. [túχǔ] (*tuχ*^o) [ОХХ: 2]

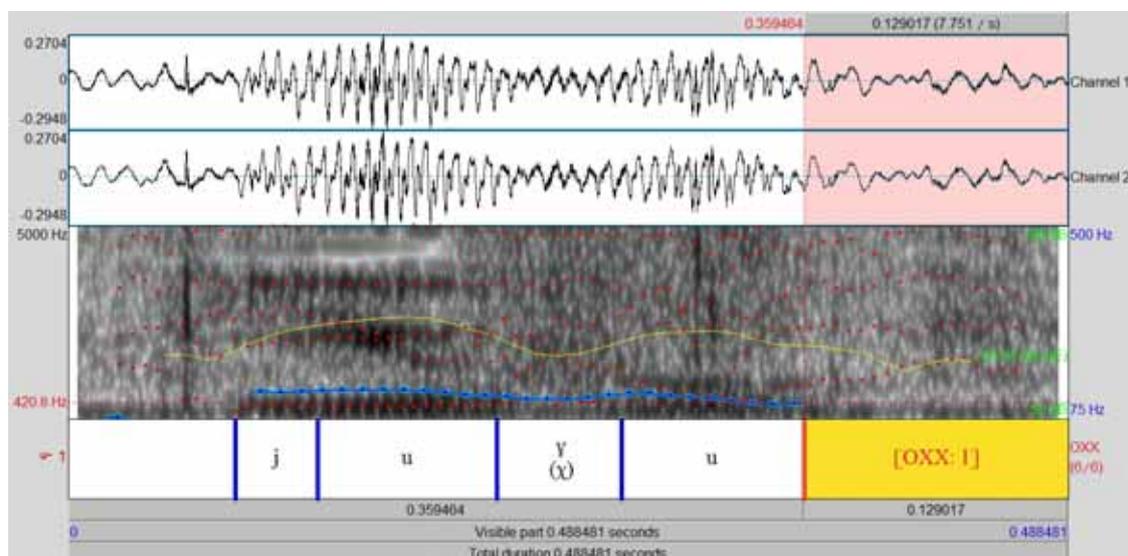
(37Я) Т ямал. [túçǔ] (*tuç°*) [OXX: 3]

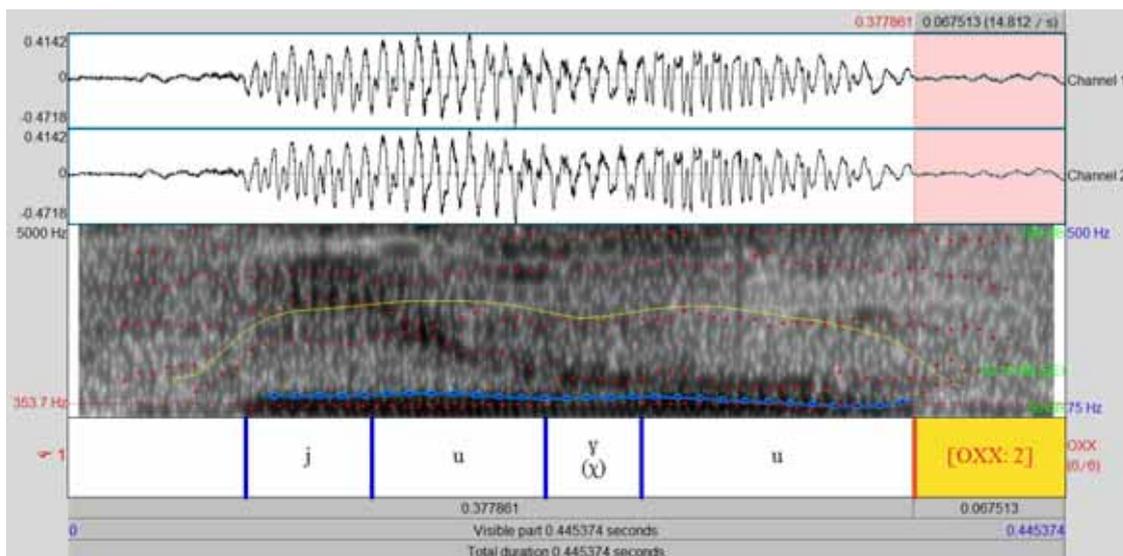
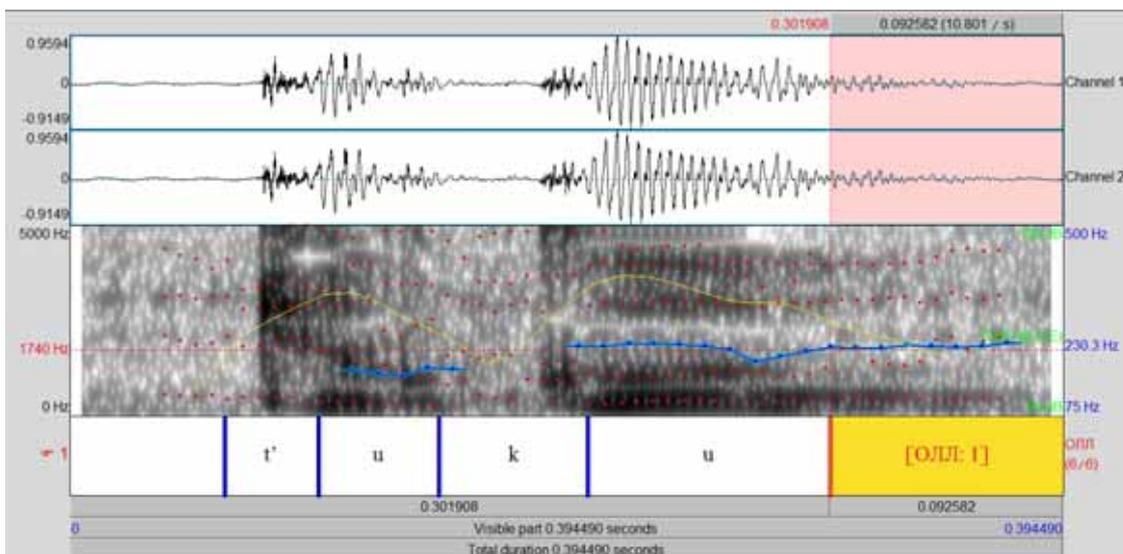
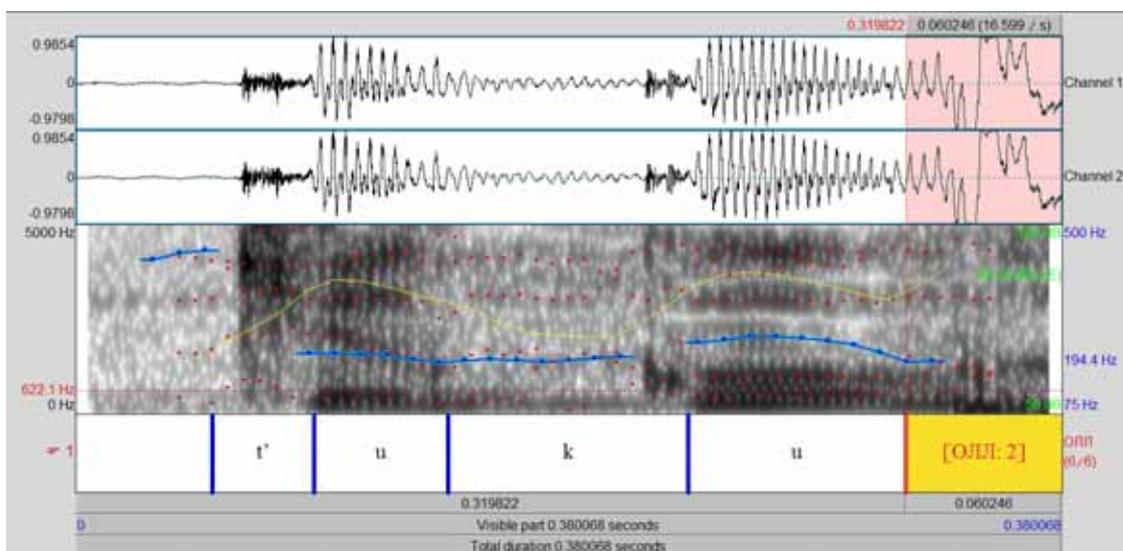

(37Я) Т ямал. [túçǔ] (*tuç°*) [OXX: 4]

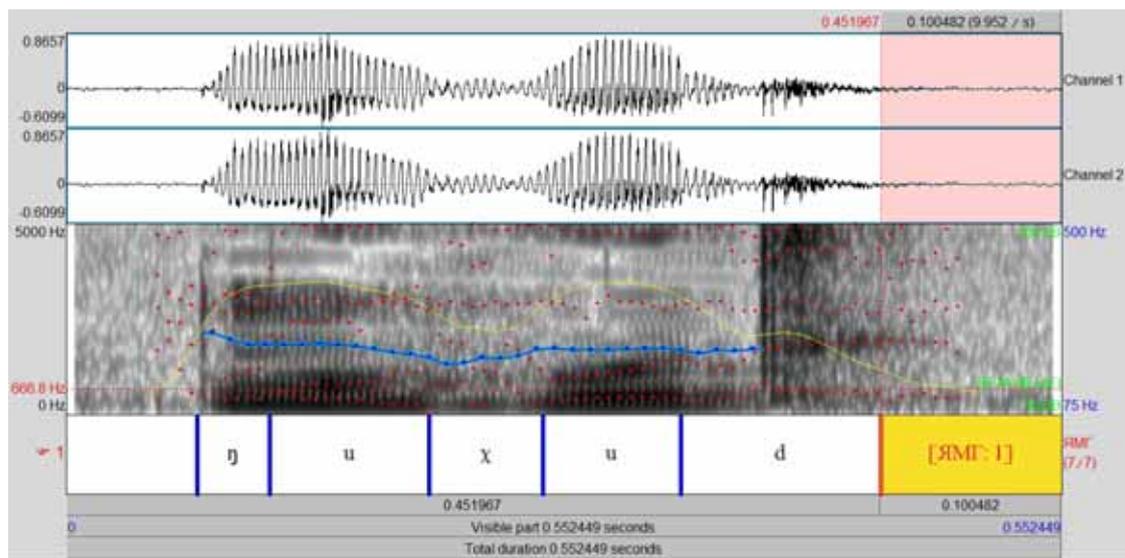

(38Я) Т ямал. [júçǔ] (*juçi*) [OXX: 1]

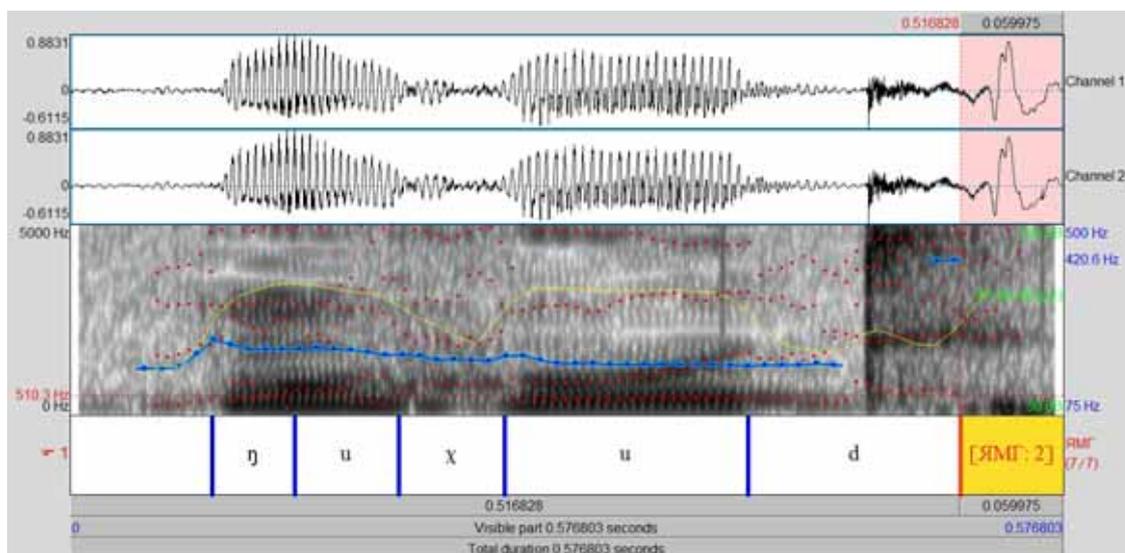

(38Я) Т ямал. [jʲuɥu] (*juɥu*) [ОХХ: 2](39Я) Т ямал. [tʲukú] (*tʲuku*) [ОЛЛ: 1](39Я) Т ямал. [tʲukú] (*tʲuku*) [ОЛЛ: 2]

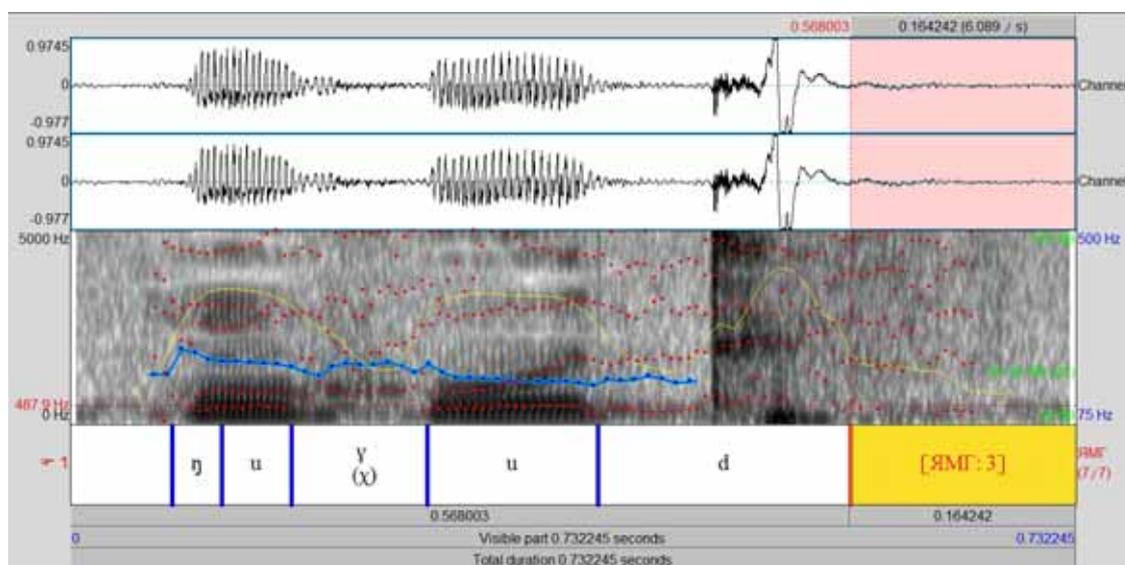
(40Я) Т ямал. [ɲuɯ́t] (ɲuxəd°) [ЯМГ: 1]

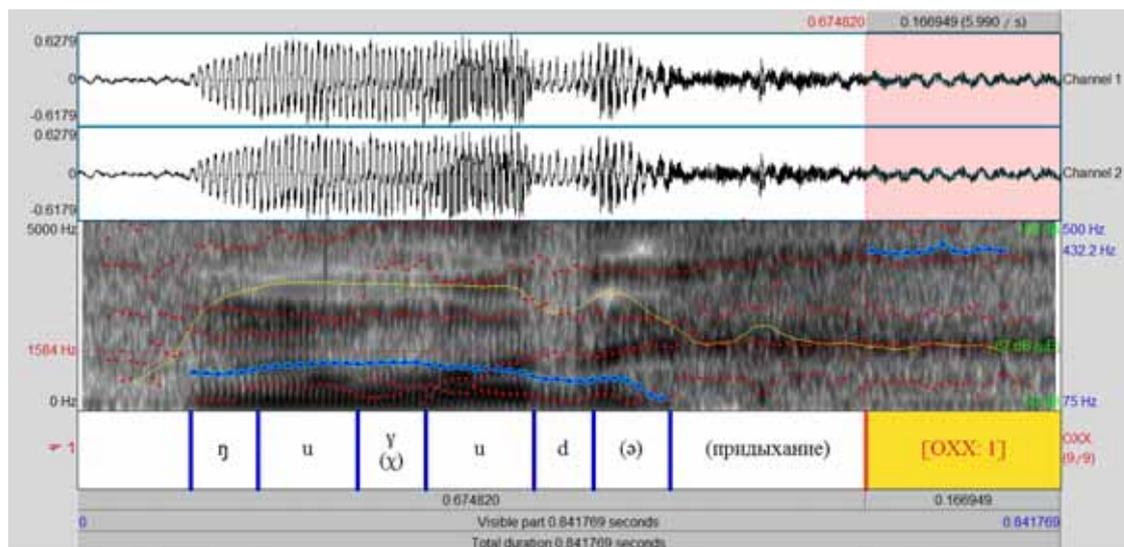
(40Я) Т ямал. [ɲuɯ́t] (ɲuxəd°) [ЯМГ: 2]

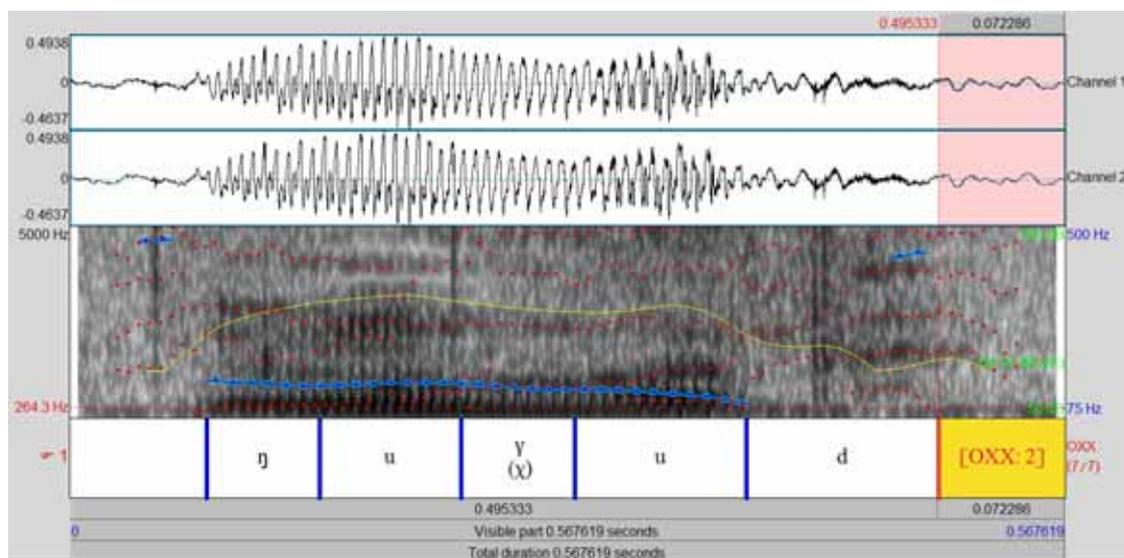
(40Я) Т ямал. [ɲuɯ́t] (ɲuxəd°) [ЯМГ: 3]

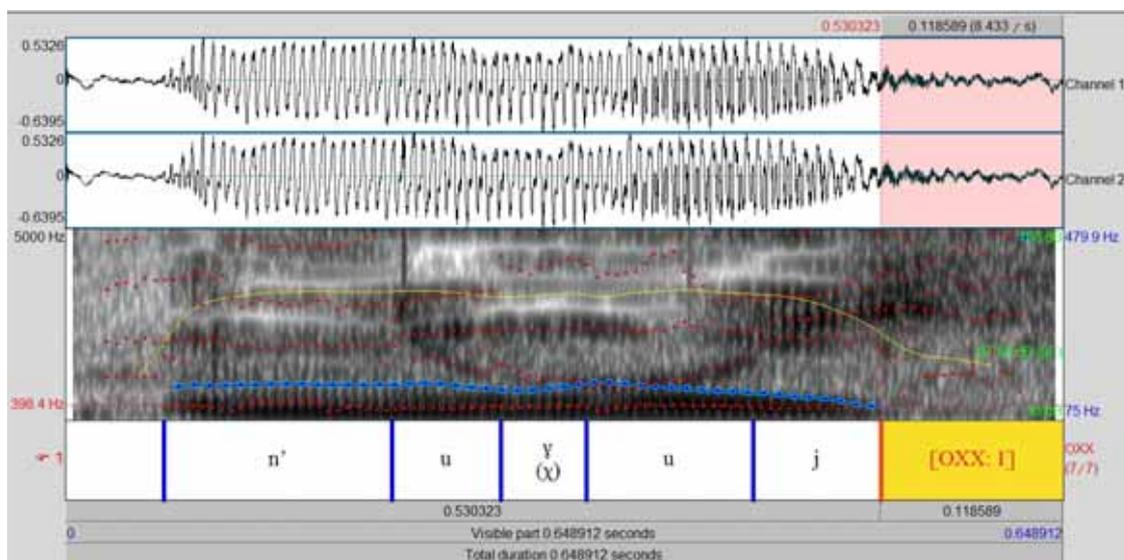
(40Я) Т ямал. [ɲuɣúɖ³] (ɲuɣэд³) [OXX: 1]

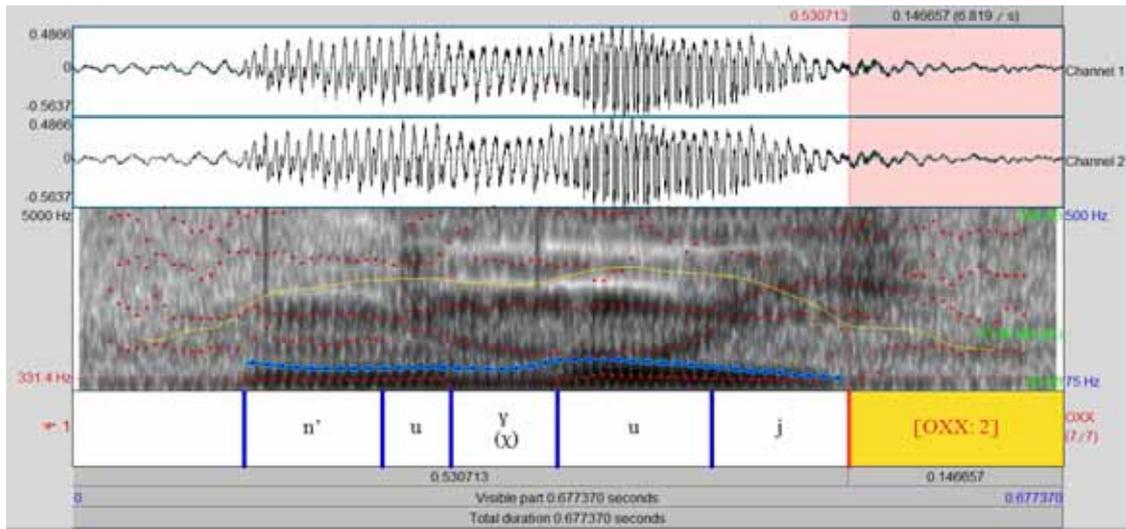
(40Я) Т ямал. [ɲuɣút] (ɲuɣэд³) [OXX: 2]

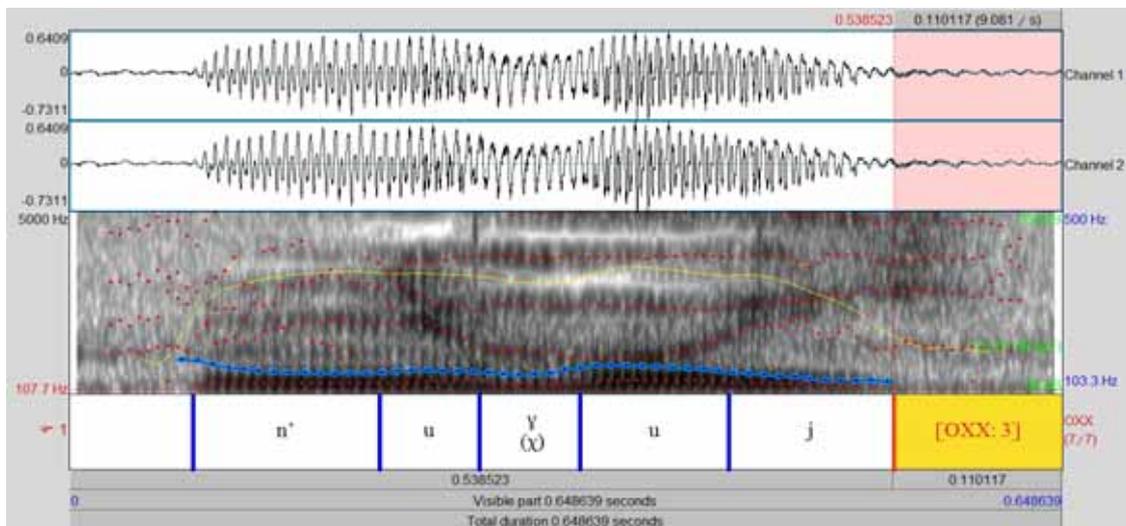
(41Я) Т ямал. [n'ɯɣúj] (n'ɯɣuj³) [OXX: 1]

(41Я) Т ямал. [nʲuɥʲu] (*nʲuɥʲu*) [OXX: 2]

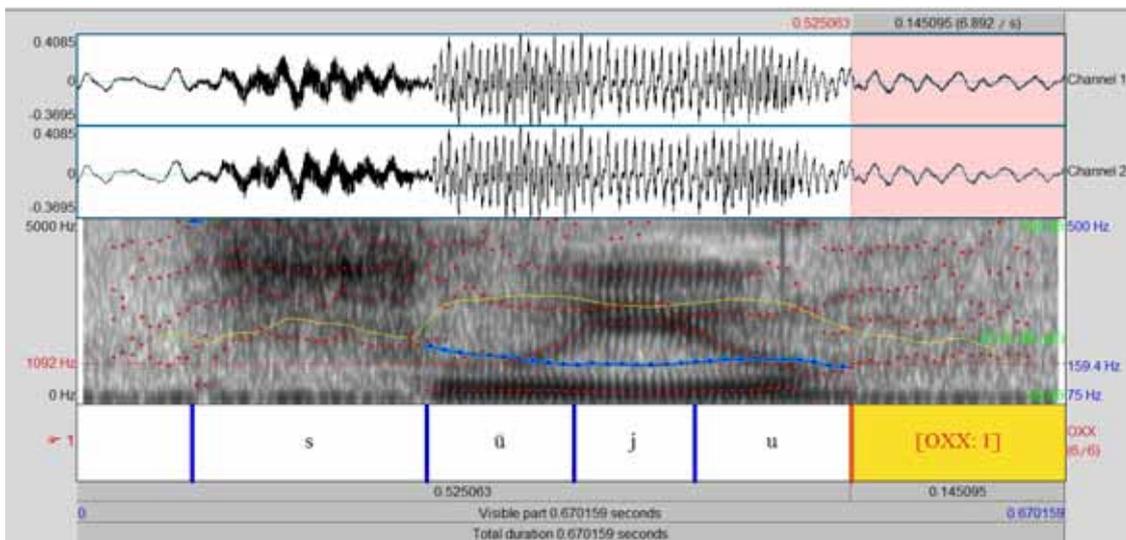

(41Я) Т ямал. [nʲuɥʲu] (*nʲuɥʲu*) [OXX: 3]

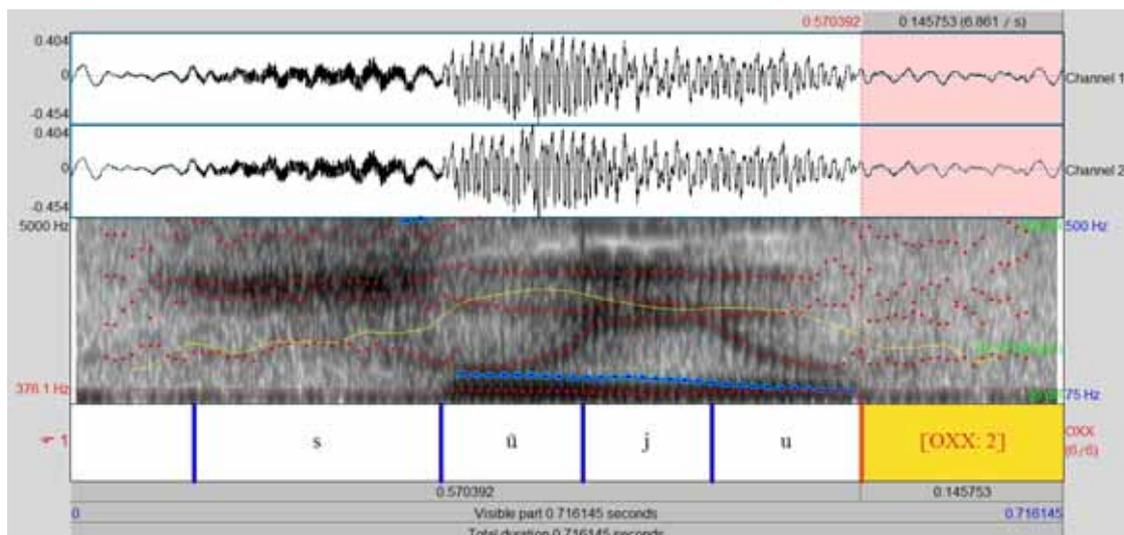

4. Фонетические слова с противопоставленными по долготе гласными верхнего подъема заднего ряда [ū] и [u]

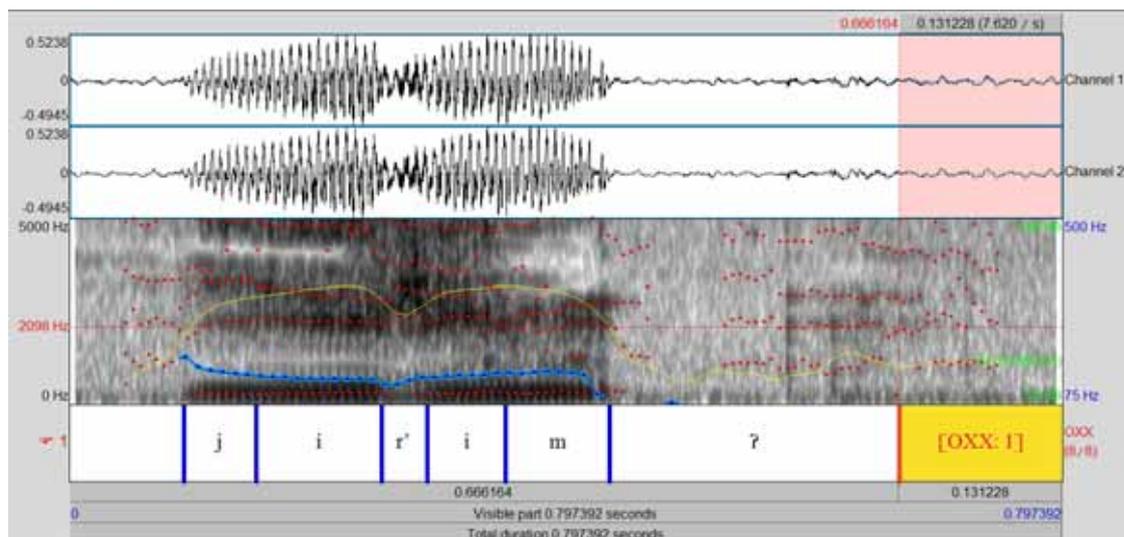
(42Я) Т ямал. [sūju] (*sūju*) [OXX: 1]

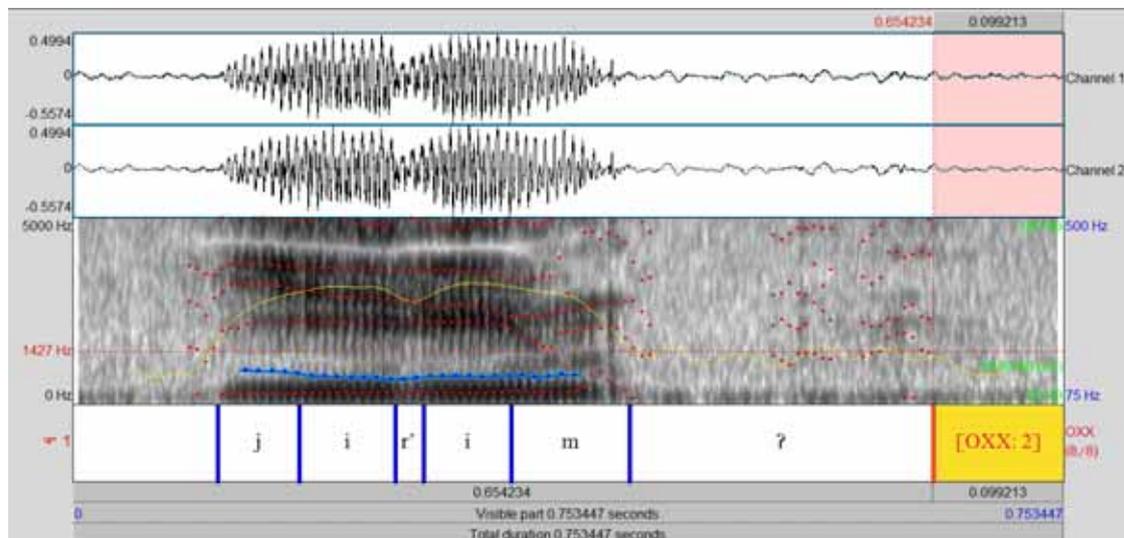
(42Я) Т ямал. [sũju] (sũju) [OXX: 2]

Приложение 2

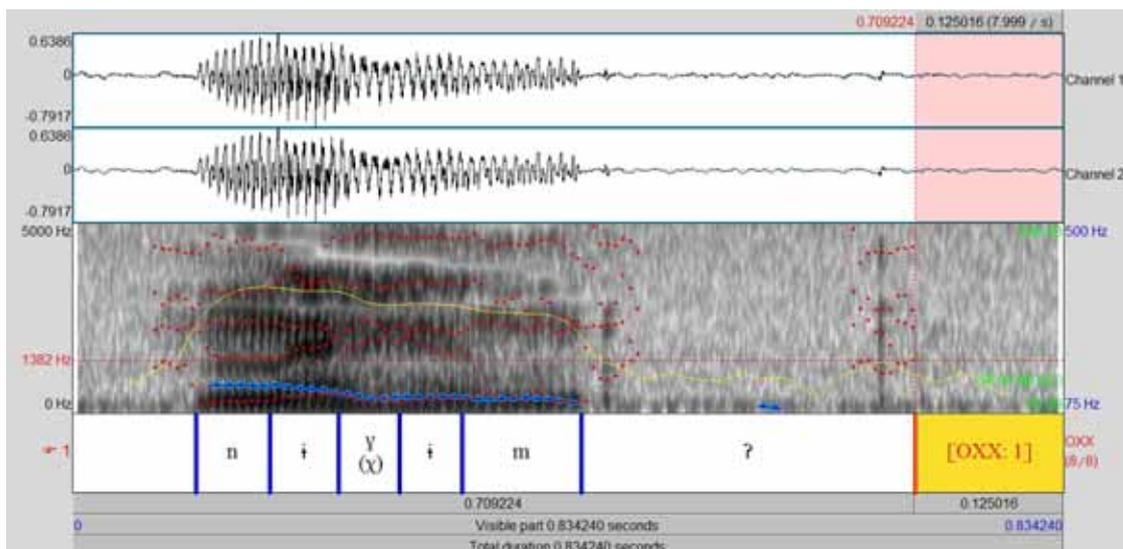
(22Я') Т ямал. [jir'imʔ] jir'i-m(?) [OXX: 1]

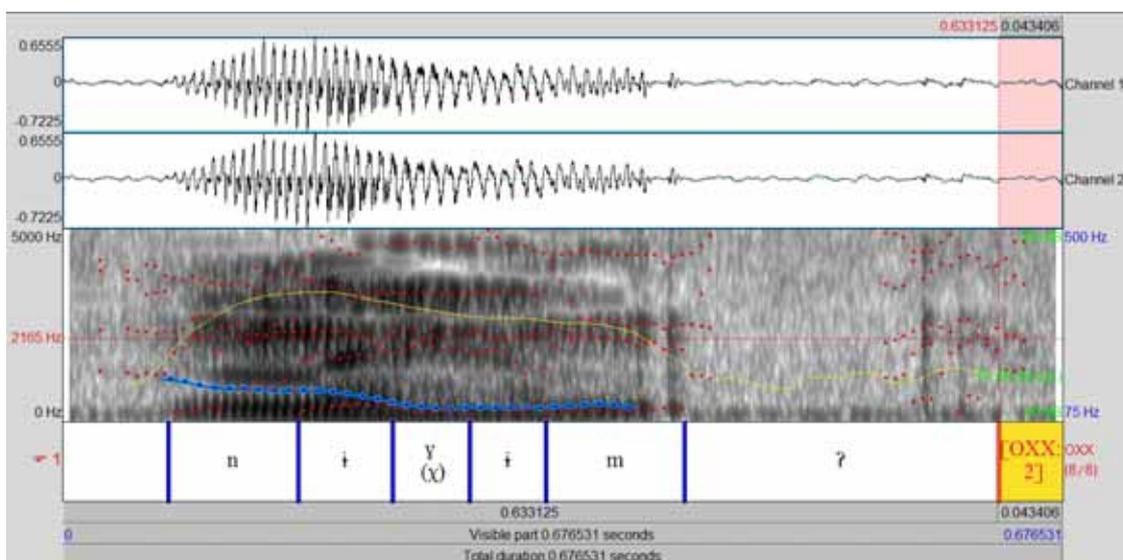
(22Я') Т ямал. [jir'imʔ] jir'i-m(?) [OXX: 2]

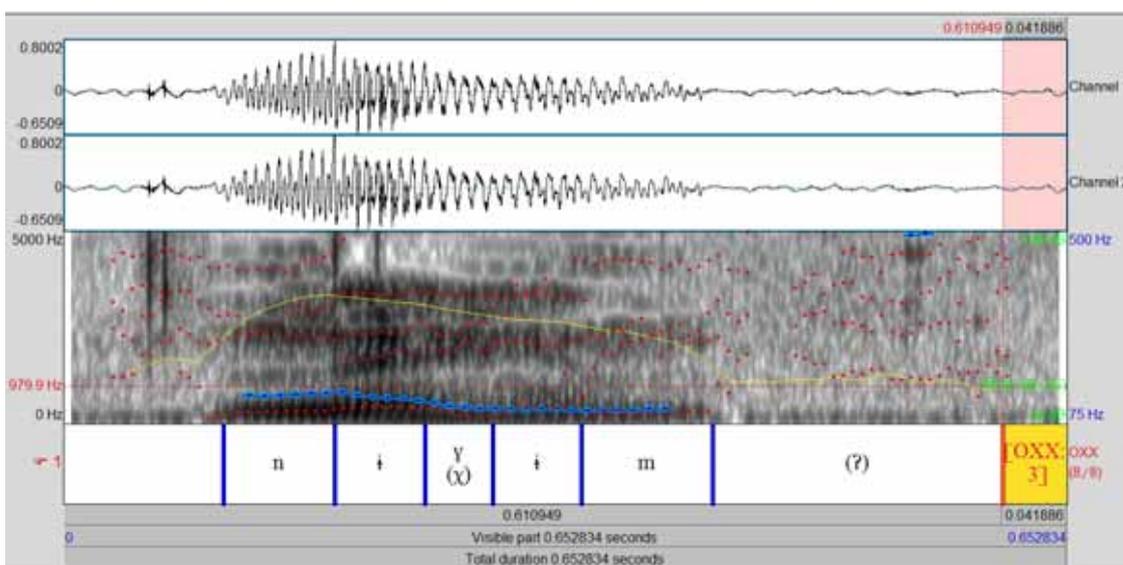
(23Я') Т ямал. [n'iyimʔ] [OXX: 1]

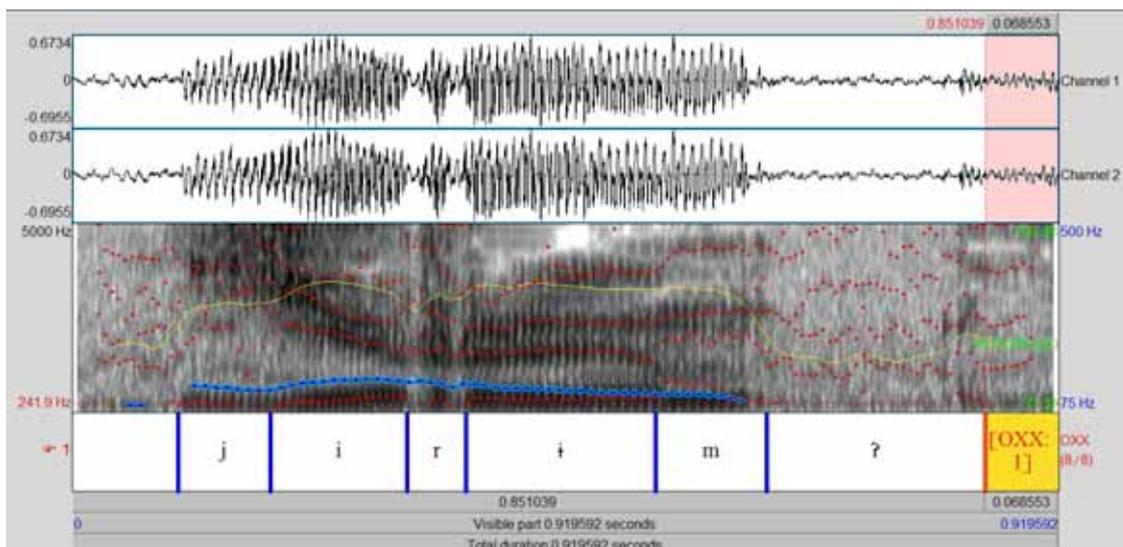
(23Я') Т ямал. [n'iyimʔ] [OXX: 2]

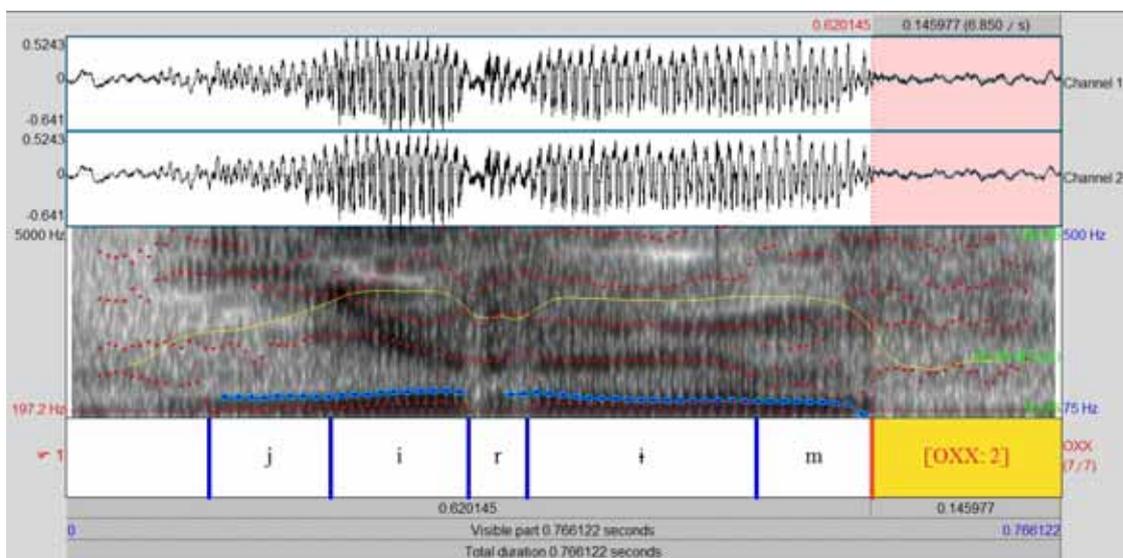
(23Я') Т ямал. [n'iyimʔ] [OXX: 3]

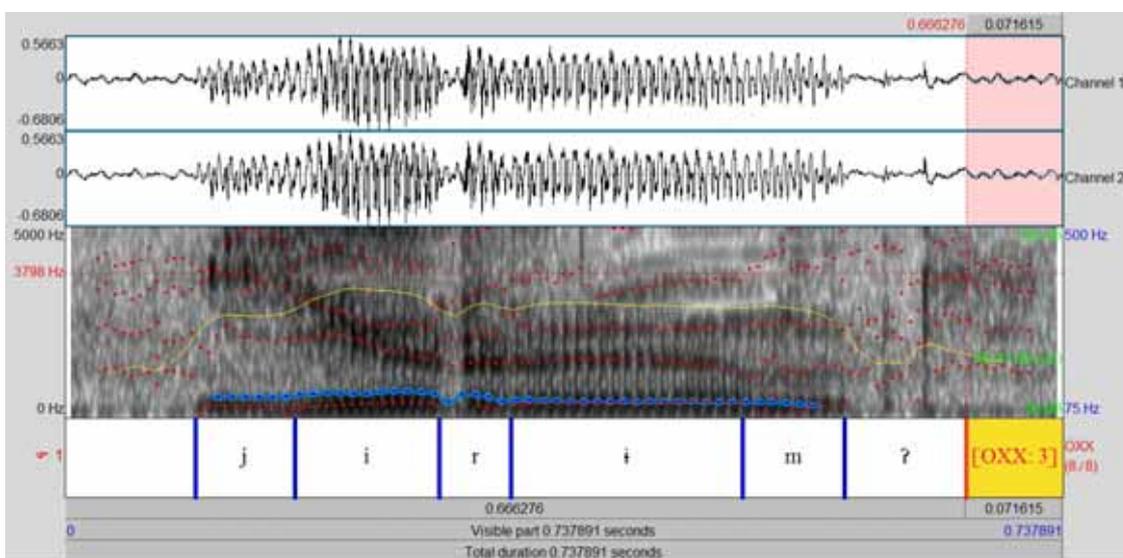
(24Я') Т ямал. [jirámʔ] *jiri*^o-*m*(ʔ) [OXX: 1]

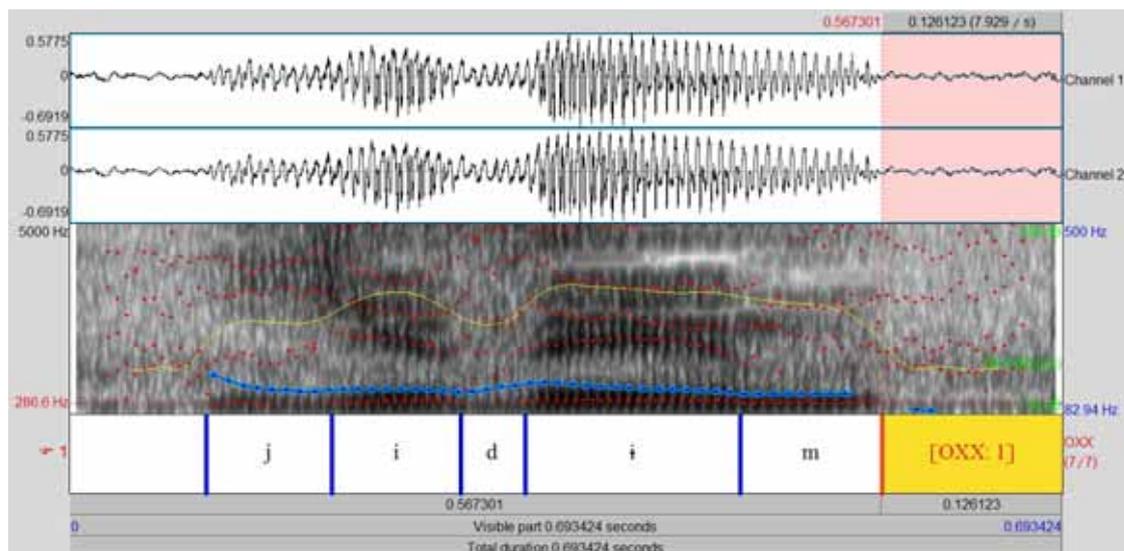
(24Я') Т ямал. [jirám] *jiri*^o-*m*(ʔ) [OXX: 2]

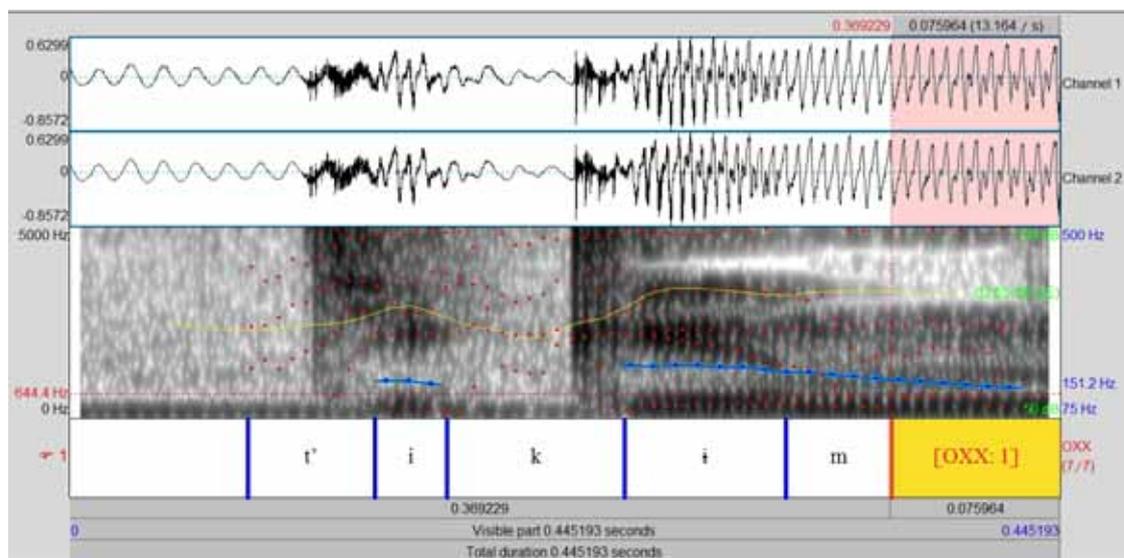
(24Я') Т ямал. [jirámʔ] *jiri*^o-*m*(ʔ) [OXX: 3]

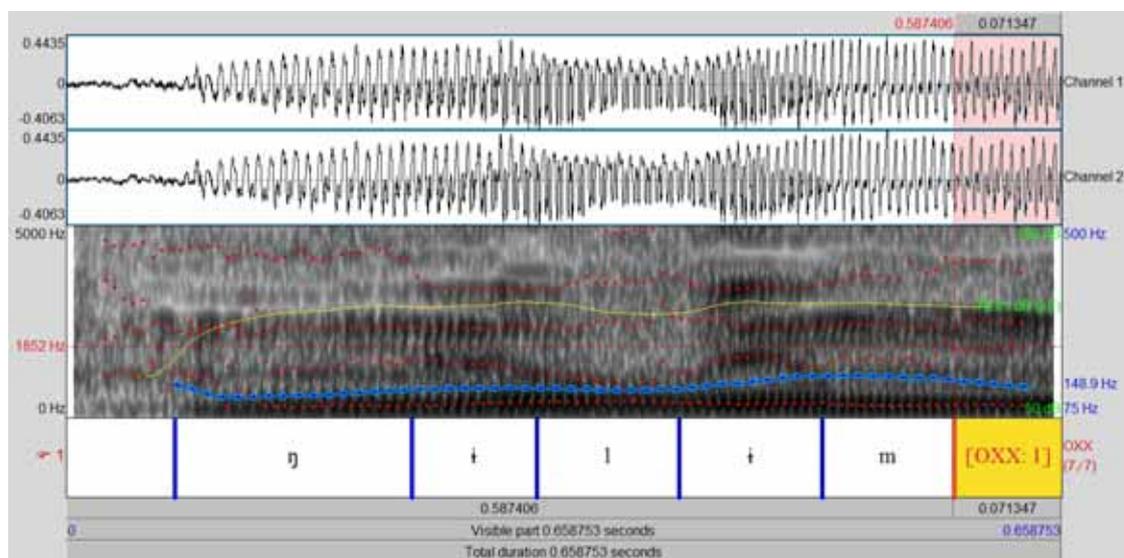
(25Я') Т ямал. [jidim] *jidi*^o-*m*(?) [OXX: 1]

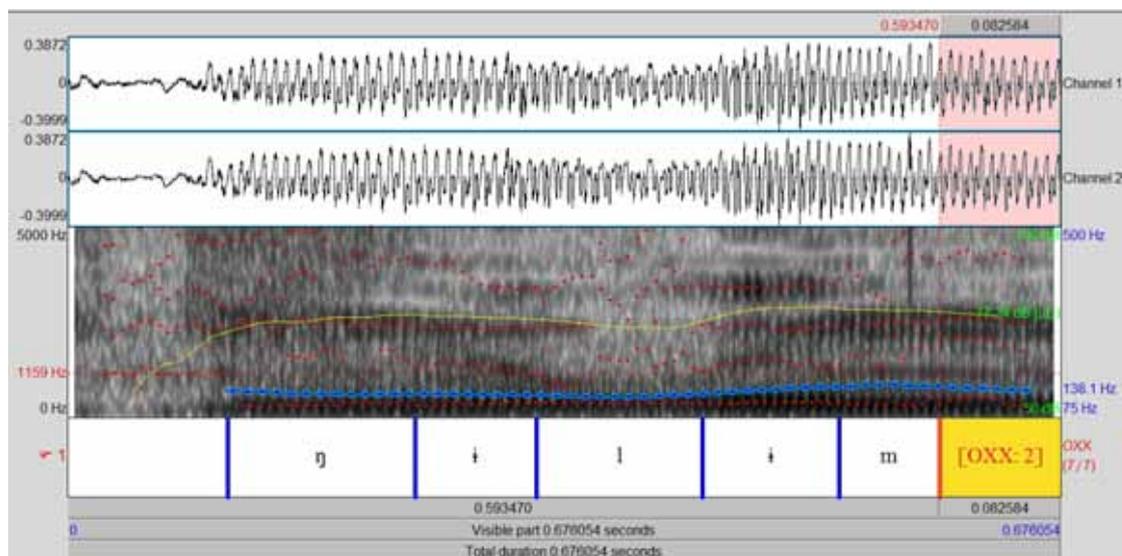
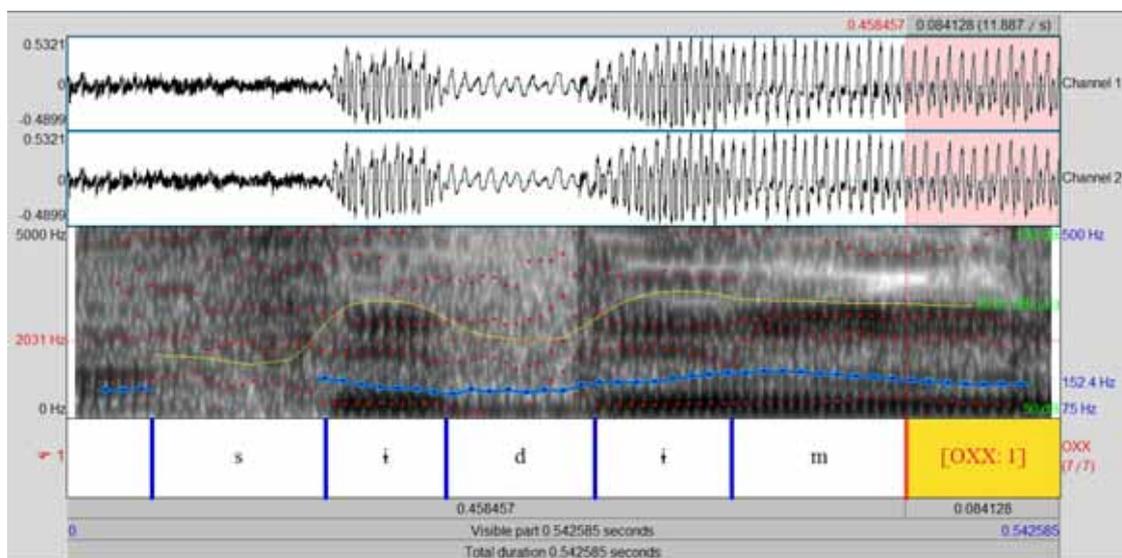
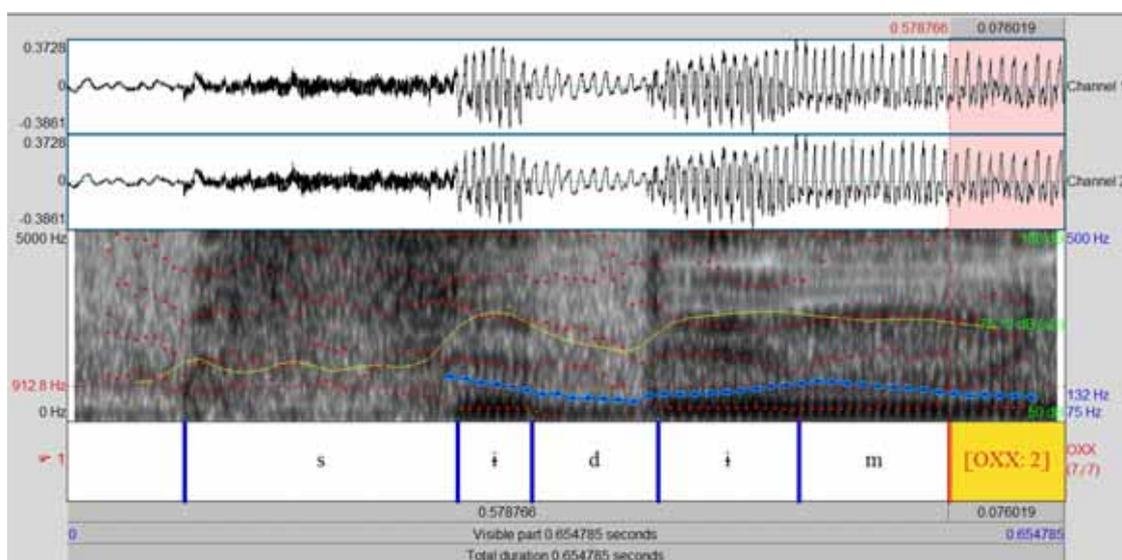

(26Я') Т ямал. [tikim] *t'iki*^o-*m*(?) [OXX: 1]

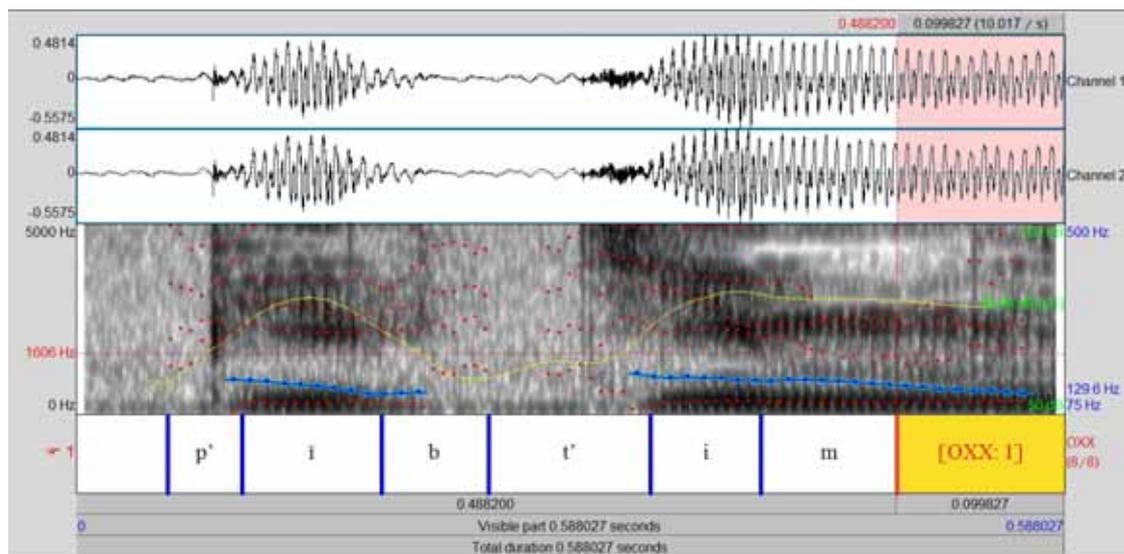

(27Я') Т ямал. [ɲilim] *ɲili*^o-*m*(?) [OXX: 1]

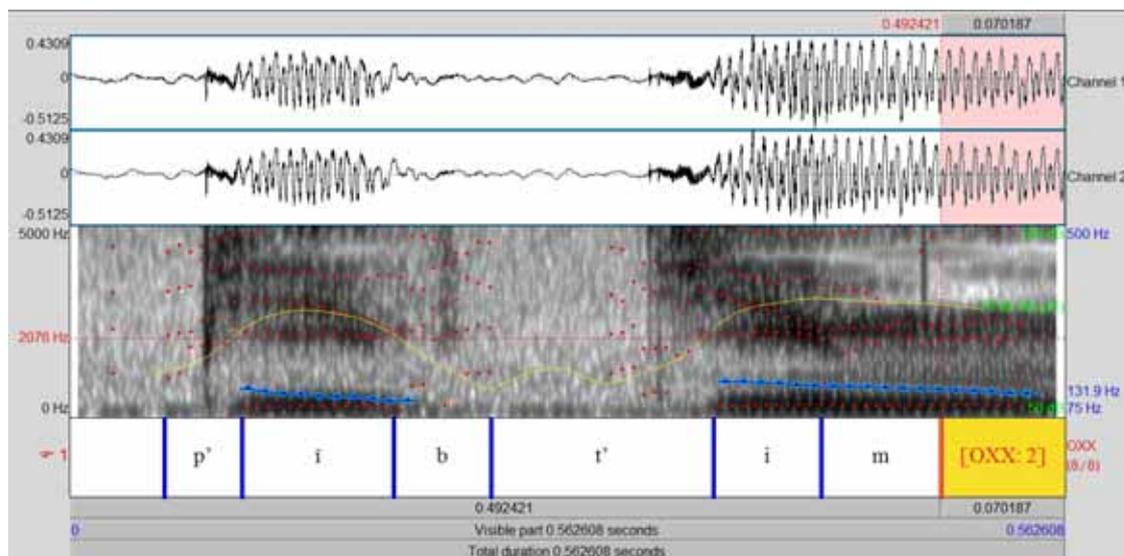

(27Я') Т ямал. [ɲilim] *ɲili^o-m(?)* [OXX: 2](28Я') Т ямал. [sidim] *sidi^o-m(?)* [OXX: 1](28Я') Т ямал. [sidim] *sidi^o-m(?)* [OXX: 2]

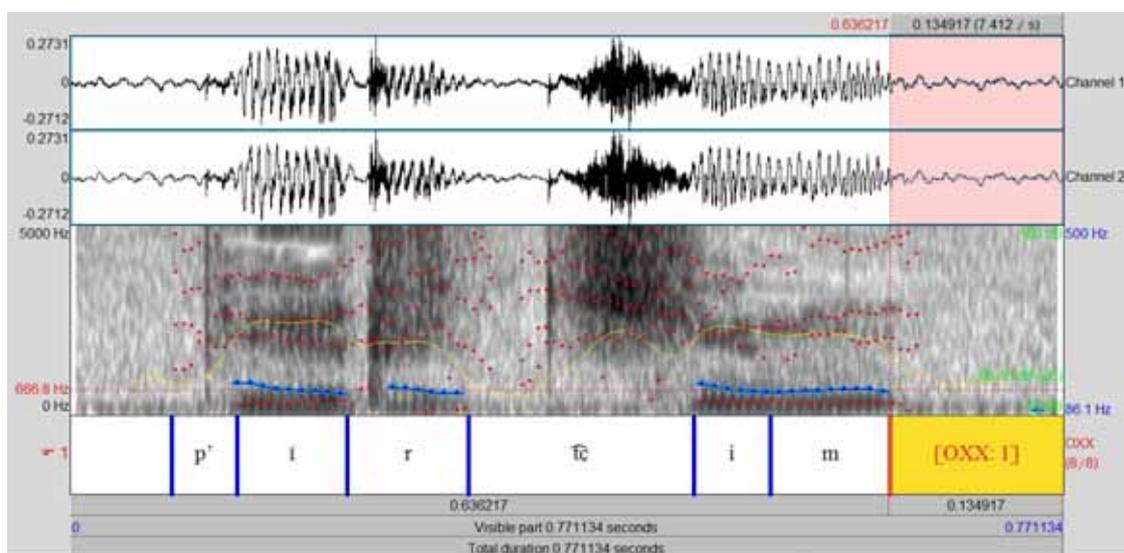
(31Я') Т ямал. [pʰɪrtʰim] pʰɪbtʰi-m(?) [OXX: 1]

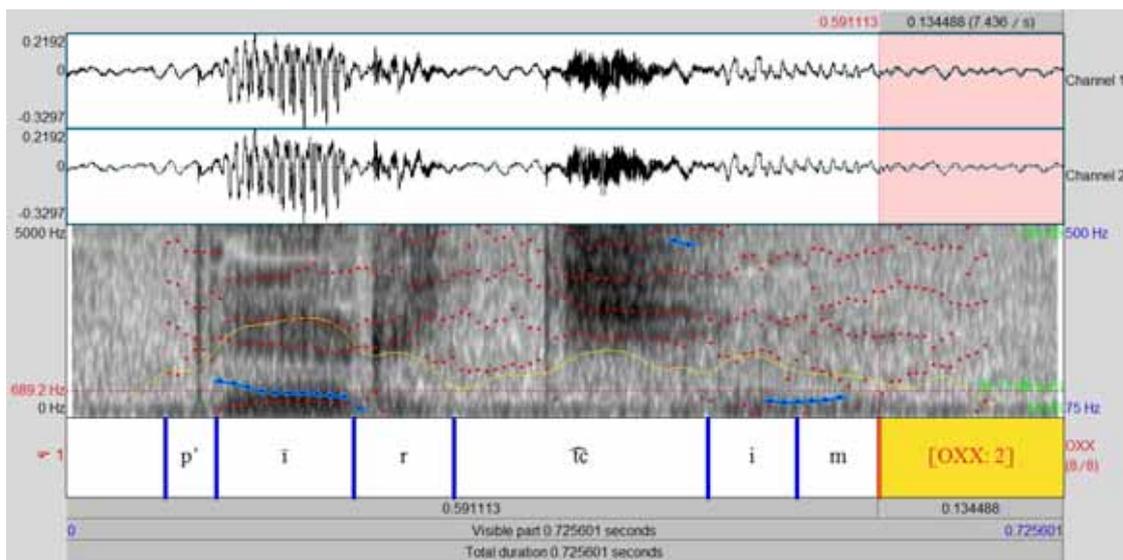
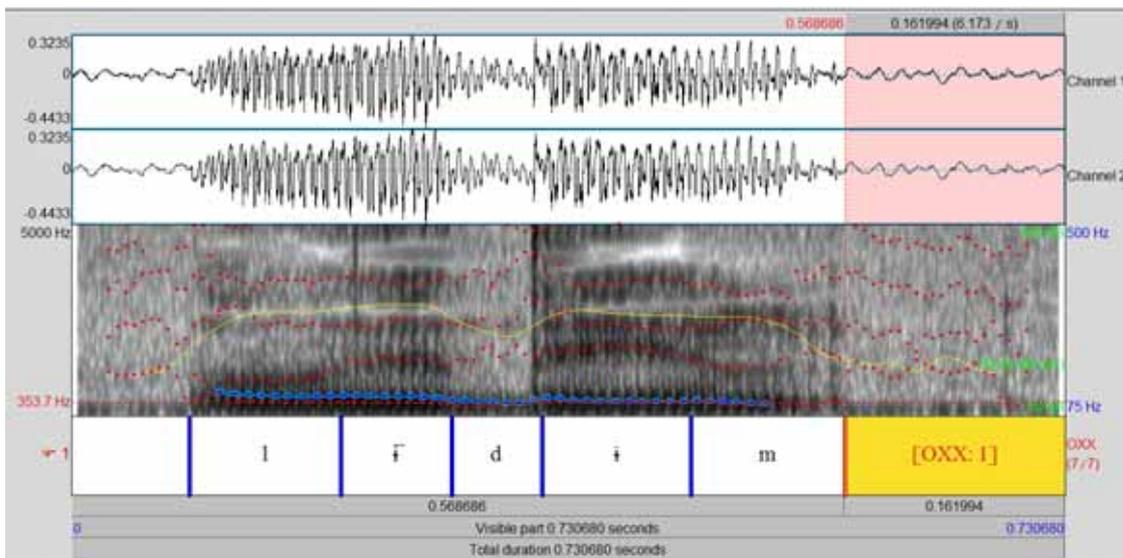
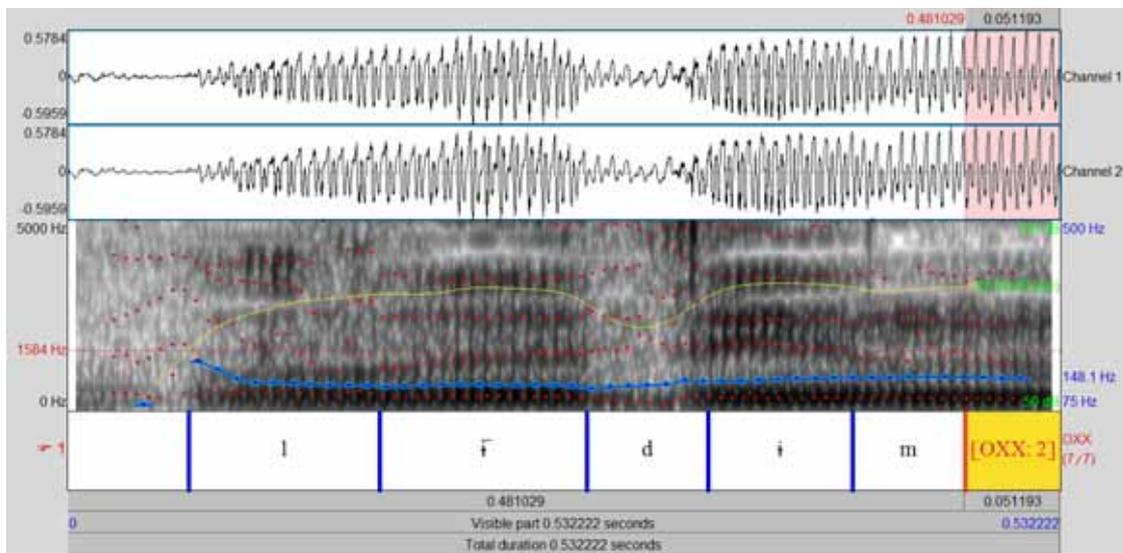
(31Я') Т ямал. [pʰɪrtʰim] pʰɪbtʰi-m(?) [OXX: 2]

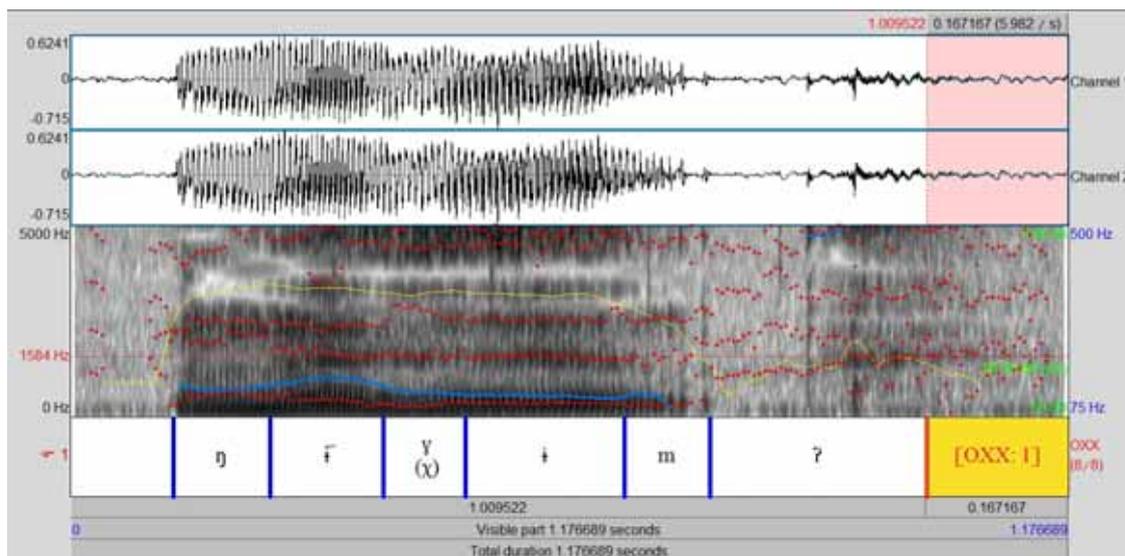
(32Я') Т ямал. [pʰɪrtʰeim] pʰɪrtʰei-m(?) [OXX: 1]

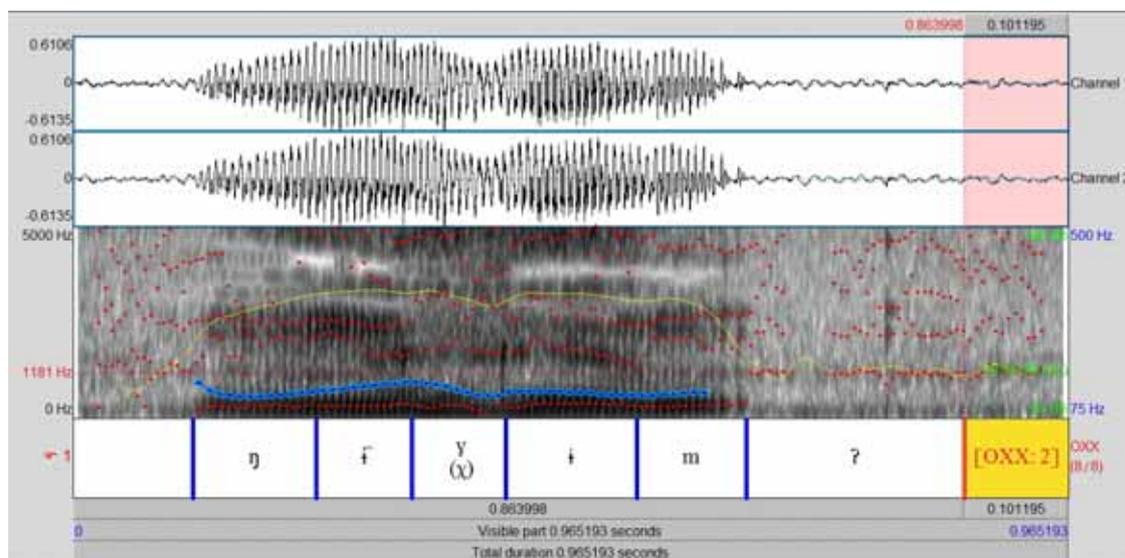
(32Я') Т ямал. [p'ɪr̩t̩eim̩] p'ɪr̩t̩e-i-m(?) [OXX: 2]

(33Я') Т ямал. [l̩d̩im̩] l̩d̩i^o-m(?) [OXX: 1](33Я') Т ямал. [l̩d̩im̩] l̩d̩i^o-m(?) [OXX: 2]

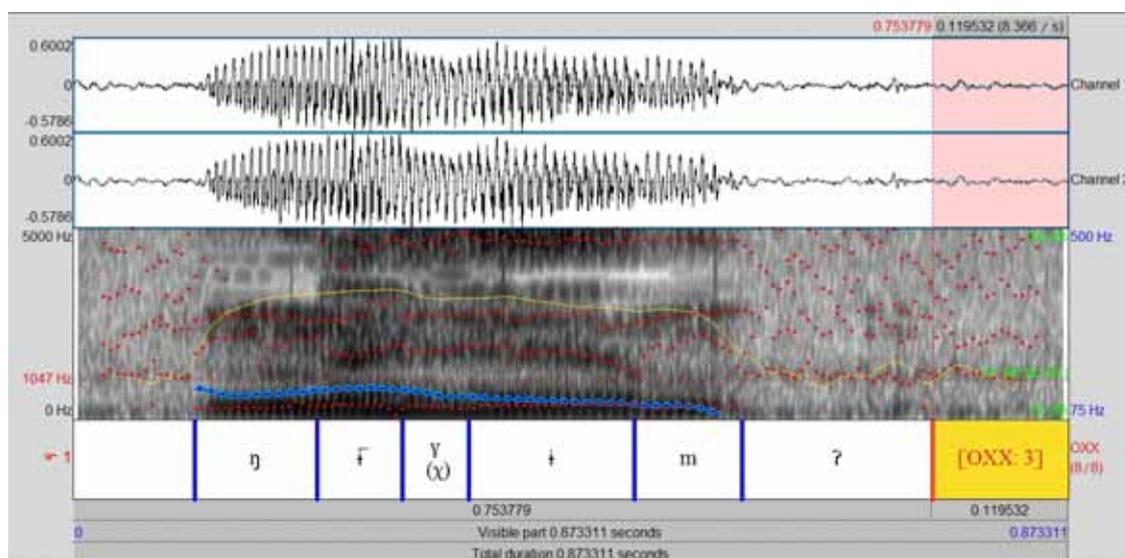
(34Я') Т ямал. [η̄ĩyímʔ] η̄ĩχi°-m(?) [OXX: 1]

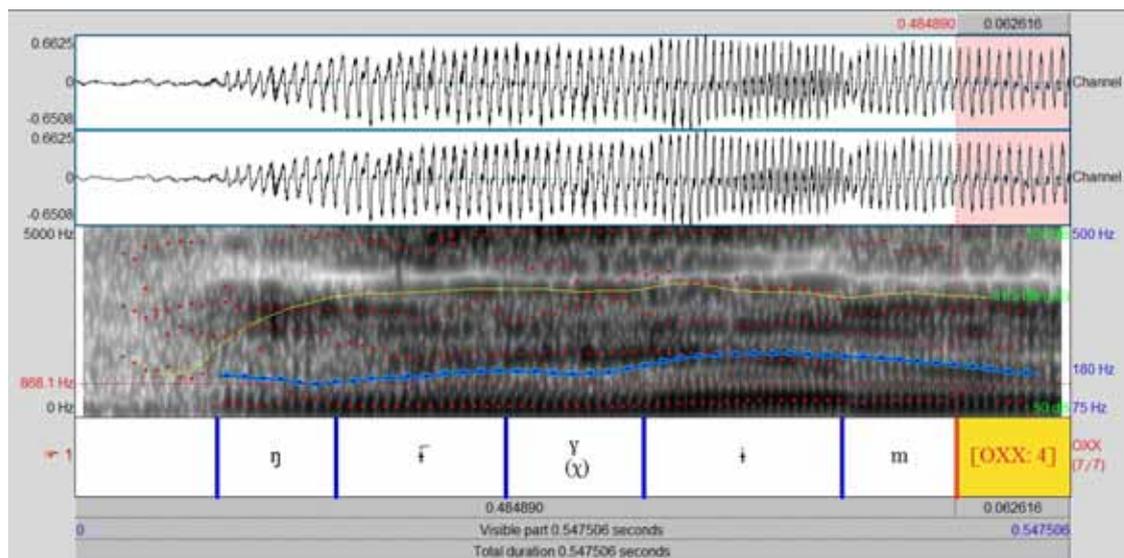
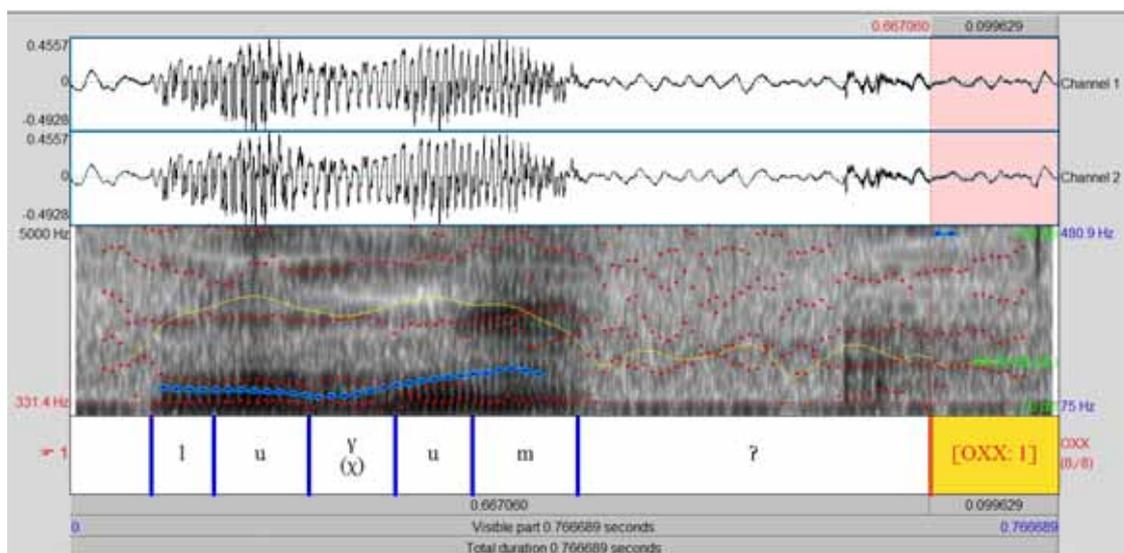
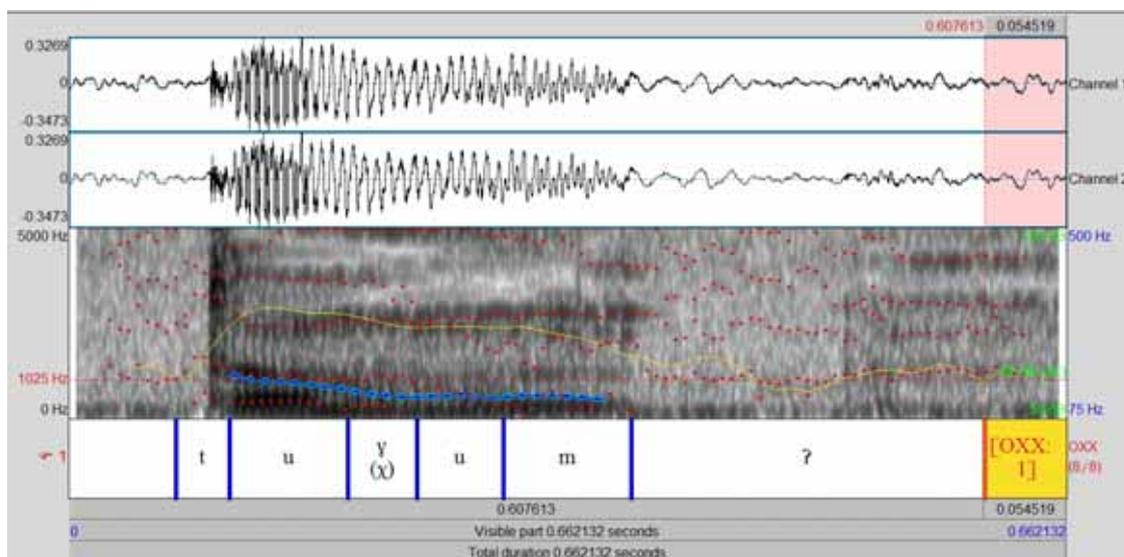

(34Я') Т ямал. [η̄ĩyímʔ] η̄ĩχi°-m(?) [OXX: 2]

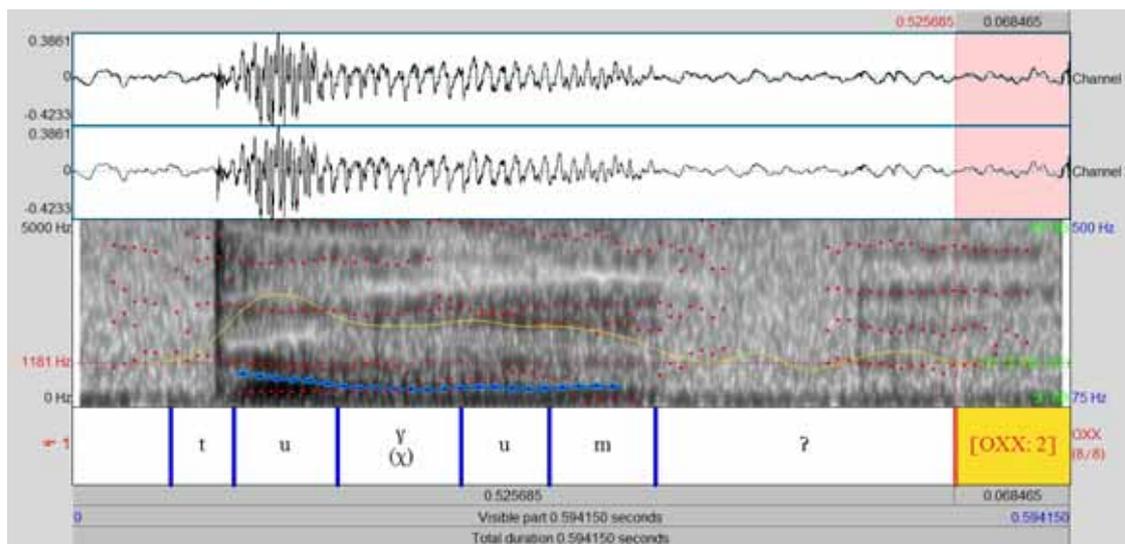

(34Я') Т ямал. [η̄ĩyímʔ] η̄ĩχi°-m(?) [OXX: 3]

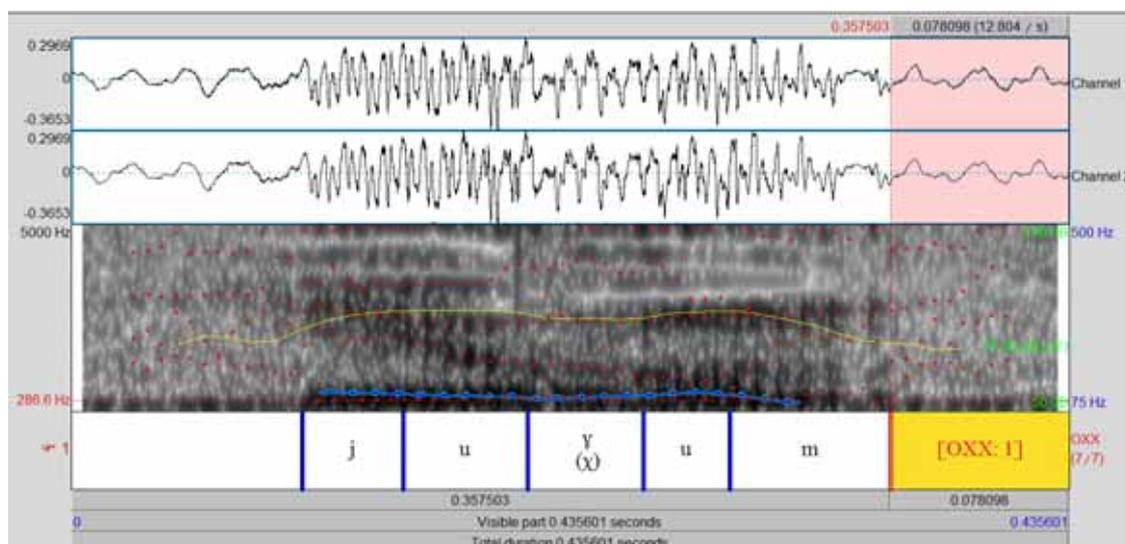

(34Я') Т ямал. [ŋĩyım] *ŋĩχi°-m(?)* [OXX: 4](36Я') Т ямал. [lũyımʔ] *luχ°-m(?)* [OXX: 1](37Я') Т ямал. [tũyımʔ] *tuχ°-m(?)* [OXX: 1]

(37Я') Т ямал. [túyumʔ] туχ°-m(?) [OXX: 2]

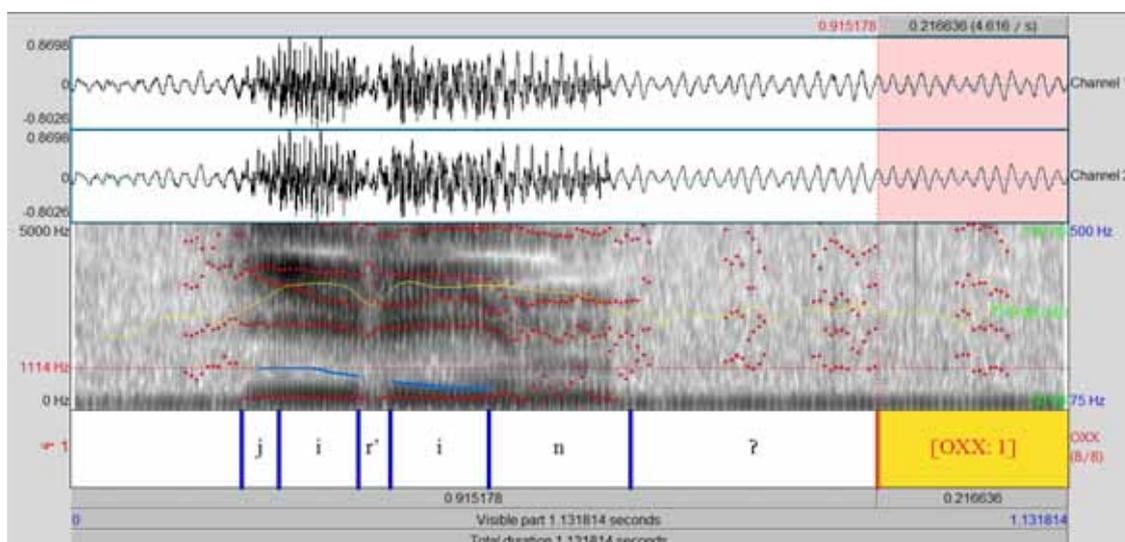

(38Я') Т ямал. [júyum] жуχ-м(?) [OXX: 1]

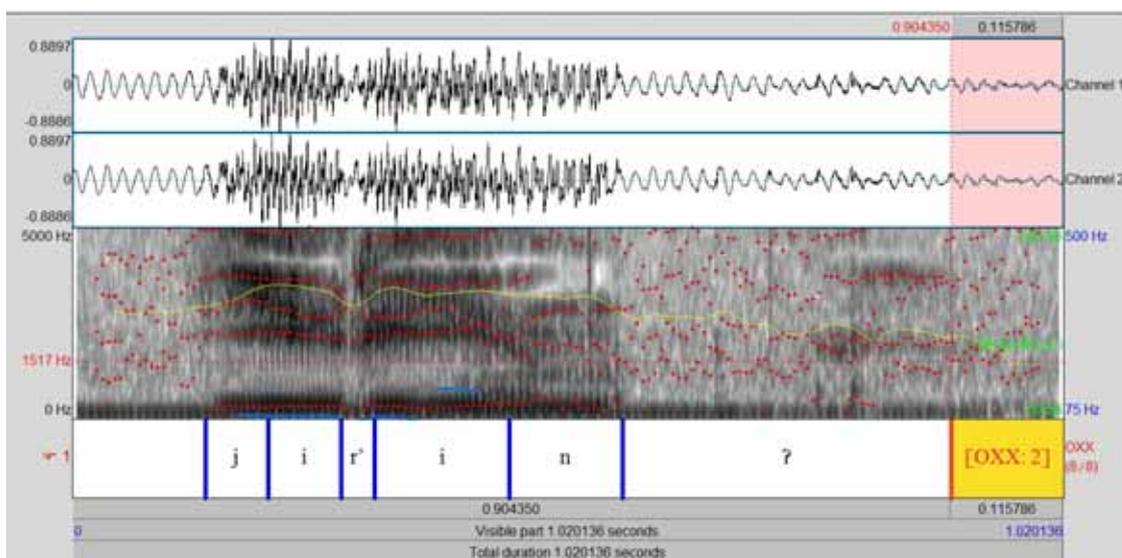

Приложение 3

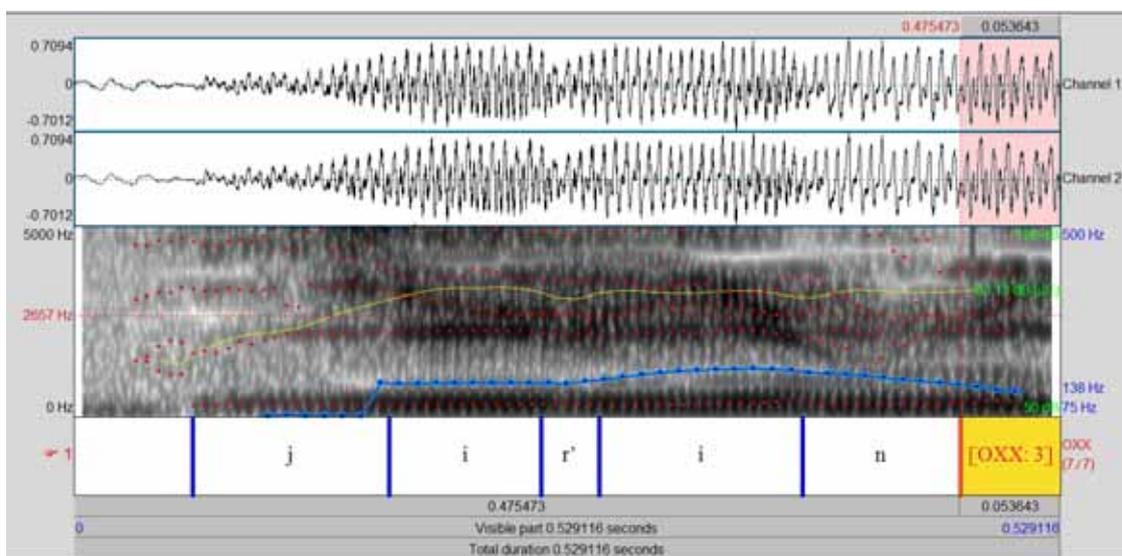
(22Я'') Т ямал. [jir'irʔ] (jir'i-nʔ) [OXX: 1]

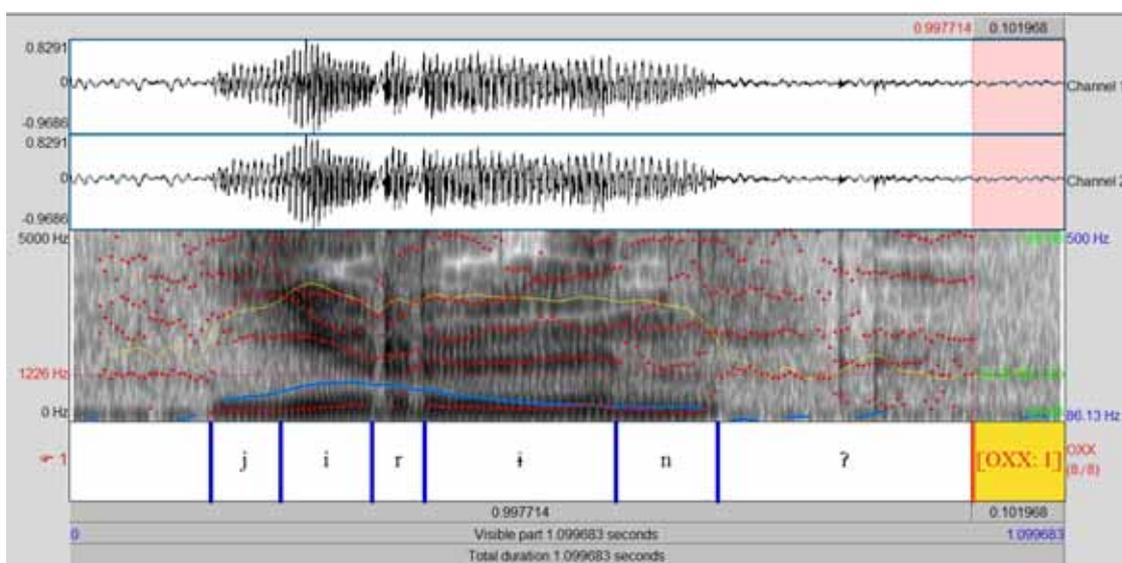
(22Я") Т ямал. [jir'ɨnʔ] (*jir'i-nʔ*) [OXX: 2]

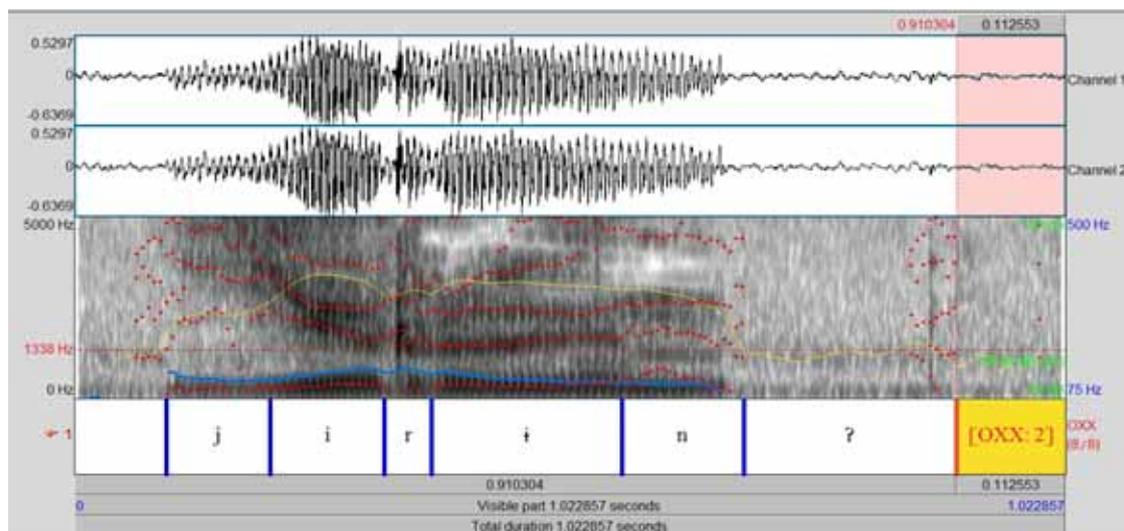
(22Я") Т ямал. [jir'ɨn] из контекста (*jir'i-nʔ*) [OXX: 3]

(24Я") Т ямал. [jir'ɨnʔ] *jiri-nʔ* [OXX: 1]

(24Я") Т ямал. [jirínʲ] jiri^o-n^o [OXX: 2]

Сокращения

Языки и диалекты

ненец. — ненецкий

Л — лесной ненецкий

Kis. — говор по р. Киселёвская (идиолект *kōl'l'əz βīɛn-ηamssɣ*) [Lehtisalo 1956]

Lj. — ляминский говор (идиолект *jīssu n'ētsu*) [Lehtisalo 1956]

Ni. — говор по реке *nʲtʲiʲe''ej* [Lehtisalo 1956]

Nj. — нялинский говор [Lehtisalo 1956]

P (= P₁) — пуровский говор (идиолект *βaʃʃəp ηäɛiββaʃetp*) [Lehtisalo 1956]

P₂ — пуровский говор (идиолект *ʃl̄im̄k ηäɛiββaʃetp*) [Lehtisalo 1956]

S — говор по р. Сахалинская [Lehtisalo 1956]

Т — тундровый ненецкий

б.-з. — большеземельский диалект

К — колвинский говор (идиолект носителя, жившего в населенном пункте Колва) [Lehtisalo 1956]

Sj. — говор по реке *ʃ'òìðp* (Полярный Урал) [Lehtisalo 1956]

U — устьинский (пустозерский) говор [Lehtisalo 1956]

вост. — восточные диалекты

T₁ — говор района Тазовской губы (идиолект Ивана Хаби) [Lehtisalo 1956]

T₂ — говор района Тазовской губы (идиолект *n'ēmBʳ qəp ʃābi*) [Lehtisalo 1956]

T₄ — говор района Тазовской губы (идиолект *māʃʃ'èrū βar̄rā*) [Lehtisalo 1956]

T₇ — говор по р. Таз (идиолект *βāk t'õr*) [Lehtisalo 1956]

T₁₂ — идиолект одного ненца с р. Таз [Lehtisalo 1956]

ямал. — ямальский диалект

O (= O₁) — обдорский говор (идиолект Максима Ядопцева, Maxim Jadoptsew) [Lehtisalo 1956]

O₂ — обдорский говор (идиолект Константина Тохо, Konstantin Toho) [Lehtisalo 1956]

OD — говор района Обской губы (идиолект *χāi⁶ eβai¹ i χūd'e³*) [Lehtisalo 1956]

OP — говор нижней Оби (идиолект Матвея Ядне, Matwei Jadnje) [Lehtisalo 1956]

зап. — западные диалекты

N — говор с. Несь [Lehtisalo 1956]

Oks. — оксинский говор [Lehtisalo 1956]

Sjo. — сёмжинский говор [Lehtisalo 1956]

U-Ts. — идиолект Ofimja *ʃōBʳ qal'ūβ* [Lehtisalo 1956]

ПС — прасамодийский

ПСС — прасеверносамодийский

рус. — русский (= russ. [Lehtisalo 1956])

сиб. — сибирские говоры

хант. — хантыйский (= ostj. [Lehtisalo 1956])

энец. — энецкий

Информанты

ОЛЛ — Окоэтто Людмила Лаулевна, 1978 г. р. (род. в Яптиксалинской тундре; 9 кл., сред. спец. образ. — зоотехник; до 2000-х гг. жила в Яптиксалинской тундре, с 2000-х гг. живет в с. Сё-Яха)

ОХХ — Окоэтто Хадри Хаволэвич (Артем Игоревич), 1992 г. р. (урожд. Тамбейской тундры; 11 кл.)

ЯМГ — Яунгад (урожд. Тусида) Мельне Григорьевна, 1979 г. р. (род. в Тамбейской тундре; 11 кл.; до 2007 г. жила в Тамбейской тундре, с 2007 г. живет в с. Сё-Яха)

Общие

анат. — анатомическое

БГ — безударный гласный

Гц — герц

Д — длительность

Д1 — длительность гласного первого слога

Д2 — длительность гласного второго слога

дБ — децибел

зоол. — зоологическое

И — интенсивность

И1 — интенсивность гласного первого слога

И2 — интенсивность гласного второго слога

инф. — информант

местн. — местное

мсек. — миллисекунда

перен. — переносное значение

ПМАЯ 2010 — полевые материалы автора по ямальскому диалекту тундрового ненецкого языка (ЯНАО, Ямальский район, с. Сё-Яха и Тамбейская тундра; апрель—сентябрь 2010 г.)

придых. — придыхание

произн. — произнесение

сек. — секунда

УГ — ударный гласный

урожд. — урожденный

ФС — фонетическое слово

ЧОТ — частота основного тона

ЧОТ1 — частота основного тона гласного первого слога

ЧОТ2 — частота основного тона гласного второго слога

АСС — аккузатив (винительный падеж)

С — любой согласный

DAT — датив (дательный падеж)

der. — дериват

F1 — первая форманта

F2 — вторая форманта

GEN — генитив (родительный падеж)

korр. — korrelativ [Janhunen 1977]

LAT — латив (направительный падеж)

max — максимальное

min — минимальное

N — имя

NOM — номинатив (именительный падеж)

PL — множественное число

POSS — посессивный аффикс

pron. dem. — указательное местоимение

PROS — просектив (продольный падеж)

SG — единственное число

V — любой гласный

1 — первое лицо

2 — второе лицо

1C — первый слог

2C — второй слог

— абсолютный конец

Литература

Амелина 2012 — Амелина М. К. Акцентные характеристики имен в тундровом наречии ненецкого языка. Часть II. Гыданский диалект // Урало-алтайские исследования. 2012, 1 (6). С. 7—54. {Amelina M. K. Accent characteristics of nouns in Tundra Nenets. Part II. The Gydan dialect // Ural-Altai Studies. 2012, 1 (6). P. 7—54.}

Амелина 2016 — Амелина М. К. Ударение в непроезводимых именах с однородным вокалическим составом в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть I. Фонетические слова с гласными нижнего и среднего подъёмов // Урало-алтайские исследования. 2016, 2 (21). С. 7—82. {Amelina M. K. Stress in underived nouns with homogeneous vocalic structure in the Yamal dialect of Tundra Nenets. Part I. Phonetic words with low and middle vowels // Ural-Altai Studies. 2016, 2 (21). P. 7—82.}

Бармич, Вэлло 2002 — Бармич М. Я., Вэлло И. А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект): Около 6500 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. СПб., 2002. {Barmich M. Ja., Vello I. A. Nenets-Russian and Russian-Nenets dictionary (the Forest dialect): About 6500 words. Study guide for elementary school. 2nd ed. SPb., 2002.}

Кодзасов 1991 — Кодзасов С. В. Пространство просодических возможностей и акцентная эволюция // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика: К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. М., 1991. С. 108—112. {Kodzasov S. V. The realm of prosodic possibilities and accent evolution // Slavic studies. Indo-European studies. Nostratic studies: On account of V. A. Dybo's sixtieth birthday. M., 1991. P. 108—112.}

Кривнова 2004 — Кривнова О. Ф. Длительность как средство реализации словесного ударения в тексте (сопоставительный анализ разных способов оценки выраженности ударения в слове) // Язык и речь: Проблемы и реше-

ния. М., 2004. С. 77—99. {*Krivnova O. F.* Length as means to realization of a word stress in a text (comparative analysis of different ways to estimate the fullness of stress in a word) // *Language and speech: Problems and solutions*. М., 2004. P. 77—99.}

ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *Ярцева В. Н.* М., 1990. {*Linguistic encyclopaedic dictionary* / Ed. *Jartseva V. N.* М., 1990.}

Попова 1966а — *Попова Я. Н.* Заметки о системе вокализма ямальского диалекта ненецкого языка // *Вопросы языка и литературы*. Вып. 1. Ч. 2. Новосибирск, 1966. С. 47—58. {*Popova Ja. N.* Notes on the vocalism system of the Yamal dialect of the Nenets language // *Issues in language and literature*. Is. 1. Part 2. Novosibirsk, 1966. P. 47—58.}

Попова 1966б — *Попова Я. Н.* Некоторые особенности системы консонантизма ямальского диалекта ненецкого языка // *Вопросы языка и литературы*. Вып. 1. Ч. 2. Новосибирск, 1966. С. 59—68. {*Popova Ja. N.* Some peculiarities of the consonantism system of the Yamal dialect of the Nenets language // *Issues in language and literature* Is. 1. Part 2. Novosibirsk, 1966. P. 59—68.}

Попова 1978 — *Попова Я. Н.* Ненецко-русский словарь: Лесное наречие. Szeged, 1978. (= *Studia Uralo-Altaica*. 1978, 12). {*Popova Ja. N.* Nenets-Russian dictionary: the Forest dialect. Szeged, 1978. (= *Studia Uralo-Altaica*. 1978, 12).}

ССЭ 2016 — Сибирская Советская Энциклопедия — 1929 год // <http://45f.ru/sse/cat/1/>, 2016. {*Siberian Soviet Encyclopaedia — 1929* // <http://45f.ru/sse/cat/1/>, 2016.}

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {*Tereshchenko N. M.* Nenets-Russian dictionary. М., 1965.}

Терещенко 1966 — *Терещенко Н. М.* Ненецкий язык // *Языки народов СССР*. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 376—395. {*Tereshchenko N. M.* The Nenets language // *Languages of peoples of USSR*. Vol. 3. Finno-Ugric and Samoyedic languages. М., 1966. P. 376—395.}

Терещенко 2008 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. СПб., 2008. {*Tereshchenko N. M.* Nenets-Russian dictionary. SPb., 2008.}

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. (= *Castrenianumin toimitteita*, 17.)

Klatt 1976 — *Klatt D.* Linguistic uses of segmental duration in English: Acoustic and perceptual evidence // *Journal of the Acoustical Society of America*. 1976, 59. P. 1208—1221.

Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (= *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*, XIII.)

Salminen 1997 — *Salminen T.* Tundra Nenets inflection // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 227. Helsinki, 1997.

Salminen 1998 — *Salminen T.* A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998.

Salminen 2007 — *Salminen T.* Notes on Forest Nenets phonology // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia*. Helsinki, 2007. P. 349—372. (= *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 253.)

РЕЗЮМЕ

В настоящей статье к исследованию привлекаются полевые данные автора, полученные в ходе работы с носителями ямальского диалекта тундрового ненецкого языка в Тамбейской тундре и с. Сё-Яха Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа в апреле—сентябре 2010 г. и дополненные в 2014—2016 гг. при работе с носителями данного идиома уже в Москве. Данная статья посвящена вопросам супrasegmentной фонетики этого диалекта (говора с. Сё-Яха и Тамбейской тундры Ямальского района ЯНАО). В ней выявлены основные и второстепенные акустические корреляты ударения в фонетически двусложных непроемных именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными верхнего подъема, в ямальском диалекте. В статье проанализирована комбинаторика основных и второстепенных акустических коррелятов ударения в ямальском диалекте и представлен вывод, что ударение в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка является экспираторно-квантитативным, т. е. основными акустическими коррелятами словесного акцента являются большая длительность (темпоральная выделенность) и большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом для маркирования ударного гласного первого слога на первый план выходит экспираторный параметр, а для маркирования ударного гласного второго слога — темпоральный параметр, что связано с общими речевыми тенденциями (длительного произношения конечного открытого слога и более громкого и интенсивного произношения начала фонетического слова по сравнению с его концом соответственно).

SUMMARY

The article takes into account the field data collected by the author during the work with native speakers of the Yamal dialect of Tundra Nenets in the Tambey tundra and Syo-Yakha (Yamalsky municipal district, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) in April—September 2010 and then added in 2014—2016. The article deals with problems of suprasegmental pho-

netics of the Yamal dialect (the idiom of Syo-Yakha and the Tambey tundra of the Yamalsky municipal district). In particular, it considers the basic and secondary acoustic correlates of stress (word accent) in the disyllabic underived nouns with homogeneous vocalic structure (with high vowels) in the Yamal dialect. Combinatorics of the primary and secondary acoustic correlates of stress in the Yamal dialect are considered, after which the conclusion is made that the word accent in the Yamal dialect is expiratory and quantitative, i. e. the main acoustic correlates of stress are temporal marking and expiratory marking of a stressed vowel as compared with the unstressed. While marking of a stressed vowel of the first syllable is mainly based on the expiratory emphasis, marking of a stressed vowel of the second syllable is based on the temporal emphasis, which can be explained by the general language tendencies (long pronunciation of the final open syllable and more loud and intense pronunciation of the beginning of a phonetic word compared with the end).

Ключевые слова: тундровый ненецкий язык, ямальский диалект, ударение, словесный акцент, акустические корреляты ударения, гласные верхнего подъема

Keywords: Tundra Nenets, the Yamal dialect, stress, word accent, acoustic correlates of stress, high vowels

Амелина Мария Константиновна, Институт языкознания РАН (Москва); neamelina@gmail.com

Maria K. Amelina, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); neamelina@gmail.com

Мифологические аспекты названий божьей коровки в удмуртском языке¹

1. Наименования божьей коровки в удмуртском языке исследованы достаточно хорошо. Названное понятие было включено в вопросник Диалектологического атласа удмуртского языка (ДАУЯ), данные собраны более чем из 200 населенных пунктов. Впоследствии лингвистическая карта «Божья коровка» и комментарий к ней, представляющий собой преимущественно лингвистический анализ способов обозначения насекомого, нашли отражение, в частности, на страницах научного журнала «Иднакар: методы историко-культурной реконструкции» и в первом выпуске ДАУЯ [Насибуллин 2007; ДАУЯ 2009: 129—139, 204—205]. Статья о названиях божьей коровки, по содержанию практически идентичная указанному выше комментарию, опубликована также в одном из номеров журнала «Ежегодник финно-угорских исследований» [Насибуллин 2009].

Целью настоящей работы является прежде всего попытка реконструкции мифологических сюжетов, связанных с названиями божьей коровки. Основой для данной статьи послужили в первую очередь опубликованные материалы детского фольклора (заклички-заклинания), а также собственные экспедиционные записи автора. Исследование мифологических аспектов названий божьей коровки позволило найти ответ на некоторые вопросы, остававшиеся до сих пор нерешенными, в частности, какова причина столь огромного количества названий этого насекомого (около 70 лексических и до 130 фонетических единиц!) в удмуртских диалектах.

2. В соответствии с биологической классификацией, божьи коровки — семейство жуков, насчитывающее более 4000 видов. Самый обыкновенный вид — *семиточечная божья коровка* (*Coccinella septempunctata*) 7—8 мм в длину. Грудной щит черный с беловатым пятном в переднем углу; красные надкрылья с семью черными точками; очень распространена в Европе, Северной Африке и Азии. Этот вид питается тлей и паутиными клещами [Жизнь животных 1984: 276—277; Станек 1977: 203—204].

3.1. Наиболее распространенный вариант наименования божьей коровки в европейских языках указывает на скот, принадлежащий богу или некоему божественному персонажу: рус. *божья коровка*, польск. *boża krówka*, лит. *boružėlė* ('божья телка, коровка'), рум. *vaca domnului* ('корова (-ка) бога'), сербохорв. *božja òvcića*, фр. *bête à bon Dieu* ('животное бога'), *poulette à Dieu* ('курочка бога') [Божьи коровки]. Считается, что в славянском мире наименование жучка коровкой (*божья коровка*) также является метафорическим обозначением невесты (ср. смолен. *коровка* 'невеста'). Номинации типа «божья овечка» возникли по аналогии с предыдущим названием (ср. сербохорв. *božja òvcića*) [Славянские древности 1995: 222].

Древнеиндийские мифы, рассказывающие о краже коров у бога, называют божью коровку «та, чей пастух Индра». Возвращение коров вызывает солнце и дождь, оплодотворяющий природу.

У славянских народов божья коровка в первую очередь является образом невесты, хотя в каждом отдельно взятом языке реализуется в разных терминах со значениями 'девица', 'сиротка', 'пастушка', 'невеста / невестка', 'жена' и др. У западных славян, а также в Белоруссии, на Украине и в Словении божья коровка обозначается именами христианских мучениц («жертв», «невест Христовых»), в качестве которых выступают варианты имен *Екатерина*, *Елена*, *Аполлония* и т. д. У белорусов и поляков также распространены названия, восходящие к мужским каноническим именам *Андрей*, *Петр*, *Феодор* / *Федор* и др. [Славянские древности 1995: 221].

Наименования божьей коровки в англоязычных странах — *ladybird*, *ladybug* или *lady beetle* — также связаны с христианской религией. Объединяющее эти названия слово *Lady* подразумевает Деву Марию, соответственно, божья коровка в католических странах считается насекомым Божьей Матери (ср. нем. *Marienkäfer*, исп. *mariquita*).

В контексте традиционной русской культуры образ божьей коровки имеет ярко выраженную солярную символику и связывается с несколькими мифологическими сюжетами и обрядами. Один из них — сюжет небесной свадьбы, зачастую связанный с обрядностью летнего солнцестояния. В этом сюжете божья коровка может соотноситься как с образом мифического мужа, так и с образом жены громовержца, изменившей мужу и наказанной за это. В результате она несет на себе следы наказания небесным огнем-молнией. Божья коровка соотносится и с самим верховным божеством, богом Солнца (примером тому могут служить названия *солнышко*, *солнечный жук*, *солнечный теленок*).

Мифология, связанная с названиями божьей коровки в языках народов Европы, описывается в работах [Ferreira, Alinei 1990; Siganos 1985].

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных научных исследований УрО РАН в 2015—2017 гг.; проект «Мифология удмуртов в историко-культурном наследии» № 15-13-6-8.

3.2. С чисто лингвистической точки зрения атрибутивная часть наименования *божья коровка* комментируется следующим образом: «Назв. диких, неомашинных животных и растений как “божьих” (“небесных”) — универсалия, известная во многих яз. Евразии». В отношении определяемого слова отмечают: «Модель, по которой построены назв. типа *божья коровка*, следующая: ‘животное’ > ‘насекомое’ <...> Ср. *олень* при *олёнка* ‘навозный жук’ <...>» [Аникин 2009: 314—315].

Макс Фасмер сравнивает *божью коровку* со следующими словами: нем. *Gotteskäublein* ‘божий телеочек’, *Herrgottskühlein* ‘коровка Господа Бога’, *Gotteskühlein* ‘божья коровка’, фин. *jumalanlehmä* ‘божья корова’ (переводы наши. — С. М.) [Фасмер 1964: 184].

4.1. В соответствии с традиционными представлениями удмуртов, по поведению божьей коровки можно предсказывать, быть или не быть дождю; считалось также, что она может «принести» дождь. Указанные представления лежат в основе номинации абсолютного большинства названий божьей коровки.

Исследовательница удмуртского фольклора Л. Н. Долганова показала, что среди удмуртских детей широко бытовали заклички — обращения к разным явлениям природы, а также к животным, птицам, насекомым [УдмФольк. 1981: 9—12]. Из опубликованных ею материалов больше всего обращений именно к божьей коровке. Приведем некоторые из них:

(1)	<i>Зороно папа, зорода-лобода, Дйёсед-кутэд кенер вылын, Мумид-айид кыз йылын, Зороз ке — лобы, Уз ке — эн.</i>	‘Божья коровка, божья коровка, Твоя одежда на заборе, Родители — на елке, Быть дождю — улети, Если нет — не лети’ (д. Оросово, Балезинский р-н) [там же: 36—37].
(2)	<i>Зорода-лобода, Мамед-папед кыз йылын, Дйёсед-кутэд кенер йылын.</i>	‘Божья коровка, Родители твои на елке, Одежда твоя на заборе’ (д. Котегово, Балезинский р-н) [там же: 37].
(3)	<i>Лобзы, лобзы, папае, Анаед-атаед кыз йылын, Вёёкен нянь сётозы.</i>	‘Лети, лети, божья коровка, Твои родители на елке, Хлеба с маслом дадут’ (д. Удмурт Гондырево, Алнашский р-н) [там же: 38].

Но составитель данного издания, к сожалению, практически все оригинальные наименования сводит к общеизвестному названию, без учета буквальных соответствий в конкретных текстах, что не способствует пониманию принципов номинации насекомого. Наше исследование, напротив, построено на дешифровке названий, позволяющих раскрыть их генезис и эволюцию. В первой закличке сочетание *зороно папа* можно перевести как ‘дождящая букашка’, а наименование *зорода-лобода*, присутствующее также во втором стихе, восходит к вопросительной конструкции *зород-а, лобод-а?* ‘подождишь ли, полетишь ли?’. Форма *папае* в примере 3 означает ‘[мое] летающее насекомое / букашка / жучок’.

Мы не случайно привели три этих стиха. Два первых представляют один из самых северных районов Удмуртии — Балезинский, а третий — один из самых южных — Алнашский. Южноудмуртский стихок по структуре почти ничем не похож на северноудмуртские, но есть один мотив, который объединяет все эти заклички: «твои родители на елке». При этом понятие «[твой] родители» во всех трех случаях выражены разными лексическими единицами: *мумид-айид* состоит из исконных компонентов, *мамед-папед* — из русских, а *анаед-атаед* — из татарских. Названный мотив весьма загадочен, но наличие его в разных, территориально отдаленных локальных традициях наталкивает на мысль о древности его истоков, сохраненных в таком обращении.

Песни-заклички дети создают, подражая взрослым. Фольклористы отмечают, что «<...> песенные заклички стали игрой, так как в них внесено много занимательного и забавного. Но происхождение и первоначальные функции их весьма серьезны и связаны с древней языческой мифологией, глубоко вошедшей в быт народа» [Аникин 1957: 103; см. также УдмФольк. 1981: 9]. По мнению Л. Н. Долгановой, заклички-обращения к дождю могут восходить к обряду вызывания дождя, «где, помимо различных обрядовых действий, большое место уделялось и словесной магии — прямому призыву». Далее она описывает старинный обряд вызывания дождя: «Если долго не было дождя, собирались все жители деревни, несли крупу, масло и варили кашу у речки. До этого процессия из нескольких человек во главе с вёсясь — жрецом — обходила все дома и старалась обрызгать водой всех встречных. <...> Призывая на помощь умерших предков и веря в их могущество, процессия шла на кладбище и омывала углы могильных оград» [УдмФольк. 1981: 10]. Один из локальных вариантов обряда вызывания дождя достаточно под-

робно описан этнографом Т. Г. Миннихметовой по личным наблюдениям у закамских удмуртов (территория Республики Башкортостан) [Миннихметова 2000: 47—49].

Известно, что в традиционных верованиях удмуртов почитались три главных божества: *Инмар*, *Кылдысин* и *Куазь*. Первый из них — главное божество — источник всего доброго. Кылдысин ассоциировался с творческим началом, с созиданием. Куазь — божество атмосферы, погодных явлений [Владыкин 1994: 102—103]. У каждого из божеств было «свое» дерево. Инмару молились под березой или сосной, обратившись на восток, Кылдысину — под березой, Куазю — под елью [там же: 67, 111]. Отсюда понятен образ ели в детских закличках: удмурты молились Куазю, прося у него благоприятной погоды, именно под этим деревом. Само же упоминание родителей связано с культом умерших предков. При этом остается загадкой, почему они находятся на дереве. Для решения данной, а также других проблем, связанных с расшифровкой закличек, снова обратимся к этнографическим данным. В нашем случае необходимо ознакомиться с представлением о дереве, которое широко известно в мифологических традициях разных этносов мира.

У удмуртов существовало поверье о *Мудоре* — некоем центре Земли, совмещавшемся с деревом в Великом лесу. Вокруг него нередко возводили срубные стены. На ветвях дерева устраивали жертву верхнему миру — помещали горбушку с маслом: это был символ солнца. С верхним миром был связан Инмар, который получал жертвы, сжигаемые на священном костре: с дымом костра они возносились на небо. На ветвях развешивались шкуры жертвенных животных, специально одетые куклы, полотенца, ленты, яркие куски ткани. Это были жертвы среднему — земному миру, который воплощал бог Куазь. Кости жертвенного животного закапывали у корней дерева, там же закапывали серебряные монеты, корни поливали кумышкой (самогоном), пивом, топленным маслом — жертвы Кылдысину. Инмару приносили в жертву животных белого цвета, Куазю — рыжей (удм. «красной») масти, Кылдысину — черного цвета [там же: 66—69, 111; Мировое дерево]².

Вернемся к приведенным выше стишкам-закличкам. Можно предположить, что мотив «твои родители на елке» отражает верхний или средний мир. С другой стороны, умершие предки, казалось бы, должны принадлежать нижнему миру. Но, как пишет Л. Фейербах, «могила человека <...> есть место рождения богов» (цит. по: [Владыкин 1994: 155]) — человек наделяет умерших могуществом, с особым почтением относится к ним, особенно к предкам в образе родителей. Следовательно, нет ничего удивительного, что в закличках место Инмара или Куазя занимают родители.

Подтверждение и одновременно уточнение выдвинутому предположению находим в одной из работ Н. И. Шутовой, посвященной исследованию роли дерева в традиционном удмуртском мировоззрении: «Дерево, заменяющие его столб, шест и пр., рассматривалось в качестве места обитания душ умерших предков, а также и душ еще не родившихся детей. Очевидно, в дереве была заключена жизненная сила родового коллектива, оно составляло общую ценность рода» [Шутова 2011: 66].

Мотив, в котором родители «хлеба с маслом дадут» (закличка 3), символизирует *вылэ мычон* (букв. 'вверх возносимое') — жертву верхнему миру, в качестве которой обычно подносили каравай с маслом³. Образ хлеба с маслом часто присутствует и в других закличках, например:

(4) *Лоб, лоб, папае,
Анаед-атаед вёёкен-
Чечёкен няня⁴ сётоз!*

‘Лети, лети, божья коровка,
Родители хлеба с маслом и
Медом дадут’

(д. Серп, Алнашский р-н) [УдмФольк. 1981: 38].

В приведенном стихе к образу хлеба и масла добавляется мед. Последний продукт так же, как и два первых, служил символом достатка и благополучия, в более древнем значении — символом рождения / возрождения; он также являлся объектом жертвенного подношения. В следующем стишке, записанном от информанта из с. Люк Базезинского района, образ масла (и хлеба) полностью заменен образом меда. Не исключено, что такой сдвиг мог произойти под влиянием, с одной стороны, русского образа «сладости / конфеты», с другой стороны — желая самих удмуртских детишек получить сладкое лакомство — мед. В данном стишке божью коровку просят лететь на небо, а не на крону ели. Воспомним русскую закличку: *Божья коровка, улети на неб(к)о <...>*.

(5) *Зорода-лобода,
И н м е лобы — чечы сётумы.*

‘Божья коровка,
Лети на небо — меду дадим’

(с. Люк, Базезинский р-н) [там же: 37].

² О Мудоре см. также [Шутова 2011: 59—60, 64].

³ См. об этом в работе [Владыкин 1994: 67].

⁴ Здесь и далее в текстах закличек шрифтовые выделения принадлежат автору настоящей статьи.

В записи, сделанной нами от информанта из д. Азаматово Алнашского района, вместо ели также выступает образ неба:

- (6) *лоб-лоб папа, анайэд-атайэд и нмын — вёйын нянь сюдозы / сётозы.*
‘Божья коровка [букв. ‘лети-лети + букашка’], родители на небе — **хлебом с маслом** накормят / хлеба с маслом дадут’.

Следующий стишок представляет населенный пункт, в котором хорошо сохранились языческие традиции, но наряду с этим почитается и христианская вера:

- (7) *Лоб, лоб, Наталля,
Лоб, лоб, Наталля,
Анаед-атаед вёёк нянь сиё,
Лобзы но кошки,
Вёёк няньзэс куры.* ‘Лети, лети, божья коровка,
Лети, лети, божья коровка,
Твои родители хлеб с маслом едят,
Возьми и улети,
Хлеба с маслом у них попроси’
(д. Кузубаево, Алнашский р-н) [там же: 38].

В приведенном стишке верхнему миру, в данном случае умершим предкам, вознесена жертва — хлеб с маслом. Божью коровку задабривают, чтобы она улетила к ним за угощением (а не самом деле — чтобы попросить дождя). Прежнее название божьей коровки заменено каноническим женским именем, что находит аналогию в европейских языках. Тем не менее у нас нет достаточной информации, чтобы утверждать, что данное название имеет отношение к имени христианской великомученицы Наталии. По данным ДАУЯ [ДАУЯ 2009: 130, 204—205], в д. Кузубаево в качестве названия божьей коровки может выступать вся фраза *лоб-лоб натал'(л'а)*, которая означает ‘лети, лети, Наталья’. О другом возможном варианте перевода см. ниже.

В следующем стихе, несмотря на то что название божьей коровки заимствовано из русского, древний образ хлеба с маслом сохранился. Но здесь образ предков утерян — задабривание происходит непосредственно от лица говорящего:

- (8) *Бабка-коробка, лобзы,
Лобзид ке — вёен нянь сёто.* ‘Бабка-коровка, улети,
Улетишь — **хлеба с маслом** дам’
(д. Зямбай, Вавожский р-н) [УдмФольк. 1981: 36].

Приведем запись, сделанную нами в д. Сизёво Слободского р-на Кировской области:

- (9) *зоро:д-л'э-уд-л'э⁵, лобот кэ, жукэн с'удо, от кэ лобы, скал табан' с'удо. лобис кэ, зороз.*
‘Божья коровка [букв. ‘подождишь ли, нет ли’], если полетишь, **кашей** накормлю, если не полетишь, коровьей лепешкой накормлю. Если улетит, будет дождь’.

В этом случае в качестве подношения выступает каша — типичная жертвенная пища, которую, в частности, варят во время обряда вызывания дождя.

Далее рассмотрим мотив одежды на заборе в стишках 1 и 2. Данный мотив встречается также в следующих закличках:

- (10) *Зорода-лобода,
Дйсед-кутэд кенер вылын,
Кййид-вёйид Адамын.* ‘Божья коровка,
Твоя одежда на заборе,
А сало-масло в Адаме⁶
(пос. Яр) [там же].
- (11) *Зородки-бородки⁷,
Куазь зороз-а, уз-а?
Кенер вылын дйсьёсыз,
Котмозы ини ваньмыз.* ‘Божья коровка,
Куазь польет или нет?
На заборе его одежда,
Вымокнет же вся-вся’
(д. Гонка, Кезский р-н) [там же: 37].

⁵ Точка после гласной над строкой означает основное ударение, двоеточие — побочное ударение.

⁶ Пояснение к данному слову дается ниже.

⁷ Данное наименование образовалось в результате следующей возможной цепочки модификаций: *зорода-лобода* > *зородки-лободки* > *зородки-болодки* > *зородки-бородки*. -ки — уменьшительно-ласкательный суффикс, употребляемый в северном наречии. Основа *бол-* второго компонента возникла в результате метатезы — *лоб-* > *бол-*; звук *р* является результатом гипертезы (ассимиляции корнем -зор-).

Этот же мотив присутствует в записи, сделанной автором данной работы в с. Андрейшур Базинского р-на Удмуртской Республики:

(12) *зоро:тки-лобо'тки (зоро:тка-лобо'тка), дис'эд-кутэд закот кэн'эр вылад; зорис кэ, лоб'зы. сырэ тур лоб'зы.*

‘Божья коровка, **одежда [твоя] на изгороди [твоего] нужника**; если будет дождь, улетай. Потом с порханьем улетает’.

На наш взгляд, образ забора / изгороди символизирует границу между мирами: срубные стены вокруг священного дерева дублируют его семантику. На дереве или на стенах развешиваются шкуры жертвенных животных, полотенца, ленты и т. д. — жертвы богу Куазю. Как уже было сказано выше, Куазю в жертву приносят быка рыжей / красной масти. Отсюда можно предположить, что сама божья коровка символизирует жертвенное животное, а ее «одежда» на заборе / изгороди — это шкура животного на ветвях ели.

Приведем еще одну закличку:

(13) *Зорода-лобода,
Бурддэ кыл'эд-а,
Инме лобод-а?*

‘Божья коровка,
Крылья снимешь ли,
На небо улетишь ли?’

(д. Юберки, Ярский р-н) [там же: 36].

Из сказанного выше становится понятным, почему перед полетом на небо божья коровка должна снять крылья (собственно, надкрылья): как и одежда, это символизирует сдираание шкуры жертвенного животного.

Считаем необходимым сделать пояснения по поводу стихов 10 и 11. Во фрагменте «А сало-масло в Адаме», сало-масло символизирует хлеб с маслом. Под словом *Адам*, по-видимому, подразумевается деревня в Глазовском районе, находящаяся на отдалении 50 км от пос. Яр. Не исключено, что родители или мама автора стиха родом именно из этого населенного пункта. Следовательно, здесь мы видим, что непонятный мотив «родители на ели» был заменен реально существующим топонимом.

Рассмотрим фрагмент «На заборе его одежда, / Вымокнет же вся-вся». Чтобы понять, почему одежда вымокнет (ведь дождя еще не было), опять же нужно вспомнить обряд вызывания дождя, в ходе которого жрец обрызгивал водой жителей деревни, участники обряда также обливали друг друга водой.

Существуют также заклички, в которых присутствует образ кола [изгороди], на который должна «налететь» божья коровка:

(14) *Зорода-лобода,
В'ойын нянь си'эд-а?
Зороно ке — лоб'зы,
Кенер майыг шоры мог'зы.*

‘Божья коровка,
Хлеба с маслом хочешь?
Быть дождю — улети,
На **кол** изгороди налети’

(д. Вукогурт, Игринский р-н) [там же].

(15) *Какы-мамы, лоб'зы!
Майыг шоры мог'зы!
Тыныд зор, лек пужмер!
Мыным зег, мыным зор!*

‘Божья коровка, улети!
На **кол** налети!
Тебе дождь, иней!⁸
Мне рожь, мне дождь!’

(Кузубай Герд, сб. «Виль сюрес») [там же: 37].

По нашему мнению, в приведенных стихках кол изгороди является символической параллелью священного дерева, с которым тесно связано божество Мудор. Исследователи отмечают, что такая связь существовала не только с самим деревом, но и с его производными — бревном, столбом, дощечкой / полочкой [Шутова 2011: 59]. Следовательно, к божьей коровке обращаются с просьбой, чтобы она улетела, долетела до священной ели и связалась с предками, которые помогут вызвать дождь.

Божья коровка у всех народов мира ассоциируется с чем-то положительным, к ней относятся уважительно. Не являются исключением и удмурты. В качестве примера почтительного отношения к этому жучку можно привести запись, полученную от информанта из д. Николашкино (Бавлинский р-н, Татарстан): *со ин'марлэн папайэз. сойэ, м'ушэз кад'ик, вийон — туж ба'д'ъм с'о'льк*. ‘Это [божья коровка] божье насекомое. Убить ее, как и пчелу, — большой грех’. Но нередко в детских закличках — обращениях к божьей коровке имеются не только слова задабривания, но и явные угрозы, если она не улетит:

⁸ Точный перевод: ‘Тебе дождь, сильные заморозки на почве / изморозь на почве!’

- (16) *Лобы, лобы, лобзы,
Öд ке лобзы — пöсь вуэ кушто,
Лобзид ке — вöйын нянь сёто,
Вöйын няньме тон сиёд,
Собере дорад бертод.* ‘Божья коровка [букв. ‘лети, лети’]⁹, улети,
Не улетишь — в кипяток брошу,
Улетишь — хлеба с маслом дам,
Хлеба с маслом поешь
И потом домой улетишь [букв. ‘вернешься’]
(д. Гурезь-Пудга, Вавожский р-н) [УдмФольк. 1981: 38].
- (17) *Зороно ке — лобзы,
Öвöл ке — эны.
Вылад-тырад пöсь ву кисьто,
Минчодэ тылын суто.* ‘Быть дождю — улети,
Если нет — не улети.
**На тебя [букв. ‘на твое тело’] кипяток вылью,
Баню твою сожгу’**
(д. Итешево, Малопургинский р-н) [там же: 36].

Мотив угрозы в обращениях к божьей коровке, возможно, возник под инокультурным влиянием, ср. «Коровка, коровка, скажи мне, будет ли светить солнышко. Если мне не скажешь, тогда я тебя брошу к змеям, ящерицам, мерзким кошкам (чеш.)» [Славянские древности 1995: 225]. С другой стороны, этот мотив мог перекочевать из детских обращений к улитке. В качестве примера приведем запись от информанта из с. Большие Сибь Можгинского района:

- (18) *Акась-тукась, сюрдэ потты,
Öд ке потты — лёго, виё,
Тылэ кушто.* ‘Улитка, выстави рога,
Не выставишь — затопчу, убью,
В огонь брошу’ [УдмФольк. 1981: 38].

Все же высока вероятность того, что мотив угрозы является стадией эволюции самих закличек — обращений к божьей коровке. Выше мы говорили, что божья коровка может символизировать животное, приносимое в жертву во время молений. В таком случае угроза «не улетишь — в кипяток брошу» или «на тебя кипяток вылью» является, на наш взгляд, отражением процесса варки мяса жертвенного животного в котле. А мотив «баню твою сожгу», возможно, символизирует ритуальное сожжение костей жертвенного животного в костре, когда вместе с дымом жертва «поднималась» в небеса и доходила до тех, кому она предназначалась (Инмару, Куазю и т. д.).

Говоря о мотиве жертвоприношения в закличках, хотелось бы вернуться к стишку 15, вторая часть которого была оставлена без комментария:

- Тыныд зор, лек пужмер!
Мыным жег, мыным зор!* ‘Тебе дождь, сильные заморозки / изморозь на почве!
Мне рожь, мне дождь!’

Фрагмент «Мне рожь, мне дождь» не вызывает затруднений в толковании. Здесь речь идет о просьбе / пожелании дождя и хорошего урожая. Весьма темным для понимания остается первая строчка, которая, с нашей точки зрения, является трансформированным сюжетом жертвоприношения. Как известно, жертвенное животное проходит «через горячую воду и огонь», а потому образ заморозка / холода может показаться несопоставимым с образом «горячий / огонь». Но на самом деле между ними нет непреодолимой преграды, что отражено, в частности, в таком понятии, как *зырт кезьыт* ‘очень холодный; лютый холод’, где первый компонент является родственным словам *зырдыт* ‘горячий, пламенный’ и *зырданы* ‘накалиться, раскалиться’. Для сравнения приведем также следующее выражение: *кезьыт төл бамез чушка* ‘холодный ветер обжигает / опалает лицо’.

В основе приведенного языкового феномена лежит особенность физиологии организма. Нервные рецепторы в первую очередь воспринимают интенсивность воздействия газа, жидкости или твердого тела, поэтому аномальная температура, независимо от (+) или (-), воспринимается одинаково. Лишь на второй стадии подключаются температурные рецепторы, распознающие «холод» или «жар».

Почему испытание, через которое должно пройти жертвенное животное (или в данном случае его символ), в рассматриваемой закличке выступает в образе сильного заморозка на почве, ответить нетрудно. Поскольку в тексте речь идет о ржи, символизирующей посевы вообще, то их следует оградить в первую очередь от двух злейших врагов — заморозка на почве и засухи.

Мотив пожелания дождя («тебе дождь») в закличке может быть отражением начала жертвоприношения. Перед забоем жертвенное животное обливали холодной родниковой водой через ветки дерева с листьями, чтобы узнать, угодно ли оно тому, кому приносят жертву. Если животное начинало дрожать и отряхиваться — это был знак того, что жертва желанна божествам [Holmberg 1914: 135; Хольмберг 2003: 39]

⁹ Буквальный перевод здесь и ниже — наш.

4.2. Как уже было сказано выше, насекомое божья коровка в традиционных представлениях удмуртов ассоциируется с существом, по поведению которого можно предсказывать погодные условия и которое может «вызывать» / «приносить» дождь. Для более точного определения места божьей коровки в мифологии удмуртов может быть перспективным сравнительное исследование традиционных представлений об этом насекомом у родственных финно-угорских, а также тюркских народов, в частности соседствующих с удмуртами. К сожалению, интересующая нас тема в публикациях освещена достаточно скудно и весьма неравномерно по разным народам. Тем не менее на основе имеющихся работ по мифологии, а также по диалектологии и другим данным возможно в общих чертах провести анализ и сделать определенные выводы.

И. Ю. Винокурова, исследуя роль животных в традиционном мировоззрении вепсов, отмечает: «Одно из распространенных у вепсов и карелов (прибалтийско-финские народы России. — С. М.) названий божьей коровки (...) отождествляет ее с домашним животным (коровой, овцой, бараном), которое принадлежит богу» [Винокурова 2006: 217]. В числе прочих она приводит следующие примеры: вепс. *jumalanlehtaiñe* ‘божья коровка’, *jumalanlehtmä* ‘божья корова’, сев. кар. *ikonlehtmäni* букв. ‘коровка Укко’, *ukonlambahaine* букв. ‘овечка Укко’ — и отмечает, что «этим богом мог быть у вепсов *Jumou* (...), у карелов — Укко, выполняющие громовые функции». В качестве примера дополнительно приведем вепс. *pariñlehtaiñe* ‘попова коровка’ [Зайцева, Муллонен 1972: 400]¹⁰. Автор пишет, что аналогичный способ номинации божьей коровки существует во многих европейских языках, в том числе и в русском [Винокурова 2006: 217]. В детских закличках вепсов это насекомое выступает как «обитательница неба и посредник между небесным и земным мирами» [там же: 218].

О. И. Уляшев при исследовании хроматизма в фольклоре и мифологических представлениях финно-угорских народов отмечает: «Божья коровка у финно-угров терминологически (вепс. *jumalanlehtaiñe*¹¹, фин. *jumalanlehtmä* ‘божья корова’, к. *ен гаг*, *ен бобб* ‘божье насекомое’, к. *зэргэг*, удм. *зорпана* ‘дождя насекомое’, *шунды-мумы* ‘солнце-мать’, *чужпана* ‘жёлтое насекомое’) и идеологически устойчиво связана с материнством (...), дождем, небом, и в детских приговорах отсылается к семье, на небо» [Уляшев 2011: 262].

Следует отметить, что тезис об устойчивой связи с материнством является спорным. Божья коровка отсылается к детям в приговорах, заимствованных из русского языка или возникших под их влиянием в относительно позднее время. В удмуртских приговорах (закличках) это насекомое, наоборот, просят полететь к родителям, что связано с культом предков. Что касается слова *шунды-мумы*, зафиксированного в удмуртских говорах в единичных случаях, то оно образовалось в результате трансформации чувашского названия божьей коровки, имеющего значение ‘бабушка по матери’ (см. об этом ниже). К аналогичному чувашскому слову восходит и наименование *зоранай* ‘дождь-мать’, записанный в единственном населенном пункте составителями ДАУЯ [ДАУЯ 2009: 204—205]. Также нам не удалось найти в коми источниках название *зэргэг*, а в удмуртских — *чужпана*.

Рассмотрим традиционные представления о божьей коровке у коми-пермяков, народа, наиболее близкого к удмуртам по языку. В сборник, посвященный коми-пермяцкому детскому фольклору, включено восемь приговорок с обращением к божьей коровке. Приведем некоторые из них.

- (19) *Кутю-енкутю, зэрас — оз?* ‘Божья коровка [букв. ‘курочка-божья курочка’],
будет дождь — нет?
Оз, дак лэбзьы, Если не будет, тогда улетай,
Йёр вылэ пуксьы, На изгородь сядь’.
(д. Заречный Пешнигорт, Кудымкарский р-н) [Боба тэ, боба 2015: 290].

Отождествление божьей коровки с божьей курочкой известно в европейских языках (см. выше), но в более широком культурном контексте это насекомое вообще связывается со скотом, принадлежащим богу. В данном случае мы видим трансформацию образа русской коровки в образ пернатого скота — курицы, поскольку для коми-пермяцкого сознания, даже мифологизированного, вероятно, проще представить полет курицы, чем коровы (*мөс*) или даже теленка (*кукань*). Интерес представляет мотив изгороди («на изгородь сядь»), параллели которого имеются в удмуртских закличках (примеры 1, 2, 10—12, 14, 15): образ забора / изгороди (вокруг священного дерева), возможно, символизирует границу между мирами. Следовательно, названный мотив может претендовать как минимум на общепермскую древность. В предисловии к разделу «Заклички и приговорки» как раз упоминается приведенная выше приговорка и отмечается, что это пример обращения ребенка к божьей коровке «как к распорядительнице дождя» [там же: 286].

¹⁰ Пример указан И. Б. Иткиным.

¹¹ О. И. Уляшев приводит это слово с *n* вместо *ñ*, а следующее — с *a* на конце вместо *ä*.

В следующей приговорке, как и в предыдущей, божья коровка выступает в роли «распорядительницы» дождя и предсказательницы погоды:

- (20) *Виё-бобо, Виё-бобо!*
 <...> *Мич кӧ — лэбзьы,*
Зэр — эн лэбзьы.

‘Виё-бобо, Виё-бобо!
 Если ведро — взлети,
 Дождь — не взлетай.’

(д. Иванчино, Гайнский р-н) [там же: 291—292].

Обращение к божьей коровке составители оставили без перевода и комментария. Слово *бобо* может быть ласковым обращением к ребенку — дитятко, в диалектах оно служит для обозначения бабочки [КПРС 1985: 33]. У коми-зырян аналогичное слово (*бобӧ* ‘милый, голубчик, милая, голубушка’) употребляется детьми при обращении к божьей коровке, улитке и некоторым другим насекомым [ССКЗД 1961: 22; КРС 2000: 48]. Не исключено, что первый компонент *виё* соотносится с коми-пермяцким *виа* ‘масленный, помасленный, помазанный маслом’, ср. также: *виа нянь* ‘хлеб с маслом, бутерброд с маслом’ [КПРС 1985: 70]. В этом случае исследуемое наименование находит параллели с удмуртскими названиями божьей коровки *вӧйын н'ан' с'иис'* ‘поедающее хлеб с маслом [насекомое]’, *вӧйын н'ан' папа* ‘масляно-хлебное насекомое’, *вӧйын табан'* ‘масляная лепешка’ (букв. ‘с маслом лепешка’) и др. [ДАУЯ 2009: 204—205]. Как было сказано выше, возникновение приведенных названий связано с обрядом *вылэ мычон* (букв. ‘вверх возносимое’) — жертвой верхнему миру, в качестве которой обычно подносили каравай с маслом.

Из восьми приговорок, включенных в сборник, четыре — это приговорки на русском языке, зафиксированные у коми-пермяцких детей. Одна из них близка по содержанию аутентичным приговоркам, приведенным выше:

- (21) *Божья коровка,*
Лей из ведра,
Ведро — лети,
Дождь — упади.

(д. Иванчино, Гайнский р-н) [Боба тэ, боба 2015: 291].

Вполне возможно, что данный стишок первоначально имел коми-пермяцкий текст, при этом *лей из ведра* — это искаженное *лей из ведра*. Следовательно, божья коровка здесь выступает в первую очередь как символ дождя, что находит параллели в удмуртской традиционной культуре. Тем не менее, в отличие от «удмуртской» божьей коровки, «коми-пермяцкая» божья коровка улетает к солнечной погоде.

В сборнике имеются также стишки, являющиеся вариантами приговорок, широко известных не только среди русских, но и среди нерусских детей, владеющих русским языком:

- (22) *Божья коровушка, улети на небо.*
Там твои детки кушают канфетки <...>

(д. Малая Коча, Кочёвский р-н) [там же].

- (23) *Божья коровушка, лети на небе.*
Там твои детки кушают кокетки
Всем по одной, тебе — ни одной.

(д. Мошева, Кудымкарский р-н) [там же].

На наш взгляд, приведенные приговорки возникли довольно поздно. Но имеется запись стишка, содержание которого достаточно архаично:

- (24) *Божья коровка,*
Улети на небо,
Принеси нам хлеба —
Белого, серого,
Только не горелого.

(д. Мошева, Кудымкарский р-н) [там же].

Нам представляется, что приговорка с аналогичным содержанием первоначально была обращением с просьбой о хорошем урожае. Содержание другой приговорки перекликается с предыдущим стишком, но в ней испрашивается дождь и ведро, т. е. погода, благоприятная для выращивания хлеба:

- (25) *Вио-бобо, кудзышит-вирдыит — зэр да мич! <...>*

‘Вио-бобо, помочи-сверкни — дождь и ведро!’ (д. Иванчино, Гайнский р-н) [там же].

Таким образом, божья коровка у коми-пермяков — существо, по которому можно предсказывать погоду. Она в певую очередь является символом дождя, но «приносит» не дождливую, а благоприятную погоду для урожая — дождь и ведро. К ней обращаются ласково — как к самому дорогому существу. Образ божьей птицы-курицы, по-видимому, возник позднее под влиянием русской культуры.

В коми(-зырянском) языке на формирование названия божьей коровки в значительной степени оказала влияние русская культура, в том числе христианство: *ен гаг* букв. 'божье насекомое', *ен кукей* 'божий теленок', *вежань* 'крестная мать, крестная', *педдөсей гаг* 'насекомое (святого) Феодосия'; названия *пöче гаг* 'бабушка + насекомое', *пöче-бобö* 'бабушка-голубушка', *пöчилей* 'бабушка, бабуля' возникли под влиянием русских названий, ср. рус. *бабка-коробка*; *пöльö-бобö* 'дедушка-голубчик', видимо, трансформировалось из *пöче-бобö*; имеется и прямое заимствование — *божъя коровка*. К исконным названиям можно отнести наименования *бобе гаг* 'голубчик, голубушка + насекомое', а также *лелекан*, возникшие как ласковые обращения [примеры см. в ССКЗД 1961: 22]. Последнее, видимо, восходит к областному слову *лелекать* (лелеять), но как наименование насекомого, скорее всего, возникло самостоятельно.

Большая часть этнической территории коми-зырян малопригодна для земледелия, а потому, после миграции с юга, земледелие среди других промыслов отошло на второй план или даже перестало практиковаться. В связи с этим коми стали менее зависимы от капризов природы, и роль божьей коровки как предсказательницы погоды стала забываться. Она стала просто почитаемым насекомым, а под влиянием русской и европейской христианской культуры это почитание усилилось как к божественному существу.

Информация о «марийской» божьей коровке оказалась весьма скудной. В достаточно представительном справочнике «Марийская мифология» Л. С. Тойдыбековой [Тойдыбекова 2007] данные об этом насекомом совершенно отсутствуют. В диалектологическом словаре марийского языка, материалы которого собраны финскими учеными в конце XIX в., находим следующие названия божьей коровки: *traj*, *träj*, *tra*, *t^ära*, *tirä*, *t^ära^j*, *tära^j*; *tirä tir tir* 'Marienkäfer; божья коровка' [Tschere Wört 2008: 814]. Приведенные названия возникли как подражание порханию крыльев божьей коровки, когда она взлетает вверх. В словаре записана также примета, связанная с божьей коровкой: *traj ojarlan küš čonešta, jür lan üläk bola* 'wenn schönes Wetter kommt, fliegt der Marienkäfer hoch, wenn Regen kommt, lässt er sich fallen. Если к хорошей погоде, божья коровка взлетает, если к дождю, она спрыгивает вниз' (перевод с немецкого наш. — С. М.) [там же]. Данная примета практически полностью повторяет аналогичную чувашскую примету.

По имеющимся данным, а также учитывая сильное влияние чувашского языка и культуры на марийцев, можно сказать, что божья коровка у марийцев является символом хорошей солнечной погоды.

Ситуация с исследованием традиционных представлений о божьей коровке у мордовских народов обстоит не лучше, в связи с чем информация, присланная автору специалистом по мордовским языкам Н. В. Чинаевой¹², является бесценной. Ниже приводим ее сообщение о названиях божьей коровки без изменения: «В эрзянском литературный вариант *бабалети*, второй компонент, вероятно, от русского *лететь*. Но, надо сказать, литературный вариант мало кто знает, каждый употребляет из своего говора. В моем, например, *вармабув* 'ветер + шум, звуки жужжания'. Слышала вариант: *пиземь варма* 'дождя ветер'. В двуязычных словарях даны: 1) *липалей* 'лип-лип' — оноματοпоэтическое слово, *липадемс* 'моргнуть, мигнуть', *линемс* 'мерцать' + *лей* 'река', но в данном случае также возможно, что это — оноματοпоэтическое слово'; 2) *баярбука* 'баярин + бык'; 3) *каткабув* 'кошка + шум, звуки жужжания'; 4) *пазонь скал* 'бога, божья + корова' (калька, не употребляется в речи); 5) *паксябаяр* 'поле + боярин'.

В мокшанском: 1) *мани-пизи* 'ясный + морозящий, моросит'; 2) *пизи-мани* 'морозящий, моросит + ясный'; 3) *пиземь анай* 'дождя просящий'. В своем детстве с божьей коровкой я уже по-русски играла (*Божья коровка, улети на небо...*). Спрашивала сегодня (коллег. — С. М.), никто никакой речевки на мордовских не вспомнил».

Учитывая то обстоятельство, что мордовские народы испытали сильное культурное и языковое влияние со стороны русских, следовало бы ожидать, что основная масса названий божьей коровки будет заимствованной из русского. Но анализ имеющегося материала показывает, что исконные наименования преобладают. Безусловно, под влиянием русской культуры образовались термины *бабалети* (ср. рус. *бабка-коробка*, *(у)лети на небо*), *пазонь скал* 'бога, божья + корова', а также, видимо, *баярбука* 'баярин + бык', которое могло возникнуть и под влиянием тюркских языков (см. ниже). Необходимо отметить, что в мордовских языках относительно большое количество оноματοпоэтических названий, обнаруживающих параллели с марийским языком.

¹² Чинаева Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры финно-угорского и сравнительного языкознания Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева. Родилась в с. Кочкурово Дубенского района Республики Мордовия 16 декабря 1985 г. Родной язык — эрзянский.

Обращает на себя внимание тот факт, что в исследуемых языках немало названий, связанных с дождем: *пиземь варма* ‘дождя ветер’, *вармабув* ‘ветер + шум, звуки жужжания’, *мани-пизи* ‘ясный + моросящий, моросит’, *пизи-мани* ‘моросящий, моросит + ясный’, *пиземонь анай* ‘дождя просящий’. Анализ данной группы названий показывает, что божья коровка выступает как символ дождя, благоприятной для земледелия погоды (дождь + ясная погода) и в целом как символ хорошего урожая, что отражено также в наименовании *паксябояр* ‘поле + боярин’, т. е. боярин, барин поля. Символическая связь дождя и «мордовской» божьей коровки сближает традиционные представления мордовских народов с воззрениями других финно-угорских народов России, в первую очередь удмуртов: как и у удмуртов, у мордвы данное насекомое может «просить / вызывать» дождь.

Несмотря на сильное русское влияние, в традиционной культуре мордовских народов сохранились весьма древние представления о божьей коровке как о символе дождя и благоприятной для земледелия погоды. Дело в том, что эти народы жили и живут преимущественно в степной и лесостепной зоне с черноземными почвами, благоприятными для земледелия, благодаря чему данная отрасль является основной в их хозяйственной жизни.

Рассмотрим традиционные представления о божьей коровке у тюркских народов, соседствующих с удмуртами. Наиболее распространенные названия этого насекомого в чувашском языке — *кукамай* и *уяр* [РЧС 1951: 261]. По данным словаря Ашмарина [Ашмарин 1994, 6: 259], *кукамай* 1 ‘моя (наша) бабушка по матери, мать моей (нашей) матери. Обращение к старухе’; *кукамай* 2 ‘божья коровка’. Следовательно, название насекомого было перенесено с названия бабушки, и, по-видимому, не без воздействия рус. *бабка-коровка* / *-коробка*. Второе название получилось в результате переосмысления слова, обозначающего ясную, солнечную погоду, ср. чув. *уяр (уйар)* ‘божья коровка’ и *уяр (уйар, ойар)* ‘ясная погода, ведро; ведренный, ясный’ [РЧС 1951: 261, 864; Ашмарин 1994, 3: 173—174], *уяр, ояр* ‘ясная погода, ведро; ведренный; ясный’ [ЭСЧЯ 1996, 2: 298].

Из диалектных вариантов известны следующие названия: *вир* (‘вверх’ < ‘верх’) [РЧС 1961: 75]; *вир уяр* (букв. ‘вверх божья коровка / ясная погода’), *хёрлэ кукамай* (букв. ‘красная бабушка’), *хир кукамайё* (букв. ‘полевая / степная бабушка’) [Сергеев 1968: 76, 34, 81]. В словаре Ашмарина можно найти также такие названия, как *вир-вир*, *вир-вири*, *вир-витса*, *вир каййак(ё)*, *каййак* [Ашмарин 1994, 5: 137—138]. Все они связаны с семантикой полета вверх, а слово *каййак* ‘птица’ здесь выступает в той же роли, что удмуртское *пана*, употребляемое в значении ‘мелкая птица’ и ‘летающее’ насекомое’.

Народные представления о божьей коровке хорошо прослеживаются в приговорках (закличках), представленных в сборнике детского чувашского фольклора [Чăваш сăмахлăхĕ 1985]. Приведем некоторые из них:

(26)	<i>Уяр! Уяр!</i> <i>Уяра пулсан</i> <i>Ѕўле-е-е кай!</i> <i>Ѕумăра пулсан</i> <i>Аяла-а-а кай!</i>	‘Божья коровка, божья коровка!’ ¹³ [букв. ‘ведро, ведро’] К ясной погоде Вве-е-ерх полети! К дождю Вни-и-из полети!’ [Чăваш сăмахлăхĕ 1985: 110].
(27)	<i>Вир-вир каййак, вир каййак!</i> <i>Ѕумăр пулсан — лап! ѕёре,</i> <i>Уяр пулсан — вёс ѕўле!</i>	‘Божья коровка, божья коровка!’ [букв. ‘вверх птичка, вверх птичка’] К дождю — плашмя на землю, К ясной погоде — полети вверх!’ [там же].
(28)	<i>Вир, вир кукамай,</i> <i>Пулассине пёл:</i> <i>Йёне пулсан — лап,</i> <i>Уяр пулсан — вёл!</i>	‘Божья коровка, божья коровка!’ [букв. ‘вверх, вверх-бабка’] Предстоящее (у)знай: К мокрой [погоде] — плашмя [на землю], К ясной — вжик [вверх]!’ [там же: 111].

В этих приговорках божья коровка предстает как предсказательница погоды, как и у многих финно-угорских народов. При этом в приговорках прямо (*ѕўле* ‘вверх’) или косвенно (*вир* ‘верх’) указывается, куда ей лететь, откуда и одно из диалектных названий этого жука — *вир*. Из сказанного видно, что дети в приговорках обращаются к божьей коровке не только для того, чтобы узнать, какая будет погода, но и дают ей наказ, чтобы она «принесла» солнечную погоду. От погоды зависели полевые работы:

¹³ Переводы с чувашского Фомина Эдуарда Валентиновича, к. филол. н., доцента, специалиста по чувашскому языку, литературе и журналистике. Искренне выражаю ему благодарность за содействие в написании данной статьи.

- (29) *Уяр, уяр — уялла!*
Џумӑр пулсан — Атӑлалла! ‘Божья коровка, божья коровка
(= Ясная погода, ясная погода) — в сторону поля,
К дождю — в сторону Волги!’ [там же].
- (30) *Уяр, уяр!*
Уяра — уялла,
Џумӑр ҫусан — килелле
Вӑр-р-р! ‘Божья коровка, божья коровка!
На ясную погоду — в поле,
К дождю — домой
Вж-жик!’ [там же: 109].

В двух последних стихках солнечная погода отождествляется с полевыми работами, а потому божья коровка должна лететь не вверх, к солнцу, а в сторону поля. Полет в сторону огромной реки Волги, без сомнения, указывает источник влаги дождя. Во втором стихке приметой дождливой погоды выступает полет в сторону дома, что символизирует невозможность ведения полевых работ и возвращение людей домой.

И еще одна приговорка, перекликающаяся по содержанию с двумя предыдущими:

- (31) *Тӑр-тӑр-тӑр, тӑри-тӑр,*
Хӗвеле пулсан — ҫӗлелле,
Џумӑр пулсан — аялалла! ‘[Подражание пению жаворонка],
К солнцу — наверх,
К дождю — вниз! [там же: 110].

В ней к божьей коровке дети обращаются, имитируя пение жаворонка. Это может быть обусловлено двумя моментами: во-первых, подражание пению жаворонка в какой-то степени созвучно подражанию порхания жучка при полете, ср. мар. *tir̄̄ tir̄̄ tir̄̄*, а также удм. *тюр-тюр-тюр* — подражание пению жаворонка и *тур(-р)* — изображение полета жуков и птиц; во-вторых, жаворонок обычно поет в солнечную весеннюю погоду и является символом ясной солнечной погоды вообще, с чем и отождествляется в стихке божья коровка.

С детскими приговорками согласуются чувашские народные приметы, ср. *Уяр ҫӗлелле вӗҫсен уяр пулать, аялалла вӗҫсен — йӗпе пулать* [Чӑваш сӑмахлӑхӗ 1984: 142] ‘Если божья коровка улетает вверх, будет ясная погода; если вниз — к дождю (букв. ‘мокро’)’. Другая примета связывает это насекомое с хорошим урожаем: *Ҫур кунне кукамай нумай пулсан хура тул аван пулать* [там же: 148] ‘Если весной будет много божьих коровок, хорошо уродится гречка’.

Таким образом, в чувашской традиционной культуре божья коровка в первую очередь является символом солнечной погоды, при которой спорятся полевые работы, а также символом хорошего урожая; по поведению этого жучка можно прогнозировать погоду — ведро или дождь; также по наказу детей она может полететь вверх и «принести» ясную погоду.

Согласно «Словарю башкирской мифологии», *Кояш апай* ‘божья коровка’ (букв. ‘тетя / сестра солнце’) — «одно из мифологизированных насекомых башкир. Судя по названию, это насекомое связано с солнцем — *Кояш*. В башкирских диалектах зафиксировано более 60 наименований божьей коровки: *Кояш апай, Кояш корт, Кояшымбак* (...). В отдельных названиях божьей коровки присутствует название Всевышнего — *Аллах: Алла бабай ҫыйыры* (досл. корова дедушки Аллаха), *Алла пипейе* (досл. цыпленок Аллаха), *Алла сепейе* (досл. цыпленок Аллаха). Таким образом, божья коровка у башкир связана с небом, солнцем, Аллахом и его животными» [Хисамитдинова 2012: 126]. При этом одно из названий — *Камка* (см. о нем ниже) — присутствует в тексте вызывания урожая, где к божьей коровке обращаются, чтобы она полетела и захватила облака [там же: 127].

Ряд башкирских названий связан с именами женских персонажей, но присутствует и мужской образ божьей коровки [там же]. Интересно заметить, что в некоторых названиях отразился былой кочевой образ жизни башкир: *Әбей күч* ‘бабка кочевая’, *Күсәрхан* ‘кочующий хан’, *Гүсембей* ‘кочующий бей’ ([Хисамитдинова 2012: 126], см. также [Хисамитдинова 2010: 164]).

В Словаре отмечается, что «божья коровка присутствует в мифологии почти всех тюркских народов. В них также присутствуют мотивы связи ее с солнцем, Аллахом, божьими тварями и т. д.» [там же].

Наиболее распространенное название божьей коровки в татарском языке — *камка*, по-видимому, восходит к обозначению узорчатой шелковой такни с аналогичным названием. Исходя из фольклорного и диалектологического материала, можно сказать, что данное насекомое связано с небом, а также символизирует достаток, в первую очередь — хороший урожай, ср.: *Камка-тутай, оч-оч!* ‘(тетушка / сестрица) божья коровка, лети-лети!’; *Камка-тутка оч-оч, анаң салма нешерә, атаң ашап бетерә* (такмак) ‘(Тетушка / сестрица) божья коровка, лети-лети, мама [твоя] суп с клецками готовит, папа [твой] кушает (букв. ‘съедает, едя заканчивает’)’¹⁴ [ТатДиал. 1969: 228].

¹⁴ Переводы с татарского автора настоящей статьи.

В книгу, представляющую татарский фольклор, включена лишь одна приговорка с обращением к божьей коровке:

(32)	<i>Урмәкүч, күч, күч</i> <i>Атаң-анаң янына</i> <i>Кызыл туньң ки дә оч.</i>	‘Божья коровка [букв. ‘паучок’], лети, лети [букв. ‘переместись с этого места’] К отцу с матерью [своим = твоим] Одевай красную шубку [свою = твою] и улетай’. [Татар фольклоры 1999: 58]

В приведенном стихе, как и в предыдущем, присутствует мотив, связанный с родителями, аналог которого имеется в удмуртских приговорках, но из-за недостаточной информации мы не можем утверждать, что в данном случае речь идет о культе предков.

Название божьей коровки *Иней Кондозо* (букв. ‘хлеб + жук’), бытующее в северо-западном наречии башкирского языка [Хисамитдинова 2010: 109], весьма близкого или даже идентичного местным татарским говорам, также подтверждает выдвинутое предположение о символической параллели данного жучка с хорошим урожаем. Номинативные единицы *иммәр бабай* ‘дедушка Бог’ и *иммәр бабайлэн скалэз* ‘корова дедушки Бога’, функционирующие в наиболее татаризированных удмуртских говорах Башкортостана [ДАУЯ 2009: 204—205], с большой долей вероятности являются кальками соответствующих татарских названий *Алла бабай* и *Алла бабай сыеры*, что указывает на связь этого жучка с Богом и его скотиной.

Таким образом, божья коровка в мифологии финно-угорских народов Волго-Уральского региона является символом благоприятной для урожая погоды (дождя и солнца) и связана с небом, богом. При этом у удмуртов это насекомое в первую очередь ассоциируется с дождем.

У тюркских народов, соседствующих с удмуртами, — татар и башкир — божья коровка связывается с небом, солнцем, Аллахом и его животными, а также с хорошим урожаем. В традиционных представлениях чувашского народа, предки которого достаточно давно начали заниматься земледелием, божья коровка выступает как символ солнечной погоды, при которой можно вести полевые работы. В отличие от татар и башкир, у чувашей это насекомое не является символом самого солнца.

Основные мотивы мифов Волго-Уральского региона перекликаются между собой. В основе этих мифов лежат реальные биологические факты. Так, божьи коровки уничтожают вредителей сельскохозяйственных растений, а потому в местах их скопления урожайность при прочих равных условиях может быть лучше. Указанная закономерность давно подмечена многими народами.

Другой фактор, повлиявший на возникновение мифов, — это особенности поведения насекомого. В отличие от мухи, пчелы или бабочки, у жуков есть надкрылья, и пойманная и посаженная на руку божья коровка не улетает сразу, а перемещается до конца пальца, где может легко расправить надкрылья и крылья и взлететь вверх. Это происходит обычно в солнечную погоду, а в пасмурную погоду, при предстоящем дожде и особенно в ветреную погоду, следуя инстинкту самосохранения, жучок спрыгивает на землю. Описанное поведение божьей коровки породило в сознании древнего человека представление, что она может «предсказывать» погоду и даже «управлять» ею. Связь хорошего урожая с большим скоплением божьих коровок в мифопоэтике объясняется тем, что это насекомое может полететь в небо, к богу и выпросить благоприятную для урожая погоду — дождь (+ ведро).

В начале данной работы упомянут сюжет древнеиндийского мифа, посвященного божьей коровке, о краже коров у бога. В нем говорится о том, что возвращение коров вызывает солнце и дождь, оплодотворяющий природу. В мифах финно-угорских народов Волго-Уральского региона в определенной степени наблюдается параллель с упомянутым сюжетом. Вполне возможно, что такая аналогия не является случайной: индоиранские, а позднее иранские народы оказали довольно значительное влияние на финно-угров, а также тюрков. Народные представления о божьей коровке могли распространяться в первую очередь вместе с теми или иными способами ведения сельского хозяйства, среди которых центральное место занимало земледелие.

5. Остановимся вкратце на собственно названиях божьей коровки. Поскольку анализ происхождения наименований данного насекомого довольно подробно сделан Р. Ш. Насибуллиным, в частности, в комментарии к карте «Божья коровка» ДАУЯ [ДАУЯ 2009: 131—139], в настоящей работе мы сконцентрируемся в первую очередь на тех моментах, которые требуют уточнения.

По мнению Р. Ш. Насибуллина, разнообразные наименования божьей коровки восходят к четырем конструкциям: 1) *зорано-кэ-лоп-папа* (орф. *зорано ке, лоб, папа*) ‘если [погода] к дождю, [ты], букашка, полети’, 2) *зорот-кэ-лоп-папа* (орф. *зород ке, лоб, папа*) ‘если будешь дождить, то полети, букашка’, 3) *зород-а-лобод-а-папа* (орф. *зород-а, лобод-а, папа*) ‘дождём ли польёшься, улетишь ли, букашка’ 4) *лобзы-лобзы-папа* (орф. *лобзы, лобзы, папа*) ‘лети, лети, букашка’. Данные конструкции в результате

различных изменений приводят к образованию множества новых наименований насекомого [ДАУЯ 2009: 132—134].

Рассмотрим следующую группу названий: *вёйын н'ан' с'иис'* 'поедающее хлеб с маслом [насекомое]', *вёйын н'ан' папа* 'масляно-хлебное насекомое', *вёй н'ан' папа* 'масляной хлеб + насекомое', *вёйын табан'* 'масляная лепешка' (букв. 'с маслом лепешка'), *вёй табан'* 'масляная лепешка', *чэчэ н'ан'* 'медовый хлеб'. Автор упомянутого комментария приводит также сочетание *вёйын н'ан' с'отис'* 'дающий хлеб с маслом', хотя место фиксации этого названия не указывает. Последний вариант, по-видимому, был необходим для объяснения происхождения приведенной группы названий, которые, по его мнению, «⟨...⟩ связаны с детскими песенками-обращениями типа: *зор, зор, зорыйэ, лобыйэ, лобид кэ, тындыд чужанай, вёйын н'ан' с'отоз* 'дожди, дожди, мой дождичек, моя божья коровка, если ты полетишь, бабушка (мать матери) тебе даст хлеб с маслом)» [ДАУЯ 2009: 136]. Место записи данной заклички, имеющей явно русские мотивы, к сожалению, также не указано.

По нашему мнению, упомянутая группа названий связана с жертвоприношениями верхнему миру во время моления, которые в удмуртских закличках выступают как лакомство для божьей коровки от родителей или от самого говорящего-ребенка (см. заклички 3—9, 14, 16).

Остановимся также на названиях *чужанай(папа)*, букв. 'бабушка (по матери) (+ насекомое)', и *какы*. Объяснение происхождения первого слова в комментарии к карте на удмуртской почве выглядит натянутым, этимология второго слова не рассматривается. Между тем оба этих слова могут иметь чувашский источник. Для сравнения приведем данные из словаря Ашмарина, к которым мы уже обращались выше: *кукамай 1, кокамай* 'моя (наша) бабушка по матери, мать моей (нашей) матери'. Обращение к старухе; *кукамай 2* 'божья коровка' [Ашмарин 1994, 6: 259]; а также из этимологического словаря чувашского языка: *кукамай / кокамай / коками / кука* 'моя (наша) бабушка по матери, мать моей матери' [ЭСЧЯ 1996, 1: 302].

В восточной части Кукморского района Татарстана слово *чужанай* имеет значение 'бабушка по матери', как и чувашское *кукамай 1*, а *чужанайпапа* используется для обозначения божьей коровки, как и *кукамай 2*. Следовательно, *чужанай / чужанай(папа)* является калькой чувашского слова *кукамай*, послужившего также источником удмуртского *какы* и множества его модификаций, таких как *кыкы-мамы, какы-мамы, куккы-бабы* и др.

От приведенных чувашских слов образованы также названия божьей коровки, содержащие компонент со значением 'солнце', — *шунды мумы* и *шунды баба*, зафиксированные только в единичных опорных пунктах. Процесс их возникновения схематически можно представить следующим образом: чув. *кукамай* > удм. *кукы-мамы > *какы-мамы* > *какы-мумы > *шунды мумы* ('Мать солнца' < 'солнце + мать') > *шунды баба* 'солнце + бабушка'.

По поводу наименования *шунды мумы* следует сделать пояснение, поскольку в удмуртском языке божья коровка в первую очередь ассоциируется с дождем. В данном случае, с одной стороны, по-видимому, сказалось стремление заменить искаженное русское слово *мамы* на близкое по звучанию удмуртское слово. С другой стороны, здесь мы видим влияние чувашской культуры, в которой божья коровка является символом солнечной погоды, вследствие чего непонятный компонент *какы* был замещен по ассоциации с названием богини солнца. В сочетании *шунды баба* второе слово, как и в некоторых других наименованиях, появилось под влиянием рус. *бабка-коробка*.

Названия *иммәр бабай* 'дедушка бог' и *иммәр бабайлэн скалэз* 'корова дедушки бога', функционирующие в наиболее татаризированных удмуртских говорах Башкортостана [см.: ДАУЯ 2009: 204—205, 137], являются не кальками с русского, как утверждается в атласе [там же: 137], а, как указывалось выше, кальками соответствующих татарских названий *Алла бабай* и *Алла бабай сыеры*.

Следует также отметить, что конструкции типа *лоб-лоб папа* 'лети, лети, букашка', *лобзы-лобзы-папа* 'улетай, улетай, букашка' и т. п. (где смысл 'дождь' утерян), хотя и выглядят как исконные наименования, на самом деле являются новообразованиями, возникшими под влиянием русских приговорок.

6. Исследование мифологических аспектов названий божьей коровки дало возможность уточнить происхождение и эволюцию номинаций насекомого. Причиной огромного их разнообразия послужил миф о том, что божья коровка может приносить дождь или предсказывать погоду. Анализ детских закличек — обращений к божьей коровке позволил сделать вывод, что они имитируют языческое моление богам с просьбой, чтобы те послали дождь. При этом сама божья коровка символизирует жертвенное животное рыжей масти, предназначенное богу погоды Куазю.

Мифологические представления и детские заклички послужили источником разных названий насекомого, появившихся в связи с новыми тенденциями развития общества и языка, к которым, в частности, можно отнести инокультурные влияния. В качестве иллюстрации возникновения названий божьей коровки из детских приговорок (закличек) приведем следующую закличку: *зор-зор, зороно; зо-*

роно кэ — *лобоно*. ‘Лей-лей, божья коровка [букв. ‘дождящая’]; если к дождю — нужно лететь’ (д. Гожан, Куединский р-н, Пермский край). Она полностью состоит из звеньев, представляющих собой названия насекомого: *зор-зор* ‘лей-лей (дождь)’ (букв. ‘дожди-дожди’), *зороно* — причастие долженствования — ‘должный лить, дождить; дождящий’, *зороно-кэ-лобоно* ‘если к дождю — нужно лететь’ — целое придаточное предложение. Все эти три названия употребляются в одной и той же деревне, несмотря на то что в ее говоре имеется для этого и специальный термин — *зоркиби* — с прозрачной внутренней формой ‘дождь + жук’.

Исследуя заговоры в удмуртском языке, фольклорист Т. Г. Владыкина отмечает: «Заговорные формулы оказались своеобразным консервантом образов, сформированных мифологическим мировоззрением» [Владыкина 1998: 80]. В этом отношении детские заклички в определенной степени сближаются с заговорами: в частности, благодаря им в удмуртских диалектах возникло и сохранилось огромное количество названий божьей коровки.

Необходимо отметить, что не во всех удмуртских диалектных группах этот жучок «приносит дождь». В Глазовском и Юкаменском говорах северного наречия, в бесермянском наречии, в восточной части кукморского говора периферийно-южного диалекта (Татарстан) если божья коровка улетит с пальца ребенка, то это к ясной погоде; если же спрыгнет на землю, то к дождю. Верность приведенной приметы подтверждается данными биологии: «В весенние солнечные дни жучки (божьи коровки. — С. М.) бойко перелезают с места на место, садятся на руки, лицо, одежду, затем снова взлетают» [Жизнь животных 1984: 276].

Подобная примета распространена среди большинства народов Волго-Уральского региона, за исключением основной части удмуртов. Но причиной изменения традиционных представлений о божьей коровке в кукморском, глазовском, юкаменском говорах и в бесермянском наречии, мы полагаем, послужило чувашское влияние. Наше предположение основывается на наличии общего набора языковых черт в приведенных говорах, которые отсутствуют в других диалектах. К числу таких черт относятся некоторые фонетические особенности, например, произношение заднерядного *ъ* вместо среднерядного *ы* [Максимов 2009: 60—68], а также особая акцентуационная система [Кельмаков 2006: 74—75]. Эти особенности могли возникнуть под влиянием как татарского, так и чувашского языка. Но отсутствие подобных черт в некоторых диалектах, намного сильнее испытавших татарское влияние, а также наличие выявленных нами поздних чувашизмов в упомянутых говорах (см., напр. [Максимов 2008: 202—203, 2010: 336—338]) заставляет нас склоняться к мысли, что изменение мифологических представлений о божьей коровке у носителей описываемых говоров также произошло из-за чувашского влияния.

Таким образом, под воздействием иной культуры в указанных удмуртских диалектных группах древний миф о божьей коровке подвергся разрушению, исчезли детские заклички, произошла унификация названий: в лексиконе бесермян, а также большинства носителей глазовского и юкаменского говоров ныне существует практически единственное название божьей коровки — *зорода-лобода*.

Сокращения

Языки и диалекты

вепс. — вепсский язык	рус. — русский
исп. — испанский	смолен. — смоленские областные говоры
к. — коми(-зырянский)	сербохорв. — сербохорватский
сев. кар. — севернокарельский	удм. — удмуртский
лит. — литовский	фин. — финский
мар. — марийский	фр. — французский
нем. — немецкий	чеш. — чешский
польск. — польский	чув. — чувашский
рум. — румынский	

Общие

букв. — буквально, буквальный перевод	орф. — орфографически
пос. — поселок	сб. — сборник

Литература

Аникин 2009 — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 3 (*бе—болдыхатъ*) М., 2009. {Anikin A. E. Russian etymological dictionary. Is. 3 (*be—boldyhát’*) М., 2009.}

Аникин 1957 — *Аникин В. П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957. {*Anikin V. P.* Russian folk sayings, proverbs, riddles and children's folklore. M., 1957.}

Ашмарин 1994 — *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка: В 17 т. Чебоксары, 1994. {*Ashmarin N. I.* Dictionary of the Chuvash language. Cheboksary, 1994.}

Боба тэ, боба 2015 — Боба тэ, боба, кытчö тэ ветлин? / Боба ты, боба, куда ты ходил? Детский фольклор коми-пермяков: сборник фольклорных текстов и комментарии / Сост. *Голева Т. Г., Лобанова А. С., Мальцева Н. А., Подюков И. А., Черных А. В.* (Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. XI). СПб., 2015. {*Boba te, boba, kytchö te vetlin? / Hey, Boba, boba, where did you go? Children's folklore of Komi-Permyaks: a collection of folklore texts with commentary / Goleva T. G., Lobanova A. S., Mal'tseva N. A., Pod'ukov I. A., Chernyh A. V.* (Works of the Institute of language, history and traditional culture of the Komi-Permyak people. Is. XI). SPb., 2015.}

Винокурова 2006 — *Винокурова И. Ю.* Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006. {*Vinokurova I. Ju.* Animals in the traditional worldview of the Vepsians (an attempt at reconstruction). Petrozavodsk, 2006.}

Владыкин 1994 — *Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина удмуртов. Ижевск, 1994. {*Vladykin V. E.* Religious and mythological worldview of the Udmurts. Izhevsk, 1994.}

Владыкина 1998 — *Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1998. {*Vladykina T. G.* Udmurt folklore: problems of genre evolution and systematization. Izhevsk, 1998.}

ДАУЯ 2009 — Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. I. Ижевск, 2009. {*Dialect atlas of the Udmurt language: Maps and commentaries. Is. I. Izhevsk, 2009.*}

Жизнь животных 1984 — Жизнь животных. Т. 3. Членистоногие: трилобиты, хелицеровые, трахейнодышащие. Онихофоры / Под. ред. *Гилярова М. С., Прадина Ф. Н. М.*, 1984. {*Life of animals. Vol. 3. Arthropoda: Trilobita, Chelicerata, Tracheata. Onichophora / Eds. Gil'arov M. S., Pradin F. N. M.*, 1984.}

Зайцева, Муллонен 1972 — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л., 1972. {*Zajtseva M. I., Mullonen M. I.* Dictionary of the Veps language. L., 1972.}

Кельмаков 2006 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. Ижевск, 2006. {*Kel'makov V. K.* A concise course of the Udmurt dialectology: a textbook for institutes of higher education. Izhevsk, 2006.}

КПРС 1985 — Коми-пермяцко-русский словарь / *Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С. М.*, 1985. {*Komi-Permyak-Russian dictionary / Batalova R. M., Krivoshchekova-Gantman A. S. M.*, 1985.}

КРС 2000 — *Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000. {*Beznosikova L. M., Ajbabina E. A., Kosnyreva R. I.* Komi-Russian dictionary. Syktyvkar, 2000.}

Максимов 2008 — *Максимов С. А.* К вопросу о происхождении названий капусты в диалектах удмуртского языка // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XII Междунар. симпоз. (21—22 октября 2008 г., Ижевск). Ижевск, 2008. С. 200—206. {*Maksimov S. A.* About the origins of cabbage names in the Udmurt language dialects // *Permistics XII: Dialects and history of Permian languages in their engagement with other languages: Materials of XII International symposium (21—22 October 2008, Izhevsk).* Izhevsk, 2008. P. 200—206.}

Максимов 2009 — *Максимов С. А.* Комментарий к карте «Реализация вариантов фонемы *y* и употребление фонемы *ï*» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. I. Ижевск, 2009. С. 60—68. {*Maksimov S. A.* A commentary to the map «Realisation of phoneme *y* variants and use of phoneme *ï*» // *Dialectal atlas of the Udmurt language: Maps and commentaries. Is. I. Izhevsk, 2009. P. 60—68.*}

Мировое дерево — Мировое дерево и Керемет — святилище и злой дух // bookit.ru/Mify-fينو-ugrov.126.html, 2015. {*World tree and Keremet — sanctuary and evil spirit // bookit.ru/Mify-fينو-ugrov.126.html, 2015.*}

Насибуллин 2007 — *Насибуллин Р. Ш.* «Божья коровка» в удмуртских говорах: диалектологическая карта и комментарий // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2007, 2 (2). С. 45—55. {*Nasibullin R. Sh.* «Ladybug» in the Udmurt dialects: dialectal map and commentary // *Idnakar: methods of historical and cultural reconstruction. 2007, 2 (2). P. 45—55.*}

Насибуллин 2009 — *Насибуллин Р. Ш.* Названия божьей коровки как один из феноменов номинации объектов в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009, 1. С. 33—42. {*Nasibullin R. Sh.* Names of ladybug as one of object naming phenomena in the Udmurt language // *Annals of Finno-Ugric studies. 2009, 1. P. 33—42.*}

РЧС 1951 — Русско-чувашский словарь / Сост. *Андреев Н. А., Васильев А. И., Меценатов Н. С.* и др.; Ред. *Дмитриев Н. К. М.*, 1951. {*Russian-Chuvash dictionary / Comp. Andreev N. A., Vasil'ev A. I., Metsenatov N. S. et al.; Ed. Dmitriev N. K. M.*, 1951.}

Сергеев 1968 — *Сергеев Л. П.* Диалектологический словарь чувашского языка Чебоксары, 1968. {*Sergeev L. P.* Dialectal dictionary of the Chuvash language. Cheboksary, 1968.}

Славянские древности 1995 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. / Ред. *Толстой Н. И.* Т. 1: А—Г. М., 1995. {*Slavic antiquities: Ethno-linguistic dictionary. / Ed. Tolstoj N. I. Vol. 1: A—G. M.*, 1995.}

ССКЗД 1961 — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачёва В. А.; Ред. Сорвачёва В. А. Сыктывкар, 1961. {Comparative dictionary of Komi-Zyrian dialects / Comp. Zhilina T. I., Saharova M. A., Sorvacheva V. A.; Ed. Sorvacheva V. A. Syktyvkar, 1961.}

Станек 1977 — Станек В. Я. Иллюстрированная энциклопедия насекомых. Прага, 1977. {Stanek V. Ja. Illustrated encyclopedia of insects. Praga, 1977.}

ТатДиал. 1969 — Татар теленең зур диалектологик сүзлеге (Диалектологический словарь татарского языка) / Сост. Борганова Н. Б., Махмудова Л. Т., Садыкова З. Р., Якупова Г. К. Казань, 1969. {Tatar teleneñ zur dialektologik süzlege (Dialektal dictionary of the Tatar language) / Comp. Borganova N. B., Mahmudova L. T., Sadykova Z. R., Jakupova G. K. Kazan', 1969.}

Татар фольклоры 1999 — Татар балалар фольклоры (Татарский детский фольклор). Казань, 1999. {Tatar balalar fol'klory (Tatar children's folklore). Kazan', 1999.}

Тойдыбекова 2007 — Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология. Этнографический справочник. Йошкар-Ола, 2007. {Tojdybekova L. S. Mari mythology. Ethnographic thesaurus. Yoshkar-Ola, 2007.}

УдмФольк. 1981 — Удмуртский фольклор: Песенки, потешки, считалки, дразнилки / Сост. Долганова Л. Н. Ижевск, 1981. {Udmurt folklore: Songs, nursery rhymes, counting games, taunts / Comp. Dolganova L. N. Izhevsk, 1981.}

Уляшев 2011 — Уляшев О. И. Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обско-угорских народов. Екатеринбург, 2011. {Ul'shev O. I. Chromaticism in folklore and mythological perspectives of Permian and Ob-Ugric peoples. Ekaterinburg, 2011.}

Фасмер 1964 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I: А—Д. М., 1964. {Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. Vol. I: A—D. M., 1964.}

Хисамитдинова 2010 — Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. {Hisamitdinova F. G. Mythological dictionary of the Bashkir language. M., 2010.}

Хисамитдинова 2012 — Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. Вып. 2. Уфа, 2012. {Hisamitdinova F. G. Dictionary of the Bashkir mythology. Is. 2. Ufa, 2012.}

Хольмберг 2003 — Хольмберг У. Перма калыкъёслэн осконъёссы (Верования пермских народов) / Перевод с фин. на удм. Максимова С. А. // Инвожо. 2003, 8—9. С. 35—39. {Hol'mberg U. Perma kalyk'eslen oskon'essy (Beliefs of the Permian peoples) / Transl. by Maksimov S. A. // Invozh. 2003, 8—9. P. 35—39.}

Чăваш сăмахлăхĕ 1984 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ: вак жанрсем. Шупашкар, 1984. {Chăvash halăh sāmahlăhĕ: vak zhanrssem. Shupashkar, 1984.}

Чăваш сăмахлăхĕ 1985 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ: ача-пăча сăмахлăхĕ. Шупашкар, 1985. {Chăvash halăh sāmahlăhĕ: acha-păcha sāmahlăhĕ. Shupashkar, 1985.}

Шутова 2011 — Шутова Н. И. Дерево в традиционном удмуртском мировоззрении // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 2. Ижевск, 2011. С. 56—71. {Shutova N. I. Tree in traditional Udmurt world-view // Annals of Finno-Ugric studies. Is. 2. Izhevsk, 2011. P. 56—71.}

ЭСЧЯ 1996 — Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: В 2 т. Чебоксары, 1996. {Fedotov M. R. Etymological dictionary of the Chuvash language. Cheboksary, 1996.}

Ferreira, Alinei 1990 — Ferreira M. B., Alinei M. Coccinelle. Cartes de motivations. Commentaire XXX // Atlas linguarum Europae (ALE). Vol. I — Commentaires. Fasc. 4. Assen, 1990. P. 99—199.

Holmberg 1914 — Holmberg U. Permalainen uskonto // Suomen Suvun Uskonnot. KT. 4. Borga, 1914.

Siganos 1985 — Siganos A. Les Mythologies de l'Insecte. Histoire d'une fascination. Paris, 1985.

Tscherem Wört 2008 — Moisio A., Saarinen S. Tscheremissisches Wörterbuch. Lexica. Helsinki, 2008. (Societatis Fenno-Ugricae XXXII: Suomalais-ugrilain en seura, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus).

РЕЗЮМЕ

Наименования божьей коровки в удмуртском языке исследованы достаточно хорошо. Лингвистическая карта «Божья коровка» и комментарий к ней, представляющий собой преимущественно лингвистический анализ способов обозначений насекомого, нашли отражение в первом выпуске Диалектологического атласа удмуртского языка. Целью настоящей работы является прежде всего попытка реконструкции мифологических сюжетов, связанных с названиями божьей коровки.

Исследование мифологических аспектов названий божьей коровки позволило уточнить происхождение и эволюцию номинаций насекомого, которых насчитывается более 70 единиц. Выявлено, что причиной огромного разнообразия наименований послужило поверье, согласно которому божья коровка может приносить дождь или предсказывать погоду. Источником для исследования послужили как опубликованные заклички-заклинания, так и те, которые были записаны автором в полевых условиях. Анализ детских закличек — обращений к божьей коровке позволил сделать вывод, что они имитируют языческое моление богам с просьбой о дожде. Сама же божья коровка символизирует жертвенное животное рыжей масти, предназначаемое богу погоды Куазю.

Мифологические представления и детские заклички послужили источником разных названий насекомого, появившихся в связи с новыми тенденциями развития общества и языка, к которым, в частности, можно отнести инокультурные влияния. В этом отношении детские заклички в определенной степени сближаются с заговорами, благодаря им в удмуртских диалектах возникло и сохранилось огромное количество названий божьей коровки.

Но не во всех удмуртских диалектных группах этот жучок «приносит дождь». Под влиянием иной (чувашской) культуры у бесермян, а также у глазовских и юкаменских удмуртов (северные удмурты) древний миф о божьей коровке подвергся разрушению, исчезли детские заклички, произошла унификация названий.

SUMMARY

The names of the ladybird in the Udmurt language are studied well enough. The linguistic map «ladybug» and its commentary, which is mainly a linguistic analysis of ways of expressing the names of the insect, are reflected in the first edition of the Dialectological Atlas of the Udmurt language. The purpose of this work is the reconstruction of mythological stories associated with the names of ladybugs.

A study of the mythological aspects of the names of the ladybugs gave the opportunity to clarify the origin and evolution of the nominations of the insect, of which there are more than 70. It turns out that the reason for the huge variety of names for ladybug was the belief according to which this bug could bring rain or predict the weather. The nursery rhymes, either published or written down by the author during expeditions served as a source for the study. The analysis of nursery rhymes about ladybug has led us to the conclusion that they imitate pagan prayers to the gods in which they are asked to send rain. The ladybug itself symbolizes the red animal sacrificed to the God of weather Kuaz.

Mythological ideas and nursery rhymes have accumulated different names of the insect, which appeared in connection with changes of trends in the development of society and language. In this respect nursery rhymes to a certain extent converge with spells, and a great number of names of ladybugs emerged and preserved in the Udmurt dialects because of them.

But the bug «brings the rain» not in every dialect. Under the influence of a different (Chuvash) culture the ancient myth about the ladybird belonging to the Besermyan, Yukamensk and Glazov Udmurts (Northern Udmurts) was destroyed, their nursery rhymes have disappeared, the names of the insect became unified.

Ключевые слова: удмуртский язык, названия божьей коровки, фольклор, заклички-заклинания, мифология, реконструкция мифологического сюжета, инокультурное влияние

Keywords: the Udmurt language, names of ladybug, nursery rhymes, mythology, reconstruction of the mythological story, influence of other cultures

Максимов Сергей Анатольевич, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (Ижевск); makser02@yahoo.com

Sergey A. Maksimov, The Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk); makser02@yahoo.com

Бурятские заключительные частицы в ареально-типологической перспективе¹

1. Введение

1.1. Общие замечания

Монгольские языки нельзя назвать обойденными вниманием лингвистики в целом, однако следует признать, что традиционно они оказываются объектом интереса прежде всего сравнительно-исторического языкознания. Не в последнюю очередь это связано с истоками лингвистического монголоведения: один из основателей монгольской лингвистики, Н. Н. Поппе, является одновременно и пионером сравнительно-исторического алтайского языкознания; преимущественно сравнительно-исторический уклон до сих пор характерен для лингвистического монголоведения.

В то же время монгольские языки как объект типологии, и в частности, ареальной типологии оказались несколько недооцененными, находясь зачастую в тени тюркских языков, изученных типологически гораздо лучше. Можно говорить даже о существовании некоторого негласного консенсуса о том, что в структурном отношении монгольские языки «похожи» на тюркские. Важными шагами на пути синхронного типологического изучения монгольских языков можно считать недавний сборник, посвященный аспектам грамматики калмыцкого языка [Сай и др. 2009], а также новую грамматику халха-монгольского языка [Janhunen 2012].

Допущение о значительном структурном сходстве тюркских и монгольских языков не лишено оснований, и тем важнее выявить и типологически осмыслить различия между ними. Об одной яркой черте монгольских языков, в особенности бурятского языка (далее — б. я.), практически **не имеющей параллелей в тюркских языках, но находящей многочисленные параллели в других языках восточной и юго-восточной Азии**, пойдет речь в настоящей статье.

1.2. Изучение частиц в бурятском языке

Яркой чертой бурятского языка является крайняя частотность частиц, характеризующихся различными морфосинтаксическими признаками и семантикой. Слово *частица* в данном случае понимается не терминологически, а чисто технически — как неизменяемая словоформа, не являющаяся послелогом или союзом. По нашей оценке, те или иные частицы встречаются примерно в 90% бурятских предложений.

Несмотря на столь высокую частотность и в устной, и в письменной речи, бурятские частицы нельзя назвать хорошо изученными. Так, в наиболее полной на сегодня грамматике бурятского языка [Санжеев и др. 1962: 317—321] частицам отведено всего несколько страниц. Более полный анализ семантики и морфосинтаксических свойств бурятских частиц содержится в одной из глав диссертационной работы П. П. Дамбуевой [Дамбуева 2002: 230—239], а также в небольшой монографии [Будаева 2003]. В коллективной монографии о монгольских языках под редакцией Ю. Янхунена в разделе о бурятском языке, написанном Е. Скрибник, также есть небольшой раздел о частицах, в т. ч. об интересующих нас заключительных частицах [Skribnik 2003: 118—119]; эти работы являются отправными точками настоящего исследования.

Наиболее полный список бурятских частиц содержится в главе, посвященной частицам, в [Дамбуева 2002: 230—239] и насчитывает более 30 единиц, правда, почти не содержит анализа их комбинаций, достаточно полный список которых (вместе с краткой семантической характеристикой каждой комбинации) представлен, в свою очередь, в монографии [Будаева 2003: 76—82].

1.3. Классификация бурятских частиц

Выходя за рамки чисто технического понятия «частица» и стремясь к более точной терминологии, следует отметить, что бурятские частицы по морфосинтаксическим и семантическим свойствам имеет смысл делить, как минимум, на две группы:

---

¹ Автор выражает благодарность Амгалану Жамсоеву, Жаргалу Бадагарову, Баярме Шожоевой, Гунсэме Чимторжиевой за непосредственную помощь при написании работы, а также многим не названным здесь по именам знатокам бурятского языка, подсказавшим замечательные примеры употребления заключительных частиц.

а) частицы, выделяющую одну словоформу или синтаксическую группу внутри предложения / высказывания,

б) частицы, относящиеся ко всему высказыванию / предложению.

Не отказываясь от удобного слова *частица*, назовем группу (а) **частицами коммуникативного выделения**. Из частиц, описанных в указанных выше работах, к данной категории следует отнести частицы *-л(э)* и *-шье*, классифицированные во всех вышеуказанных работах как модальные, что, на наш взгляд, не вполне соответствует действительности; было бы вернее сказать, что эти частицы маркируют разные типы **фокуса**. Из категорий фокуса частице *-л(э)* достаточно очевидным образом соответствуют категории **эксклюзива** [König 1991: 60—93], а также **фокуса эмпатии** [König 1991: 120—132]. Данная частица может присоединяться к любому члену предложения, выделяя его:

(1а) *Намда шимэ-л шүдэр хэрэгтэй.*

я-DL такой-FOC пут дело-COM

‘Именно такие пути мне и нужны’ [Санжеев и др. 1962: 318—319].

(1б) *Шадаха-л байхабди.*

мочь-FT-FOC быть-FT-1SG

‘Мы-то сумеем’ [там же].

(1в) *Адуу малхан бэлиэнэ-л.*

конь скот-DM пастись-PR-FOC

‘Скот ведь пасется’ [там же].

Возможно даже употребление *-л(э)* с заключительными частицами; такие случаи рассматриваются в разделе 3.3.8.

Все вышеперечисленное относится и к частице *-шье*. Ее значение можно определить как **инклюзивное** и **аддитивное**. Не вдаваясь в детали, отметим, что настоящие выводы о частицах *-л(э)* и *-шье* опираются на анализ функций когнатных частиц *л(э)* и *ч* халха-монгольского языка [Kullman, Tserempil 1996: 345—349], употребление которых практически не отличается от бурятских.

Кроме того, к группе (а) следует отнести несколько частиц, не рассмотренных в качестве таковых в более ранних работах, прежде всего *хадаа*, *гэдэг* (в одном из значений) и *болбол*. Вопреки принятому в классическом монголоведении определению данных слов как **показателей подлежащего** (см., напр., [Kullmann, Tserempil 1996: 326]), по-видимому, следует классифицировать их как показатели **топикализации** подлежащего. Показателем того, что тот или иной член предложения является подлежащим, служит форма именительного падежа²:

(2) *Би хадаа эрдэмтэнби.*

я.NOM TOP ученый-1SG

‘Я — ученый’. (Что касается меня, то я ученый.)

Данное явление имеет параллели в других языках Юго-Восточной Азии, прежде всего японском и корейском, а также в близкородственном бурятскому халха-монгольском языке [Janhunen 2012: 235—237]. Подробное рассмотрение частиц топикализации не входит в задачи настоящей работы, отмечу лишь, что, несмотря на очевидную параллель между монгольскими, корейским и японским языками, топикализация в бурятском несколько более маргинальна, и можно сказать, что по этому параметру бурятский язык находится на периферии «топикализирующего» ареала.

1.4. Заключительные частицы

Непосредственным объектом настоящего исследования являются частицы, относящиеся по смыслу ко всему предложению или, если речь идет о спонтанной устной речи, ко всему высказыванию. В классической грамматике [Санжеев и др. 1962: 317—321] такие частицы подразделяются на **отрицательные**, **вопросительные**, **модальные** и **утвердительные**; в число последних включены также *-л(э)* и *-шье*, которые я предпочитаю определять как фокусные (см. 1.3). В [Будаева 2003] все частицы, кроме отрицательных, определяются как **модальные**, в свою очередь, модальные частицы подразделяются на **вопросительные**, **утвердительные** и частицы, выражающие **предположение и сомнение**. Работа П. П. Дамбуевой [Дамбуева 2002] посвящена модальности в бурятском языке, потому и частицы, разбираемые

² Все примеры, источник которых специально не указан, получены либо непосредственно от консультантов, либо сконструированы на основании личного языкового опыта и проверены носителями бурятского языка.

в отдельной небольшой главе, так или иначе соотнесены с выражением модальности; более дробной классификации частиц в работе нет, каждая частица анализируется отдельно [Дамбуева 2002: 230—239].

Говоря о частицах, относящихся по смыслу ко всему предложению, а не к отдельным синтагмам (т. е. все частицы, анализируемые в упомянутых работах, за исключением *-л(э)* и *-шье*), нельзя не упомянуть их общий формальный признак — обязательное положение в конце предложения или высказывания. Поэтому наиболее удобным термином для определения общего класса соответствующих частиц представляется термин *заключительные частицы* (далее — ЗЧ); это сокращенный вариант термина *заключительные модально-экспрессивные частицы*, использованного для аналогичных японских частиц в работе [Прасол 1999]; этот термин соответствует, в том числе, терминам, принятым в англоязычной традиции для описания языков Восточной и Юго-Восточной Азии — *final particles* и др. (см. раздел 3.2). Подобный ярлык, учитывающий лишь формальную сторону феномена, представляется удобным ввиду трудности однозначно охватить одним словом семантическую доминанту ЗЧ. Слово *модальность*, учитывая современное понимание этой категории в типологии как, прежде всего, области грамматических значений глагола, представляется не вполне удачным в качестве ярлыка для описания семантики значительной части ЗЧ.

ЗЧ крайне частотны в б. я.; можно сказать, что их значимость для бурятской грамматики, степень их «центральности» для системы была несколько недооценена в истории монголоведения. Задача настоящей работы — по-новому осмыслить семантику и морфосинтаксические свойства наиболее частотных ЗЧ и наиболее частотных сочетаний ЗЧ б. я. (ограничиваясь хоринским диалектом, лежащем в основе литературного б. я.), а также рассмотреть свойства ЗЧ в более широком ареально-типологическом контексте языков В. и Ю.-В. Азии; я покажу, что б. я. примыкает к обширному ареалу языков с ЗЧ, распространенных к югу и к востоку от б. я.

Раздел 2 целиком посвящен анализу морфосинтаксических свойств и семантики бурятских ЗЧ. Раздел 3.1 содержит обзор знаний о ЗЧ, которыми обладает на сегодняшний день типология. В разделе 3.2 анализируются сведения о ЗЧ в других монгольских языках, а также в некоторых языках иных семей В. и Ю.-В. Азии. В заключительной части факты бурятского языка осмысляются в ареально-типологическом контексте и высказывается предположение об ареале языков с ЗЧ.

2. Заключительные частицы в бурятском языке

2.1. Значительная часть предложений бурятского языка оканчивается на ЗЧ, которые следуют непосредственно после сказуемого, чем бы оно ни было выражено (глагольной формой, прилагательным, существительным, наречием, местоимением); употребляются они и в конце неполных предложений в случае отсутствия очевидного сказуемого. Наиболее простой с семантической точки зрения случай ЗЧ — вопросительные частицы. Выделяется частица общего вопроса *гү* (пример 3), частица специального вопроса — *б(э)* (пример 4) и частица вопроса-утверждения *бэээ* (пример 5):

(3) *Мүнөөдэр дулаан гү?*
Сегодня тепло Q1
'Сегодня тепло?'

(4) *Мүнөөдэр ямар үдэр бэ?*
Сегодня какой день Q2
'Какой сегодня день?'

(5) *Ородууд тиигэжэ хэлэгшэ бэээ, Пётр?*
русский-PL так.делать-CIT говорить-NAV2 БЭЭЭ Пётр
'Ведь русские так говорят, да, Пётр?' (КБЯ)

Вопросительные частицы, в т. ч. и заключительные, не редки в языках мира, в частности, последние обычны для тюркских языков (частица *ти*).

Более «трудноуловимыми» представляются функции ЗЧ в утвердительных предложениях. В грамматике [Санжеев и др. 1962] они классифицируются как **подтвердительные** и **модальные**. К **подтвердительным** отнесены частицы *даа*, *юм*, *ха*, *даа*, *шуу*, *бушуу*, *гээшэ*, а также исключенные нами *-л(э)* и *-шье*; особое место занимает частица прошедшего времени *һэн*. В соответствии с данными национального корпуса бурятского языка, наиболее употребительны ЗЧ *даа* (18913 вхождений в национальном корпусе), *юм* (16567), *ха* (7303), *гээшэ* (5608), *һэн*, а также некоторые их комбинации. Остальные частицы заметно менее употребительны. Для иллюстрации приведем пример использования одной из наиболее «неподатливых» с точки зрения описания семантики частицы *юм*:

- (6) «Шандагад» ябагаар ябадаг юм.
 зайцы пеший-INS ходить-NAV ЮМ
 ‘«Зайцы» ходят пешком’ (надпись в маршрутке).

В самых общих чертах можно сказать, что *юм* делает утверждение более категоричным, что соответствует коммуникативной ситуации: надпись содержит безапелляционное предписание, категоричное утверждение, подразумевающее обязательное для исполнения правило (оплачивать проезд). Без *юм* предложение смотрелось бы вырванным из конкретной ситуации маршрутки, в которой **обязательно** оплачивать проезд.

2.2.1. Морфосинтаксический статус частиц представляется не бесспорным, кроме того, разные частицы проявляют различные свойства. Прежде всего, не вполне очевидно, являются ли ЗЧ самостоятельными словоформами, клитиками или суффиксами; данный вопрос, впрочем, справедливо можно поставить и в отношении многих языковых единиц б. я., традиционно относимых к суффиксам, как глагольным, так и именным³. Любопытное поведение демонстрирует, в особенности, формант *hэн*, употребляющийся в трех основных функциях: показатель перфектного причастия в атрибутивной функции (7), показатель перфектного причастия в предикативной функции (8), показатель плюсквамперфекта / сверхпрошлого, присоединяющийся к любой заключительной словоформе предложения, т. е. ЗЧ (9, 10). При этом в письменном языке в первых двух случаях принято раздельное написание, в третьем — слитное:

- (7) *Үглөөдэр минийшнн түрэ-hэн үдэр.*
 завтра мой-POSS.2SG родиться-PF день
 ‘Завтра мой день рождения’
- (8) *Элитэ уран зохёолшон аяар тэрэ холын 1889 оной*
 известный искусный сочинитель аж тот далекий-GEN 1889 год-GEN
майн юһэндэ Дээдэ Хэжээнгэ гэжэ нутагта түрэ-hэн юм.
 май-GEN девять-DL высокий кижинга СГТ местность-DL родиться-PF ЮМ
 ‘Известный талантливый писатель родился аж в далеком 1889-м году 9 мая в местности Верхняя Кижинга’ (КБЯ).
- (9) *Эгээл эндэ ангишн мэдэрэл зосоомни түрүүшынхиеэ түрөө hэн.*
 самый-FOC здесь класс-GEN чувство внутри-POSS.1SG впервые родиться-PT PQP
 ‘Именно здесь классовое чувство во мне впервые родилось’ (КБЯ).
- (10) *Бүхэ лама өөрын аягатай ябадаг hэн.*
 Бүхэ лама сам-GEN чашка-СОМ ходить-NAV PQP
 ‘Бүхэ-лама ходил с собственной чашкой’ (КБЯ).

В данном случае аргументом в пользу интерпретации *hэн* как суффикса в (7, 8) и как клитики в (9, 10) является положение ударения в словоформе: *түрэhэн* vs. *ябадаг hэн*. Функционирования одного и того же показателя как показателя прошедшего времени и многозначной ЗЧ характерно также для литературного китайского *le* (см. 3.4.3).

2.2.2. Определение границ словоформы — не вполне тривиальная задача в описании бурятского морфосинтаксиса; можно сказать, что соответствующая проблематика требует специального исследования. Подобные проблемы известны и в описаниях таких алтайских языков, как японский и корейский, где морфемы, следующие за корнем, называются в разных описаниях то аффиксами, то частицами. Проблемой в данном случае являются критерии, по которым та или иная морфема считается полноценным словом, клитикой или аффиксом. При описании бурятской глагольной словоформы целесообразно учитывать такие параметры, как (1) ударение, (2) наличие гармонии гласных, (3) способность морфемы присоединять личные аффиксы. Критерий (1) является наиболее проблематичным в силу отсутствия в б. я. фонологического ударения, однако, как было показано в экспериментальном исследовании [Бураев и др. 2004], в б. я. имеется слабое нефонологическое ударение, характерное для последнего слога словоформы. В этом смысле ударным оказывается последний слог словоформы непосредственно перед ЗЧ, что говорит в пользу исключения ЗЧ из состава словоформы: *ябадаг юм* ‘ходят’. Кроме того, бурятский язык не

³ Восприятие морфем, стоящих после корня, как суффиксов навязано в т. ч. стандартной орфографией бурятского языка. Отметим, что структурно весьма близкий бурятскому старописьменный монгольский язык, в т. ч. его бурятский «извод», орфографически по-иному определяет пределы словоформы; многие бурятские «суффиксы» в нем пишутся отдельно от корня.

допускает кратких гласных, кроме «шва», в непервых слогах, *юм* же имеет краткий гласный [u], по крайней мере, в нормализованной речи и является в ней, таким образом, полноценной словоформой. В то же время в спонтанной речи носителей хоринского диалекта, лежащего в основе бурятского литературного языка, гласный в *юм* часто редуцируется до шва [jəm], не становясь при этом ударным, что свидетельствует о промежуточном положении *юм* на шкале между аффиксом и клитикой⁴.

2.2.3. О гармонии гласных применительно к ЗЧ осмысленно говорить только применительно к частицам *даа* и *гээшэ*, т. к. только они содержат долгие гласные, которые могут участвовать в сингармонических чередованиях в б. я. Частица *гээшэ* как в нормативной речи, так и в просторечии остается неизменной. Частица *даа* на письме, а также в нормативной речи сохраняет свой гласный независимо от сингармонического типа предыдущего слова (11а, б):

(11а) *Аяга угыш даа.*
 чашка дай-ИМР ДАА
 ‘Дай-ка чашку’.

(11б) *Аяга абыш даа.*
 чашка взять-ИМР ДАА
 ‘Возьми-ка чашку’.

однако в некоторых хоринских говорах, в частности в агинском, участвует в сингармонизме:

(12) *Аяга угыш дээ [te:]*
 чашка дай-РС ДАА
 ‘Дай-ка чашку’⁵.

2.2.4. Личные аффиксы могут присоединять практически все частицы, за исключением *даа*. Более того, личный аффикс присоединяется именно к частице, а не к предыдущему слову, обратное оказывается невозможным:

(13а) *Нютагтань ябаһан юмби.*
 деревня-DL-POSS.3SG ходить-PF ЮМ-1SG
 ‘Я ходил по его деревне’ (КБЯ).

(13б) **Нютагтань ябаһанби юм.*

Как видно, ЗЧ обладают весьма противоречивыми морфосинтаксическими свойствами и не могут быть однозначно классифицированы как аффиксы, словоформы или энклитики — все зависит от того, какие критерии считать более значимыми. Кроме того, в отношении некоторых частиц степень «морфологизации» может варьироваться в зависимости от стиля речи и личных предпочтений говорящего. Как уже отмечалось выше, подобная «размазанность» характерна также для корейского, японского, тибетского и некоторых других различных по генеалогической принадлежности языков региона. В силу всего сказанного представляется целесообразным сохранить термин *заклучительная частица* как технически удобный, понимая всю его условность. По всей видимости, крайне неустойчивая степень автономности аффиксов / частиц характерна для всех языков региона В. и Ю.-В. Азии, поэтому при межъязыковом сопоставлении ЗЧ морфологический статус не должен играть главной роли; ключевые критерии выделения ЗЧ как межъязыковой категории — их конечная позиция в предложении / высказывании, а также семантико-функциональные характеристики. Наконец, едва ли вопрос о морфологическом статусе ЗЧ может быть решен отдельно для ЗЧ — «проблемной зоной» является все послекорневые элементы б. я.

2.3. Значения и функции ЗЧ

Многие исследователи ЗЧ в других языках выражают сомнение в принципиальной возможности толкования их значения и предпочитают выводить функции ЗЧ в терминах прагматики на основании непо-

⁴ Кроме того, в диалектах бурятского языка статус различных частиц может отличаться от их статуса в литературном языке.

⁵ По устному замечанию Ж. Б. Бадагарова, в некоторых хоринских говорах частица *даа* меняет гласный и имеет варианты *дээ* и *дөө*, выбор которых, однако, обусловлен не сингармонизмом, а стилистическими оттенками (регистрами речи). Так, если вариант с *аа* характерен для нейтрального регистра, вариант с *өө* имеет оттенок понимания, снисхождения. Так, *Ерэнэ ааб даа* ‘Конечно, он придёт’ имеет коннотацию ‘Да что с ним случится?’, в то время как вариант с *дөө* утешает собеседника: ‘Не беспокойся’.

средственного анализа дискурса (см., напр., [Kwok 2006] для кантонского китайского). В ряде случаев в подобных исследованиях используются большие массивы данных из корпусов устной речи. В настоящей работе я, в том числе по причине отсутствия корпуса бурятской устной речи, попытаюсь «нащупать» функции отдельных ЗЧ и их комбинаций в значительной степени интуитивно, не придерживаясь каких-либо конкретных теоретических рамок описания, стихийно следуя принципам [Haspelmath 2010]. Источники данных — Национальный корпус бурятского языка (КБЯ), работы, содержащие примеры с ЗЧ, но не обязательно специально им посвященные, консультации носителей бурятского языка, а также мой личный языковой опыт.

Обратимся далее к функциям отдельных частиц. В этом разделе я не буду подробно касаться вопросительных частиц, функции которых, в целом, понятны, а сосредоточусь на частицах, относимых в грамматике [Санжеев и др. 1962] к **утвердительным** (за вычетом *-л(э)* и *-шье*). Анализируя функции отдельных частиц, я неизбежно буду параллельно касаться свойств комбинаций частиц.

2.3.1. Как указано выше, наиболее частотная ЗЧ бурятского языка — частица *даа*. Выше показано, что в некоторых говорах хори-бурят *даа* может иметь статус, близкий к суффиксу (участвует в гармонии гласных), в то же время *даа* не присоединяет личных показателей (традиционный термин — *лично-предикативные частицы*). Этимология *даа* не вполне ясна; аналогичная частица хорошо засвидетельствована также для халха-монгольского языка (см. раздел 3.3.1. настоящей статьи) и некоторых других монгольских языков, однако отсутствует в калмыцком языке, при этом *даа* засвидетельствовано для немонгольского (тюркского) языка — якутского, являясь, по всей видимости, заимствованием из монгольских языков, ср. якут.

- (14) *кел даа!*⁶
идти.IMP ДАА!
'Иди!'

Обе упомянутые нами работы, специально посвященные бурятским частицам, [Дамбуева 2002; Будаева 2003], сходятся в ее «подтвердительной» функции. Г. Д. Будаева говорит об «утверждении с оттенком успокоения, предрасположенности, доброжелательности к **собеседнику** (выделено мной. — В. П.), удовлетворения, оправдания, жалости, уверенности, просьбы, любования». В целом согласившись с подобным толкованием, заострим внимание на слове *собеседник*, являющемся, на самом деле, ключевым: дело в том, что частица *даа* характерна прежде всего для диалогической речи и предполагает наличие собеседника, требует (факультативно) от него реакции, словесной или эмоциональной. Подходящим ярлыком для *даа* является *адрессив* — термин, используемый, например, в [Алпатов и др. 2008] для близких по функции японских частиц и аффиксальных показателей. *Даа* с легкостью употребляется и в вопросительных, и в утвердительных предложениях, ср. типичное употребление *даа* в диалоге:

- (15) — *Ши юу бэшиэжэ байнабши даа?*
ты что писать-PRG быть-PR-Q2-2SG ДАА?
'(Эй), ты что там пишешь?'
— *Ном бэшиэжэ байнаб даа.*
книга писать-PRG быть-PR-1SG ДАА
'(Да вот), книгу пишу.'

В этом примере *даа* выполняет двоякую коммуникативную задачу: (а) привлекает внимание собеседника, (б) смягчает высказывание, одновременно сокращая дистанцию между собеседниками, но в то же время подчеркивая взаимное уважение.

Частица *даа* очень часто присоединяется к формам повелительного наклонения, также выражая смягчение просьбы; на русский язык *даа* в таких контекстах иногда удобно переводить словом *пожалуйста*, прямой аналог которого отсутствует в бурятском языке, а также частицей *-ка*:

- (16) *Орогты даа, нуугты даа, сай уугты даа.*
входить-IMP.2SG ДАА сесть-IMP.2PL ДАА, чай пить-IMP.2SG ДАА
'Заходите, пожалуйста, садитесь, пейте чай!'

Подобные употребления характерны для подчеркнуто вежливой, даже почти формальной речи.

⁶ Источник примера — словарная статья *даа* по адресу <http://sakhatyla.ru/translate?q=%D0%B4%D0%B0%D0%B0>. Свойства якутского *даа* несколько отличаются от *даа* монгольских языков. Из других примеров словарной статьи видно, что якутское *даа* может составлять отдельное предложение со значением согласия и имеет некоторые специфические неконечные употребления, впрочем, возможно, это омонимичное заимствование из русского языка (рус. *да*).

Если *даа* употреблено не в диалоге с реальным собеседником (в частности, в художественной литературе частица *даа* встречается практически исключительно в диалогах), то собеседник (или собеседники) является воображаемым. См. пример (17) из известной бурятской песни «Түрүүшын дуран» («Первая любовь»), начинающейся словами:

- (17) *Үе сагшье унгэрөөл даа,*
 эпоха время-AD проходить-PT-FOC ДАА
Үһэншье сайжа захалаал даа.
 волосы-AD сесть-PRG начать-PT-FOC ДАА
 ‘Вот и время прошло, и волосы начали сесть’.

Однако в следующих строчках (18) становится понятно, что слова обращены не в «пустоту», а к первой возлюбленной; это невысказанные мысли лирического героя песни, вновь встретившего спустя много лет свою первую любовь:

- (18) *Би шамтая золгохоо ерээб, түрүүшым дуран (...)*
 я ты-COM-PP встретиться-FIN прийти-PT-1SG первая-POSS.1SG любовь
 ‘Я пришел на встречу с тобой, первая моя любовь’.

В песнях и стихах *даа* может использоваться и в отсутствии «воображаемого» собеседника, таким собеседником может выступать и сам читатель, к которому стихи обращены как бы «лично»:

- (19) *Гүбээ нютаг хайхан даа,*
 Губээ родина хороший-DM ДАА
Гүнзэгы дуранай орон даа
 глубокий любовь-GEN земля ДАА
 ‘Прекрасная родина Губээ,
 Земля глубокой любви’ [Будаева, Цынгуйева 2008: 26].

Даа невозможно в контексте простого сообщения некой информации, в котором реакция слушающего не важна для говорящего:

- (20) *Хүн уһа уудаг *даа.*
 человек вода пить-НАВ ДАА
 ‘Люди пьют воду’ (общее утверждение, например, в учебнике).

В этом случае более естественно отсутствие частицы или частица *юм*:

- (21) *Хүн уһа уудаг юм.*
 человек вода пить-НАВ ЮМ
 ‘Люди пьют воду’.

Однако после той же глагольной формы возможно *даа* в диалоге:

- (22) — *Хэлэл даа, хара тамхиин, архиин талаар хайшааб?*
 скажи-FOC ДАА чёрный табак-GEN водка-GEN часть-INS как-Q2
 — *Хара тамхи оройдоо татадаггүй гэхэдэ болохо.*
 чёрный табак вообще тянуть-НАВ-NEG сказать-FT-DL стать-FT
Харин архи... Оо! Уудаг даа!
 но водка оо! пить-НАВ ДАА
 ‘— Скажи, как он по части табака и водки?
 — Табак, можно сказать, вообще не курит, но водку... оо, ещё как пьёт!’ (КБЯ)

Точно также и пример (20) (с *даа*) возможен в контексте разговора, спора («Люди-то воду пьют!»).

Весьма типичными являются эмоциональные высказывания, содержащие оценку настоящего момента и заканчивающиеся на *даа*; в таких высказываниях также проявляется адрессивная функция *даа*:

- (23a) *амтатай даа!*
 вкус-COM ДАА
 ‘Вкусно!’
 (23б) *хайн даа!*
 хорошо ДАА
 ‘Спасибо!’

2.3.2. Частица *юм* (не в комбинации с другими частицами) характерна для письменного языка и формального регистра устной речи, в обыденной разговорной речи употребляется редко. *Юм*, по всей видимости, восходит к существительному со значением ‘вещь, дело’ (совр. бур. *юумэн*, старописьм.-монг. *уауитан*); конечное *н* сохранилось в когнате *юм* в калмыцком языке, где это эта частица имеет форму *юмн* (см. 3.3.2).

Пожалуй, именно к частице *юм* в наибольшей степени подходит ярлык **подтвердительная**: главная функция *юм* — подчеркивание истинности высказывания. Эта функция проявляется в двух основных типах употребления *юм*. Первый тип характерен для повествования о реальных событиях, как устного, так и письменного; используя *юм*, говорящий подчеркивает, что информация, содержащаяся в сообщении, известна лишь ему одному и является новой для слушателей. Как правило, *юм* сочетается с формой глагола в одном из прошедших времен:

- (24) *Хахад хүнийн үеэр гансал Арьяшка хүрээжэ ерээ юм.*
 половина ночь-GEN время-INS один-FOC арьяшка достигать-PRG приехать-PT ЮМ
 ‘В полночь доехал только лишь Арьяшка’ (КБЯ).

Второй тип употреблений *юм* характерен для утверждения общих истин вроде обязательных для исполнения правил, если употреблена не форма императива, с которой *юм* не сочетается. Подобное употребление уже приводилось в примере (6). Частица *юм* типична для пословиц (25 а, б):

- (25а) *худал охор хүлтэй юм.*
 ложь короткий нога-СОМ ЮМ
 ‘У лжи короткие ноги’.
- (25б) *Хүбүүдээ хургажа эсэгэ болодог юм,*
 сын-PL-RP.ACC учить-PRG отец становится-НАВ ЮМ
Хүлһөө гаргажа хүн болодог юм.
 пот-ABL выводить-PRG человек стать-НАВ ЮМ
 ‘Обучая сыновей, становятся отцом, потея, становятся человеком’.

Можно сказать, что в данном употреблении частица *юм* представляет собой тип достаточно редко встречающихся в языках мира специализированных эвиденциальных показателей со значением **общего знания** («common knowledge»), ср., например, [Плунгян 2011: 349—358].

2.3.3. Частица *ха* является фонетически редуцированной грамматикализованной формой настоящего будущего времени обшемонгольской глагольной связки (*аха* < *a-qi*), утерявшей первоначальную функцию в б. я. В работах [Санжеев и др. 1962; Дамбуева 2002; Будаева 2003] частица *ха*, как и *юм*, также отнесена к классу подтвердительных, что в каком-то смысле не противоречит фактам, однако не отражает основного компонента значения *ха*. Спектр употребления *ха* включает два подтипа, один из которых лежит в сфере эвиденциального значения **непрямой засвидетельствованности**, другой — в сфере модального значения **эпистемической необходимости**; эти значения близко родственны друг другу и во многих языках выражаются одним и тем же показателем [Плунгян 2011: 366].

В свою очередь, значение не прямой засвидетельствованности (**медиативное**) реализуется в нескольких типах употреблений *ха* (что характерно и для других языков с обобщенным эвиденциальным показателем не прямой засвидетельствованности). *Ха* может показывать, что говорящий не является свидетелем ситуации, но делает заключение о ней на основании а) звуков или других чувственно воспринимаемых факторов, б) следов от нее и в) общих соображений. Если следовать терминологии В. А. Плунгяна [Плунгян 2011: 357—358], эти употребления примерно соответствуют межязыковым ярлыкам **не-визуального (сенсорного) прямого доступа** (а), **инферентиву** (б) и **презумптиву** (в). Также *ха* употребляется, если говорящий знает о ситуации с чужих слов (репортатив), см. (26):

- (26) А: *Тэрэмнай юу хэжэ байна хаб?*
 он-POSS.1PL что делать-PRG COP-SG ХА-Q2
 ‘Что он (известный нам обоим) подделывает?’
- Б: *Сай уужа байна ха.*
 чай пить-PRG COP-SG ХА
 ‘Чай пьет’.

Данный диалог может иметь место в трех различных ситуациях: (а) участники диалога находятся в комнате и обсуждают коллегу, находящегося в соседней комнате за тонкой стенкой, через которую слышен шум закипающего чайника и стук фарфора (сенсорное не-визуальное восприятие), (б) участни-

ки диалога звонят коллеге, тот не берет трубку, на основании этого делается вывод, что он не на рабочем месте и пьет чай (инферентив), (в) участник диалога А попросил участника Б узнать у В, что сейчас делает Г; Б узнал, что тот пьет чай, и сообщает об этом А (репортатив).

Хотя *ха* сочетается с любыми типами сказуемых, по прагматическим причинам оказывается, что **инферентивное** значение встречается в основном в ситуациях, относящихся к прошлому:

- (27) *Тэрэ басаган холын харгыһаа ерэбэ ха.*
эта девушка даль-GEN дорога-ABL приехать-PT ХА
'Та девушка, должно быть, приехала издалека'.

Употребление, напрямую связанное с инферентивным, но прагматически несколько отличающееся от него, характерно для «эпического» повествования, к примеру, для сказок. Так, в последнем предложении *ха* может не иметь инферентивного значения, если бы это предложение было первым в некоем повествовании, рассказе. *Ха* употребляется в начале повествования или некоего смыслового блока, хотя может спорадически появляться и в середине повествования:

- (28а) *Урда эртэ сагта юм һэн ха.*
прежде рано время-DL ЮМ PQP ХА
'Давным-давно это было'.

- (28б) *...гэжэ асууба ха.*
СИТ спросить-PT ХА
'... — спросил (он)' [Намсараев 1986: 127].

2.3.4. Частица *гээшэ* является застывшей формой т. н. постоянного причастия недостаточного глагола речи *гэхэ*. Функция такого причастия — значение постоянного признака, т. е. примерный русский перевод *гээшэ* — «называемый, названный» [Санжеев и др. 1962: 274]. Так же, как и *юм*, *гээшэ* сочетается с личными аффиксами, в первую очередь с аффиксом *-б(и)* '1SG'. Значение частицы *гээшэ* во многом обусловлено лексическим источником; наиболее частотный случай употребления *гээшэ* — конструкции с именным сказуемым типа 'А является Б' в 1-м лице, где изначальное значение причастия ('названный') еще довольно хорошо ощущается:

- (29) *Би Амгалан гээшэб.*
Я Амгалан гээшэ-1SG
'Я — Амгалан (= Меня зовут Амгалан)'.

В случае 3-го лица подобная конструкция используется в разговорной ситуации, когда один человек знакомит двух других:

- (30) *Тэрэ Туяана гээшэ.*
она Туяна гээшэ
'Это — Туяна'.

Ситуация 2-го лица наименее типична, но также встречается:

- (31) *үбэштэй гээшэи!*
дурак гээшэ-2SG
'Дурак ты!'

В ситуации, когда говорящие представляются, возникает нетривиальное прагматическое противопоставление частиц *юм* и *гээшэ*: если первый собеседник, сообщив «анкетные» данные о себе, заканчивает предложение *гээшэб*, второй собеседник заканчивает предложение *юмби*. В результате *юмби* сигнализирует слабое противопоставление (~ рус. а):

- (32) — *Би Хориин гээшэб.*
я Хори-GEN гээшэ-1SG
'Я из Хоринского района'.
— *Би Хэжэнгын юмби*⁷.
я Кижинга-GEN ЮМ-1SG
'А я — из Кижингинского'.

⁷ В последнем случае указывают также на возможность синонимичного использования мало описанной в литературе частицы *хүн* (< *хүн* 'человек'): *Би Хэжэнгын хүмби*.

Подобные употребления *гээшэ* и *юм* можно также назвать **псевдо-связкой** (см. 2.3.6). В то же время в своем более грамматикализованном варианте, при котором связь с изначальным значением ‘названный’ уже едва ли прослеживается, частица *гээшэ* употребляется говорящим при рассказе о реальных событиях. Функция *гээшэ* в этом случае сходна с «подтвердительной» функцией *юм* (см. пример 23), однако *гээшэ* более характерно для разговорной речи, чем *юм*, встречающееся в подобной функции в основном в книжном стиле:

- (33) *Тэрэ басаган холын харгыһаа ерэбэ гээшэ.*
эта девушка даль-GEN дорога-ABL приехать-PT ГЭЭШЭ
‘Та девушка приехала издалека’ (точно).

Частица *гээшэ*, помимо контекстов 1-го л. ед. ч., встречается в эмоциональных высказываниях типа (34):

- (34) *Ямар гоё гээшэб!*
как красиво ГЭЭШЭ-Q2
‘Как красиво!’

В данном случае формант *-б* является показателем специального вопроса (см. раздел 2.1), а не 1-го лица из-за наличия вопросительного слова *ямар* ‘какой’. Если *гээшэ* несет и показатель вопроса, и показатель 1-го лица, возникает форма *гээшэбиб*:

- (35) *Хаана ошохо гээшэбиб!*
где идти-FT ГЭЭШЭ-1SG-Q2
‘Куда же я пойду!’ («Куда мне идти?») — риторический вопрос (КБЯ)

2.3.5. ЗЧ *шуу*, *буу*, *мун* и *хун* в целом сходны функционально с *юм* и *гээшэ*, сигнализируя новизну информации для слушающего и уверенность в ней говорящего, однако является намного менее употребительными.

2.3.6. ЗЧ и связки

В новейшей грамматике халха-монгольского языка [Janhunen 2012: 257] когнаты и в целом функциональные аналоги бурятских частиц *юм* и *мун* анализируются как связки, а не как ЗЧ (см. 3.2); *copular particles* названы соответствующие бурятские ЗЧ в [Skribnik 2003: 118]. Это связано с тем, что в монгольском языке для этих частиц существуют значительные ограничения на сочетаемость с финитными глагольными формами. Подобные ограничения не обнаруживаются для бурятского языка; кроме того, в бурятском языке употребление связки в подавляющем большинстве случаев необязательно. И все же частицы *юм* и *гээшэ*, в особенности последняя, часто употребляются в предложениях с именным сказуемым:

- (36a) *Тэнгэри сэнхир юм.*
небо голубой ЮМ
‘Небо голубое’.
- (36б) *Тэнгэри сэнхир байна.*
небо голубой COP-PR
‘Небо голубое’.
- (37a) *Тэрэ минии нүхэр гээшэ.*
он мой друг ГЭЭШЭ
‘Он — мой друг’.
- (37б) *Тэрэ йминии нүхэр байна.*
он мой друг COP-PR
‘Он — мой друг’.

Варианты с ЗЧ (а) и с глагольной связкой (б) являются, в целом, равноправными, хотя в устной речи предпочтение отдается вариантам с ЗЧ (а). Хотя бурятский язык и допускает вариант вообще без связки — *тэрэ минии нүхэр* — такое предложение в спонтанной речи звучит не вполне естественно, неполно. Вариант с *юм* является предпочтительным, если сказуемое выражено прилагательным, а подлежащее является носителем признака, обозначаемого данным прилагательным; *гээшэ* является предпочтительным, если сказуемое выражено существительным. Сочетание глагольной связки с ЗЧ также возможно в обоих примерах без изменения значения.

При том, что противопоставление финитных и нефинитных форм в бурятском языке весьма размыто, в частности, большинство из форм, традиционно причисляемых к нефинитным, могут употребляться предикативно без связки, существует важное исключение — показатель перфекта (в традиционном описании — показатель причастия прошедшего времени) *-хэн/-хан-*, обязательно требующий связки, на месте которой используется, как правило, *юм*:

- (38) *Анхандаа хэнэйшьеб зуһалан эндэ байхан юм.*
 начальный-DL.RP кто-GEN-AD-Q2 летник здесь быть-PF ЮМ
 ‘Раньше здесь было чье-то летнее кочевье’.

Подобные употребления ЗЧ я предлагаю называть **псевдо-связками**. Вопрос об исторической связи ЗЧ и связок, о путях грамматикализации крайне интересен и требует отдельного исследования, в т. ч. и в ареально-типологической перспективе; так, некоторые ЗЧ способны замещать связку в японском языке (см. 3.4.1.); как было сказано, частица *ха*, а также некоторые модальные частицы (см. сноску 8) грамматикализовались в ЗЧ из форм исчезнувшей связки *аха*.

2.3.7. К проблеме отношений ЗЧ и связок примыкает еще одна: некоторые глаголы в личной форме 3-го лица иногда могут иметь функции, во многом близкие к подтвердительным ЗЧ. В подобных ролях выступают, прежде всего, некоторые формы глаголов *болохо* ‘становиться’ и *байха* ‘быть, находиться’. Оба выражают значения из области эпистемической модальности, при этом *байха* выражает более сильную уверенность говорящего в достоверности сообщения, чем *болохо*, ср.

- (39а) *Айлиаднай поездо һууба байха.*
 гость-PL-POSS.1PL поезд-LOC сесть-PT COP-FT
 ‘Наши гости наверняка сели на поезд’.
- (39б) *Айлиаднай поездо һууһан байжа болохо.*
 гость-PL-POSS.1PL поезд-PL сесть-PF COP-PRG становится-FT
 ‘Наши гости, наверное, сели на поезд’ [Шагдаров 2013: 181].

Функцию ЗЧ со значением изъяснительности имеет также бытийный недостаточный глагол *биш* ‘есть, имеется’ в западнобурятских диалектах:

- (40) *Аяар май һара соо ерээ биш.*
 аж май месяц в приехать-PT есть
 ‘Аж в мае месяце ведь приехал’ [Дамбуева 2002: 235].

Данный глагол также широко используется в качестве связки в монгольском языке.

2.3.8. Комбинации частиц также широко распространены в бурятском языке; сочетаться друг с другом могут до четырех частиц:

- (41а) *машина хашыная холбожо, сүлөөгүй байна гэшиэ ха юм даа*
 машина шмашина-RP соединять-PRG свободное.время-NEG COP-PR ГЭЭШЭ ХА ЮМ ДАА
 ‘Машину-шмашину (он) ремонтирует, вот поэтому и не свободен (нет свободного времени)’ (КБЯ).
- (41б) *Хүн зобохо тулхые наһан соогоо хуул үзэдэг юм гэшиэ ха даа*
 человек страдать-FT мучиться-FT-ACC век в-RP всё-FOC познавать-NAV ЮМ ГЭЭШЭ ХА ДАА
 ‘Человек на своем веку познает всевозможные страдания и мучения (и так бывает)’.

В обоих примерах *даа* выступает в стандартной адресивной функции (обращение к собеседнику) и занимает конечную позицию. Обе комбинации из двух частиц, предшествующие *даа*, представляют собой идиоматизированные сочетания, в первом случае — *ха юм* — со значением причины (примерно соответствует русскому *ведь*), во втором случае — *гэшиэ ха* — с весьма специфическим значением, переданным в скобках после перевода (*и так бывает*). Наконец, частицы, занимающие четвертую от конца позицию, *гэшиэ* и *юм*, выступают в своих обычных **подтвердительных** значениях, *гэшиэ* в примере (а) сигнализирует, что информация известна говорящему и не известна слушающему, *юм* в примере (б) имеет значение общей истины.

2.3.9. Говоря о правилах, определяющих порядок следования частиц в цепочках, неизбежно приходится выйти за рамки лишь утвердительных (*юм*, *гэшиэ*), эвиденциальной (*ха*) и адресивной (*даа*) частиц,

охватив всю «правую периферию» предложения, в которую входят также модальные⁸, вопросительные частицы, лично-предикативные показатели и даже личные формы некоторых глаголов (*байха*, *болохо*, *биш*). Порядок, в котором стоят элементы в цепочке, разумеется, не случаен, и можно выделить «ранги» элементов правой периферии, отчасти подобные рангам клитик в древнерусском языке и других индоевропейских языках [Зализняк 2008]. Для описания порядка бурятских ЗЧ подходит также модель «лунок» (англ. *slots*), используемая, как правило, для описания правил порядка морфем в рамках словоформы.

В то же время каждая частица в отдельности может менять ранг в зависимости от функции, в которой она выступает. Более того, в цепочке частиц какая-то из них может встречаться более одного раза, выступая в разных рангах в зависимости от функции:

- (42) *тиимэл байха ёһотой юм гээшэ ха юм.*
 так-ТОР быть-FT правило-СОМ ЮМ ГЭЭШЭ ХА ЮМ
 ‘Ведь именно так должно быть’ (КБЯ).

Если первое *юм* выступает в функции усиления категоричности (вместе с *гээшэ*, имеющим ту же функцию), второе *юм* является частью идиоматизированного *ха юм* (см. ниже).

Наиболее распространенные в б. я. идиоматизированные сочетания частиц — *ха юм*, *юм ха* и *юм ааб даа*; естественно, первые два могут легко употребляться с дополнительным адрессивным *даа*, в то время как *юм ааб даа* без *даа* не употребляется.

Ха юм (иногда пишется как одно слово *хаям*) является слабым указанием на причину; высказывание, заканчивающееся на *ха юм*, воспринимается говорящим как причина некоего состояния, возможно, прямо не высказанного, но ясного из ситуации, ср. фрагмент диалога:

- (43) — *Ши хэдытэйбиш?*
 ты сколько-СОМ-Q2-2SG
 — *26-тайб.*
 26-СОМ-1SG
 — *Ши залуу ха юмши!*
 ты молодой ХА ЮМ-2SG
 ‘— Сколько тебе лет?
 — Мне 26.
 — А ведь ты молод(а)!’ ([Богомолова и др. ms.])

Заканчивая предложение на *ха юм*, говорящий подчеркивает, что некоторые его выводы, например о свойствах характера собеседника, имеют основания (собеседник молод).

Сочетание *юм ха* в несколько большей степени сохраняет семантику компонентов, в особенности эвиденциальную семантику *ха* (инферентив), однако имеет дополнительную коннотацию противоречия ожиданиям и может быть передано в переводе, например, словом *оказывается*:

- (44) — *Эдэ манай ород хэлэнэй багшанар гээшэ.*
 это-PL мы-GEN русский язык-GEN учитель-PL ГЭЭШЭ
 — *А-а, һургуулидатнай олон залуу багшанар хүдэлдэг юм ха!*
 А-а, школа-DL-POSS.2PL много молодой учитель-PL работать-НАВ ЮМ ХА
 ‘— Это наши учителя русского языка.
 — А-а, оказывается, в вашей школе работает много молодых!’ [там же]

Наконец, устойчивая и крайне употребительная в разговорной речи цепочка *юм ааб даа*, включающая малоупотребительную самостоятельно частицу *ааб*, обозначает удивление; говорящий, используя *юм ааб даа*, выражает удивление по поводу того, что у собеседника могла возникнуть та или иная мысль; на русский язык *юм ааб даа* может быть в большинстве случаев переведено словом *конечно*:

- (45) — *Ташье баһа залуулта.*
 вы-AD тоже молодой-FOC-2SG
 — *Үгы юм ааб даа!*
 нет ЮМ ААБ ДАА
 ‘— Вы тоже молоды’.
 — Нет, конечно!’

⁸ Я сохраняю ярлык «модальные» за некоторым множеством специально не анализируемых в настоящей статье ЗЧ за неимением лучшего термина. В целом можно сказать, что эти частицы маркируют различные типы эпистемической модальности (предположение, сомнение и т. д.).

Данные идиоматизированные цепочки частиц — не единственные в бурятском языке, однако в настоящей работе я ограничусь тремя упомянутыми, наиболее употребительными комбинациями.

Далее я попытаюсь в общих чертах наметить **закономерности порядка частиц** в цепочках. В настоящем анализе я опираюсь, кроме данных, полученных от консультантов и из КБЯ, на список возможных комбинаций частиц и кратких характеристик их значений, представленный в [Будаева 2003: 76—89].

Наиболее очевидна и постоянна позиция частицы *даа*, которая всегда стоит в цепочке последней, занимая крайнюю правую позицию в высказывании. *Даа* также не способно выступать в составе зависимой части в полипредикативных конструкциях и, как уже отмечалось, не присоединяет лично-предикативных показателей: формы **дааб*, **дааи* и т. д., в отличие от *юмби*, *хаб*, *хаи* и т. п., не встречаются. В целом, *даа* практически не образует идиоматизированных сочетаний и всегда имеет **адрессивное** значение, которое в различных контекстах прагматически может интерпретироваться как вежливое, фамильярное или нейтральное контактоустанавливающее. Так, высказывания из примера (26) в устной речи могут выступать и с конечным *даа*:

- (46) А: Тэрэмнай юу хэжэ байна хаб даа?
 он-POSS.1PL что делать-PRG COP-PR ХА-Q2 ДАА
 ‘Что он (известный нам обоим) поделывает?’
 Б: Сай уужа байна ха даа.
 чай пить-PRG COP-SG-Q2 ХА ДАА
 ‘Чай попивает’.

Изменение значения высказывания трудно точно отразить в переводе, можно лишь отметить, что добавление *даа* говорит о подчеркнуто сокращенной дистанции между собеседниками.

Как кажется, *даа* стоит особняком в системе бурятских ЗЧ как на морфологическом уровне (всегда занимает конечную позицию), так и на синтаксическом и прагматическом уровне: *даа* не является частью предикации предложения, о чем свидетельствует в т. ч. несочетаемость с лично-предикативными показателями, и имеет исключительно прагматическую, **контактоустанавливающую** функцию, в отличие от прочих частиц, имеющих модально-эвиденциальные значения.

Вторая позиция зарезервирована за грамматикализованными в ЗЧ глаголами (*байха*, *болохо*, *би*).

Третья позиция справа зарезервирована за лично-предикативными показателями *-б(и)* ‘1SG’, *-и(и)* ‘2SG’, *-бди* ‘1PL’ и *-т(а)* ‘2PL’.

Четвертую позицию занимают вопросительные частицы *гү* (общего вопроса) или *бэ* (специального вопроса), исключая друг друга.

Пятую позицию занимает частица риторического вопроса *бээ* и некоторые **модальные** частицы (см. сноску 8), а также отрицание *бэшэ*.

Шестую позицию занимает показатель сверхпрошлого *һэн*.

Подтвердительные (*юм*, *гээшэ*, *хүн*, *мүн*, *шуу*) и эвиденциальная (*ха*) ЗЧ занимают позицию начиная от седьмой с конца; порядок частиц начиная с пятой позиции от конца с большим трудом поддается описанию в терминологии рангов или лунок; комбинаций ЗЧ огромное количество, причем большинство из них обладают идиоматизированным, не композициональным значением. Поэтому, не претендуя на максимально детальное описание, я ограничусь включением всех частиц этого типа в седьмой ранг без дальнейшего дробления, уточнив только, что седьмую позицию с конца могут занимать ЗЧ из определенного множества как по одиночке, так и в различных комбинациях; причем в их цепочках позицию ближе к корню занимают частицы, выступающие в подтвердительной функции в чистом виде (см. примеры 41—42).

Восьмую позицию (ближайшую к корню) занимает показатель отрицания *-гүй* (*үгы*).

8	7	6	5	4	3	2	1
отрицание: -гүй (үгы)	юм, ха, гэ- шэ, шуу, бишуу, мүн, хүн и др., их сочетания	сверх- прошлое: һэн	модальные: бээ, бы, аа, ааб, аабза, аабы, ааг, аалам, агиа, алтай ⁹ , бэлэй, хаяа; отрицательная бэшэ	гү (общий во- прос), бэ (специаль- ный вопрос)	лично- предикативные показатели: -б(и), -и(и), -бди, -т(а)	частицы- глаголы: байха, болохо, би	адрессив: даа

⁹ Большая часть частиц этого класса восходит к различным формам недостаточного глагола-связки *аха*, более не употребляющегося в функции собственно связки.

Фокусная частица *л(э)* также часто оказывается в правой периферии высказывания, однако, как было показано в п. 1.2., не является ЗЧ, т. к. относится не ко всему предложению, а только к одному из его компонентов; *л(э)* может, в т. ч., выделять одну из ЗЧ:

- (47) *Тиггэжэ хэлэдэггүй [юм [лэ]]!*
 так-СИГ говорить-NEG ЮМ ФОС
 ‘Так не говорят!’ (КБЯ)

3. ЗЧ как объект ареальной типологии

3.1. Хорошо известно, что в языках «большой» Азии, от Балкан и Кавказа до Дальнего Востока, выделяются некоторые структурные черты, распространенные на огромных территориях, вплоть до большей части континента. К наиболее известным и часто приводимым в литературе чертам такого типа относится, к примеру, грамматическое выражение эвиденциальности («эвиденциальный пояс») или предпочтительно конечная позиция сказуемого (или порядок слов SOV, см. сноску 18). В Азии выделяются несколько достаточно четко очерченных языковых ареалов. Лучше всего осмыслен в таком качестве ареал материковой Юго-Восточной Азии [Comrie 2007]. На основании данных WALS Б. Комри выделяет несколько релевантных для данного ареала фонологических и грамматических параметров:

- 1) порядок слов SVO;
- 2) предлоги (а не послелоги);
- 3) постпозиция генитивного определения;
- 4) постпозиция прилагательного;
- 5) постпозиция указательного местоимения;
- 6) постпозиция числительного;
- 7) позиция относительного придаточного после определяемого слова (*человек, который...*);
- 8) позиция слова-квантификатора (degree word) после прилагательного (*умный самый*);
- 9) сложная система тонов;
- 10) имплозивные согласные;
- 11) велярный назальный [ŋ] в начале слова;
- 12) отсутствие огубленных гласных переднего ряда ([ü], [ö]);
- 13) изолирующий строй (отсутствие аффиксации);
- 14) выражение множественного числа имен с помощью клитики;
- 15) отсутствие дистрибутивных числительных;
- 16) перфект на основе слов ‘заканчивать’ / ‘уже’;
- 17) обязательные счетные слова;
- 18) топиальная конструкция обладания (*я-ТОР есть X ‘У меня есть X’*).

В наиболее концентрированном виде эти параметры характерны для тайского языка; из языков региона в наименьшей степени соответствует выделенному Комри прототипу кантонский китайский; прочие китайские идиомы, а также тибетские языки уже не включаются в ареал. В то же время, как отмечает сам Комри, данное объединение не может быть окончательным по нескольким причинам: (1) «вес» каждого типологического параметра для определения языкового ареала может быть различным, (2) набор параметров может быть расширен.

В продолжение этой мысли можно отметить, что в несколько менее концентрированном виде рассмотренные Комри черты представлены и за пределами континентальной юго-восточной Азии, в частности, к северу, северо-западу и западу от данного ареала; представленные там языки являются периферией ареала (если оставаться в рамках предложенных Комри критериев). Следуя указанию Комри (2), я бы хотел ввести ЗЧ в контекст ареальной типологии, опираясь на приведенный выше анализ ЗЧ бурятского языка.

3.2. Похоже, что ЗЧ могут появляться в языках любого строя, любой генетической и ареальной принадлежности. Это связано со специальным статусом т. н. **правой периферии** высказывания [Gómez-Moreno 2015: 39—54]. Эта позиция обладает особым коммуникативным весом для говорящего, она позволяет окончательно «скорректировать» предыдущий отрывок дискурса, расставив окончательные смысловые акценты, «точки над и» перед сменой темы дискурса или завершением коммуникативного акта. Во введении к новейшему сборнику [Hancil et al. 2015: 3—38] содержится обзор имеющихся на сегодняшний день типологических знаний о ЗЧ; сам сборник, по утверждению его редакторов, является первой в лингвистике попыткой межъязыковой перспективы рассмотрения ЗЧ. Там же отмечается и своеоб-

разность категории ЗЧ в языках В. и Ю.-В. Азии. Для данного региона соответствующие вопросы обсуждаются в сборнике применительно к японскому, корейскому, кхмерскому языку, к путунхуа и кантонскому китайскому, однако значительная часть сборника посвящена материалу европейских языков под углами зрения различных теоретических направлений лингвистики — анализа дискурса, генеративной грамматики, когнитивной лингвистики, теории грамматикализации.

Выделяются несколько типов ЗЧ по происхождению (источнику грамматикализации): сочинительно-союзные (conjunction) ЗЧ (напр., англ. конечное *but*, сев.-рус. диал. *да*, яп. *demo* ‘однако’, *shi* ‘и’, *kara* ‘так как’), подчинительно-союзные (conjunct/adverbial connector) ЗЧ (англ. *then*, *though*, исп. *pues*, сев.-рус. диал. *дак*¹⁰), наречные (adverbial) ЗЧ (англ. *actually*, *anyway*, нем. *jetzt*), восходящие к фокусным частицам (focus particle type) ЗЧ (англ. *even*, нид. *alleen* ‘только’). Приведенные источники грамматикализации для ЗЧ характерны, в первую очередь, для европейских языков; эти источники, в свою очередь, определяют и функциональную доминанту ЗЧ европейских языков — включение высказывания в контекст, прежде всего, указание на тип его логической связи с предшествующим дискурсом.

Источники грамматикализации для ЗЧ языков В. и Ю.-В. Азии исследованы хуже; в рамках бурятского материала укажем на различные связки (*биш*, *ха*), глагол речи (*гээшэ*), существительное *вещь* (*юм* < *юумэн*) и прилагательное *настоящий* (*мун*) в качестве таковых; для японского и корейского языков зафиксированы несколько случаев «европейского» пути (см. абзац выше, а также статью [Sohn 2015: 181—196] для корейского языка); в кхмерском языке некоторые ЗЧ восходят к глаголам движения [Paillard 2015]. В любом случае, центральный тип семантики ЗЧ В. и Ю.-В. Азии отличается от европейского. В [Hancil et al. 2015: 15] особенности азиатских ЗЧ охарактеризованы так:

In general, in many Asian languages FPs express (meta-)pragmatic meanings, either changing illocutory force (e.g. from assertion to an information seeking request), indicating an implicature or speaker-expectation (e.g. seeking agreement), modifying the tone of the utterance, ...indicating epistemic modality or affective stance (e.g. doubt, hesitation, impatience). ...The function of FPs in Asian languages seem to embed a proposition in a particular communicative context and to indicate the speaker's knowledge state or stance.

ЗЧ играют одну из центральных ролей в грамматике, в особенности в грамматике устной речи, языков В. и Ю.-В. Азии. Именно для этих языков, прежде всего для японского и различных вариантов китайского, системы ЗЧ были наиболее подробно осмыслены в конкретно-языковых описаниях; в случае японского языка можно говорить о серьезной традиции описания ЗЧ (см. ссылки на литературу в [Алпатов и др. 2008: 453—471]), достаточно хорошо разработана проблематика ЗЧ для кантонского китайского (см. [Kwok 2004; Luke 1990] и библиографии этих работ). При этом соответствующие явления в описаниях языков могут иметь разные названия, отражающие те или иные аспекты функционирования интересующих нас языковых элементов. В разных традициях могут акцентироваться морфосинтаксический, семантический или прагматический компоненты, ср. английские термины, используемые в описаниях различных языков: *final particles*, *sentence-final particles*, *sentence-end particles*, *sentence enders*, *utterance particles*, *utterance-final particles*, *utterance tags*.

Во многих работах, затрагивающих ЗЧ в рамках описания конкретных языков, отмечаются субъективные трудности описания функций / значений ЗЧ, а также трудность практического овладения правильным употреблением ЗЧ носителями европейских языков и одновременно важность ЗЧ для успешной коммуникации на данном языке; так, например, для кантонского диалекта ЗЧ в одной из работ названы «hallmarks of natural conversation» [Luke 1990: 11]. Приведем также красноречивый пассаж из грамматики тайского языка, который применим практически к любому языку В. и Ю.-В. Азии, имеющему ЗЧ:

Mood particles represent a major obstacle for the serious learner. Their function is often conveyed in English purely by intonation, so they cannot easily be translated; to complicate matters, one particle may have several variant forms, involving a change in tone or vowel length, with each form reflecting a subtle difference. Many basic language courses deliberately omit mood particles for the sake of simplicity and it is possible to avoid using them and get by quite adequately. But without mood particles, statements often sound incomplete, abrupt or even impolite. They are best learnt by imitation; everyday conversation, television, dialogue in novels and interviews in newspapers and magazines all provide a ready supply of examples, although the written form of a particle does not always reflect its normal pronunciation [Smyth 2002: 129—130].

В сборнике [Hancil et al. 2015] не содержится, к сожалению, исчерпывающего типологического определения ни для ЗЧ вообще, ни для ЗЧ языков В. и Ю.-В. Азии в частности. Постараемся дать хотя бы рабочее определение ЗЧ для языков В. и Ю.-В. Азии. Специфика ЗЧ как типологического феномена за-

¹⁰ Специально об этой частице см. статью [Post 2015: 285—304] в указанном сборнике.

ключается в том, что в его определении должен учитываться одновременно и план выражения, и план содержания, т. к. речь идет о языковом явлении, в котором специфические морфосинтаксические параметры соединяются со специфическими семантико-прагматическими параметрами.¹¹ В связи с этим определение должно состоять из двух частей: морфосинтаксической и семантико-прагматической. Итак, на мой взгляд, **конечные частицы** — это такие неизменяемые, обычно краткие словоформы или клитики, которые встречаются в конце предложения или высказывания и имеют функции 1) определения иллокутивного типа высказывания, 2) определения типа адресивности, в т. ч. вежливости, 3) маркирования эпистемической модальности, 4) маркирования эвиденциальности. Вопрос о связи этих категорий друг с другом в настоящей работе не поднимается, однако в перспективе причины единства плана выражения в виде ЗЧ именно этих категорий должен быть исследован отдельно.

Далее приведен ни в коем случае не претендующий на полноту, а лишь преследующий цель иллюстративности и непосредственного сопоставления с бурятской системой краткий обзор систем ЗЧ нескольких языков В. и Ю.-В. Азии. В разделе 3.3. я рассмотрю системы нескольких монгольских языков, ближайших родственников бурятского, в разделе 3.4. — системы немонгольских языков интересующего нас региона.

3.3. Монгольские языки

3.3.1. Халха-монгольский язык

Система ЗЧ халха-монгольского языка (далее м. я.) описана, в общем, достаточно для сопоставления ее с системами ЗЧ других языков. В целом можно сказать, что м. я. структурно весьма близок к бурятскому, касается это и роли ЗЧ; однако ЗЧ несколько менее употребительны в м. я., чем в бурятском.

В [Kullman, Tserempil 1996: 326] приведена следующая классификация частиц монгольского языка и краткие характеристики функций каждой из них:

Вопросительные частицы			когнат в бур. яз.
a	<i>бэ, вэ</i>	специальный вопрос	<i>бэ</i>
b	<i>уу, юу</i>	общий вопрос	<i>гү</i>
Отрицательные частицы			
a	<i>биш</i>	отрицание именных форм	<i>бэшэ</i>
b	<i>бус</i>	отрицание именных форм (книжн.)	
c	<i>гүй (үгүй)</i>	отрицание прилагательных и глаголов	<i>гүй, үгы</i>
d	<i>ул</i>	(перед гл.) глаголы с именными суффиксами	
e	<i>эс</i>	(перед гл.) глаголы с глагольными суффиксами	
f	<i>бүү</i>	(перед гл.) глаголы с личными показателями	<i>бү</i>
g	<i>битгий</i>	(перед гл.) глаголы с личными показателями	
Модальные частицы			
a	<i>шүү (шуу)</i>	новое сообщение, (пере-)подтверждение	<i>шуу</i>
b	<i>даа</i>	усиление с различными оттенками	<i>даа</i>
c	<i>аа (яа)</i>	усиление с различными оттенками, предупреждение	—
d	<i>юм</i>	подтверждение, усиление	<i>юм</i>
e	<i>мөн</i>	уверенность, аутентификация	<i>мүн</i>
f	<i>билээ (лээ)</i>	вспоминание, напоминание	<i>бэлэй</i>

¹¹ В этом смысле аналогичными типологическими понятиями можно считать, например, «падеж» или «преверб», в отличие, например, от чисто семантических «агенс», «пациенс» или «аспект» и «время» или чисто морфосинтаксических, к примеру, «приставка», «суффикс» или «клитика». О проблемах межъязыкового определения подобных единиц на примере превербов см. [Аркадьев 2015: 16—17].

g	<i>сан</i>	воспоминание, ожидание, ирреальное желание	<i>һан</i>
h	<i>даг</i>	предположение, заключение	—
i	<i>биз</i>	требование подтверждения, надежда, сомнение	<i>бэээ</i>
j	<i>бий (вий)</i>	неожиданное умозаключение (оказывается, ...)	<i>биш</i> — зап. бур.
k	<i>шив</i>	предположение	
l	<i>бол</i>	риторический вопрос	
m	<i>бол</i>	условие (как у омонимичного суффикса)	
Фокусные частицы			
a	<i>бол</i>	нейтральный фокус, показатель подлежащего ¹²	<i>болбол</i>
b	<i>л</i>	экслюзив (только)	<i>л(э)</i>
c	<i>ч</i>	инклюзив (также, тоже)	<i>шье</i>

ЗЧ бурятского языка, описанные мною выше, соответствуют **модальным** частицам в описании Куллмана — Цэрэмпил; Юха Янхунен определяет частицы этого класса как *final particles* [Janhunen 2012: 256—261]. По оценке Янхунена, ЗЧ монгольского языка, хотя и не являются центральной частью монгольской грамматики, очень часто используются в разговорной речи, особенно в диалоге [там же: 261]. Пожалуй, можно утверждать, что ЗЧ бурятского языка в большей степени, чем ЗЧ монгольского, проникли в книжную речь.

Что касается морфосинтаксического статуса монгольских ЗЧ, он, как и в б. я., неоднозначен; положение осложняется тем, что в м. я. отсутствуют (точнее, крайне редки) лично-предикативные показатели, таким образом, границы словоформы еще более размыты; Янхунен говорит о том, что различные ЗЧ обладают различным морфосинтаксическим статусом — они могут быть свободными (несвязанными) морфемами или клитиками [там же: 261]. Более того, кажется, что морфосинтаксические свойства каждой монгольской ЗЧ уникальны. Можно сказать, что в монгольских ЗЧ в большей степени, чем в их бурятских когнатах, проявляются свойства их лексических источников (глагольных форм или имен); так, некоторые ЗЧ могут образовывать самостоятельное предложение (напр., *юм*), некоторые могут присоединять падежные суффиксы [Umetani 2013].

Как видно из таблицы, около половины монгольских ЗЧ имеют бурятские когнаты, во многом сходные по функциям. В то же время, когнаты некоторых ЗЧ м. я. редко выступают в функции ЗЧ в б. я. — к примеру, бурятский когнат крайне популярной в м. я. ЗЧ *мөн* (48) в б. я. выступает в функции ЗЧ крайне редко и употребляется, как правило, в своем изначальном лексическом значении ‘истинный, настоящий’:

(48) *Энэ миний ном мөн.*
 это моя книга МӨН
 ‘Это моя книга’ [Kullmann, Tserempil 1996: 338].

(49) *Би танай шаби мун гэшиэб.*
 я вы-GEN ученик настоящий ГЭЭШЭ-1SG
 ‘Я (в самом деле) ваш ученик’ [Будаева 2003: 54].

Частица *юм* м. я., на первый взгляд, сходна по функциям со своим бурятским когнатом; интересно, впрочем, что Ю. Янхунен относит *юм* (наряду с *мөн*) не к ЗЧ, а к связкам, аргументируя это тем, что данные частицы сочетаются только с именными формами и нефинитными формами глагола, беря на себя предикацию¹³; аналогичная бурятская частица, по-видимому, не имеет ограничений подобного рода.

Частица *даг*, совпадающая по форме с суффиксальным показателем **хабитуалиса**, является застывшей формой хабитуалиса более не употребляемого глагола-связки *а-* в форме с нулевым корнем

¹² По-видимому, интерпретация *бол* как фокусной частицы ошибочна; главная функция *бол* — маркирование темы (топики), см. [Janhunen 2012: 235—237] и раздел 1.3 настоящей статьи о бур. *хадаа*.

¹³ Противопоставление «финитных» и «нефинитных» форм в монголоведении имеет длинную и запутанную историю, см. [Рассадин и др. 1999]; отметим, что финитность различных форм монгольских языков в типологическом понимании этого термина далеко не очевидна и требует особого исследования, в частности, в свете недавних работ, напр. [Nikolaeva 2010].

[Kullman, Tserempil 1996: 340] и имеет спектр значений, крайне напоминающий значения бурятской частицы *ха* (эвиденциальное значение непрямо́й засвидетельствованности, см. 2.3.3); в свою очередь, бур. *ха* является грамматикализованной формой настояще-будущего времени того же глагола.

Крайне употребительная в б. я. утвердительная частица *гээшэ* не употребительна в м. я., ее частичным функциональным аналогом выступает *мөн*.

Цепочки частиц в м. я. обнаруживаются, но распространены меньше, чем в б. я., а цепочки из трех частиц крайне редки [Jigang 2009]. Правила порядка монгольских ЗЧ в цепочках весьма сходны с бурятскими, в частности, крайне правую позицию занимает адрессивная частица *даа*, ей предшествуют вопросительные частицы, прочие частицы стоят ближе к корню.

Две ЗЧ м. я., в особенности языка Внутренней Монголии, заимствованы из китайского языка: *яа* (< кит. (y)a, 啊, 呀) со значением разъяснения (пример 50) и *баа* (< кит. ba, 吧) со значением предположения или усиления императива (пример 51):

(50) *xourgaan oroolaad niit nayen dalao=yao*¹⁴.
баран-РХ войти-CAUS-C.PRF вместе восемьдесят семь=ЯА
'Включая баранов, всего выходит восемьдесят семь (голов)' [Janhunen 2012: 261].

(51) *esbel xoyer sar xuleej udz=baa*.
NEG-COND два месяц ждать-PRG видеть.IPM=БАА
'Давай не будем ждать два месяца!' [там же]

Наконец, семантика показателя непрямо́й засвидетельствованности прошедшего времени *лээ* (с сингармоническими вариантами) в говорах Внутренней Монголии подверглась влиянию китайской ЗЧ *le* (了) и употребляется для выражения **контраспектатива** (результат или вывод, противоречащий ожиданиям). Это смешение, по-видимому, связано отчасти с изначальным фонетическим подобием монгольского и китайского показателей; в некоторых говорах *лээ* перестало участвовать в сингармонизме и используется только в форме *лаа* (как он реально звучит в китайском):

(52) *eor xun dood-ex xereg=gwai=laa*.
другой человек звать-FT нужно=NEG=LAA
'Остальных больше не нужно звать' [там же: 259].

Заимствованные из китайского языка частицы встраиваются в систему монгольских ЗЧ, например, участвуют в цепочках частиц, получая определенный ранг; они обязательно выступают ближе к корню, чем *даа* (напр., *баа даа*).

По свидетельствам консультантов, употребление заимствованных из китайского ЗЧ широко распространено также в языке шэнэхэнских бурят¹⁵. Возможность подобных заимствований говорит о типологическом родстве ЗЧ в монгольских языках и китайском языке, несмотря на вопиющее несходство структуры языков этих двух семей в целом; подобное заимствование напоминает, к примеру, заимствование славянских превербов в балтийские языки (см., напр., [Кожанов 2015]), цыганский и балканороманские диалекты.

3.3.2. Калмыцкий язык

Калмыцкий язык, относясь к монгольским языкам, географически значительно удален от основной зоны локализации монгольских языков (как известно, предки калмыков, ойраты, перекочевали в прикаспийские степи в XVII в.). Таким образом, калмыцкий язык оказался «вырванным» из своего исконного ареала, вследствие чего потерял (или не успел приобрести) черты, характерные для этого ареала. Во многом это касается и ЗЧ, которые, хоть и обнаруживаются в калмыцком языке, употребляются намного реже, чем в бурятском и монгольском, и довольно малочисленны; подтвердительные ЗЧ калм. языка, по всей видимости, не способны образовывать цепочки (но сочетаются с вопросительными и отрицательными частицами); в калмыцком языке отсутствует когнат или функциональный аналог адрессивной ЗЧ *даа*, столь характерной для бурятского и монгольского языков.

Как в бурятском, так и (в особенности) в монгольском языке ЗЧ «подтвердительного» типа проявляют свойства связок. В калмыцком языке грамматикализация ЗЧ как связок зашла еще дальше: в грамма-

¹⁴ В цитируемых примерах передается оригинальная транслитерация, используемая в монографии Ю. Янхунена.

¹⁵ Шэнэхэнские буряты — буряты, бежавшие в Китай во время коллективизации, проживающие в местности Шэнэхэн во Внутренней Монголии в окрестностях г. Хайлар.

тике [Санжеев и др. 1983: 285—287] однозначно указывается на то, что ЗЧ *мөн* [mən] (бур. *мүн*, монг. *мөн*) и *юмн* (бур. и монг. *юм*) сочетаются только с нефинитными формами глагола (при всей неоднозначности этой категории для монгольских языков, см. сноску 13), а чаще всего — с именными формами:

- (53) *Дэгтэр — мэдэрлин экн мөн.*
книга знание-GEN источник МӨН
'Книга — источник знаний' [Пюрбеев 1983: 285].
- (54) *Багш эн дэгтриг куукдт умшн юмн.*
учитель эта книга-ACC ребенок-PL-DL читать-PF ЮМН
'Учитель прочитал эту книгу детям' [Пюрбеев 1983: 286].

В новейшем сборнике, посвященном грамматике калмыцкого языка, *мөн* однозначно классифицируется как «подтвердительная связка» и глоссируется COP.AFF. «Связка чаще всего появляется в составе причастий, занимающих позицию финитного сказуемого. Установить собственно семантический вклад этой частицы в случаях употребления ее при причастии прошедшего времени или при хабитуальном причастии затруднительно, т. к. первое вообще лишь очень редко используется в финитной позиции без этой связки, ко второму она в основном присоединяется как раз в тех лично-числовых формах, в которых финитное употребление затруднено, т. е. в формах 2-го и 3-го лица. Таким образом, в таких употреблениях основная функция подтвердительной связки состоит, по всей видимости, в маркировании финитности» [Сай и др. 2009: 705].

В калмыцком языке (к. я.) употребляется также частица *-хн* (пишется слитно), имеющая изъяснительную функцию (~ бур. *ха юм*), восходящая, возможно, к сочетанию частиц, аналогичному бурятскому:

- (55) *Бадм бидн хойр кезэнэс нааран холватахн.*
Бадма мы два давний-AVL до.сих.пор связан=ХН
'Мы ведь с Бадмой с давних пор связаны дружбой' [там же: 287].

Наконец, частица *ус* (*үс*) обозначает «такое действие, объективность которого не вызывает сомнения» [там же], однако русский перевод калмыцких примеров в грамматике также свидетельствует о наличии изъяснительного компонента:

- (56) *Бидн чамаг дуудулус.*
мы ты-ACC вызывать-PT=УС
'Мы же тебя вызывали'.

3.3.3. Дагурский язык (д. я.) в целом описан достаточно скудно, однако существующие его описания упоминают некоторые ЗЧ. Засвидетельствована адресивная частица *dā* (с сингармоническим вариантом *dē*), похожая по функциям на свои когнаты в б. я. и м. я. (*daa*) [Годаева 1986: 87], частица *ke(nē)*, присоединяющаяся в основном к формам императива и отсутствующая в других монгольских языках; имеется, по-видимому, заимствованная из китайского языка императивно-ассертивная ЗЧ *baa* [Martin 1961: 46].

3.3.4. Старописьменный монгольский язык практически не содержит ЗЧ, за исключением поздних памятников, так или иначе отражающих живую халха-монгольскую или бурятскую речь. Неясно, впрочем, отражает ли отсутствие ЗЧ в письменных памятниках отсутствие ЗЧ в устной речи периодов, к которым относятся древнейшие памятники. Как известно, к примеру, из японской ситуации, устный язык может изобиловать ЗЧ, а письменный — вообще не иметь их.

3.4. Далее следует краткий разбор систем ЗЧ двух языков предполагаемой алтайской семьи (японского и корейского) и китайских идиомов (сино-тибетская семья) в их сопоставлении с системами монгольских языков.

3.4.1. Японский язык

Пожалуй, именно для японского языка ЗЧ описаны лучше всего; литература, посвященная японским ЗЧ, необозрима. Из русскоязычных работ отметим главу грамматики японского языка [Алпатов и др. 2008: 453—471], а также небольшую монографию, специально посвященную ЗЧ [Прасол 1999].

Типологическое сходство системы ЗЧ с системами монгольских языков, и в особенности с бурятской, бросается в глаза; как следствие, системы легко сопоставимы между собой.

В последней работе приведена следующая классификация ЗЧ (автор использует термин *заключительные модально-экспрессивные частицы*). Частицы подразделяются на **модальные** и **экспрессивные**:

первые «выражают модальные значения, которые распространяются на все предложение и обладают способностью определять его модус», вторые «выражают вспомогательные смысловые значения, в том числе касающиеся отношения субъекта речи к ее содержанию или к адресату» [Прасол 1999: 16]. В свою очередь, модальные частицы подразделяются на вопросительные, императивные, смягчающие категоричность высказывания, усиливающие категоричность высказывания, контактоустанавливающие и цитационные. Что касается экспрессивных частиц, «они не делятся далее на подгруппы, а описываются все вместе» [там же].

Употребление ЗЧ в японском языке стилистически не нейтрально и встречается либо в неформальной разговорной речи, особенно в фамильярной речи сниженного уровня вежливости, либо при ее непосредственной имитации в письменном языке; в формальной устной речи ЗЧ практически не употребляются [Прасол 1999: 10]. По словам автора, «в речи дикторов передач новостей радио и телевидения за все время обследования не было зафиксировано ни одного случая употребления заключительных частиц» [там же]. В этом аспекте японский язык отличается от монгольского и в особенности бурятского, в книжном варианте которого частотность ЗЧ весьма высока.

Еще одна важная стилистическая особенность ЗЧ японского языка — маркированность большинства из них как частиц мужской или женской речи: как известно, мужская и женская речь ярко противопоставлены в японском языке, это касается различных уровней языка. Ни о чем подобном в применении к монгольскому языку не известно.

Некоторые частицы японского языка вступают в конкуренцию со связками и иногда способны вытеснять их (к примеру, контактоустанавливающие частицы *ne* и *na*) [Прасол 1999: 6]; свойства, характерные для связок, проявляют и частицы монгольских языков (см. 3.3.1, 3.3.2). Японские частицы, подобно частицам монгольских языков, способны образовывать цепочки; судя по примерам грамматики [Алпатов и др. 2008], сочетаться друг с другом могут до двух частиц, однако цепочки, подобные бурятским цепочкам из четырех и более частиц, не характерны для японского языка.

Наподобие адресивной частицы *daa*, занимающей в высказывании заключительную позицию в бурятском и монгольском языках, японские контактоустанавливающие частицы *ne* и *na* всегда завершают цепочку частиц:

(57) *Sore dake ka ne?*
только это Q NE?
'Только это?' [Алпатов и др. 2008: 464]

(58) *ato wa miboojin ga iru wake yo ne.*
затем TOP вдова NOM быть-PR но YO NE
'... но ведь после этого осталась вдова' [там же].

Подобно бурятскому и монгольскому *daa*, яп. *ne* и *na* сочетаются в т. ч. с императивом.

Если в монгольских языках единственным носителем адресивной функции является ЗЧ *daa*, то в японском языке, помимо «контактоустанавливающих» ЗЧ, имеется специализированный морфологический адресив (суфф. *-imas*), а также адресивные вспомогательные глаголы; все эти показатели сочетаются между собой в различных комбинациях с различными смысловыми оттенками, делая семантическую зону адресива крайне сложно устроенной по сравнению с монгольскими языками.

Бурятским и монгольским «подтвердительным» частицам *юм* и *шуу* (тж. монг. *мөн*, *шуу*) достаточно четко соответствует группа «частиц усиления категоричности» [Алпатов и др. 2008: 463] в японском языке; в последнем, однако, частиц этой группы больше, чем в монгольских языках; их число велико, прежде всего, в силу противопоставлений по степени вежливости, а также мужской и женской речи. Так, нейтральной по вежливости и гендерной принадлежности является частица *yo*; ее значение определяется так: «частица указывает на уверенность говорящего в информации, которая, как он предполагает, известна только ему» [там же]; функция этой частицы во многом схожа с функцией *юм*; ей противопоставлены сходные по значению частицы *ze* (мужская), *zo* (грубая мужская), *sa* (мужская).

В отличие от *юм* и *шуу*, *yo* сочетается с императивом, придавая ему категоричность:

(59) *Okaasan no epuron o ichimai chodai yo.*
мать GEN передник ACC один дать-IMP YO
'Дай мамин передник' [Алпатов и др. 2008: 464].

В целом японская система ЗЧ во многих деталях напоминает систему монгольских языков, в особенности бурятского, если говорить о частотности ЗЧ и их «центральности» для системы языка; это касается и формальных особенностей (собственно, «заключительности» частиц), и состава ЗЧ (к примеру, и в японском, и в монгольских выделяются подтвердительные и контактоустанавливающие ЗЧ). Оказы-

ваются общими даже закономерности порядка частиц в цепочках — контактоустанавливающая (адресивная) частица всегда стоит после других частиц.

Японские частицы, наподобие частиц монгольских языков, семантически тесно связаны со связками и способны вытеснять связку *da*, в особенности в женской речи:

(60a) *Soo da yo.*
так COP.PR YO
'Так и есть (мужская речь)' [Алпатов и др. 2008: 453].

(60б) *Soo yo*
так YO
'Так и есть. (женская речь)' [там же].

3.4.2. На первый взгляд, корейский язык не имеет единиц, которые легко и однозначно могли бы быть поставлены в один ряд с ЗЧ монгольских языков и японского языка; однако при пристальном взгляде оказывается, что правая периферия корейского предложения сделана, образно выражаясь, «из того же теста», в котором те же ЗЧ предстают в несколько ином виде.

Корейское простое предложение или главная часть полипредикативной конструкции **непременно** должны заканчиваться на особую морфему конца предложения (в англоязычной кореистике **sentence-ender**). Морфологический статус этих показателей как аффиксов или клитик так же неоднозначен, как и в монгольских языках.

Показатели конца предложения образуют сложную парадигму, сочетающую две грамматические категории: 1) тип предложения, 2) стиль речи (степень вежливости). В кореистике выделяются четыре типа предложения: декларативы (утверждения), интеррогативы (вопросы), пропозитивы (предложение) и императивы (побуждения)¹⁶. Разные источники выделяют разное количество стилей речи — от трех до восьми; мы приведем классификацию, следуя грамматике [Sohn 2001: 269], выделяющей семь стилей (и степеней вежливости): обычный, доверительный, фамильярный, грубый, вежливый, почтительный, нейтральный. Для каждого типа предложения в каждом регистре речи существует особый кумулятивный показатель, т. е. всего 28 показателей, некоторые из которых, правда, омонимичны, а некоторые членимы на сегменты.

Ср., например, декларативы нейтрального (60в) и доверительного (60г) стилей:

(60в) *ce kulim i maum ey tul-e.yo*
этот рисунок NOM душа DAT подходить-DEC.POL
'Этот рисунок мне нравится' [Sohn 2001: 285].

(60г) *nau chinkwu ka pyeng ey kelly-ess-e*
мой друг NOM болезнь DAT страдать-PT-INT
'Мой друг заболел' [там же].

При пристальном взгляде на корейскую систему и попытке соотнести ее с системами ЗЧ монгольских языков и японского языка, в особенности корейские показатели декларатива, возникает неизбежная мысль, что в корейском языке мы имеем дело с намного дальше зашедшей грамматикализацией подтвердительных частиц типа бур. и монг. *юм* или яп. *yo*; корейские показатели декларатива достигли максимальной степени грамматикализации и стали обязательными¹⁷. В то же время в корейском языке утвердительность выражается кумулятивно с адресивностью разных типов (в зависимости от регистра речи) — категорией, не чуждой ни монгольским языкам, ни японскому, которая, однако, имеет в этих языках специальные, не кумулирующие ни с чем показатели (суффиксы и ЗЧ).

Таким образом, ЗЧ в корейском языке, в отличие от японского и монгольских языков, обладают свойством однозначной грамматичности, т. е. обязательности, и свойством кумулятивности выражения типа предложения и адресивности.

3.4.3. Китайские идиомы, как известно, в всем своем многообразии структурно значительно отличаются от алтайских языков, относясь к языкам изолирующего строя; в противоположность алтайским языкам, китайский язык характеризуется позицией сказуемого на втором месте в предложении¹⁸, таким

¹⁶ Подробно о показателях типов предложений см. [Pak 2004].

¹⁷ Грамматикализация утвердительности (декларатива) sporadически встречается и в других языковых ареалах, в т. ч. и в индоевропейских языках, например, в валлийском [Pak 2004].

¹⁸ Я предпочитаю избегать традиционной классификации, оперирующей сокращениями типа SOV, SVO и т. д. ввиду большей значимости дихотомии тема — рема (топик — комментарий) для языков Восточной и Юго-Восточной Азии, чем дихотомии субъект (S) — прямое дополнение (O); предпочтительны сокращения типа V2, V3.

образом, исчезает искушение отнести ЗЧ китайских идиомов к приглагольным клитикам и, тем более, включить в состав глагольной словоформы, что, при определенном взгляде, не невозможно в случае всех рассмотренных выше языков алтайской семьи. По замечанию в предисловии к сборнику о заключительных частицах, возможность наличия ЗЧ не зависит напрямую от базового порядка слов в языке [Hancil et al. 2015: 15 —16]¹⁹. В то же время различные китайские идиомы (диалекты) значительно различаются между собой по набору и функциям ЗЧ; в этом смысле значительно противопоставлены друг другу и две наддиалектные формы китайского языка — северное койне и государственный язык КНР — **путунхуа** и койне некоторых южных провинций — т. н. **кантонский диалект**.

Путунхуа обладает не очень большим набором ЗЧ, которые в то же время играют весьма значительную роль в системе языка и весьма употребительны. Перечислим ЗЧ путунхуа и их основные функции:

иероглиф	пиньин	основные функции
了	<i>le</i>	изменение ситуации, противоречие ожиданиям
呢	<i>ne</i>	вопрос к альтернативному субъекту при неизменности ситуации (~ рус. <i>a</i> : «я поел, а ты?»)
吧	<i>ba</i>	вежливая просьба, предложение
啊	<i>a</i>	адрессив; призыв подтвердить утверждение
啦	<i>la</i>	контракция <i>le+a</i>
呀	<i>ya</i>	адрессив в вопросах; вариант <i>a</i> после гласных
吗	<i>ma</i>	общий вопрос

Имеются также идиоматизированные комбинации частиц, напр. 吧了 (*bǎle*) и 好了 (*hǎole*).

Частица *le* может употребляться кроме позиции конца предложения также в позиции непосредственно после глагола, являясь показателем перфектива и претерита, причем оба употребления возможны в рамках одного предложения.

При общем взгляде на систему ЗЧ путунхуа видно, что, во-первых, она значительно беднее систем разобранных выше алтайских языков. Кроме того, бросается в глаза отсутствие в севернокитайской системе частиц с подтвердительным значением (бур.-монг. *юм* и др., яп. *yo* и др.).

В то же время ЗЧ *a* легко сопоставима с контактоустанавливающими / адрессивными частицами алтайских языков (бур.-монг. *даа*, яп. *ne*):

- (61) *nǐ qù nǎr a?*
ты идти где А?
'Ты куда идешь?'

Северные китайские диалекты в течение длительного времени находятся в контакте с монгольскими языками; последние заимствовали у китайских диалектов частицы *ba* и *le*, полностью встроив их в собственную систему ЗЧ (см. 3.2).

Система ЗЧ **кантонского диалекта**, включенного, между прочим, Комри в языковой ареал континентальной Юго-Восточной Азии, значительно богаче севернокитайской и является, по всей видимости, одной из самых богатых в Азии; оценка количества ЗЧ в кантонском диалекте значительно варьируется в пределах от 30 до 90 ЗЧ [Kwok 2006: 1]. Подобно случаю японского языка, употребление ЗЧ в формальном стиле речи значительно ограничено по сравнению с неформальным. Яркой особенностью кантонских ЗЧ является семантико-классифицирующая функция тона — так, ЗЧ с низким тоном сигнализируют большую степень категоричности, чем ЗЧ с высоким тоном (этим, в частности, объясняется столь значительный разброс в оценках количества ЗЧ).

В отличие от ЗЧ путунхуа, в кантонском диалекте насчитывается несколько подтвердительных частиц, каждая из которых имеет свои семантические особенности. Ключевым семантическим компонентом, различающим различные ЗЧ, является **новизна информации**, точнее, представление говорящего о том, насколько информация, сообщаемая им, является новой / актуальной для слушающего:

- (62a) *lei tiu kwan jat baak man*
это С платье один сто доллар
'Это платье стоит сто долларов' [Kwok 2006: 3].

¹⁹ Специально о диахронии китайских ЗЧ и о путях их появления в языке типа V2 см. [Yap et al. 2014].

(62б) *lei tiu kwan jat baak man zaa3*
 это С платье один сто доллар FP
 ‘Это платье, оказывается, стоит сто долларов’ [там же].

(62в) *lei tiu kwan jat baak man wo3*
 это С платье один сто доллар FP
 ‘Это платье стоит сто долларов’ [там же].

В примере (а) новая информация заключается в цене платья; в примере (б) информация о цене платья противоречит ожиданиям говорящего (платье стоит дороже ожидаемого); в примере (в) говорящий подчеркивает, что уверен в том, что цена платья неизвестна слушающему.

Весьма часто встречаются в кантонском диалекте и адрессивы, наиболее распространенный из которых является когнатом ЗЧ *a* (ㄚ) путунхуа. Адрессивная частица *aa3* употребляется при сообщении информации для привлечения внимания слушающего к ее важности:

(63) *loubaan jigaa faanlei aa3*
 начальник сейчас обратно FP
 ‘Начальник возвращается!’ [там же], —

при восклицаниях (эмфаза):

(64) *hou leng aa3!*
 очень красиво FP
 ‘Очень красиво!’ [там же] —

и при императивах для их усиления:

(65) *jap cin aa3*
 в деньги FP
 ‘Киньте монеты (в автомат для продажи билетов)’ [там же].

3.4.4. О важности ЗЧ для тайского языка приведена красноречивая цитата в 3.2. Тайский язык обладает крайне сложной (сопоставимой с кантонской) системой ЗЧ, в значении которых выделяются несколько семантических доминант: степень вежливости (регистр речи), гендерная принадлежность говорящего и слушающего, степень категоричности. Частиц подтвердительно-го типа тайский язык, по видимости, не знает, зато система адрессивов со сложной гендерной и регистровой дифференциацией является для него центральной, см., напр.:

(66) *rau nâu khráp?*
 идти где ЗЧ
 ‘Куда идешь?’ (спрашивает мужчина)
klâp bâan khâ.
 идти дом ЗЧ
 ‘Иду домой’ (отвечает женщина) [Smyth 2002: 126].

Подобно кантонскому китайскому, изменения тона в ЗЧ тайского языка обладают регулярной семантикой; к примеру, для нескольких частиц женской речи ломаный тон используется в утверждениях, а восходящий — в вопросах, ср. ответ женщины из примера (66) и следующие примеры:

(67) *arəu maɯ khá?*
 вкусно СОР ЗЧ
 ‘Вкусно? (вопрос женщины)’
arəu khráp
 вкусно ЗЧ
 ‘Вкусно? (вопрос женщины)’ [там же]

4. Заключение

Анализ ЗЧ бурятского языка, других монгольских языков и нескольких немонгольских языков В. и Ю.-В. Азии позволяет сделать заключение, во-первых, о безусловной ареальной природе ЗЧ в соответствующем регионе. В то же время видно, что бурятский язык, находящийся в центре настоящего исследования, не просто входит в ареал ЗЧ, но характеризуется значительной сложностью, многообразием и

центральностью данной категории для грамматики, а в некоторых аспектах даже является «рекордсменом»: так, по-видимому, только в бурятском языке ЗЧ настолько распространены в письменной форме языка, именно бурятский язык допускает самые длинные цепочки частиц. Среди монгольских языков наименее употребляемы ЗЧ в калмыцком языке; это объясняется географической удаленностью к. я. от «родного» ареала ЗЧ, В. и Ю.-В. Азии.

Пожалуй, среди неродственных языков наиболее близкой к бурятской в структурном отношении оказывается система японского языка; значительное число ЗЧ б. я. и яп. я. непосредственно сопоставимы друг с другом и даже могут служить переводом друг друга. Причины подобного сходства не вполне ясны, т. к., несмотря на принадлежность к общему «большому» ареалу, яп. я. и б. я. никогда не соседствовали друг с другом; система же ЗЧ севернокитайских идиомов, непосредственно соседствующих с б. я., значительно отличается от бурятской. Возможно, в случае яп. я. и б. я. речь идет о некоем структурном внутреннем «потенциале» направленного изменения, имеющегося в алтайских языках, который реализуется схожим образом в условиях языкового ареала, в целом благоприятствующего развитию ЗЧ. Аналогией подобного «раскрытия потенциала» может служить формирование в различных славянских языках бинарной видовой оппозиции, основанной на префиксальной перфективации, которая отсутствовала в общеславянский период и в наиболее ранних письменных памятниках.

Впрочем, последние две системы монгольских и китайского языков также взаимопроницаемы друг для друга при билингвизме населения, это подтверждается легкостью заимствования ЗЧ из китайского языка в монгольский и некоторые бурятские говоры.

Наиболее характерными для ЗЧ региона функциональными компонентами оказываются: 1) маркирование степени уверенности говорящего и категоричности высказывания (т. н. подтвердительные ЗЧ); из рассмотренных мною языков особенно ярко этот компонент проявляется в бурятском, японском и кантонском китайском; эта функция грамматикализована в обязательный показатель утвердительного предложения в корейском; 2) маркирование адрессивности и вежливости; именно этот компонент семантики доминирует в тайском и корейском языках.

Говоря о дальнейших перспективах исследования, еще раз подчеркну, что целью работы являлось осмысление именно бурятских ЗЧ как представляющих широко распространенный ареальный феномен; сам же ареал в перспективе должен быть исследован намного более подробно. Следует выделить релевантные для любого языкового ареала критерии классификации ЗЧ (ясно, что ареал крайне неоднороден в как в плане центральности ЗЧ для грамматики языка, так и в плане кодируемых значений ЗЧ). Среди не рассмотренных нами языков, относящихся к ареалу В. и Ю.-В. Азии, имеющих, по предварительным данным, системы ЗЧ, отметим тибетские языки, бирманские языки, также некоторые тунгусо-маньчжурские языки, в частности, маньчжурский и удэгейский языки.

В настоящей статье я почти не касался диахронии ЗЧ; этот вопрос также заслуживает подробной разработки. В данном случае интересным является практически полное отсутствие ЗЧ в старомонгольских текстах.

Наконец, для определения любого языкового ареала требуется определить его географические границы, в этом смысле важно, в каких языках ЗЧ **не обнаруживаются**. По моим предварительным данным, ЗЧ практически отсутствуют в тюркских языках; в этом состоит одно из ярких отличий монгольских языков от тюркских. Для якутского языка засвидетельствована, по-видимому, заимствованная из монгольских языков адрессивная частица *даа*, некоторые кандидаты на ЗЧ обнаруживаются также у тесно контактировавшего с бурятским тувинского языка; в татарском языке имеется многофункциональный эвиденциально-эпистемический показатель *икән*, выступающий в форме ЗЧ [Greed 2014: 75—81]. Однако в целом ЗЧ для тюркских языков остаются маргинальным явлением. В этом смысле можно сказать, что б. я. представляет крайнюю северо-западную точку ареала языков, в которых ЗЧ составляют часть грамматического ядра.

Возможно, адрессивные ЗЧ языков В. и Ю.-В. Азии являются частным случаем еще более широкого ареала адрессивов (вокативов), начинающегося на Балканах и в Средиземноморье, где **вокативные частицы** могут занимать в т. ч. конечную позицию в предложении (но не только ее), ср. примеры из греческого (68) и турецкого (69) языков:

(68) *Ο Γιάννης θα έρθει σήμερα ρε!*
 DEF Яннис FT прийти.PFV-1SG сегодня VOC
 '(Эй), Яннис сегодня придет!'

(69) *Hocam bilgisayarım bozuldu ya!*
 учитель-POSS.1SG компьютер-POSS.1SG ломаться-PT.3SG VOC
 'Учитель, мой компьютер сломался!' [Coşcu 2005]

Сокращения

Языки и диалекты

англ. — английский язык	нем. — немецкий язык
б.я., бур. — бурятский язык	нид. — нидерландский язык
д.я. — дагурский язык	рус. — русский язык
исп. — испанский язык	сев.-рус. диал. — северно-русский диалект
к.я., калм. — калмыцкий язык	старописьм.-монг. — старописьменный монгольский язык
кит. — китайский язык	як. — якутский язык
м.я., монг. — монгольский язык	яп. — японский язык

Глоссы

1 — первое лицо	НАВ2 — «однократное» причастие
2 — второе лицо	IMP — императив
3 — третье лицо	INS — инструменталис
ABL — исходный падеж	INT — доверительный регистр
ACC — винительный падеж	LOC — локатив
AD — аддитив	NEG — отрицание
AFF — подтвердительный	NOM — именительный падеж
C — счетное слово	PC — прекатив
C.PRF — Converb Perfective	PF — перфект
CAUS — каузатив	PFV — перфектив
CIT — цитатив	PL — множественное число
COM — совместный падеж	POL — вежливый регистр
COND — сослагательное наклонение	POSS — принадлежность
COP — связка	PQP — сверхпрошлое
DAT — дательный падеж	PR — настоящее время
DEC — декларатив (утверждение)	PRG — прогрессив (деепр.)
DEF — определенный артикль	PT — прошедшее время
DL — дательно-местный падеж	Q — вопрос
DM — диминутив	Q1 — общий вопрос
FIN — целевое деепричастие	Q2 — специальный вопрос
FOC — фокусная частица	RP — возвратное притяжание
FP — final particle (заключительная частица)	RX — возвратное притяжание
FT — будущее время	SG — единственное число
GEN — генитив	TOP — тема (топик)
НАВ — хабицуалис	VOC — вокативная частица
	ЗЧ — заключительная частица

Общие

ед. ч. — единственное число	л. — лицо
КБЯ — Национальный корпус бурятского языка	WALS — World Atlas of Language Structures (wals.info)

Литература

Алпатов и др. 2008 — Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Книга 1. М., 2008. {*Alpatov V. M., Arkad'ev P. M., Podlesskaja V. I. Theoretical grammar of the Japanese language. Book 1. M., 2008.*}

Аркадьев 2015 — Аркадьев П. М. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М., 2015. {*Arkad'ev P. M. Areal typology of the prefixal perfective (on the material of languages of Europe and Caucasus). M., 2015.*}

Богомолова и др. ms. — Богомолова О. И., Гунжитова Г.-Х. Ц., Дареева А. О., Дашиева С. А., Дугарова А. А., Цырендоржиева Б. Д., Шожоева Б. Д. Мэндэ-э! — Начальный курс бурятского языка. Тесты. Рукопись. {*Bogomolova O. I., Gunzhitova G.-H. Ts., Dareeva A. O., Dashieva S. A., Dugarova A. A., Tsyrendorzheeva B. D., Shozhoeva B. D. Mende-e! — Entry level course of the Buryat language. Tests. Manuscript.*}

Будаева 2003 — Будаева Г. Д. Служебные части речи в бурятском языке: частицы. Улан-Удэ, 2003. {Budaeva G. D. Auxiliary parts of speech in the Buryat language: particles. Ulan-Ude, 2003.}

Будаева, Цынтуева 2008 — Будаева З. Д., Цынтуева Д. С. В стремлении к благородному. Исторические очерки, воспоминания, размышления. Улан-Удэ, 2008. {Budaeva Z. D., Tsyngueva D. S. In pursuit to noble. Historical essays, memorials, commentaries. Ulan-Ude, 2008.}

Буряев и др. 2004 — Буряев И. Д., Бюраева Э. И., Будаев Б. Ж., Абаева Ю. Д. Акцентно-интонационная система бурятского языка. Улан-Удэ, 2004. {Buraev I. D., B'uraeva E. I., Budaev B. Zh., Abaeva Ju. D. Accent-intonational system of the Buryat language. Ulan-Ude, 2004.}

Дамбуева 2002 — Дамбуева П. П. Категория модальности в бурятском языке. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2002. {Dambueva P. P. Category of modality in the Buryat language. D. of Litt. thesis. M., 2002.}

Зализняк 2008 — Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008. {Zalizn'ak A. A. Old Russian enclitics. M., 2008.}

Кожанов 2015 — Кожанов К. А. Балто-славянские ареальные контакты в области глагольной префиксации. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. {Kozhanov K. A. Balto-Slavic areal contacts in the field of verb prefixation. Ph. D. thesis. M., 2015.}

Намсараев 1986 — Намсараев Х. Рассказууд, повестьнууд. Нэгэдэхи ном. Улаан-Үдэ, 1986. {Namasaraev H. Rasskazuud, povest'nuud. Negedehi nom. Ulan-Ude, 1986.}

Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. М., 2011. {Plung'an V. A. Introduction to grammatical semantics. M., 2011.}

Прасол 1999 — Прасол А. Ф. Заключительные модально-экспрессивные частицы в японской речи. Владивосток, 1999. {Prasol A. F. Final modal evocative particles in the Japanese speech. Vladivostok, 1999.}

Пюрбеев 1983 — Пюрбеев Г. Ц. Частицы // Грамматика калмыцкого языка / Отв. ред. Санжеев Г. Д. Элиста, 1983. С. 283—295. {P'urbееv G. Ts. Particles // Grammar of the Kalmyk language / Ed. Sanzheev G. D. Elista, 1983. P. 283—295.}

Рассадин и др. 1999 — Рассадина В. И., Санданова М. Р., Цыренова Т. Б. Сложение системы причастий в монгольских языках // История развития монгольских языков. Улан-Удэ, 1999. С. 167—185. {Rassadin V. I., Sandanova M. R., Tsyrenova T. B. Composition of the participle system in Mongolian languages // History of development of Mongolian languages. Ulan-Ude, 1999. P. 167—185.}

Сай и др. 2009 — Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. Сай С. С., Баранова В. В., Сердобольская Н. В. (= Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 5. Ч. 2.) СПб., 2009. {Studies in the Kalmyk language grammar / Eds. Saj S. S., Baranova V. V., Serdobol'skaja N. V. (= Acta Linguistica Petropolitana. Works of the Institute of Linguistic Studies RAS. Vol. 5. Part 2.) SPb., 2009.}

Санжеев и др. 1962 — Грамматика бурятского языка: фонетика и морфология / Ред. Санжеев Г. Д., Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Д. М., 1962. {Grammar of the Buryat language: phonetics and morphology / Eds. Sanzheev G. D., Bertagaev T. A., Tsydendambaev Ts. D. M., 1962.}

Санжеев и др. 1983 — Грамматика калмыцкого языка / Отв. ред. Санжеев Г. Д. Элиста, 1983. {Grammar of the Kalmyk language / Ed. Sanzheev G. D. Elista, 1983.}

Тодаева 1986 — Тодаева Б. Х. Дагурский язык. М., 1986. {Todaeva B. H. The Dagur language. M., 1986.}

Чебодаева 2012 — Чебодаева Л. И. Структурно-семантические типы предложений квалификации, образованных лексическим повтором, в хакасском языке // Урало-алтайские исследования. 2012, 6. С. 166—172. {Chebodaeva L. I. Structural semantical types of formed by reiteration qualification sentences in the Khakass language // Ural-Altaic Studies. 2012, 6. P. 166—172.}

Шагдаров 2013 — Шагдаров Л. Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка. Улан-Удэ, 2013. {Shagdarov L. D. Problems of the new academic grammar of the Buryat language. Ulan-Ude, 2013.}

Comrie 2007 — Comrie B. Areal Typology of Mainland Southeast Asia: What We Learn from the WALS Maps. Manusya, 2007.

Corcu 2005 — Corcu D. Analysis of discourse particles in relation to the information structure of texts and dialogues: examples from Turkish // www.semanticsarchive.net/Archive/DVkJMDJkZ/Barcelona_Workshop_2005.pdf, 2005.

Gómez-Moreno 2015 — Gómez-Moreno P. U. Sentence-final adverbials: Recurrent types and usage // Final Particles / Eds. Hancil S., Haselow A., Post M. Berlin / Boston, 2015. P. 39—54

Greed 2014 — Greed T. The expression of knowledge in Tatar // Eds. Aikhenvald A., Dixon R. M. W. The Grammar of Knowledge: a Cross-Linguistic Typology. Oxford, 2014. P. 69—88.

Hancil et al. 2015 — Final Particles / Eds. Hancil S., Haselow A., Post M. Berlin / Boston, 2015.

Haspelmath 2010 — Haspelmath M. Framework-free grammatical theory // The Oxford Handbook of Grammatical Analysis / Eds. Heine B., Narrog H. Oxford, 2010. P. 341—365

Janhunen 2012 — Janhunen J. Mongolian. Amsterdam / Philadelphia, 2012.

- Jingang 2009 — *Jingang*. Mongorugo no shuujoshi no shoosetsu junjo ni tsuite: Koopasu ni motozuku kijutsuteki kenkyuu (О порядке заключительных частиц в монгольском языке: корпусное исследование) // Koopasu wo mochiita gengo kenkyuu hookoku [Working Papers in Corpus-based linguistics and Language Education]. 2009, 1. P. 129—147.
- König 1991 — *König E.* The Meaning of Focus Particles. A Comparative Perspective. London / New York, 1991.
- Kullman, Tserempil 1996 — *Kullman R., Tserempil D.* Mongolian Grammar. Ulaanbaatar, 1996.
- Kwok 2006 — *Kwok Wai-ying.* A Study of Cantonese Informative Sentence-Final Particles aa3, laa3, wo3 and bo3. Hong Kong, 2006.
- Luke 1990 — *Luke K. K.* Utterance Particles in Cantonese conversation. Amsterdam / Philadelphia, 1990.
- Martin 1961 — *Martin S. E.* Dagur Mongolian Grammar, Texts and Lexicon. The Hague, 1961.
- Nikolaeva 2010 — *Nikolaeva I.* Typology of finiteness // Language and Linguistics Compass. 2010, 4/12. P. 1176—1189.
- Paillard 2015 — *Paillard D.* A study of three particles in Khmer: *tiv, məək, kəh* // Final Particles / Eds. *Hancil S., Haselow A., Post M.* Berlin/Boston, 2015. P. 305—332.
- Pak 2004 — *Pak M.* Korean particles and clause types. Manuscript // <http://faculty.georgetown.edu/portnerp/nsf/site/KoreanParticlesMiokPak.pdf>, 2004 .
- Post 2015 — *Post M.* The North Russian utterance-final particle *dak* as an information structuring device // Final Particles / Eds. *Hancil S., Haselow A., Post M.* Berlin / Boston, 2015. P. 285—304.
- Skribnik 2003 — *Skribnik E.* Buryat // Ed. *Janhunen J.* The Mongolic Languages. London / New York, 2003. P. 102—128.
- Smyth 2002 — *Smyth D.* Thai: An Essential Grammar. London — New York, 2002.
- Sohn 2001 — *Sohn Ho-Min.* The Korean Language. Cambridge, 2001.
- Sohn 2015 — *Sohn Ho-Min* The emergence of utterance-final particles in Korean // Final Particles / Eds. *Hancil S., Haselow A., Post M.* Berlin/Boston, 2015. P. 285—304.
- Umetani 2013 — *Umetani H.* Classifications of some sentence-final modal particles in Khalkha Mongolian // Tokyo University Linguistic Papers. 2013, 33. P. 301—318.
- Yap et al. 2014 — *Yap Foong Ha, Yang Ying, Wong Tak-Sum.* On the development of sentence final particles (and utterance tags) in Chinese // Discourse Functions at the Left and Right Periphery. Cross-linguistic Investigations of Language Use and Language Change. / Eds. *Beechings K., Detges U.* Studies in Pragmatics, 2014. 12. P. 179—220.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена заключительным частицам бурятского языка. Заключительные частицы подробно описаны для таких языков, как японский и кантонский китайский, однако не вполне осмыслены в таком качестве для бурятского языка. В статье анализируются семантические и морфосинтаксические свойства наиболее употребительных бурятских заключительных частиц, а также дается обзор феномена заключительных частиц в ареальной перспективе (анализируются данные некоторых других монгольских языков, а также языков других семей Восточной и Юго-Восточной Азии). Высказывается предположение об ареальном характере заключительных частиц в бурятском языке.

SUMMARY

The paper focuses on the phenomenon of (sentence-)final particles in the Buryat language. Described in detail for such languages as Japanese or Cantonese, final particles have not been properly described as such for Buryat. I analyze semantic and morphosyntactic properties of the most widely used Buryat final particles and their combinations. I also give an overview of final particles as an areal phenomenon characteristic of some other Mongolic languages and the languages of East and Southeast Asia and consider Buryat data within the areal context.

Ключевые слова: заключительные частицы, бурятский язык, ареальная типология, языки Восточной и Юго-Восточной Азии

Keywords: final particles, Buryat language, areal typology, languages of East and Southeast Asia

Панов Владимир Александрович, Институт языкознания РАН (Москва); vladimir.panov1986@yandex.ru

Vladimir A. Panov, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow); vladimir.panov1986@yandex.ru

**Анализ системы консонантизма в казахских памятниках
конца XIX — начала XX вв.**

В конце XIX — начале XX вв. создаются первые казахские памятники на кириллице. Известно, что И. Алтынсарин стоял у истоков просвещения казахов и приобщения их к знаниям на основе кириллического письма. В те годы под руководством иерея Филарета Синьковского в рамках деятельности специальной Переводческой комиссии был создан ряд письменных памятников, которые были мало известны широкому кругу читателей. Примечательно, как прописана цель создания этих текстов в предисловии к одному из памятников: обучение русской речи на базе родного языка. Вот что пишут авторы издания: «Лучшие русские педагоги (Ушинский, Ильминский) придавали величайшее значение родному языку в дѣль правильного развитія дѣтей и народа... Когда русской грамотѣ предшествует родная грамота, первая усваивается легче, сознательнѣе и прочнѣе» [Букварь 1908: 2].

В настоящей статье мы рассматриваем 5 памятников:

1. Букварь для киргизь. Букуар. Казань: Центральная типография, 1908 [Букварь 1908];
2. Езгиликке үйрететин кнеге. Училище благочестія на киргизскомъ языке. Изданіе 3. Православнаго Миссіонерскаго общества. Казань: типографія М. А. Чирковой, 1892 [Училище 1892];
3. Букварь для киргизовъ. Жазуга үйрететин кнеге. Казань: типографія Императорскаго университета, 1892 [Букварь 1892];
4. Ауліе княз Владимир тура динге бзи де крип; орыс калкын-да кргизгени. Крещение Руси на киргизскомъ языке. Казань: типографія М. А. Чирковой, 1892 [Крещение 1892];
5. Киргизско-русскій словарь. Оренбургъ: типо-литографія Б. А. Бреслина, 1897 [Словарь 1897].

Системы консонантизма, отраженные в памятниках, проанализированы нами и сопоставлены с современным казахским языком. Сопоставительный анализ указанных систем помог выявить определенные особенности, проявляющиеся в орфографии памятников. Это отличия от литературного языка по глухости ~ звонкости согласных, нарушение сингармонизма, внутрисловные стяжения, вставки и выпадения фонем, взаимозамены звуков в литературном языке и в языке памятников и т. д. Ниже рассматриваются закономерности, которые встречаются в двух или более памятниках.

Употребление б в памятниках в соответствии с литер. п

В памятниках наблюдается употребление звонкого б вместо глухого п современного литературного языка во всех позициях в слове.

Анлаут

Употребление звонкого б встречается в начале слова в персидских и арабских заимствованиях:

[Училище 1892]

- байгамбарлардын* (персид.) [Училище 1892: 3] ~ лит. каз. *найгамбарлардың* ‘пророков’
- бутка* (персид.) [там же: 7] ~ лит. каз. *пұтқа* ‘идолу’ [Сөздігі 1999: 532]
- бендеси* (персид.) [там же: 11] ~ лит. каз. *пендесі* ‘смертный’.

[Букварь 1892]

- беристе* (персид.) [Букварь 1892: 9] ~ лит. каз. *періште* ‘ангел’.

[Крещение 1892]

- буттарды* (персид.) [Крещение 1892: 4] ~ лит. каз. *пұттарды* ‘идолы’
- буттарын* (персид.) [там же] ~ лит. каз. *пұттарын* ‘их идолы’.

[Словарь 1897]

- байгамбар* (персид.) [Словарь 1897: 30] ~ лит. каз. *найгамбар* ‘пророк’
- байда* (араб.) [там же: 31] ~ лит. каз. *найда* ‘выгода, польза’.

Как видно из примеров, в случаях заимствований из персид. и араб., когда литературный казахский использует п- (а арабские и персидские слова начинаются с п- или ф-), в памятниках представлено б-. Арабское и персидское б- начальное отражается в казахских текстах как б-, например, слово *бендеси* от перс. *бандэ* ‘смертный’ [Рубинчик 1970: 181, 222].

В одном памятнике *б-* в соответствии с литературным *п-* представлено и в исконном слове: *бишип* [Букварь 1908: 21] ~ лит. каз. *nišipin* ‘кроить’.

Инлаут и ауслаут

В памятнике [Букварь 1908] формы с ауслаутным *-п*, совпадающие с литературными, встречаются гораздо чаще, чем формы с ауслаутным *-б*.

Формы на *-п* встречаются 28 раз (см. [там же: 18, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29]):

Мен жаксыларына косулуп, олар-мен бирге ерте туруп, сабагымды окуп, тентек болмадым, тырысып жаксы жаздым.

‘Я присоединился к отличникам, с ними вместе рано вставал, учил уроки, не шалил, старался писать красиво’ [там же: 18].

Асетт базарга барып әжеме көйлөк, жаулық, биздерге көйлөк ыстандык сыса әкелди.

‘Асет поехал на базар, привез бабушке платье и платок, а нам ситцевые отрезки на платье’ [там же: 21].

Касқыр кайтып келеди: козу орнунда жок.

‘Волк возвратился обратно, но ягненка на месте не было’ [там же: 28].

Форм с переходом *-п > -б* в памятнике 15; *-б* представлено на конце морфемы в аналитических глагольных формах со вспомогательным глаголом, начинающимся с гласной, или в именном предикате со связкой, начинающейся с гласной. Ниже приведем семь примеров:

көб-екен [там же: 18] ~ лит. каз. *kөп* ‘много’

көшіүб-еді [там же: 21] ~ лит. каз. *kөшіп еді* ‘переехал’

кетіб-едім [там же] ~ лит. каз. *кетіп едім* ‘я ушел’

оқуб-едім [там же: 23] ~ лит. каз. *оқып едім* ‘я прочитал’

тартыб-алма [там же: 25] ~ лит. каз. *тартып алма* ‘не отбирай’

устаб-алып [там же: 26] ~ лит. каз. *ұстап алып* ‘поймав’

бұруб-алып [там же: 27] ~ лит. каз. *бұрып алып* ‘повернув’.

Еще в семи случаях *-б* употребляется на конце самостоятельных деепричастий перед следующей гласной. Приведем 2 примера:

Касқыр кулаб, өлөйін деп жатқанда айтқан сөзү [там же: 29] ~ лит. каз. *Қасқыр құлап, өлейін деп жатқанда айтқан сөзі*

‘Когда волк лег и собрался помирать, вот как он сказал...’

Касқыр атты кудуктан шыгарыб, енди же-йн де-п жат-кан-да [там же] ~ лит. каз. *Қасқыр атты құдықтан шыгарып, енді жейін деп жатқанда*

‘Когда Волк вытащил лошадь из колодца, только собрался он ее съесть...’

И только в одном случае синтетическая форма с *-б* употребляется в конце предложения:

Касқыр «қане оқуың, айағыңды көтүр!» де-б. [там же] ~ лит. каз. *Қасқыр: «Қане, оқың, аяғыңды көтер!» — деді.*

‘Волк: «Ну-ка, прочту дай-ка, ногу подними!» — сказал’.

В результате анализа этого материала можно отметить, что внутри аналитических глагольных форм перед гласной всегда зафиксирован только вариант с *-б*. В позиции ауслаута изолированного деепричастия перед следующим словом с гласным анлаутом может быть как вариант *-б*, так и вариант *-п*. Если следующее слово начинается на согласный, то возможен только вариант с *-п*.

В отличие от [Букварь 1908], в [Училище 1892] формы с конечнослоговым *-б* приблизительно¹ в десять раз более частотны, чем формы на *-п*:

В конце корневой морфемы:

табсаң [Училище 1892: 19] ~ лит. каз. *тапсаң* ‘если найдешь’

түбти [там же: 23] ~ лит. каз. *тіпті* ‘весьма’.

¹ В связи с большим объемом памятника (более 200 с.) полной статистики по нему к настоящему моменту нет. Статистически оценены пока только первые десять страниц.

В показателе деепричастия:

ойлаб [там же: 3] ~ лит. каз. *ойлап* 'подумав'
өлеб [там же: 4] ~ лит. каз. *өліп* 'умирая'
бериб [там же: 4, 5] ~ лит. каз. *беріп* 'отдав'
туруб [там же: 4] ~ лит. каз. *тұрып* 'встав'
көрніб [там же] ~ лит. каз. *көрініп* 'показавшись'
ишиб [там же] ~ лит. каз. *ішіп* 'выпив'
болыб [там же] ~ лит. каз. *болып* 'находясь'
келиб [там же: 5] ~ лит. каз. *келіп* 'придя'
алыб калыпты [там же] ~ лит. каз. *алыб калыпты* 'оставил'
жаздаб [там же: 8] ~ лит. каз. *жаздап* 'не совершив'
шыгыб [там же] ~ лит. каз. *шыгып* 'выйдя'
жыб-алып [там же: 23] ~ лит. каз. *жиып алып* 'собрав'
бурулыб [там же: 3] ~ лит. каз. *бұрылып* 'повернувшись'
өкиниб [там же: 4] ~ лит. каз. *өкініп* 'сожалея'
адасыб [там же] ~ лит. каз. *адасып* 'заблудившись'
жүгүнүб [там же] ~ лит. каз. *жүгініп* 'приклонившись'
аз-аздаб [там же] ~ лит. каз. *аз-аздап* 'понемногу'.

При этом в памятнике есть и примеры деепричастий на *-п*, совпадающих с литературной нормой: *келип* 'придя' (4 раза, с. 8, 11, 12), *болып* 'находясь' (3 раза, с. 8, 13), *сабап* 'побив' (с. 8), *кетип* 'уходя' (с. 10), *шыгып* 'выйдя' (с. 10), *окип* 'прочитав' (с. 11), *орып* 'выкопав' (с. 11, 12), *алып* 'взяв' (2 раза, с. 11, 13), *санап* 'посчитав' (с. 12), *блип* 'узнав' (3 раза, с. 14, 15), *туруп* 'встав' (с. 14), *кoryп* 'увидя' (с. 14), *тын-дап* 'услышав' (с. 15), *аркалап* 'гостив' (с. 4), *есенгретип* 'одурманив' (с. 5).

Интересно, что в форме давнопрошедшего времени, перед аффиксом *-ти*, статистика другая: только три раза на первых 20 страницах встретилась форма давнопрошедшего времени на *-б*:

жөрүбти [там же: 4] ~ лит. каз. *жүріпті* 'ходил, оказывается' [там же: 4]
дебти [там же: 4, 13] ~ лит. каз. *депті* 'оказывается, сказал' [там же: 4, 13].

При этом написание *депти*, соответствующее литературному, встретилось 21 раз. В остальных случаях (их на первых 20 страницах в памятнике свыше 40) форма глагола соответствует литературной форме давнопрошедшего времени: *болыпты*, *айтыпты*, *калыпты*, *тастанты*, *суранты* и т. д. [там же: 3—15].

В [Букварь 1892] все деепричастия прошедшего времени оканчиваются только на согласный *-б*.

уқыб [там же: 10] ~ лит. каз. *ұқып* 'поняв'
коркыб [там же: 11] ~ лит. каз. *қорқып* 'испугавшись'
уруб [там же] ~ лит. каз. *ұрып* 'ударив'
айтыб [там же: 12] ~ лит. каз. *айтып* 'сказав'
истеб [там же] ~ лит. каз. *істен* 'сделав'
сактаб [там же] ~ лит. каз. *сақтап* 'сохранив'
сүйүб [там же: 14] ~ лит. каз. *сүйіп* 'полюбив'
көриб [там же: 15] ~ лит. каз. *көріп* 'увидя'
естиб [там же] ~ лит. каз. *естіп* 'услышав'
берниб [там же] ~ лит. каз. *берініп* 'сделать что-то от души'
көниб [там же] ~ лит. каз. *көніп* 'согласившись'
бетбейтин [там же: 16] ~ лит. каз. *бетпейтін* 'не закончившийся'
куруб [там же] ~ лит. каз. *құрып* 'создав'
тынгдаб [там же: 18] ~ лит. каз. *тыңдап* 'послушав'
кашыб [там же: 19] ~ лит. каз. *қашып* 'убежав'
жүдеб [там же: 20] ~ лит. каз. *жүдеп* 'исхудавший'
байкаб [там же] ~ лит. каз. *байқап* 'заметив'
сынаб [там же] ~ лит. каз. *сынап* 'критикуя'
айтба [там же: 21] ~ лит. каз. *айтпа* 'не говори'
караб [там же] ~ лит. каз. *қарап* 'посмотрев'
күлүб мазак [там же: 22] ~ лит. каз. *күліп мазақ* 'высмеивать'
келиб [там же] ~ лит. каз. *келіп* 'придя'
тилеб [там же] ~ лит. каз. *тілеп* 'пожелав'
алыб [там же: 23] ~ лит. каз. *алып* 'взяв'

байлаб [там же] ~ лит. каз. *байлап* 'завязав, привязав'
токаб [там же] ~ лит. каз. *тоқтап* 'остановившись'
сүйтүб [там же] ~ лит. каз. *сөйтін* 'так сделал'
құрметтеб [там же: 11, 12] ~ лит. каз. *құрметтеп* 'уважая'
қуаныб [там же: 12] ~ лит. каз. *қуанып* 'радуясь'
сүйүнүб [там же] ~ лит. каз. *сүйініп* 'опираясь'
қадірлеб [там же: 13] ~ лит. каз. *қадірлеп* 'уважая'
телмириб [там же: 17] ~ лит. каз. *телміріп* 'не отрывая глаз'
мұңаиб [там же: 20] ~ лит. каз. *мұңайып* 'погрустнев'
тыйылыб [там же] ~ лит. каз. *тыйылып* 'перестав что-либо делать'
семиртиб [там же] ~ лит. каз. *семіртіп* 'откормив'
қайғырыб [там же] ~ лит. каз. *қайғырып* 'печалюсь'
жұбатыб [там же: 21] ~ лит. каз. *жұбатып* 'успокаивая'
мысқылдаб [там же: 22] ~ лит. каз. *мысқылдап* 'посмеиваясь'
үкүттеб [там же] ~ лит. каз. *үгіттеп* 'агитируя'
умутүб [там же] ~ лит. каз. *ұмытып* 'забыв'
уйалаб-қызырыб [там же] ~ лит. каз. *ұялып қызарып* 'стеснясь, краснея'
арқалаб [там же: 23] ~ лит. каз. *арқалап* 'взвалив на спину'
көтеріб [там же] ~ лит. каз. *көтеріп* 'подняв'
зарыгыб [там же] ~ лит. каз. *зарығып* 'выражать сильно что-нибудь'.

Кроме того, в памятнике регулярно пишется с *б*- показатель отрицания, в том числе когда он идет после глухого согласного, т. е. в той позиции, где в литературном казахском пишется *п*:

умутба [там же: 12] ~ лит. каз. *ұмытпа* 'не забудь'
ренжитбе [там же: 13] ~ лит. каз. *ренжітпе* 'не обижай'
умутбайсын [там же: 10] ~ лит. каз. *ұмытпайсын* 'пусть не забудет'
адасбайды [там же: 14] ~ лит. каз. *адаспайды* 'не заблудится'.

Ср. также два оставшихся памятника:

жакбады [Крещение 1892: 10] ~ лит. каз. *жақпады* 'не понравилось'
акбар (араб.) [Словарь 1897: 11] ~ лит. каз. *ақпар* 'известие, новость'
әдиб (персид.) [там же: 26] ~ лит. каз. *әдеп* 'вежливость, учтивость'
әлбет (араб.) [там же: 27] ~ лит. каз. *әлпет* 'выражение лица'.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что замена *п* литературного языка в памятниках звонким *б* чаще всего происходит в деепричастиях прошедшего времени и в других глагольных формах (формы давнопрошедшего времени, отрицательные формы).

В четвертом и пятом памятниках в незаимствованной лексике наблюдается соответствие литературной норме современного казахского языка.

Употребление *-б* в глагольных формах памятников, на наш взгляд, можно объяснить влиянием арабской графики: в арабографических текстах на среднеазиатском тюрки в этих случаях употреблялась буква *бет*. Ср. также традицию арабографического написания в староанатолийских памятниках: «В текстах староанатолийского турецкого языка согласный /п (р)/ в начале, в середине и в конце слова в большинстве случаев пишется арабской буквой /б/, и иногда буквой /п/; а деепричастие *-Up* всегда пишется буквой /б/» [Muharrem 1993: 24].

Употребление *д* в памятниках в соответствии с литер. *т* в рассмотренных текстах встречается редко.

Анлаут

[Словарь 1897]

дажал (персид.) [Словарь 1897: 54] ~ лит. каз. *тажал* 'антихрист, лжепророк'
деңиз [там же: 57] ~ лит. каз. *теңіз* 'море'
дандан [там же: 58] ~ лит. каз. *аң-таң* 'удивлен'
дүзөт [там же] ~ лит. каз. *түзет* 'исправь'.

Слово *дажал* в памятнике пишется с *д*- в соответствии со звучанием в языке-источнике (персидском): *дәджджал* 'антихрист' [Рубинчик 1970: 611].

Слово *дандан* в памятнике эквивалентно парному слову в литературном языке *аң-таң*. *Дандан*, подобно другим парным словам казахского языка, должно писаться через дефис, например, *бала-шаға* ‘детвора’, *әке-шеше* ‘родители’, *анау-мынау* ‘кто-то’ и т. д.

Инлаут и ауслаут

Употребление глухого *t* в памятниках вместо звонкого *d* литературного языка наблюдается в показателе прошедшего времени:

[Училище 1892]

дейти [Училище 1892: 13] ~ лит. каз. *дейді* ‘сказал’
есттим [там же] ~ лит. каз. *естідім* ‘я слышал’.

Употребление *k* в памятниках в соответствии с литер. *x* встречается иногда в начале слова, в основном в заимствованиях:

[Букварь 1908]

сәлем кат (араб.) [Букварь 1908: 21] ~ лит. каз. *сәлем хат* ‘послание, письмо’
падса каньмы [там же: 36] ~ лит. каз. *патша ханымы* ‘императрица, царица’.

[Училище 1892]

калыкка (араб.) [Училище 1892: 10] ~ лит. каз. *халыққа* ‘народу’.

[Букварь 1892]

калкы (араб.) [Букварь 1892: 16] ~ лит. каз. *халқы* ‘народ’.

[Крещение 1892]

калыкпенен (араб.) [Крещение 1892: 3] ~ лит. каз. *халықпенен* ‘с народом’
калыкмды (араб.) [там же: 12] ~ лит. каз. *халқымды* ‘мой народ’
калкы (араб.) [там же: 16] ~ лит. каз. *халқы* ‘народ’
кабар (араб.) [там же: 17] ~ лит. каз. *хабар* ‘известие’
какында (араб.) [там же: 27] ~ лит. каз. *хақында туралы* ‘о праве’.

Один пример подобной рефлексии зафиксирован в инлауте:

[Словарь 1897]

даркан [Словарь 1897: 56] ~ лит. каз. *дархан* ‘просторный’.

Орфографическая вставка или отсутствие *й* между гласными

В современной казахской орфографии для записи сочетания гласных */i/, /y/* с последующим глайдом */й/* используется буква *и* (простая гласная */i/* записывается буквой *i*). В рассматриваемых памятниках этот графический прием не выработан, сочетания гласных с глайдом записываются сочетанием букв:

[Букварь 1908]

сыйыр [Букварь 1908: 14] ~ лит. каз. *сыыр* ‘корова’
ийс [там же] ~ лит. каз. *иіс* ‘запах’
мій [там же] ~ лит. каз. *ми* ‘мозги’
шій [там же] ~ лит. каз. *ши* ‘растение, рана’
толу бийдай [там же: 15] ~ лит. каз. *толы бидай* ‘полна зерна’
зыйансыз [там же] ~ лит. каз. *зиянсыз* ‘безвредный’
кыйсык [там же: 17] ~ лит. каз. *қисық* ‘кривой’
кйиндим [там же: 23] ~ лит. каз. *киндім* ‘я оделся’
тйе [там же: 26] ~ лит. каз. *тие* ‘упаковывать’ [Сөздігі 1999: 634]
жыйырма [там же: 30] ~ лит. каз. *жиырма* ‘двадцать’
кйіз үй [там же: 33] ~ лит. каз. *киіз үй* ‘юрта’.

[Училище 1892]

окыйды [Училище 1892: 9] ~ лит. каз. *оқиды* ‘учится’.

[Букварь 1892]

кыйын [Букварь 1892: 3] ~ лит. каз. *қиын* ‘трудный, тяжело’

бййдай [там же: 7] ~ лит. каз. *бидай* 'зерно'
бййкеш [там же] ~ лит. каз. *бикеш* 'юная девушка'
жыйрма [там же: 11] ~ лит. каз. *жиырма* 'не сворачивай, не скручивай'.

[С л о в а р ь 1 8 9 7]

бйй [Словарь 1897: 42] ~ лит. каз. *би* 'судья'
бййе [там же: 43] ~ лит. каз. *бие* 'лошадь'
бййк [там же] ~ лит. каз. *биік* 'высокий, высоко'
бййыл [там же] ~ лит. каз. *биыл* 'в этом году'
бййле [там же] ~ лит. каз. *биле* 'танцуй'.

Диэреза согласной й в памятниках

При записи сочетаний типа /Vii/, /Vyy/, где первая гласная не равна /i/, /y/, практически регулярно *й* в памятниках опускается:

[Б у к в а р ь 1 9 0 8]

шеин [Букварь 1908: 23] ~ лит. каз. *шейін* 'до этого'
кеин [там же: 25] ~ лит. каз. *кейін* 'после'.

[У ч и л и щ е 1 8 9 2]

жйинг [Училище 1892: 3] ~ лит. каз. *жайың* 'твое положение, состояние'
йинген [там же: 4] ~ лит. каз. *үйіңнен* 'из дома'
йине керди [там же] ~ лит. каз. *үйіне кірді* 'зашел домой'
зарыкбаинша [там же: 6] ~ лит. каз. *зарықбайынша* 'не буду печалиться'
калаинша [там же: 10] ~ лит. каз. *қалайынша* 'как, каким образом'
береин [там же: 12] ~ лит. каз. *берейін* 'отдам'
күйеуин [там же: 14] ~ лит. каз. *күйеуін* 'муж, мужа'.

[Б у к в а р ь 1 8 9 2]

мирам [Букварь 1892: 9] ~ лит. каз. *мейрам* 'праздник'
табаин [там же: 12] ~ лит. каз. *табайын* 'я найду'
алаин [там же] ~ лит. каз. *алайын* 'я возьму'
сыла [там же: 16] ~ лит. каз. *сыйла* 'подари'
кешипеилде [там же] ~ лит. каз. *кішіпейілде* 'вежливый'
мунаиб [там же: 20] ~ лит. каз. *мұңайып* 'погрустив'
ынгаина [там же: 21] ~ лит. каз. *ыңғайына* 'как получится'.

[К р е щ е н и е 1 8 9 2]

жаилип [Крещение 1892: 5] ~ лит. каз. *жайылып* 'распространиться'
сөйлеин [там же: 8] ~ лит. каз. *сөйлейін* 'буду говорить'
уаимдап [там же] ~ лит. каз. *уайымдап* 'переживая'
күн саин [там же: 19] ~ лит. каз. *күн сайын* 'ежедневно'
деин [там же: 20] ~ лит. каз. *дейін* 'послелог, сл. слово'
тиалмай [там же: 26] ~ лит. каз. *тыйа алмай* 'не смог запретить'.

Только в одном источнике представлен пример другого типа:

[С л о в а р ь 1 8 9 7]

әбиір (персид.) [Словарь 1897: 26] ~ лит. каз. *әбүйір* 'достоинство'.

Слово *әбиір* образовано от персидского *аб руй*, что означает дословно 'вода лица', т.е. 'достоинство' [Рубинчик 1970: 38].

Диэреза *й* в такой позиции происходит и в современной устной речи носителей казахского языка в сочетании двух разнородных гласных (см. *мунаиб*, *береин* и т. д.).

Употребление с в памятниках в соответствии с лит. ш

Все замены фонем происходят внутри слова. В первых четырех памятниках они присутствуют только в арабских и персидских заимствованиях, но в [Крещение 1892] они присутствуют в нескольких случаях и в исконных словах.

[Букварь 1908]

патсаны (араб.) [Букварь 1908: 24] ~ лит. каз. *патшаны* ‘правителя’
патсага (араб.) [там же] ~ лит. каз. *патшага* ‘правителю’
патсамызды (араб.) [там же] ~ лит. каз. *патшамызны* ‘нашего правителя’
доспандық (араб.) [там же: 25] ~ лит. каз. *дұшпанды* ‘врага’.

[Букварь 1892]

патсалык (араб.) [Букварь 1892: 16] ~ лит. каз. *патшалығын* ‘правление’
патса (араб.) [там же] ~ лит. каз. *патша* ‘правитель’
патсамызга (араб.) [там же] ~ лит. каз. *патшамызга* ‘нашему правителю’
патсамыз (араб.) [там же] ~ лит. каз. *патшамыз* ‘наш правитель’.

В памятнике [Букварь 1892: 15—16] слово *патса* встречается десять раз в различных морфологических формах.

[Крещение 1892]

патса (араб.) [Крещение 1892: 9] ~ лит. каз. *патша* ‘царь, правитель’.
дуспандық (араб.) [там же: 18] ~ лит. каз. *дұшпандық* ‘враждебность’.

[Училище 1892]

берсте (перс.) [Училище 1892: 4, 14, 15] ~ лит. каз. *перште* ‘ангел’.

Такая передача перс. *ш* в первых кириллических книгах может объясняться, например, тем, что в казахский язык это заимствование проникло еще до перехода *ш* > *с*.

Употребление ш в памятнике [Крещение 1892] в соответствии с лит. с

дындеш [Крещение 1892: 5] ~ лит. каз. *діндес* ‘одной религии’
согышпақшы [там же: 11] ~ лит. каз. *согыспақшы* ‘намерен сражаться, воевать’
согышта [там же] ~ лит. каз. *согыста* ‘на войне’
немштер-де (рус.) [там же: 6] ~ лит. каз. *немштерде* ‘у немцев’.

Употребление м в памятниках в соответствии с лит. каз. б

В современном казахском языке в местоименных корнях с **b-* норма допускает два варианта в отношении употребления *б-* и *м-*. Первый — варианты с *б-* и *м-* могут употребляться параллельно, например, *бұнда* — *мында*, *бұл* — *мынау*, *маган* — *бұған*, *менде* — *бұнда*. Второй — в анлауте и инлауте пишется только звонкий губной [б]. В памятниках *б* в этих формах иногда заменяется на *м*, что больше соответствует разговорной или диалектной речи современного казахского языка.

[Букварь 1908]

мунан [Букварь 1908: 24, 26] ~ лит. каз. *бұдан* ‘отсюда’.

[Крещение 1892]

мунан сон [Крещение 1892: 11] ~ лит. каз. *бұдан соң* ‘после этого’.

Ср. также *курманга* (персид.) [там же: 3] ~ лит. каз. *құрбанга* ‘жертвоприношению’ и *курмандык* (персид.) [Училище 1892: 15] ~ лит. каз. *құрбандық* ‘жертвоприношение’. По-видимому, здесь произошло такое же ассимилятивное развитие *б* > *м* в присутствии в том же слоге носового согласного, как и то, что в свое время привело к чередованиям в местоименных корнях, см. [Кононов 1980: 64].

Употребление согласной н в соответствии с лит. каз. д

Носовой *н* встречается вместо *д* в окончании винительного падежа:

[Букварь 1908]

патсамызны [Букварь 1908: 24] ~ лит. каз. *патшамызды* ‘нашего правителя’.

[Словарь 1897]

қудайларыңни [Словарь 1897: 4] ~ лит. каз. *құдайларыңды* ‘ваших богов’
қутқаруны [там же: 8] ~ лит. каз. *құтқаруды* ‘освобождение’.

Следует отметить, что здесь мы имеем дело с выбором алломорфов в определенных позициях, это проблемы скорее морфологические, нежели фонетические.

Отличия в употреблении согласной л в памятниках по сравнению с лит. каз.**1. Диереза в [Училище 1892]:**

бу [Училище 1892: 7, 14, 15] ~ лит. каз. *бұл* 'это'.

Форма *бұл* представляет инновационную (по аналогии с *ол* 'тот') форму лично-указательного местоимения в тюркских языках: «изоглоссы закрытых слогов лично-указательного местоимения и указательного «этого» приходятся на области распространения казахского и каракалпакского (*ol* и *bul*) и башкирского (*ul* и *bul*)» [СИГТЯ 1988: 215]. *Бу* в памятнике может указывать на особенность диалектной морфологии.

2. Употребление согласной л в соответствии с лит. каз. т в аффиксах -лы/-лі

жазыклы [там же: 13] ~ лит. каз. *жазықты* 'виноват'.

Известно, что в отыменных древнетюркских аффиксах *-лық/-лығ, -лік/-ліг* в более позднее время происходит усечение конечных согласных: *-лы/-лі*. Начиная с XIV в. в западных тюркских языках *-лы/-лі* имели фонетические варианты *-ты/-ті*: *атлы* (*атты*), *алғашлы* (*алғысты*), *азықлы* (*азықты*), *бақытлы* (*бақытты*) [Томанов 1981: 185]. Но поскольку в радловских казахских текстах (см. [Радлов 1963]) уже зафиксированы формы на *-ты*, надо предполагать, что *жазыклы* в памятнике отражает другой диалект.

3. Прочее

[Букварь 1892]

улуғлауға [Букварь 1892: 11] ~ лит. каз. *ұлықтауға* 'возвеличиванию'

құдайлан [там же] ~ лит. каз. *құдайдан* 'от бога'.

[Крещение 1892]

апаралық [Крещение 1892: 3] ~ лит. каз. *апарайық, апарамыз* 'унесем'

нәрселди [там же: 4] ~ лит. каз. *нәрсені* 'предмету, вещи'

бостанлық [там же: 24] ~ лит. каз. *бостандық* 'свобода'.

Все проиллюстрированные выше морфонологические особенности могут отражать разные диалекты или влияние татарского языка.

Диереза согласных

[Букварь 1908]

бизин [Букварь 1908: 21, 24, 36] ~ лит. каз. *біздің* 'наши'.

[Училище 1892]

бзин [Училище 1892: 3, 7] ~ лит. каз. *біздің* 'наш'.

[Букварь 1892]

безин [Букварь 1892: 14] ~ лит. каз. *біздің* 'наш'

сонсон [там же: 23] ~ лит. каз. *сонан соң* 'после него'.

[Крещение 1892]

сендерин [Крещение 1892: 4] ~ лит. каз. *сендердің* 'ваши'

бзин [там же: 7] ~ лит. каз. *біздің* 'наш'

келгененсон [там же: 3] ~ лит. каз. *келгеннен соң* 'после того как пришли'

табыушилар [там же: 4] ~ лит. каз. *табынушылар* 'табунщики'

турмы [там же: 13] ~ лит. каз. *тұрмын* 'стою'

андаған [там же: 5] ~ лит. каз. *аңғарған* 'заметил'

нәстеге [там же: 16] ~ лит. каз. *нәрсеге* 'предмету'

нөрседеди [там же: 15] ~ лит. каз. *нәрселерді* 'предметам'.

В памятниках представлены несколько вариантов слова *біздің* 'наши': *бизин, бзин, безин, бизин*. Скорее всего, мы имеем дело с иной парадигмой местоименного склонения, отличной от современного казахского языка. Что касается местоимения 3 л., встретились формы *онан да* [Букварь 1908: 24]

(ср. *одан да* ‘у него’ в литературном языке); *онсон* [Словарь 1897: 4] (ср. в литературном языке *одан соң* ‘после него’). Оба варианта местоимений *онан да* ~ *одан да* в настоящее время используются в современном казахском языке, однако местоимение *одан* чаще используется в письменной речи. Вероятно, здесь также проявилось влияние диалектной морфологии.

Заключение

Резюмируя изложенное, следует отметить, что между системами консонантизма в рассмотренных памятниках имеются существенные различия, которые, вероятно, главным образом связаны с их разнодиалектным характером. Помимо этого, все памятники отражают определенный этап исторического развития казахского языка. Одним из показателей этого развития является **процесс формирования глухости и звонкости** в тюркских языках. По мнению Н. А. Баскакова, фонематизация аллофонов по глухости/звонкости — один из позднейших процессов в развитии фонологической структуры тюркских языков; характерен он, например, для современного алтайского [Баскаков 1988: 73]. Мы считаем, что этот процесс происходил и в казахском языке, в памятниках наблюдается «крен» в сторону звонких согласных, на месте которых в современном казахском употребляются глухие (ср. *б, д, з* в текстах памятников в соответствии с лит. каз. *п, т, к*).

Фонетические различия между памятниками и современным литературным казахским обусловлены целым рядом факторов.

Во-первых, это **орфоэпические тенденции**: согласные в памятниках отражают устное произношение (как слышатся, так и пишутся); в литературном казахском языке орфография менее близка к произношению, ср. пары (согласный в памятниках / согласный в лит. каз.) *б/п; к/х; йй, ый / и; б/м*.

Во-вторых, это **возможное влияние на язык памятников диалектов и говоров**.

В-третьих, это не имеющие системного характера **различия в адаптации заимствований** (арабский «след» в написании персоязычных и арабоязычных заимствований, особенно в сфере религиозной лексики). Вероятно, можно усматривать также влияние на памятники соседних тюркских языков (татарского, башкирского) и русского языка.

Сокращения

3 л. — третье лицо	персид. — персидский язык
араб. — арабский язык	рус. — русский язык
лит. каз. — литературный казахский язык	сл. — служебный

Литература

- Баскаков 1988 — Баскаков Н. А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. М., 1988. {*Baskakov N. A. Historical typological phonology of Turkic languages. M., 1988.*}
- Букварь 1892 — Букварь для киргизовъ. Жазуга үйрететин кнеге. Казань, 1892. {*Primer for the Kirghiz people. Zhazuga üjretetin knege. Kazan', 1892.*}
- Букварь 1908 — Букварь для киргизъ. Букуар. Казань, 1908. {*Primer for the Kirghiz people. Bukuar. Kazan', 1908.*}
- Кононов 1980 — Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980. {*Kononov A. N. Grammar of the 8th-9th cent. Turkic runic monuments' language. L., 1980.*}
- Крещение 1892 — Аулие княз Владимир тура динге бзи де крип; орыс калкын-да кргизгени. Крещение Руси на киргизскомъ языке. Казань, 1892. {*Aulie kn'az Vladimir tura dinge bzi de krip; orys kalkyn-da krgizgeni. Christianization of Russia in the Kirghiz language. Kazan', 1892.*}
- Радлов 1963 — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий в 4 томах. Т. 4. М., 1963. {*Radlov V. V. An attempt of a dictionary of the Turkic dialects in 4 volumes. Vol. 4. M., 1963.*}
- Рубинчик 1970 — Персидско-русский словарь в 2 томах / Ред. Рубинчик Ю. А. М., 1970. {*Persian-Russian dictionary in 2 volumes / Ed. Rubinchik Yu. A. M., 1970.*}
- СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988. {*Comparative-historical grammar of Turkic languages. Morphology. M., 1988.*}
- Словарь 1897 — Киргизско-русский словарь. Оренбургъ, 1897. {*Kirghiz-Russian dictionary. Orenburg', 1897.*}
- Сөздігі 1999 — Қазақ тілінің сөздігі. Алматы, 1999. {*Qazaq tiliniñ sözdigi. Almaty, 1999.*}

Томанов 1981 — *Томанов М.* Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. Фонетика. Морфология. Алматы, 1981. {*Tomanov M.* Qazaq tiliniñ tarihi grammatikasy. Phonetics. Morphology. Almaty, 1981.}

Училище 1892 — *Езгиликке үйрететин кнеге.* Училище благочестія на киргизскомъ языке. Издание 3. Православнаго Миссіонерскаго общества. Казань, 1892. {*Ezgilikke üjretetin knege.* A school of piety in the Kirghiz language. An edition of the 3rd Orthodox Missionary society. Kazan', 1892.}

Muharrem 1993 — *Muharrem E.* Osmanlıca Dersleri. İstanbul, 1993.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются пять казахских памятников конца XIX — начала XX вв. Выявляются особенности их консонантизма, проявляющиеся в орфографии, в сопоставлении с современным литературным казахским («крен» в сторону звонких согласных, нарушение сингармонизма, внутрисловные стяжения, вставки и выпадения фонем). Отмечается, что рассматриваемые памятники отражают определенный этап исторического развития казахского языка, в частности, процесс фонематизации аллофонов по глухости / звонкости. Выделяются основные факторы, обуславливающие фонетические различия между памятниками и современным литературным казахским (орфоэпические тенденции, влияние на язык памятников диалектов и говоров, влияние других языков (арабского, русского, тюркских языков)).

SUMMARY

In the article, five Kazakh written monuments of the late 19th and early 20th centuries are discussed. Some peculiarities of consonantism that appear in spelling are found out, in comparison with the modern literary Kazakh language ("bias" in favour of voiced consonants, vowel harmony violation, intra-word contractions, insertions and losses of phonemes). It is noted that the monuments at hand reflect a certain stage in the historical development of the Kazakh language, in particular, the process of the allophones' phonematization by voicelessness / sonority. We were able to single out the main factors causing the phonetic differences between the monuments and Modern Literary Kazakh (orthoepic tendencies, impact of dialects and sub-dialects on the monuments' language, influence of other languages (Arabic, Russian, and Turkic languages)).

Ключевые слова: тюркские языки, казахский язык, орфография, литературная норма, консонантизм, заимствования, фонетические переходы

Keywords: Turkic languages, Kazakh, orthography, literary norm, consonantism, loanwords, phonetic shifts

Шаймердинова Нурила Габбасовна, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана); nurila1607@mail.ru

Nurila G. Shaymerdinova, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana); nurila1607@mail.ru

Первые кириллические книги на казахском языке как источники для изучения истории диалектов и создания литературной нормы¹

В статье Н. Г. Шаймердиновой рассмотрены пять кириллических книг, созданных на казахском языке начиная с 1883 г. под руководством иерея Филарета Синьковского в рамках деятельности Переводческой комиссии:

Езгиликке үйрететин кнеге. Училище благочестія на киргизскомъ языке. Изданіе 3. Православнаго Миссіонерскаго общества. Казань: типографія М. А. Чирковой, 1892 [Училище 1892];

Букварь для киргизовъ. Жазуга үйрететин кнеге. Казань: типографія Императорскаго университета, 1892 [Букварь 1892];

Ауліе княз Владимир тура динге бзи де крип; орыс калкын-да кргизгени. Крещение Руси на киргизскомъ языке. Казань: типографія М.А. Чирковой, 1892 [Крещение 1892];

Киргизско-русскій словарь. Оренбургъ: типо-литографія Б. А. Бреслина, 1897 [Словарь 1897];

Букварь для киргизъ. Букуар. Казань: Центральная типографія, 1908 [Букварь 1908].

В работе описываются особенности употребления графем, передающих согласные в этих текстах, в сравнении с орфографией современного литературного казахского языка.

В настоящей дискуссионной заметке нам бы хотелось сделать некоторые уточнения к выводам Н. Г. Шаймердиновой и при этом показать, что при работе с письменными памятниками необходим комплексный анализ: совмещение лингвистического исследования особенностей употребления гласных и согласных с внешней информацией о месте создания и авторах того или иного текста. Такой подход позволяет использовать первые кириллические книги в качестве важного источника для изучения истории казахских диалектов и процесса становления современного литературного языка.

Из истории существования Киргизской (Казахской) миссии, в рамках работы которой были подготовлены вышеперечисленные книги, известно, что было два основных миссионерских центра: Центральный на востоке в районе современного г. Семипалатинска и Черноярский на севере Казахстана в Акмолинской области [Отчет 1902: 51—52].

Можно ли, исходя из времени создания станов миссии в Казахстане и дат издания книг, с уверенностью сказать, где они были подготовлены? Для ответа на этот вопрос обратимся к краткой справке о создании Киргизской (Казахской) миссии. «В сентябре 1882 г. епископ Владимир (Петров), руководивший тогда викарной Бийской кафедрой, назначил первым киргизским миссионером алтайского миссионера-священника Филарета Синьковского (позже Преосвященного Владимира, епископа Владикавказского) с помощником — новокрещенным киргизом А. Холуевым. О. Филарет поселился в Усть-Каменогорске, затем переехал в Семипалатинск и, наконец, 11 декабря 1893 г. окончательно утвердил свое местопребывание и опорный миссионерский пункт в казачьем поселке Букон, находящемся в 20 верстах от г. Кокпекты» [Ястребов 1898: 153—154].

С 1895 г. Киргизская миссия окончательно отделилась от Алтайской, подчинившись Омскому епископату. В Омской епархии деятельность миссии распространялась на две области: Семипалатинскую и Акмолинскую. В Семипалатинской области также действовали станы Буконский, Больше-Нарымский, Долонский, Шульбинский, Баян-Аульский и Бельганский. В Акмолинской области упоминаются Татарский, Атбасарский и Александровский станы [Отчет 1899: 100].

Итак, учитывая, что Акмолинские станы миссии начали создаваться только после 1894 г., можно предположить, что первые три книги, которые мы планируем рассмотреть в рамках настоящей статьи, — [Училище 1892; Букварь 1892; Крещение 1892] — созданы в Семипалатинской области.

Возможно ли уточнить место создания двух более поздних книг — [Словарь 1897; Букварь 1908]?

Оказывается, что обращение к информации о носителях казахского языка, которые помогали в составлении первого «Киргизско-русского словаря» 1897 г., позволяет это сделать. Указывается, что он был составлен «при помощи киргизов Балгимбаева, Мирмана Бийсенева, Сарыбатырова, Джумалиева, бывшего учителя султана Бахтигиреева». Нам удалось найти информацию о султана² Бахтигирееве, который жил в Уральске (западный Казахстан, бывшая Оренбургская область [Памятная книжка 1899]). Таким образом, у нас появляется архивное свидетельство, согласно которому участник создания первого «Киргизско-русского словаря» был из Западного Казахстана. Эти данные согласуются и с тем, что сло-

¹ Работа велась при поддержке гранта РФФИ № 14-06-00271.

² В данном случае имеется в виду ненаследственный титул казахской знати.

варь — единственная из пяти книг, опубликованная не в Казани, а в Оренбурге, в котором тоже был центр книгопечатания Переводческой комиссии в XIX и начале XX в., и он находился значительно ближе к Акмолинской области (где появился стан после 1895 г.), чем Казань.

О создателях [Букварь 1908] у нас нет надежной информации. В ряде интернет-источников, см., например, <http://www.kazportal.kz/u-istokov-rusско-kazahskogo-bilingvizma/>, как первый словарь, так и оба букваря связываются с именем В. В. Катаринского. Но в самих книгах и в отчетах Переводческой комиссии эту информацию мы не нашли. Поэтому представляется, что как раз лингвистический анализ особенностей языка рассматриваемой книги позволит ответить на вопрос о месте их создания³. В дальнейшем мы надеемся привлечь к рассмотрению также языковой материал книги В. В. Катаринского «Грамматика киргизского языка» (Оренбург, 1906 г.), которая тоже была создана при помощи Султана Бахтигиреева, участвовавшего и в создании первого словаря.

1. Миссионерские кириллические книги на казахском языке, созданные в Семипалатинской области

1.1. Гласные первого слога

В статье [Норманская, Шаймердинова 2016] мы уже останавливались на обзоре особенностей употребления гласных графем в первых трех книгах, созданных в Семипалатинской области. Кратко результаты проведенного анализа можно представить в следующем виде⁴:

Таблица 1

Особенности употребления гласных первого слога в семипалатинских книгах⁵

лит. каз.	<i>i</i>	<i>ы</i>	<i>ө</i>	<i>ү</i>	<i>о</i>	<i>ұ</i>	<i>е</i>	<i>ә</i>	<i>а</i>
Училище 1892	<i>u</i> /-	<i>ы</i>	<i>ö</i> / (<i>ÿ</i>)	<i>ÿ</i> / <i>ö</i>	<i>o</i>	<i>y</i>	<i>e</i>	<i>ä</i>	<i>a</i>
Букварь 1892	<i>u</i> /- / <i>e</i>	<i>ы</i>	<i>ö</i>	<i>ÿ</i> / (<i>ö</i>)	<i>o</i>	<i>y</i>	<i>e</i>	<i>ä</i>	<i>a</i>
Крещение 1892	<i>u</i> /- / (<i>ы</i>)	<i>ы</i>	<i>ö</i> / <i>o</i>	<i>ö</i> / <i>ÿ</i> (#)	<i>o</i>	<i>y</i> / <i>o</i> (#)	<i>e</i> / <i>u</i>	<i>ä</i> / <i>a</i>	<i>a</i>

[Училище 1892]

Стандартное соответствие [Училище 1892] *u* — лит. каз. *i*;

[Училище 1892] отсутствие гласной — лит. каз. *i*:

[Училище 1892] отсутствие гласной	лит. каз. <i>i</i>
<i>бзин</i>	<i>біздің</i> 'наши'
<i>ккерси</i>	<i>кіресін</i> 'зайдешь'
<i>тленшилерге</i>	<i>тіленшілерге</i> 'пожелавшим'
<i>бр</i>	<i>бір</i> 'один'
<i>блү</i>	<i>білу</i> 'знать'
<i>жббермейтн</i>	<i>жібермейтін</i> 'не отпускал'
<i>тленшиге</i>	<i>тіленшіге</i> 'пожелавшему'
<i>бр-азрак</i>	<i>біразырақ</i> 'предостаточно'

Надо отметить, что статистически вариант с соответствием [Училище 1892] *u* — лит. каз. *i* более частотный. Выпадение зафиксировано только в 8 формах.

³ Локализация памятника письменности может подразумевать, во-первых, выяснение места его написания, что можно делать историческими и палеографическими методами. Во-вторых, можно заниматься собственно языковой/диалектной привязкой памятника, по лингвистическим данным: фонетическим, морфологическим, синтаксическим или лексико-семантическим, и установлением их соотношения с тем, что нам известно о языке других, уже локализованных, памятников письменности и об особенностях современных диалектов. Этот подход в тюркологии был реализован, например, в работе [Благова 1982], с опорой в первую очередь на морфологические признаки, в диссертации [Савельев 2014], на основании анализа фонетических особенностей. Насколько нам известно, анализ лексико-семантических признаков в тюркологии ранее использовался только для анализа локализации праязыка ср. [Норманская 2006, 2008]. В настоящей работе мы предлагаем применение этого метода, с опорой на фонетические особенности, к анализу [Букварь 1908].

⁴ Отметим, что особые соответствия во всех рассмотренных ниже книгах, если это не обусловлено правилом гармонии гласных, встречаются практически только в безударной позиции (количество особых написаний в однословах и последнем ударном слоге, не оправданных правилом гармонии, менее 3-4 случаев в каждом из памятников).

⁵ Здесь и далее в таблицах указаны только такие способы написания, на которые найдено не менее трех примеров. Написания, которые зафиксированы трижды, взяты в скобки.

Стандартное соответствие [Училище 1892] *ö* — лит. каз. *o*;

[Училище 1892] *ю/յ* — лит. каз. *o*:

[Училище 1892] <i>ю / ј</i>	лит. каз. <i>o</i>
<i>кюрелмайды</i>	<i>көре алмайды</i> ‘завидует’
<i>кюб</i>	<i>көп</i> ‘много’
<i>сүйтүп</i>	<i>сөйтп</i> ‘итак, таким образом’

Такие отклонения от стандартного соответствия [Училище 1892] *ö* — лит. каз. *o* встречаются в этой книге крайне редко. Здесь приведены все найденные примеры.

Стандартное соответствие [Училище 1892] *ү* — лит. каз. *y*;

[Училище 1892] *ö* — лит. каз. *y*:

[Училище 1892] <i>ö</i>	лит. каз. <i>y</i>
<i>төзү</i>	<i>тузу</i> ‘прямая линия’
<i>жөрүбти</i>	<i>жүрүптү</i> ‘ходил’
<i>жөре-жөре</i>	<i>жүре-жүре</i> ‘со временем’
<i>өлестр</i>	<i>үлестір</i> ‘раздай’
<i>көнө-төнө</i>	<i>күні-түні</i> ‘день-ночь’
<i>өгүт</i>	<i>үгіт</i> ‘агитация, проповедь’
<i>өстүнде</i>	<i>үстінде</i> ‘наверху’

Надо отметить, что в этой книге написание *ү*- в абсолютном начале слова не перед *-й-* встречается практически только в послелого *үшүн* ‘для’. Во всех остальных случаях рефлекс **й-* регулярно записывается как *ö*-. Иллюстрации показывают, что такое написание не ограничивается позицией абсолютного начала слова, но после согласной оно встречается довольно редко (примерно в 1/5 случаев от общего количества форм с рефлексом **й* после согласной).

[Букварь 1892]

Стандартное соответствие [Букварь 1892] *и* — лит. каз. *i*;

[Букварь 1892] отсутствие гласной / *e* — лит. каз. *i*:

[Букварь 1892] отсутствие гласной	лит. каз. <i>i</i>
<i>бр-бр</i>	<i>бір-бір</i> ‘один на один’
<i>тлегиндиде</i>	<i>тілегінді де</i> ‘то, что пожелал’
<i>крзизерсн</i>	<i>кіркізерсін</i> ‘заведешь’
<i>блгеси</i>	<i>білгісі</i> ‘его знак, примета’
<i>кргеси</i>	<i>кіргісі</i> ‘его заведение, разрешение’
<i>тлек</i>	<i>тілек</i> ‘желание’
<i>ксиникин</i>	<i>кісінікін</i> ‘человеческого’

[Букварь 1892] <i>e</i>	лит. каз. <i>i</i>
<i>безин</i>	<i>біздің</i> ‘наше’
<i>езгилигине</i>	<i>ізгілігіне</i> ‘его доброте’
<i>безге</i>	<i>бізге</i> ‘нам’
<i>бетбейтин</i>	<i>бітпейтін</i> ‘не заканчивающийся’
<i>кешипейлде</i>	<i>кішіпейілде</i> ‘вежливый’

Стандартное соответствие [Букварь 1892] *ү* — лит. каз. *y*;

[Букварь 1892] *ö* — лит. каз. *y*:

[Букварь 1892] <i>ö</i>	лит. каз. <i>y</i>
<i>өйленетн</i>	<i>үйленетін</i> ‘тот, кто женится’
<i>төсүнде</i>	<i>түсінде</i> ‘во сне’
<i>дөкен</i>	<i>дүкен</i> ‘магазин’

Такие отклонения от стандартного соответствия [Букварь 1892] *ү* — лит. каз. *y* встречаются в этой книге крайне редко. Здесь приведены все найденные примеры.

[Крещение 1892]

Стандартное соответствие [Крещение 1892] *и* — лит. каз. *i*;[Крещение 1892] отсутствие гласной / *ы* — лит. каз. *i*:

[Крещение 1892] отсутствие гласной	лит. каз. <i>i</i>
<i>брак</i>	<i>бірақ</i> ‘однако’
<i>кре</i>	<i>кіре</i> ‘войдя’
<i>бр ретте</i>	<i>бір ретте</i> ‘один раз’
<i>ксининг</i>	<i>кісінің</i> ‘от человека’
<i>бздер</i>	<i>біздер</i> ‘мы’
<i>ирип</i>	<i>шіріп</i> ‘изгнивший’
<i>бреу</i>	<i>біреу</i> ‘кто-то’
<i>ксини</i>	<i>кісіні</i> ‘человека’
<i>кргиси</i>	<i>кіргісі</i> ‘вход’
<i>жберипти</i>	<i>жіберепті</i> ‘отправил’
[Крещение 1892] <i>ы</i>	лит. каз. <i>i</i>
<i>дындеш</i>	<i>діндес</i> ‘одной религии’
<i>быздыг</i>	<i>біздің</i> ‘от нас’
<i>тыпти</i>	<i>тіпті</i> ‘очень даже’

Стандартное соответствие [Крещение 1892] *ө* — лит. каз. *o*;[Крещение 1892] *о* — лит. каз. *o*:

[Крещение 1892] <i>о</i>	лит. каз. <i>o</i>
<i>созимыз</i>	<i>сөзіміз</i> ‘наши слова’
<i>кор</i>	<i>көр</i> ‘посмотри’
<i>олтырген</i>	<i>өлтірген</i> ‘убил’
<i>болсуге</i>	<i>бөлісуге</i> ‘поделиться’

Соответствие [Крещение 1892] *о* — лит. каз. *o*, встреченное всего четыре раза, частично представлено в тех же корнях, для которых имеются и стандартные написания, например, [Крещение 1892] *сөздериде* ‘его слова’ — лит. каз. *сөздері де*, [Крещение 1892] *өлип* ‘убив’ — лит. каз. *өліп*.

Нельзя исключить, что речь идет об описках, но возможно, что такие написания отражают характерное для ряда кыпчакских диалектов сдвинутое в средний ряд произношение рефлексов переднерядных огубленных [СИГТЯ 1984: 69].

Стандартное соответствие [Крещение 1892] *ү* — лит. каз. *y*;[Крещение 1892] *ө* — лит. каз. *y*:

[Крещение 1892] <i>ө</i>	лит. каз. <i>y</i>
<i>төсүндөрөңиз</i>	<i>түсіндіріңіз</i> ‘объясняйте’
<i>көшүмыз</i>	<i>күшіміз</i> ‘наша сила’
<i>жөрердинг</i>	<i>жүрердің</i> ‘от ходока’
<i>өйреттеп</i>	<i>үйретіп</i> ‘обучив’
<i>шөкөр</i>	<i>шүкір</i> ‘все хорошо’
<i>төсрып</i>	<i>түсіріп</i> ‘оставив, вывалив’
<i>өгет</i>	<i>үгіт</i> ‘проповедь, пропаганда’

Здесь необходимо обратить внимание на относительно высокую частотность написания *ө* в соответствии с лит. каз. *y*. Оказывается, что написание *ү* при лит. каз. *y* в анлауте и перед согласной *-й-* используется практически всегда, а после согласной не в составе дифтонгоида примерно в половине случаев в соответствии с лит. каз. *y* в памятнике используется *ө*. Эта ситуация прямо противоположна той, которая была отмечена для соответствий лит. каз. *y* в первом из рассмотренных памятников [Училище 1892], где, наоборот, *ө* появлялось при лит. каз. *y*, в основном, в позиции анлаута.

Стандартное соответствие [Крещение 1892] *е* — лит. каз. *e*;

[Крещение 1892] *и* — лит. каз. *е*:

[Крещение 1892] <i>и</i>	Лит. каз. <i>е</i>
<i>минен</i>	<i>менен</i> ‘от меня’
<i>иш ким-де</i>	<i>ешкім де</i> ‘никто больше’
<i>иштеме</i>	<i>ештеңе</i> ‘ничего’
<i>икянен</i>	<i>екенін</i> всп. гл. прош. вр.

Стандартное соответствие [Крещение 1892] *у* — лит. каз. *ұ*;

[Крещение 1892] *у* — лит. каз. *ұ*:

[Крещение 1892] <i>о</i>	лит. каз. <i>ұ</i>
<i>остаушылар</i>	<i>ұстаушылар</i> ‘держатели, захватчики’
<i>оста</i>	<i>ұста</i> ‘мастер, кузнец’
<i>онатпай</i>	<i>ұнатпай</i> ‘не одобрил’
<i>олы</i>	<i>ұлы</i> ‘величественный, великий’
<i>онатып</i>	<i>ұнатып</i> ‘пригласившийся’
<i>Болгар</i>	<i>Бұлгар</i> ‘Булгар’
<i>котылгандарына</i>	<i>құтылгандарына</i> ‘их освобождению’
<i>тораредим</i>	<i>тұрар едім</i> ‘жил бы’
<i>болай</i>	<i>бұлай</i> ‘так’

Анализ статистики употребления *о, у* в соответствии с лит. каз. *ұ* показывает, что в начале слова *у* для обозначения гласного звука не употребляется. В других позициях *о* в соответствии с лит. каз. *ұ* встречается довольно редко. Здесь приведены все найденные примеры.

Стандартное соответствие [Крещение 1892] *ä* — лит. каз. *ә*;

[Крещение 1892] *а* — лит. каз. *ә*:

[Крещение Руси 1892] <i>а</i>	Лит. каз. <i>ә</i>
<i>татти</i>	<i>тәтті</i> ‘сладкий’
<i>аскерин</i>	<i>әскерін</i> ‘его войско’
<i>таур</i>	<i>тәуір</i> ‘здоровый’
<i>жардемнинг</i>	<i>жәрдемнің</i> ‘его помощи’

В заключение обзора нетривиальных написаний гласных первого слога, зафиксированных в рассмотренных памятниках, можно отметить, что в первых двух книгах [Училище 1892; Букварь 1892] высокочастотные особые соответствия касаются не всех гласных фонем литературного казахского языка, а только *и* и *у*. Третья рассмотренная книга [Крещение 1892] по соответствиям графем гласных первого слога и казахского литературного языка отличается от двух первых источников. Особые соответствия в ней присутствуют не только для лит. каз. *и, у*, но и для *ұ, ө, е, ә*. При этом интересно, что соответствия лит. каз. *у* устроены принципиально иначе, чем в [Училище 1892; Букварь 1892]. Лит. каз. *у* соответствует в [Крещение 1892] в абсолютном начале слова *ü*, а в инлауте в половине случаев графеме *ö*. А в [Училище 1892], наоборот, лит. каз. *у* соответствует в начале слова *ö* (кроме высокочастотного послелога и позиции перед *-й-*), а в инлауте это соответствие встречается редко.

1.2. Гласные непервых слогов

Ниже мы в виде таблицы приведем предварительные результаты описания правил сингармонизма по лабиализации в рассмотренных книгах. К сожалению, в настоящее время полная статистика по употреблению тех или иных форм в семипалатинских книгах еще не сделана, но по приблизительным оценкам в случаях, когда поставлен +/-, и те, и другие варианты употребляются достаточно часто, см. Табл. 2.

Итак, мы видим, что отличительной чертой всех семипалатинских книг является отсутствие губной гармонии на непервых широких гласных. Но, как и по вокализму первого слога, по особенностям сингармонизма эти три книги можно разделить на две группы:

1) В [Училище 1892; Букварь 1892] встречаются огубленные варианты для узких гласных непервого слога как после узких (*у, ү*), так и после широких (*о, ö*) огубленных гласных первого слога.

2) В [Крещение 1892] огубленные варианты непервых узких гласных достаточно последовательно, значительно чаще, чем в [Училище 1892; Букварь 1892] встречаются только после узких огубленных гласных (*у, ү*) первого слога. В других позициях огубленные варианты практически не встречаются.

Таблица 2

Предварительные сведения по характеру губного сингармонизма в семипалатинских книгах

[Букварь 1892]						
		1-й узкий	1-й широкий		1-й узкий	1-й широкий
Задний ряд	Непервые узкие гласные	+ / – <i>кумус,</i> но <i>укыб</i>	+ / – <i>торсук,</i> но <i>коркыб</i>	Непервые широкие гласные	– <i>бура</i>	– <i>мола</i>
Передний ряд		+ / – <i>үйшүнши,</i> но <i>құзди</i>	+ / – <i>көңлү,</i> но <i>көршиси</i>		– <i>күнненсон</i> (1 искл. <i>мүйшө</i>)	– <i>өйленетн</i>
[Училище 1892]						
Задний ряд	Непервые узкие гласные	+ / – <i>бурулыб,</i> но <i>турмыс</i>	+ / – <i>тормусымз,</i> но <i>жолыккан</i>	Непервые широкие гласные	– <i>турамысн</i>	– <i>токта</i>
Передний ряд		+ <i>жүзүнүб</i>	+ / – <i>төзү,</i> но <i>өкиниб</i>		– <i>үлкени</i>	– <i>көрсетеди</i>
[Крещение 1892]						
Задний ряд	Непервые узкие гласные	+ <i>бурун</i>	– <i>сондыктан</i>	Непервые широкие гласные	– <i>кудай</i>	– <i>болган</i>
Передний ряд		+ / (– редко) <i>түзүл,</i> но <i>құнги</i>	– / (+ редко) <i>көзим,</i> но <i>көңдрүге</i>		– <i>құдреттерін</i>	– <i>көрсетип</i>

1.3. Согласные

Отметим также специфику написания в этих трех книгах *-n / -б* на конце слога или слова. В статье Н. Г. Шаймердиновой указано, что в семипалатинских книгах [Училище 1892; Букварь 1892] в подавляющем большинстве случаев (по первым 10 страницам около 95%) на конце слова употребляется *-б*.

Анализ первых десяти страниц книги [Крещение 1892], проведенный нами, показал, что пример замены *-n* на *-б* встречен 1 раз (с. 9: *қызықтырыб* — лит. каз. *қызықтырып* ‘интересуется’) на 80 случаев написания с *-n*, то есть в этой книге, наоборот, в 98% случаев применяется написание *-n*.

Таким образом, оказывается, что несколько статистически проявляющихся орфографических особенностей в употреблении как гласных, так и согласных графем выделяют среди рассмотренных книг памятник [Крещение 1892].

Известно при этом, что в 1892 г. было три стана Семипалатинской миссии. Два находились в Семипалатинском уезде: Центральный стан — в Семипалатинской Заречной Слободке, Мало-Владимирский стан — в селе Мало-Владимирском Семипалатинского уезда. А третий, Буконский стан — в поселке Преображенском Устькаменогорского уезда на расстоянии около 180 км от Семипалатинска. Возможно, что [Училище 1892; Букварь 1892] и [Крещение 1892] были созданы в разных уездах. Конечно, для подтверждения высказанной гипотезы следует провести полную роспись памятников, а также поискать корреляции к выделенным орфографическим особенностям в фонетике современных диалектов, для чего нужны специальные полевые исследования.

Интересно, что орфографическая система миссионерских книг, созданных в Семипалатинской области, по употреблению гласных графем значительно отличается от системы [Словарь 1897], который, вероятно, был подготовлен в Акмолинском стане.

II. Кириллическая книга на казахском языке, созданная в Акмолинской области

Мы опираемся на полный сопоставительный анализ орфографии языка «Киргизско-русского словаря» 1897 г. с современным литературным казахским языком. В ближайшее время этот словарь с параллелями будет доступен на сайте lingvodoc.ispras.ru. Анализ позволил несколько дополнить описание особенностей употребления согласных графем, проведенное Н. Г. Шаймердиновой, и предложить описание системы гласных графем в лексике.

II.1. Гласные первого слога

Таблица 3

Особенности употребления гласных первого слога в [Словарь 1897]⁶

лит. казахский	<i>i</i>	<i>ы</i>	<i>ө</i>	<i>ү</i>	<i>о</i>	<i>ұ</i>	<i>е</i>	<i>ә</i>	<i>а</i>
[Словарь 1897]	<i>u / e</i>	<i>ы</i>	<i>ö / ü</i>	<i>ÿ / ö</i>	<i>o / y / ö</i>	<i>y / o</i>	<i>e / u</i>	<i>ä / a / e</i>	<i>a / ä</i>

Стандартное соответствие [Словарь 1897] *u* — лит. каз. *i*;[Словарь 1897] *e* — лит. каз. *i*:

[Словарь 1897] <i>e</i>	Лит. каз. <i>i</i>
<i>терсек</i> <i>тереуÿш</i>	<i>тірсек</i> 'ахилловы сухожилия' <i>тіреуіш</i> 'подпорка — шестик, которым в дождик подпирают тундук, чтобы не совсем было темно'
<i>сенгір</i> <i>кешкине, кешкинтай</i>	<i>сіңір</i> 'сухожилие' <i>кішкене</i> 'маленький'

Стандартное соответствие [Словарь 1897] *ö* — лит. каз. *ө*;[Словарь 1897] *ÿ* — лит. каз. *ө*:

[Словарь 1897] <i>ÿ</i>	Лит. каз. <i>ө</i>
<i>ÿлөн</i>	<i>өлең</i> 'песня, стихотворение из четырехстишных куплетов, в которых 1, 2 и 4-й стихи оканчиваются на одну рифму; трава'
<i>ÿгöй</i> <i>тÿбöшик</i>	<i>өгей</i> 'неродной' <i>төбешік</i> 'небольшая округлая выпуклость на земле'

Стандартное соответствие [Словарь 1897] *ÿ* — лит. каз. *ү*;[Словарь 1897] *ö* — лит. каз. *ү*:

[Словарь 1897] <i>ö</i>	Лит. каз. <i>ү</i>
<i>дöкен</i>	<i>дүкен</i> 'лавка (торговая); завод, мастерская; кузница'

Стандартное соответствие [Словарь 1897] *o* — лит. каз. *о*;[Словарь 1897] *y* — лит. каз. *о*:

[Словарь 1897] <i>y</i>	Лит. каз. <i>о</i>
<i>иушка ети</i> <i>улÿжа</i>	<i>иошқа еті</i> 'свинина' <i>олÿжа</i> 'военная добыча; находка, прибыль'

Стандартное соответствие [Словарь 1897] *y* — лит. каз. *ұ*;[Словарь 1897] *o* — лит. каз. *ұ*:

[Словарь 1897] <i>o</i>	Лит. каз. <i>ұ</i>
<i>жолдузшы</i> <i>жолдуз</i> <i>богу</i>	<i>жұлдызшы</i> 'астроном' <i>жұлдыз</i> 'звезда' <i>бұғы</i> 'олень (самец, а самка марал)'

⁶ Здесь и далее в таблицах указаны только такие способы написания, на которые найдено не менее трех примеров.

Стандартное соответствие [Словарь 1897] *e* — лит. каз. *e*;

[Словарь 1897] *и* — лит. каз. *e*:

[Словарь 1897] <i>и</i>	Лит. каз. <i>e</i>
<i>шингел</i>	<i>шеңгел</i> 'гороховник или колочка'
<i>шигершин</i>	<i>шегіршін</i> 'вяз'
<i>симсер</i>	<i>семсер</i> 'меч'

Стандартное соответствие [Словарь 1897] *ä* — лит. каз. *ə*:

[Словарь 1897] *e/a* — лит. каз. *ə*:

[Словарь 1897] <i>e</i>	Лит. каз. <i>ə</i>
<i>текенпер</i>	<i>тәкәппар</i> 'гордый'
<i>беден</i>	<i>бәден</i> 'наружность'
[Словарь 1897] <i>e</i>	Лит. каз. <i>ə</i>
<i>байге-байга</i>	<i>бәйге</i> 'приз в скачках, скачка'
<i>байбіше</i>	<i>бәйбіше</i> 'старшая, первая жена, она главная хозяйка у мужа'

Стандартное соответствие [Словарь 1897] *a* — лит. каз. *a*

[Словарь 1897] *ä* — лит. каз. *a*:

[Словарь 1897] <i>ä</i>	Лит. каз. <i>a</i>
<i>кәне, кәнекей</i>	<i>қане, қанекей</i> 'Где? Покажи!'
<i>кәндел</i>	<i>қанден</i> 'собачонка'
<i>кәзир</i>	<i>қазір</i> 'сейчас, сию минуту'

Мы видим, что система записи гласных, принятая в [Словарь 1897], отличается от того, что отражают три более ранние книги, созданные в Семипалатинской области. Для слов литературного казахского языка с безударными гласными первого слога *i*, *e*, *ə*, *γ*, *o*, *γ* в говоре словаря отмечено два возможных способа написания. Фонетический аналог такому смешению можно найти в описании вокализма некоторых сибирско-татарских говоров у В. А. Богородицкого [Богородицкий 1953: 102—103]: в восточных сибирско-татарских говорах «старотюркское *ö* сузилось в *ü* средней длительности, а старотюркское *ü*, наоборот, несколько расширилось в краткое *ö*». А в западно-сибирских говорах — тарском, ишимском, туринском, тобольском и тюменском — «в закрытых корнях старотюркское *ö* сузилось в долгое *ü*, а старотюркское *ü* отражается в виде недолгого *ö*». Не исключено, что способы написания в [Словарь 1897] отражают фонетические явления, возникшие под влиянием диалектов западносибирских татар. Впрочем, что касается записи рефлекса *i через *e*, возможно и следующее объяснение: «шва» [э] ниже по подъему, чем *i*, и при использовании русской графики может отражаться именно как *e*, которое тоже ниже *i* (собственно, именно это и делает литературная татарская орфография).

II.2. Гласные непервых слогов

Любопытно соблюдение губного сингармонизма на широких гласных (после огубленных широких) (см. Табл. 4).

II.3. Согласные

Отметим также специфику написания в Словаре *-н/-б* на конце слога или слова: из пяти тысяч лексем и фраз найден только один пример такого соответствия (в арабском заимствовании): *талаб ет* 'предъявить иск' — лит. каз. *талап ету*. Очевидно, что этот признак в словаре фактически отсутствует, что выделяет его среди других кириллических книг на казахском языке, рассмотренных Н. Г. Шаймердиновой.

Итак, в вокализме, который отражает орфографическая система «Киргизско-русского словаря» 1897 г., можно усматривать определенное влияние со стороны сибирско-татарских говоров, что соответствует биографическим данным его создателей, которые жили на границе распространения казахского и сибирско-

Таблица 4

Сведения по характеру губного сингармонизма в [Словарь 1897]

		1-й узкий	1-й широкий		1-й узкий	1-й широкий
Задний ряд	Непервые узкие гласные	+ (угасает на 3-м слоге, есть негармонические аффиксы) <i>Жумус</i> , но <i>Тусшы</i> (очень редко)	+ (угасает на 3-м слоге; есть негармонические аффиксы, в общем, исключений 50%) <i>Отуз</i> , но <i>Отык</i>	Непервые широкие гласные	– <i>шунак</i>	– <i>шортан</i> (с перегласовкой <i>шушка</i> = лит. <i>шошқа</i>)
Передний ряд		+ (есть негармонические аффиксы, есть исключения) <i>Тусур</i> , но <i>түпсиз</i> (очень редко)	+ (есть негармонические аффиксы, в общем исключений ~ 25%) <i>бөлтүрүк</i> , но <i>битик</i>		+ <i>Түстөс</i> (с перегласовкой <i>бөргө</i> = лит. <i>бүрге</i>)	– (с редкими исключениями) <i>бөксе</i> , но <i>өркөн</i> (8 исключений на словарь и случаи с перегласовкой <i>үгөй</i>)

татарского языков. Словарь дает нам богатую информацию (более 5000 лексем) об одном из говоров Акмолинской области, вероятно, распространенных в районе Татарского, Атбасарского и Александровского станов.

Подводя итоги сравнения особых соответствий безударных гласных первого слога в первых трех семипалатинских книгах и словаре, созданном в Акмолинской области, можно отметить следующие отличия:

1) Явно выделяются книги [Училище 1892; Букварь 1892], в которых частотны особые написания только для лит. каз. *i*, *y*, а *-n* на конце слов примерно в 95% случаев записывается как *-б*.

2) В [Крещение 1892], как и в [Словарь 1897], двойные написания есть практически для всех гласных, а написание *-n* как *-б* практически отсутствует.

3) Существенное отличие написаний гласных в последних двух книгах заключается, во-первых, в системах сингармонизма. В [Словарь 1897] сингармонистические варианты достаточно частотны для случаев, в которых в [Крещение 1892] они отсутствуют, т. е. а) когда гласный первого слога — широкий огубленный (*o*, *ö*), а в первом слоге узкий; б) когда в первом слоге *y*, а в первом — широкий гласный. Во-вторых, отражение гласных первого слога тоже различно. В [Крещение 1892]

а) не встречается написание узких гласных *u*, *y* в соответствии с литер. *o*, *ö*;

б) не зафиксировано *e* в качестве соответствия лит. каз. *i*;

в) *o* в качестве соответствия лит. каз. *y* часто встречается в начале слова, но в других позициях зафиксировано крайне редко.

Наоборот, для [Словарь 1897] все эти способы написания (которые в принципе могут быть связаны с влиянием фонетики диалектов западносибирских татар) весьма частотны.

Таким образом, оказывается, что четыре рассмотренных книги могут отражать явления как минимум трех разных говоров.

Еще один тип орфографии, наиболее близкий к орфографии современного литературного казахского языка, представлен в [Букварь 1908].

III. Попытка анализа орфографии [Букварь 1908] в сравнении с другими миссионерскими книгами

Возможно ли определить место создания [Букварь 1908], которое по историческим данным могло быть как в Семипалатинской, так и в Акмолинской области? В ряде интернет-источников, см., например, <http://www.kazportal.kz/u-istokov-russko-kazahskogo-bilingvizma/>, указано, что он был опубликован в Оренбурге, так же, как и [Словарь 1897].

Однако на самом деле на титульном листе букваря указано, что он был опубликован в Казани, а с точки зрения орфографии он, видимо, отличается и от семипалатинских текстов, и от акмолинского первого словаря. Представляется, что [Букварь 1908], в отличие от других миссионерских книг, был написан на литературном казахском языке, формирование которого датируют второй половиной XIX в. [Аманжолов 1959].

Основная особенность [Букварь 1908]: в нем практически отсутствуют какие-либо отличия в употреблении гласных графем по сравнению с лит. каз. языком за исключением губной гармонии на узких

гласных второго слога: *осу* — лит. каз. *осы* 'это', *көз-ұм* — лит. каз. *көзім* 'мои глаза', *тұйгун* — лит. каз. *тұйғын* 'быстрый', — которая проведена в [Букварь 1908] очень последовательно, фактически без исключений, в отличие от текстов, рассмотренных выше, где встречаются примеры как с губной гармонией, так и без нее.

Таблица 5

Сведения по характеру губного сингармонизма в [Букварь 1908]

		1-й узкий	1-й широкий		1-й узкий	1-й широкий
Задний ряд	Непервые узкие гласные	+ (угасает на 3 слоге) <i>мурун</i>	+ (угасает на 3 слоге + 1 искл.) <i>мойун</i>	Непервые широкие гласные	– <i>турган</i>	– <i>тозан</i>
Передний ряд		+ (угасает на 3 слоге) <i>кұмұс</i>	+ (угасает на 3 слоге) <i>өтұн</i>		+ (25% исключений) <i>ұлқон</i> , но <i>құрметтеуі</i>	+ (50% исключений) <i>бөлмө</i> , но <i>көрген</i> (ср. случай с перегласовкой <i>өтек</i> = лит. <i>үтік</i>)

Отличия в употреблении гласных первого слога встречаются крайне редко (около 10 случаев в полной росписи [Букварь 1908]), они могут свидетельствовать о незначительном влиянии на переводчика татарского или башкирского языков, например, *уйат-ты-да* 'разбудил' вместо лит. каз. *оятты да*, *өтек* 'утюг' вместо лит. каз. *үтік*.

При этом с точки зрения употребления согласных графем [Букварь 1908] также отличается от других семипалатинских книг. В нем *-б* в ауслауте в соответствии с лит. каз. *-п* пишется только на конце деепричастий в сложных глагольных формах перед второй частью, начинающейся с гласного. Такое правило не действует ни в одной из других рассмотренных книг на казахском языке.

Как мы уже говорили выше, в литературе⁷ высказана гипотеза о том, что создателем [Букварь 1908] был В. В. Катаринский, который подготовил и первую киргизскую грамматику. Действительно, в «Грамматике...» Катаринского в явном виде прописаны упомянутые орфографические принципы [Катаринский 1906: 3—11]; кроме того, в ней довольно систематически проводится сравнение особенностей казахского («киргизского») языка с татарскими. Вместе с тем, насколько можно понять из описания и приведенных примеров [там же: 7—12 и далее в словоизменительных парадигмах], губной сингармонизм в описываемом «Грамматикой...» идиоме устроен так:

Таблица 6

О характере губного сингармонизма в [Катаринский 1906]

		1-й узкий	1-й широкий		1-й узкий	1-й широкий
Задний ряд	Непервые узкие гласные	+ (угасает на 3 слоге) <i>сусуны</i>	+ (угасает на 3 слоге; есть негармонические аффиксы) <i>токумнунг, токумды,</i> но <i>ойшы</i>	Непервые широкие гласные	– (<i>турасында,</i> <i>бура</i>)	– (<i>ойлады,</i> <i>оттан</i>)
Передний ряд		+ <i>үйшү</i>	+ <i>шөптү, көрдүм</i>		+ (<i>жүздөр, түзбөк,</i> <i>ұлқондрөк,</i> <i>кұмұстөн, үйрөк</i>)	– (<i>төкпек</i>)

Это не идентичная, хотя и близкая [Букварь 1908] система. Заметим, что она фактически совпадает с системой сингармонизма в [Словарь 1897]. Это соответствует и историческим сведениям. Консультантом по казахскому языку и в [Словарь 1897], и в [Катаринский 1906] был султан Бахтигиреев из Западного Казахстана. Можно предположить, что и В. В. Катаринский принимал участие в создании первого словаря казахского языка [Словарь 1897]. Однако эта гипотеза нуждается в дальнейшей проверке по результатам полного анализа особенностей орфографии [Катаринский 1906].

Что касается места создания (и диалектной принадлежности) [Букварь 1908], то заметим, что К. М. Мусаев в учебнике казахского языка дает следующую систему губного сингармонизма для казахского литературного произношения [Мусаев 2008: 81, 87, 90, 97]:

⁷ Первоисточник этой гипотезы нам пока найти не удалось, но она широко представлена в Интернете, например, на сайте Википедии при описании биографии В. В. Катаринского.

О характере губного сингармонизма в казахском литературном языке

		1-й узкий	1-й широкий		1-й узкий	1-й широкий
Задний ряд	Непервые узкие гласные	+ ([құлұн] ⁸ ; угасает на 3 слоге)	+ ([қолұм]; угасает на 3 слоге)	Непервые широкие гласные	–	–
Передний ряд		+ ([жүрдү]; угасает на 3 слоге)	+ ([көзүм]; угасает на 3 слоге)		+ ([үлкөн]; угасает на 3 слоге)	+ ([көзгө]; угасает на 3 слоге)

Таким образом, похоже, что вокализм как первого слога, так и непервого слогов, представленный в [Букварь 1908], практически идентичен вокализму современного литературного казахского языка. С точки зрения губного сингармонизма к литературному казахскому языку близки и другие акмолинские памятники [Словарь 1897; Катаринский 1906]. Исходя из этого, можно предположить, что [Букварь 1908] также был создан в Акмолинской области. Это косвенно подтверждает и наблюдение В. В. Радлова о том, что губной сингармонизм, свойственный современному разговорному варианту литературного казахского языка, был характерен для степных казахов⁹.

В результате полевых исследований последних трех лет, проведенных Ю. В. Норманской и У. Исабековой, были записаны десять словников из восточного (Семипалатинский, Талды-курбанский районы), центрального (Кзыл-Ординский, Аксукский, Алма-Атинский районы), южного (Джамбульский, Чимкентский районы), западного (район г. Уральска) и северного Казахстана (район г. Астана, Павлодар). Часть из них уже обработаны и доступны в Интернете по адресу <http://lingvodoc.ispras.ru/>. Остальные (западный и северный Казахстан) находятся в стадии обработки. По крайней мере данные по губному сингармонизму, имеющиеся в этих записях, подтверждают данные, полученные при описании памятников: последовательная губная гармония, соответствующая современному литературному казахскому произношению, у сельских жителей выявлена только в окрестностях городов Павлодар и Уральск. Как уже сказано выше, султан Бахтигиреев, консультировавший создателей первого киргизско-русского словаря, был из г. Уральска, а [Букварь 1908], вероятно, был создан в Александровском стане, в поселке Александровском Павлодарского уезда: из истории известно, что только в этом стане Миссии в Акмолинской области занимались переводами на казахский язык.

Выводы

Анализ употребления гласных и согласных графем в пяти кириллических книгах, подготовленных в рамках деятельности Киргизской миссии в конце XIX — начале XX вв., позволяет предположить, что они были написаны по крайней мере в четырех разных орфографических системах:

I тип представлен книгами [Училище 1892; Букварь 1892]. В них частотны особые написания только для соответствий лит. каз. *i*, *y*. Губной сингармонизм представлен только на непервых узких гласных и отражается приблизительно в 50% случаев, независимо от ряда слова и широты / узости корневого гласного. На конце слова достаточно регулярно (примерно в 95% случаев) употребляется *-b* в соответствии с лит. каз. *-n*, что может быть связано с первоначальной ориентацией на принятую для среднеазиатского турки арабскую орфографию; т. е. с тем, что в процессе создания этих книг новые орфографические принципы находились в стадии разработки.

II тип — [Крещение 1892]. Особые написания присутствуют не только для лит. каз. *i*, *y*, но и для *ү*, *ө*, *e*, *ә*. Губной сингармонизм на непервых узких гласных зафиксирован достаточно последовательно, значительно более часто, чем в [Училище 1892; Букварь 1892], но только после узких огубленных гласных (*y*, *j*) первого слога. После широких огубленных корневых гласных губной сингармонизм практически не отражается. Написание *-b* в соответствии с лит. каз. *-n* зафиксировано крайне редко.

⁸ В квадратные скобки заключена фонетическая транскрипция слова с помощью казахских букв (см. [Мусаев 2008]).

⁹ В «Фонетике севернотюркских языков» в разделе о казахском языке Радлов делает примечание ([Radloff 1882, с. 11]; под «восточнорусскими учителями» он подразумевает татар, как это написано на с. 14): «Wenn man in der Steppe im Munde einzelner Individuen *ölän* statt *ölon*, *ölgän* statt *ölgön*, *köldä* statt *köldö* hört, so ist dies durch den directen Einfluss eines schriftkundigen Lehrers aus dem östlichen Russland zu erklären. Sonst zeichnen sich die Kirgisen durch Gleichmässigkeit der Aussprache aus».

III тип — [Словарь 1897]. Особые написания в нем присутствуют для всех гласных, кроме *ы*, примерно в 20% случаев и демонстрируют сходство с татарско-башкирской рефлексацией тюркских гласных, что может объясняться влиянием соседних диалектов. Написание *-б* в соответствии с лит. каз. *-п* в исконной лексике не зафиксировано. Губной сингармонизм выглядит своеобразно: на узких гласных непервого слога он проведен последовательно после узких огубленных корневых гласных и значительно менее последовательно после широких огубленных корневых гласных; на широких гласных непервого слога — только в переднерядных словах после узкой *ү*. Похоже, что к тому же типу относится грамматика [Катаринский 1906], но этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

IV тип — [Букварь 1908]. Орфография практически совпадает с разговорной нормой современного литературного казахского языка по [Мусаев 2008].

Такое разделение коррелирует с историческими сведениями о расположении четырех центров Миссии в Семипалатинской и Акмолинской областях:

- Центральный стан, в Семипалатинской Заречной Слободке.
- Мало-Владимирский стан, в селе Мало-Владимирском Семипалатинского уезда.
- Буконский стан, в поселке Преображенском Устькаменогорского уезда.
- Александровский стан, в поселке Александровском Павлодарского уезда.

На основании исторических данных о том, что книги до 1895 г. создавались только в Семипалатинской области, I и II тип можно надежно связать со станами Семипалатинского и Устькаменогорского уездов (и предположить для них соответствующий диалектный субстрат).

Информация об участии в создании книг III типа [Словарь 1897; Катаринский 1906] султана Бахтигиреева из г. Уральска позволяет предположить, что местом создания этих книг были станы в Акмолинской области и, конкретно, Александровский стан в Павлодарском уезде.

Особенности сингармонизма в [Букварь 1908], сближающие его, с одной стороны, с современным литературным языком, с другой — с книгами III типа [Словарь 1897; Катаринский 1906] делают допустимым предположение, что местом его создания также был Александровский стан в Павлодарском уезде. Это косвенно подтверждают и наши наблюдения над современными диалектами казахского языка. Представляется также, что важно дальнейшее исследование правил сингармонизма в современных казахских диалектах и других первых кириллических книгах, которое важно для уточнения реконструкции прақыпчакского вокализма¹⁰, ср. [СИГТЯ 2002: 286—298].

Список сокращений

- акс. — аксукский говор казахского языка
 всп. гл. прош. вр. — вспомогательный глагол в прошедшем времени
 лит. каз. — литературный казахский язык
 ПКаз. — праказахский язык
 сем. — семипалатинский диалект казахского языка

Литература

- Аманжолов 1959 — Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Часть 1. Алма-Ата, 1959. {*Amanzholov S. A. Issues in the dialectology and history of the Kazakh language. Part 1. Alma-Ata, 1959.*}
- Благова 1982 — Благова Г. Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион). М., 1982. {*Blagova G. F. Turkic declination system in areal-historical interpretation (Southeast region). M., 1982.*}
- Богородицкий 1953 — Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953. {*Bogoroditskij V. A. Introduction to the Tatar linguistics in connection with other Turkic languages. Kazan', 1953.*}
- Букварь 1892 — Букварь для киргизовъ. Жазуга үйрететин кнеге. Казань, 1892. {*Primer for the Kirghiz people. Zhazuga üjretetin knege. Kazan', 1892.*}
- Букварь 1908 — Букварь для киргизъ. Букуар. Казань, 1908. {*Primer for the Kirghiz people. Bukuar. Kazan', 1908.*}

¹⁰ Нельзя исключить, что уточнение системы праказахского сингармонизма может оказаться важным не только для кыпчакского, но даже и для уточнения пратюркского сингармонизма, ср. в [Норманская 2012], когда привлечение архивных материалов, собранных во второй половине XX в. под руководством А. П. Дульзона, позволило уточнить реконструкцию вокализма в прасамодийском языке, который существовал на рубеже эр примерно в то же время, что и пратюркский.

Катаринский 1906 — *Катаринский В. В.* Грамматика киргизского языка. Фонетика, этимология и синтаксис. Оренбург, 1906. {*Katarinskij V. V.* Grammar of the Kirghiz language. Phonetics, etymology and syntax. Orenburg, 1906.}

Крещение 1892 — Аулие княз Владимир тура динге бзи де крип; орыс калкын-да кргизгени. Крещение Руси на киргизскомъ языке. Казань, 1892. {*Aulie kn'az Vladimir tura dinge bzi de krip; orys kalkyn-da krgizgeni.* Christianization of Russia in the Kirghiz language. Kazan', 1892.}

Мусаев 2008 — *Мусаев К. М.* Казахский язык. М., 2008. {*Musaev K. M.* The Kazakh language. M., 2008.}

Норманская 2006 — *Норманская Ю. В.* Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006. С. 387—436. {*Normanskaya Yu. V.* The world of plants. The trees and shrubs. Geographical localization of the ancestral homeland of Turks according to the floral vocabulary // Comparative-historical grammar of Turkic languages. Proto-Turkic language. Picture of the Proto-Turkic world according to the language. M., 2006. P. 387—436.}

Норманская 2008 — *Норманская Ю. В.* Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М., 2008. С. 119—155. {*Normanskaya Yu. V.* Geographical localization of the ancestral homeland of Turks according to the floral vocabulary // The natural environment and material culture of Proto Turkic peoples. M., 2008. P. 119—155.}

Норманская 2012 — *Норманская Ю. В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Часть II. Внешние соответствия селькупского разноместного ударения в северно-самодийских и финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. № 2 (7). 2012. С. 59—82. {*Normanskaya Yu. V.* The Proto-Samoyedic accent and its external correspondences. Part II. External correspondences of the Selkup phonological paradigmatic accent in Northern Samoyedic and Finno-Ugric languages // Ural-Altai Studies. № 2 (7). 2012. P. 59—82.}

Норманская, Шаймердинова 2016 — *Норманская Ю. В., Шаймердинова Н. Г.* Новые и архивные материалы по казахским говорам // Вопросы тюркской филологии, 2016. Вып. 11. С. 177—216. {*Normanskaya Yu. V., Shajmerdinova N. G.* New and archival materials on Kazakh patois // Issues in Turkic philology, 2016. Is. 11. P. 177—216.}

Отчет 1899 — Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896—1897 г. СПб., 1899. {The most loyal report of the Most Holy Synod's Chief Procurator K. P. Pobedonostsev about the Orthodox religion for 1896—1897. SPb., 1899.}

Отчет 1902 — Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1899 г. СПб., 1902. {The most loyal report of the Most Holy Synod's Chief Procurator K. P. Pobedonostsev about the Orthodox religion for 1899 g. SPb., 1902.}

Памятная книжка 1899 — Памятная книжка и адрес-календарь Тургайской области на 1899 год. Оренбург. 1899. {Memorial book and address-calendar of Turgay region in 1899. Orenburg. 1899.}

Савельев 2014 — *Савельев А. В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа). Дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2014. {*Savelyev A. V.* Reflection of the dialect features in old monuments of the Chuvash language of the XVIII century (on the material of Pallas's Dictionary). PhD thesis. M., 2014.}

СИГТЯ 1984 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984. {Comparative-historical grammar of Turkic languages. Phonetics. M., 1984.}

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., 2002. {Comparative-historical grammar of Turkic languages. Reconstructions of sub-families. M., 2002.}

Словарь 1897 — Киргизско-русский словарь. Оренбург, 1897. {Kirghiz-Russian dictionary. Orenburg', 1897.}

Училище 1892 — Езгиликке үйрететин кнеге. Училище благочестия на киргизскомъ языке. Издание 3. Православного Миссионерского общества. Казань, 1892. {*Ezgilikke üjretetin knege.* School of piety in the Kirghiz language. An edition of the 3rd Orthodox Missionary society. Kazan', 1892.}

Ястребов 1898 — *Ястребов И.* Миссионер Высокопреосвященнейший Владимир, архиепископ Казанский и Свияжский. Исследование по истории развития миссионерства в России. Казань, 1898. {*Jastrebov I.* Missionary Eminent Vladimir, the archbishop of Kazan and Sviyaga. A study in history of the development of missionary work in Russia. Kazan', 1898.}

Radloff 1882 — *Radloff W.* Phonetik der nördlichen Türksprachen. SPb., 1882.

РЕЗЮМЕ

Анализ употребления гласных и согласных графем в пяти кириллических книгах, подготовленных в рамках деятельности Киргизской миссии в конце XIX — начале XX вв., позволяет предположить, что они были написаны по крайней мере в четырех разных орфографических системах:

І тип представлен книгами [Училище 1892; Букварь 1892]. В них частотны особые написания только для соответствий лит. каз. *i*, *y*. Губной сингармонизм представлен только на непервых узких гласных и отражается приближи-

тельно в 50% случаев, независимо от ряда слова и широты / узости корневого гласного. На конце слова достаточно регулярно (примерно в 95% случаев) употребляется *-б* в соответствии с лит. каз. *-n*, что может быть связано с первоначальной ориентацией на принятую для среднеазиатского тюрки арабскую орфографию; т. е. с тем, что в процессе создания этих книг новые орфографические принципы находились в стадии разработки.

II тип — [Крещение 1892]. Особые написания присутствуют не только для лит. каз. *i, γ*, но и для *ү, ө, е, ө*. Губной сингармонизм на непервых узких гласных зафиксирован достаточно последовательно, значительно более часто, чем в [Училище 1892; Букварь 1892], но только после узких огубленных гласных (*y, ŷ*) первого слога. После широких огубленных корневых гласных губной сингармонизм практически не отражается. Написание *-б* в соответствии с лит. каз. *-n* зафиксировано крайне редко.

III тип — [Словарь 1897]. Особые написания в нем присутствуют для всех гласных, кроме *ы*, примерно в 20% случаев и демонстрируют сходство с татарско-башкирской рефлексацией тюркских гласных, что может объясняться влиянием соседних диалектов. Написание *-б* в соответствии с лит. каз. *-n* в исконной лексике не зафиксировано. Губной сингармонизм выглядит своеобразно: на узких гласных непервого слога он проведен последовательно после узких огубленных корневых гласных и значительно менее последовательно после широких огубленных корневых гласных; на широких гласных непервого слога — только в переднерядных словах после узкой *ү*. Похоже, что к тому же типу относится грамматика [Катаринский 1906], но этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

IV тип — [Букварь 1908]. Орфография практически совпадает с разговорной нормой современного литературного казахского языка по [Мусаев 2008].

Такое разделение коррелирует с историческими сведениями о расположении четырех центров Миссии в Семипалатинской и Акмолинской областях:

- Центральный стан, в Семипалатинской Заречной Слободке.
- Мало-Владимирский стан, в селе Мало-Владимирском Семипалатинского уезда.
- Буконский стан, в поселке Преображенском Устькаменогорского уезда.
- Александровский стан, в поселке Александровском Павлодарского уезда.

На основании исторических данных о том, что книги до 1895 г. создавались только в Семипалатинской области, I и II тип можно надежно связать со станами Семипалатинского и Устькаменогорского уездов (и предположить для них соответствующий диалектный субстрат).

Информация об участии в создании книг III типа [Словарь 1897; Катаринский 1906] султана Бахтигиреева из г. Уральска позволяет предположить, что местом создания этих книг были станы в Акмолинской области и, конкретно, Александровский стан в Павлодарском уезде.

Особенности сингармонизма в [Букварь 1908], сближающие его, с одной стороны, с современным литературным языком, с другой — с книгами III типа [Словарь 1897; Катаринский 1906] делают допустимым предположение, что местом его создания также был Александровский стан в Павлодарском уезде. Это косвенно подтверждают и наши наблюдения над современными диалектами казахского языка.

SUMMARY

Through the analysis of the use of vowels and consonants in five Cyrillic books which were published within the framework of the Kyrgyz mission at the end of 19th and beginning of the 20th century, one can suggest that they were written using at least four different spelling systems:

Type I is represented by books [School of Piety 1892, Primer for Kyrgyz People 1892]. In them, only correspondences to Lit. Kaz. *i, γ* frequently have special writings. Labial vowel harmony is presented only on the narrow non-initial vowels and reflects in approximately 50% of cases, regardless of the frontness of a word and latitude/narrowness of the root vowel. At the end of the word *-б* is used quite regularly (about 95% of cases) in concordance with Lit. Kaz. *-n*, which may be associated with initial focus on the Arabic spelling used by Central Asian Turks; i. e. with the fact that spelling principles were under development while creating these new books.

Type II — [The Baptism of Russia 1892]. Special writings are used not only for Lit. Kaz. *i, γ*, but for *ү, ө, е, ө* as well. Labial vowel harmony in the narrow non-initial vowels is fairly consistently reflected, much more often than in [School of Piety 1892, Primer for Kyrgyz People 1892], but only after narrow labial vowels (*y, ŷ*) of the first syllable. After extensive labial root vowels vowel harmony is almost never shown. Writing *-б* in concordance with Lit. Kaz. *-n* is very rare.

Type III — [Kyrgyz-Russian dictionary 1897]. Contains special writings for all vowels except *ы*, in about 20% of the cases. These writings show a resemblance to the Tatar-Bashkir reflecting the Turkic vowels, which can be attributed to the influence of neighboring dialects. Writing *-б* in concordance with Lit. Kaz. *-n* is not recorded for native vocabulary. Labial vowel harmony looks peculiar: in narrow vowels of non-initial syllables it is consistently shown after narrow labial root vowels and much less consistently after broad labial root vowels; on the broad vowels of non-initial syllables it is shown only in front vowel words after the narrow *ү*. It seems that the grammar [Katarinsky 1906] applies to the same type, but this issue needs further study.

Type IV — [Primer 1908]. Spelling is almost identical to the spoken norm of modern literary Kazakh language according to [Musaev 2008].

This scheme correlates with historical information about the location of the four Mission centers in the Semipalatinsk and Akmola regions:

- Tsentralnyj camp in Semipalatinsk Zarechnaya Slobodka.
- Malovladimirskij camp in the village of Malo-Vladimirskoje, Semipalatinskij district.
- Bukonskij camp in the village of Preobrazhenskij, Ustkamenogorskij district.
- Alexandrovskij camp, in the Alexandrovskij village, Pavlodar district.

On the basis of historical data we know that until 1895 the books were only created in the Semipalatinsk region; so types I and II can be reliably associated with the camps of Semipalatinskij and Ustkamenogorskij districts (and corresponding dialect substratum can be assumed for them).

Information that Sultan Bahtigireev from Uralsk participated in the creation of the type III books [Kyrgyz-Russian dictionary 1897; Katarinsky 1906] suggests that the place of the creation of these books were the Akmola region camps, and specifically Alexandrovskij camp in the Pavlodarskij district.

Features of vowel harmony in the [Primer 1908], which bring it together with, on one hand, the modern literary language, and on the other hand, with the type III books [Kyrgyz-Russian dictionary 1897; Katarinsky 1906] permit us to assume that the place of its creation was also Alexandrovskij camp in the Pavlodarskij district. This is indirectly confirmed by the authors' observations of the modern dialects of the Kazakh language.

Ключевые слова: тюркские языки, казахский язык, орфография, литературная норма, диалектная фонетика

Keywords: Turkic languages, Kazakh language, orthography, literary norm, phonetics of dialects

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН (Москва); adybo@mail.ru

Anna V. Dybo, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); adybo@mail.ru

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Yulia V. Normanskaya, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); julianor@mail.ru

**Charles R. Bawden. Another Tract for the Buryats
with I. J. Schmidt's recently identified Kalmuck originals.
Edited with an introduction by Hartmut Walravens.
Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. 131 Seiten
(Ч. Боуден. Еще один трактат для бурят
и недавно обнаруженные калмыцкие тексты И. Й. Шмидта.
Висбаден, 2012. 131 с.)**

В книге речь идет о христианских трактатах — переводах Евангелия для бурят и калмыков на старомонгольском и старокалмыцком языках, напечатанных в Санкт-Петербурге в первой половине XIX в. Из первого трактата, который опубликован доктором Ч. Боуденом ещё в 2009 г. (см. [Bawden 2009]), следует, что две его части были распространены среди бурят-монголов Забайкалья Эдвардом Сталлибрасом и Вильямом Своном — английскими миссионерами в Сибири, о чем они неоднократно сообщали в корреспонденции Управления Лондонского Миссионерского Общества (LMS). «Известно, — пишет Боуден, — что у этого труда была более ранняя версия, составленная на калмыцком языке И. Я. Шмидтом» (с. 17).

Вскоре доктор Г. Уолравенс обнаружил в библиотеке Вильнюсского университета второй трактат, который имеет почти то же содержание, что и первый, но в нем наблюдаются и отличия. Кроме основного корпуса вильнюсский вариант содержит дополнительный материал: переводы Десяти Заповедей, Символа Веры и Молитвы Господней. «В дальнейшем я буду называть опубликованный трактат Т-1, а вильнюсский — Т-2», — пишет Боуден и сообщает, что в Марбурге, в Западногерманской библиотеке тем же доктором Г. Уолравенсом была найдена копия Т-2. В этой библиотеке, в каталоге *Libri Mongolica*, копия указана под названием *Libr. Mongol-2*. «Это открытие привлекло наше внимание, — продолжает доктор Боуден, — к работам под номерами 3 и 4 того же каталога, и выяснилось, что *Libr. Mongol-1* была калмыцкой версией *Libr. Mongol-2*. Вильнюсский текст, *Libr. Mongol-3*, был калмыцкой версией первой части Т-1. Таким образом, мы знаем теперь местонахождение монгольского текста Т-1 и первой части его перевода на калмыцкий, а также калмыцкой и монгольской версий Т-2. Только калмыцкую версию второй части Т-1 предстоит найти, если она существовала» (2012, с. 18).

Книга Ч. Боудена снабжена введением, написанным Г. Уолравенсом. Во введении даны материалы из истории публикации указанных выше работ, содержащие любопытные сведения: поиск переводов Евангелия начался с того, что в переизданной в 2005 г. в издательстве «Харрассовиц» монографии И. Я. Шмидта [Schmidt 2005] был опубликован список трудов Шмидта, включающий переводы Евангелия на монгольский и калмыцкий языки, написанные им в первой половине XIX в. Начались поиски этих переводов (каталог Хейссига, библиотека немецкого восточного общества (Halle) и др.). Живой интерес у исследователей вызвал и вопрос о том, в какой типографии в Европе начала XIX в. можно было печатать с использованием столь экзотических шрифтов. Оказалось, что переводы И. Я. Шмидта спонсировались Российским Библейским обществом и были напечатаны в типографии Николая Греча (с 1815 по 1828 гг., если судить по имеющейся в книге библиографии, Н. Гречем издано 20 работ по христианской тематике); Джону Патерсону, как указано в письме И. Я. Шмидта, было поручено создание калмыцких шрифтов, а Фридрих Дреслер в 1815 г. напечатал «Евангелие от Матфея»..

О вопросах, связанных с изучением Т-1 и Т-2, пишет и сам автор книги: как один и тот же труд мог быть издан в двух версиях (учитывая затраты и время), а если это не так, то возникает вопрос, «могут ли Т-1 и Т-2 считаться независимыми работами просто с заимствованием значительной части материала?» Не дает ответов и обращение автора к рукописям Корнелиуса Рамна (с. 19), который «...16-го апреля читал калмыкам 2-й трактат — “Путь к счастью”». «Второй» может означать калмыцкий оригинал Т-2, считает Боуден, или вторую часть Т-1, если она существовала (см. там же).

Цель своей работы автор формулирует следующим образом: «Описать Т-2 и сравнить его, насколько это возможно, с Т-1, учитывая соответствия из калмыцкой версии» (с. 18), для чего производится сравнение обоих текстов.

Сравнение Т-1 и Т-2 доктор Боуден логично начинает с очевидного: они разные по объему, так как Т-1, в отличие от Т-2, включает в себя перевод Десяти Заповедей, Символа Веры и Молитвы Господней

(29 страниц с 26 строками на каждой за исключением нескольких в Т-1 и 25 страниц с количеством строк на каждой не более 25 — в Т-2). Подмечает автор и структурную разницу. Т-1 состоит из двух частей, Т-2 представляет собой один цельный текст, что, впрочем, не мешает автору условно делить оба текста на смысловые части: первые пять страниц каждого текста повествуют о сотворении мира и происхождении греха через нарушение Заповедей Бога. В обоих текстах сходство в этой части настолько большое, что они совпадают слово в слово. Следующие части обоих текстов, которые идут до отрывков с 25 по 28-ю страницу Т-1 и с 22 по 25-ю в Т-2, посвященных молитве, отличаются перестановками, опущениями и вставками. Различия в содержании Т-1 и Т-2 заключаются в том, что в Т-2, на с. 9—10, поднимается вопрос о происхождении и характере буддизма, ему предшествует, на с. 8, отрывок о поклонении силам природы. На с. 14—15 Т-1 И. Я. Шмидт высказывает мысли, касающиеся поклонения природе и идолам, что, по его мнению, привело к возникновению ложных богов.

Боуден, как и Уолравенс во Введении, рассуждает о времени создания обеих версий Евангелия, считая, что они могли быть изданы в одно время, хотя Т-1 датировано 1818 г., а выходные данные Т-2 неизвестны.

Большой заслугой автора книги является крайне внимательное отношение к рассматриваемым текстам: выявляются различия в переводах, особенности стиля и изложения событий. Так, в Т-1, в описании сотворения мира, автор не обнаруживает повествования о том, что произошло на седьмой день творения, и высказывает предположение, что это скорее могло быть упущением типографии, чем доктринальной ошибкой. Замечает автор и погрешности второй версии. Например, когда женщина отвечает на вопрос змея о том, что повелел Бог, она просто отвечает, что ей и мужчине запрещено есть фрукты с древа познания Добра и Зла. Ответ, как правильно подметил автор, не включает того, что, если они съедят плод, то расстанутся с жизнью. Поэтому реплика змея «Это не так, вы не умрете»¹ — «нелогична» (с. 21).

Книга отличается научной добросовестностью, она воздает должное тем, кто много трудился, чтобы христианские тексты были переведены и тот огромный заряд любви и добра, который они несут в себе, дошел до адресата. В частности, в ней называются имена скромных помощников И. Я. Шмидта — хоринских бурят Номту и Бадмы, о помощи которых сам Шмидт тепло вспоминал: «Эти люди... глубоко знают свой родной язык и диалекты... они могут читать по-тибетски с такой же легкостью, как и на монгольском. Они очень быстро поняли меня, когда я говорил на калмыцком». Далее И. Я. Шмидт выражает глубокое удовлетворение выполненной сообщаемой работой, заметив, что «никто не будет в состоянии сделать это в течение длительного времени в будущем» (с. 22).

Далее хотелось бы привести небольшой обзор справедливых и порой очень тонких замечаний, сделанных Ч. Боуденом в ходе рассмотрения переводов, и, может быть, добавить что-то от себя, если это поможет сделать описание переводов точнее.

На с. 22 автор приводит выражение *yasalang-ača nögčijü*, которому дан перевод «уйти в нирвану». Здесь можно было бы уточнить, что в дословном переводе это выражение означает ‘умереть от горя (печали, скорби)’ (*ača* — древний показатель исходного падежа). С нирваной это связано в том смысле, что по свершении столь печального события человек освобождается от страданий и тем самым погружается в нирвану, в которой нет ни горя, ни печали и скорби.

На этой же странице приведено слово *payiraγ* (*бурханы наян сайн найргийн нэр* «восемьдесят совершенств бога» [Будын шажин 2000: 159]) и его значения ‘состав’ [Schmidt 1835: 79; Цэвэл 1966: 364], ‘пропорция, симметрия’ [Kowalewski: 602], ‘совершенство’ [Jäschke 1881: 327], из которых автор выбирает тибетский перевод. Здесь можно добавить, что близкий к последнему перевод предлагает и БАМРС: «найраг... отличительные хорошие признаки» [БАМРС II: 387а].

На с. 24 автор пишет о том, что в Т-1 и Т-2 значение «второй» выражается по-разному: *qoyadyar* и *nögüge*, что допустимо. Здесь «допустимо» можно было конкретизировать тем, что *nögüge* переводится как ‘другой’.

На этой же странице слово *anggiḡirayulbai* (древний перфектный претерит) в Т-1 соотносится с *xaγacoulun* (слитное деепричастие) в LM-3. Здесь можно привести одинаковые значения этих слов в современных монгольских языках (см., например, в БАМРС: *ангилчихах* — «делить, разделять, группировать, сортировать» — том 1, с. 103а; *хагацах* — «отделять, разъединять» — том 4, с. 11а).

На с. 25 в переводе Символа веры выражение *общение святых*² употреблено как *ariyun sayibar oduysad-un nöküčel*. Слово сочетание *sayibar oduysan* переведено как «тот, кто к счастью пришел». Здесь

¹ «И сказал змей жене: нет, не умрете» (Быт. 3:4).

² В связи с тем, что перевод «Символа веры» осуществлялся по латинскому оригиналу, принятому в протестантской и католической Церкви, в нем присутствуют слова *communion of saints*, которые переведены здесь как

также можно было подчеркнуть обобщение в переводе путем параллельного буквального перевода: *sayibar* — это наречие, полученное от *sayin* ‘хороший’ + прамонгольский показатель орудного падежа *-bar*. То есть рядом употреблены два наречия образа действия: *ariyun* ‘чисто’ и *sayibar* ‘хорошим образом’. Буквальный перевод выражения *ariyun sayibar oduysad-un nöküčel* будет следующим: ‘чисто, «хорошим образом» шедших (по жизни) общение’ (ср. в современном бурятском *хайн-аар ошо-хон* — ‘хорошо ушедший’).

На с. 26: в Т-1 слова *kilinče* и *nigül* в значении ‘грех’ используются, как отмечает автор, с одинаковой частотой, в то время как в Т-2 используется только *kilinče*. Здесь, думается, вопрос в строгом и, напротив, нестрогом соблюдении стиля, и недаром это замечание автор делает в разделе *Some Stylistic Considerations*. В словарях современных монгольских языков (см., например, тот же БАМРС) *хилэнц* ‘грех’ дается с пометой *шашин*. «религ.», а вот *нүгэл* — более «светское» слово: оно этой пометы не имеет и наряду с названным имеет значение ‘зло’ (ср. *нүгэлнь нүдээрээ гарах* ‘получить возмездие за причиненное зло’ — том 2, с. 428). В западном диалекте бурятского *нүгэл* означает еще «хитрость». А вот дериват *нүгэлтэй* ‘с грехом — имеющий грех (грехи); хитрый’ отошел от первоначального значения еще дальше: *нүгэлтэй сайхан дуулав* ‘поразительно хорошо спел’, *нүгэлтэй хурдан морь* ‘изумительно быстроногий конь’ (см. там же). В последних двух примерах *нүгэлтэй* благодаря своему внутреннему эмоциональному заряду употреблено в функции модальной частицы для выражения высокой степени восхищения, оторвавшись от своего исходного значения (ср. в разг. русском *ужас как хорошо поет; ужасно быстро бегают*).

Таким образом, книга Ч. Боудена вводит в научный оборот новые, очень ранние христианские тексты, переведенные и изданные на старомонгольском и старокалмыцком языках в XIX в., имеющие ценное содержание, самобытную орфографию, грамматику, лексику и фразеологию. Особый интерес к ним вызывает тот несомненный факт, что перед нами произведения, не подверженные, как это часто бывает, влиянию китайских каллиграфических и языковых традиций. Книга снабжена приложениями с добротной выполненными переводом на английский язык и транслитерацией и, вне всякого сомнения, будет полезна при составлении исторических, сравнительных грамматик, для исторической лексикологии, лексикографических работ, а также в практике преподавания.

Литература

БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 1—4 / Отв. ред. Пюрбеев Г. Ц. М., 2001—2002. {The great academic Mongolian-Russian dictionary. Vol. 1—4 / Ed. P'urbeev G. Ts. M., 2001—2002.}

Будын шажин 2000 — Будын шажин, соёлын тайлбар толь. Улаанбаатар, 2000. {Budyn shazhin, soelyn tajlbar tol'. Ulaanbaatar, 2000.}

Цэвэл 1966 — Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар, 1966. {Tsevel Ja. Mongol helnij товч тайлбар толь. Ulaanbaatar, 1966.}

Bawden 2009 — Bawden Ch. A tract for the Buryats. Wiesbaden, 2009.

Jäschke 1881 — Jäschke H. A. A Tibetan-English dictionary. London, 1881. P.327

Kowalewski — Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. I—III. Kasan, 1844—1849. —p. 602

Schmidt 1835 — Schmidt I. J. Mongolisch-Deutsch-Russisches Wörterbuch. St. Petersburg, 1835.

Schmidt 2005 — Schmidt I. J. Leben und Werk des Pioniers der mongolischen und tibetischen Studien. Eine Dokumentation. Wiesbaden, 2005.

РЕЗЮМЕ

Рецензия посвящена книге Ч. Боудена «Трактат для бурят» (Висбаден, 2012. 131 с.), в которой речь идет о христианских трактатах — переводах Евангелия для бурят и калмыков на старомонгольский и старокалмыцкий языки, напечатанных в Санкт-Петербурге в первой половине XIX в.

«общение святых» во фразе “I believe in the Holy Spirit, the holy catholic Church, the **communion of saints**, the forgiveness of sins, the resurrection of the body, and the life everlasting. Amen” в соответствии с русским «8. И в Духа Святаго, Господа животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшего пророки. 9. Во едину Святую, **Соборную** и Апостольскую Церковь. 10. Исповедую едино крещение во оставление грехов. 11. Чаю воскресения мертвых. 12. И жизни будущаго века. Аминь».

SUMMARY

This review is devoted to the book by Ch. Bouden “A Tract for the Buryats” (Wiesbaden, 2012. 131), in which the author writes about Christian treatises — translations of the Gospel for the Buryats and Kalmyks into Written Mongolian and Old Kalmyk languages which were published in St. Petersburg in the first half of the XIX century.

Ключевые слова: автор, книга, Евангелие, бурятский язык, калмыцкий язык, монгольский язык, перевод, издатель, содержание книги

Keywords: the author, the book, Gospel, Buryat, Kalmyk, Mongolian, translation, publisher, contents of the book

Дамбуева Полина Петровна, Институт языкознания РАН (Москва); polina-dambueva@mail.ru

Polina P. Dambueva, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); polina-dambueva@mail.ru

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редакторы
С. И. Переверзева, М. К. Амелина

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editors
Svetlana Pereverzeva, Maria Amelina

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

Co-Published by Gorgias Press LLC
954 River Road Piscataway, NJ 08854 USA
Internet: www.gorgiaspress.com
Email: helpdesk@gorgiaspress.com

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >